

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

IV Смирновские чтения

Сборник трудов Всероссийской научной конференции

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Филиал Российского общества «Знание» в Чувашской Республике

Общественная палата Чувашской Республики

**ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ.
IV СМИРНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ**

Сборник трудов
Всероссийской научной конференции

Чебоксары 2019

УДК 930.1(082)

ББК 63я431

И90

Рецензенты: **Карпов Алексей Валентинович**, канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Матюшин Петр Николаевич, канд. ист. наук, заместитель декана историко-географического факультета по научной работе, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Михайлова Светлана Юрьевна, д-р ист. наук, профессор кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Музякова Алина Леонидовна, канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

**Редакционная
коллегия:**

Широков Олег Николаевич, главный редактор, д-р ист. наук, профессор, декан историко-географического факультета, член Общественной палаты Чувашской Республики

Харитонов Михаил Юрьевич, канд. ист. наук, доцент ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Иванова Татьяна Николаевна, д-р ист. наук, профессор ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Дизайн

обложки: **Фирсова Надежда Васильевна**, дизайнер

И90 **Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее. IV Смирновские чтения** : материалы Всерос. науч. конф. (Чебоксары, 1 апр. 2019 г.) / редкол.: О. Н. Широкова [и др.]. – Чебоксары: ИД «Среда», 2019. – 264 с.

ISBN 978-5-6042436-4-0

В сборнике представлены статьи участников Всероссийской научной конференции, посвященные исторической науке и образованию. В материалах сборника приведены результаты теоретических и прикладных изысканий представителей научного и образовательного сообщества в области просвещения, истории и культуры России.

ISBN 978-5-6042436-4-0
DOI 10.31483/a-53

УДК 930.1(082)

ББК 63я431

© ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», 2019

Предисловие

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова» совместно с Филиалом Российского общества «Знание» в Чувашской Республике и Общественной палатой Чувашской Республики представляют сборник трудов по итогам Всероссийской научной конференции **«Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее. IV Смирновские чтения»**.

В публикациях участников Всероссийской научной конференции нашли отражение результаты теоретических и прикладных изысканий представителей научного и образовательного сообщества в области просвещения, истории и культуры России.

По содержанию публикации разделены на основные направления:

1. Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова – «кузница» исторических кадров России.
2. Междисциплинарные исследования в современной исторической науке.
3. Социально-экономическое развитие России и Чувашского края в XVI – начале XXI вв.
4. Власть и общество в истории.

Авторский коллектив сборника представлен широкой географией: городами России (Москва, Санкт-Петербург, Барнаул, Благовещенск, Волгоград, Вологда, Йошкар-Ола, Казань, Кемерово, Оренбург, Ростов-на-Дону, Ставрополь, Тюмень, Ульяновск, Ухта, Чебоксары).

Среди образовательных учреждений выделяются следующие группы: академические учреждения (Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), университеты и институты России (Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, Амурский государственный университет, Вологодский институт права и экономики ФСИН, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Кемеровский государственный университет, Марийский государственный университет, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Оренбургский государственный институт искусств им. Л. и М. Ростроповичей, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, Ставропольский государственный педагогический институт, Тюменский государственный университет, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, Университет управления «ТИСБИ», Ухтинский государственный технический университет, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова).

Небольшая группа образовательных организаций представлена школами, а также научными учреждениями.

Участники конференции представляют собой разные уровни образования и науки от докторов и кандидатов наук ведущих вузов страны, профессоров и доцентов, аспирантов, магистрантов и студентов до преподавателей вузов и учителей школ, а также научных сотрудников.

Редакционная коллегия выражает глубокую признательность нашим уважаемым авторам за активную жизненную позицию, желание поделиться уникальными разработками и проектами, участие во Всероссийской научной конференции **«Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее. IV Смирновские чтения»**, содержание которой не может быть исчерпано. Ждем Ваши публикации и надеемся на дальнейшее сотрудничество.

Главный редактор – д-р ист. наук, проф.
Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова,
декан историко-географического факультета
Широков О.Н.

ОГЛАВЛЕНИЕ

**ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. И.Н. УЛЬЯНОВА – «КУЗНИЦА» ИСТОРИЧЕСКИХ
КАДРОВ РОССИИ**

<i>Григорьев А.Д.</i> Романов Вилорик Фёдорович – учёный и педагог высшей школы Чувашской Республики.....	9
<i>Зыкина А.П., Иванова Т.Н., Краснова М.Н.</i> Первый декан: роль А.В. Арсентьевой в становлении исторического факультета ЧГУ им. И.Н. Ульянова..	12
<i>Иванов А.Г.</i> Историк Д.М. Макаров: напутствие в науку и научное наследие	17
<i>Иванова Е.В., Михайлова С.Ю.</i> Вопросы истории и культуры Чувашии в научно-педагогическом наследии А.В. Арсентьевой.....	21
<i>Карпов А.В., Карпова О.В., Мельцов В.М.</i> Профессор М.В. Румянцев как педагог и наставник студенческой молодежи	25
<i>Радиченко А.Н.</i> Мировоззренческая и методологическая парадигма исследований В.Л. Кузьмина.....	28
<i>Селиванова С.А., Павлова А.Н.</i> К вопросу о вкладе В.Д. Димитриева в развитие Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова	32
<i>Сергеев Т.С.</i> Ученый и педагог большой души и щедрости (к 80-летию со дня рождения профессора Ю.П. Смирнова).....	35
<i>Сухова Е.В.</i> Бесстрашный рыцарь Истины (к 100-летию со дня рождения В.Л. Кузьмина)	39
<i>Таймасов Л.А.</i> Некоторые страницы жизни и научно-педагогической деятельности Д.М. Макарова	43
<i>Ткаченко Е.В.</i> Мультимедийное издание памяти Ю.П. Смирнова: опыт подготовки и перспективы использования в учебно-воспитательном процессе.....	48
<i>Широков О.Н., Харитонов М.Ю.</i> Кафедра истории СССР Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (1967–1992 гг.).....	52

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

<i>Арчакова О.Б.</i> Изучение истории становления амурской рекламы на основе анализа газеты объявлений «Амурский коммерческий посредник»....	57
<i>Бойко И.И., Музякова А.Л.</i> Научно-творческое наследие В.Е. Полежаева	60
<i>Болдырев А.С.</i> Условия жизни и охраны труда работников общественного транспорта г. Тюмени в 1975–1985 годах.....	66

<i>Григорьев А.В., Карнов А.В., Величко С.В.</i> Действие по аналогии как элемент реализации учебных умений обучающихся при изучении общественно-гуманитарных дисциплин	70
<i>Евграфова И.Н.</i> В.Л. Кузьмин – исследователь и археограф истории образования Чувашской автономии	75
<i>Зауторова Э.В.</i> Историко-педагогический анализ использования искусства в воспитательном процессе исправительных учреждений (до XIX в.) ...	79
<i>Иванова Т.Н., Андреева В.А.</i> Устная история: воспоминания Е.Г. Беляева как исторический источник	82
<i>Карнов А.В., Карнова О.В., Григорьев А.В.</i> Документационное обеспечение процесса организации научной деятельности, связанной с исследованием этнокультурного развития и межнациональных отношений в Чувашской Республике на современном этапе	86
<i>Насибуллина А.Б., Галимуллина Г.Х.</i> Семья Нигматовых в истории села Кирби Лаишевского района Республики Татарстан	89
<i>Пушина А.П., Иванова Т.Н.</i> Общая характеристика документального фонда Чувашского национального музея	93
<i>Смирнова О.А.</i> Человек труда в концепции «русского хозяина» П.Н. Савицкого	96
<i>Ткаченко В.Г.</i> Атрибуты власти как объект исторического исследования (на примере депутатских знаков и удостоверений)	99
<i>Харитонов М.Ю.</i> Историография исторической науки Чувашии (к постановке проблемы)	106

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ И ЧУВАШСКОГО КРАЯ В XVI – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

<i>Григорьев А.В.</i> Научно-техническая революция в работах В.Р. Степанова	114
<i>Ласточкин В.Б.</i> Учителя и школы Чувашии в процессе культурных преобразований первого десятилетия советского периода истории республики (1917–1927 гг.)	116
<i>Минеева Е.К.</i> Новые явления в системе образования Чувашии в первые годы советской власти	121
<i>Новикова О.Н.</i> Теоретико-методологические воззрения М.И. Ростовцева	124
<i>Олейникова Е.Г.</i> Документальные источники изучения социальной истории населенных мест России второй половины XIX – начала XX вв. (на примере Области Войска Донского)	128
<i>Павлова А.Н., Селиванова С.А.</i> Вклад Н.В. Никольского в изучение истории христианизации и христианского просвещения чувашей	131

Плотникова Е.В., Муравьева И.В. Участие профсоюзов Чувашии в подготовке рабочих кадров в период Великой Отечественной войны в трудах Б.Л. Алексеева	134
Рочева А.В. Подготовка кадров для нефтегазовой отрасли в Ухто-Печорском горном техникуме в 1930–1940 гг.	137
Салимгареев М.В., Корицунова О.Н. Тенденции отечественной историографии университетского образования на рубеже XX–XXI вв. (региональный аспект)	141
Харитонова С.Б. Вклад Н.П. Никитина в изучение вопросов внедрения женского труда и женской занятости в 1920–30-е гг. в Чувашии	145
Чибис А.А. Научные концепции С.М. Каштанова и их применение в изучении истории Среднего Поволжья середины – второй половины XVI века	152
Шилкина Ю.А. Историография научно-технического сотрудничества СССР и КНДР	155
Шумилова О.В., Шумилов А.В. Разработка и внедрение учебных программ для начальной школы в 1920-е гг. (на материалах Чувашской Республики)	160
Юстус Т.В. Организация культурно-воспитательной работы на предприятиях Чувашии в 1970–1985 гг.	163
Ялтаев Д.А. Количество праздничных дней на российских промышленных предприятиях в конце 80-х гг. XIX века	167

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ

Блиняев С.Н., Широков О.Н. Гражданские пленные на территории Чувашии в годы Первой мировой войны (на материалах Казанской и Симбирской губерний)	171
Булдыгин С.С. Военная революция как фактор европейской модернизации XVI–XVIII веков (на примере теорий У. Мак-Нила, Ч. Тилли, М. Манна)	177
Василенко О.В., Житова Е.Н. Региональные молодежные общественные организации Чувашии и их социализирующее влияние	181
Васильева О.Н. Формирование аппарата государственного управления Чувашской автономной области во второй половине 1920 года	184
Веретенников А.В. Исполнительная полиция Симбирской губернии в конце XIX – начале XX в.: обзор современной историографии	189
Горбунова Н.В. Центральная власть и дворянское общество Войска Донского в первой четверти XIX в.	192
Евдокимова А.Н. Роль союза воинствующих безбожников в борьбе с православными праздниками в Чувашской Республике в 20–30-е годы ..	197
Касимов Е.В. Взаимоотношения советской власти и сельского населения Чувашии в ходе первой кампании по ликвидации безграмотности (1920 г.)	202

Кириллова А.М. Исторические особенности развития местного самоуправления Чувашии на поселенческом уровне в XVIII–XIX вв.	207
Козырева К.И. Деятельность правоохранительных органов в Марийской АССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): проблемы историографии.....	209
Колупаев Д.В. Обеспечение законности в управлении Сибирью в XIX веке и III отделение Собственной его Императорского Величества Канцелярии	212
Краснова М.Н. Патриотическое воспитание: традиции и новаторство (на примере ЧГУ им. И.Н. Ульянова).....	217
Левин В.И. Представители Министерства путей сообщения в Государственной Думе 1905–1917 гг.	220
Лобок Д.В. «Мы не кисейные барышни!» (Ксенинский институт в период Первой русской революции 1905–1907 гг.).....	224
Матюшин П.Н. Материалы И.Д. Кузнецова в освещении репрессивной политики 1930-х гг.	231
Муравьева И.В., Плотникова Е.В. Взгляды А.С. Артемьева на историографию Советов солдатских и крестьянских депутатов в Чувашии	234
Никитин А.А. Использование элементов перлюстрации Симбирским губернским жандармским управлением.....	238
Павлушков А.Р. Социально-исторический контекст появления государственной церкви в России.....	240
Соколова В.И. К вопросу о совершенствовании толерантных идей в межнациональных отношениях на примере развития молодежного движения в Чувашской автономной области в начале 1920-х гг.....	244
Харитонов М.Ю., Харитонова С.Б. История органов государственного и партийного контроля в Чувашии в 1920–1930-х гг. в трудах Г.Г. Можарова	248
Шумакова А.В., Яшуткин В.А. Власть: к проблеме определения сущности явления	252
Юн Л.В. Правопонимание Древнего Востока: общеправовые аспекты .	257

ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И.Н. УЛЬЯНОВА – «КУЗНИЦА» ИСТОРИЧЕСКИХ КАДРОВ РОССИИ

Григорьев Александр Дмитриевич

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

РОМАНОВ ВИЛРИК ФЁДОРОВИЧ – УЧЁНЫЙ И ПЕДАГОГ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

***Аннотация:** в статье повествуется о выдающемся учёном и педагоге, посвятившем всю свою жизнь развитию высшего образования в Чувашской Республике, докторе исторических наук, профессоре В.Ф. Романове.*

***Ключевые слова:** Чувашский педагогический институт, Чувашский государственный университет, историк, педагог, учёный, аспирантура, заведующий кафедрой.*

Десять лет прошло с того момента, как с нами нет выдающегося учёного, доктора исторических наук, профессора Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова Вилорика Фёдоровича Романова. Родился он в семье сельского интеллигента 17 января 1937 года в городе Цивильск, детство его прошло в деревне с красивым названием Синьял-Убеево Цивильского района. Первым его шагом на пути в образование и науку стало поступление на школьное отделение Цивильского педагогического училища, где у него также стала проявляться любовь к музыке, которая красной нитью пройдёт с ним через всю жизнь.

В 1960 году В.Ф. Романов закончил историко-филологический факультет Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева, здесь он получил специальность учителя истории, русского языка и литературы. Трудовая деятельность его началась с работы методистом в Чебоксарском Дворце пионеров. В последующие годы Вилорик Фёдорович трудился старшим методистом Чувашского республиканского управления профессионально-технического образования, а также инструктором, заведующим сектором Чувашского обкома ВЛКСМ, а позже и инструктором Чебоксарского городского комитета КПСС.

В 1971 году В.Ф. Романов был направлен на дальнейшее обучение в аспирантуру на кафедру КПСС Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, где им в 1973 году была защищена актуальная диссертация на соискание степени кандидата наук «Деятельность Чувашской областной организации по вовлечению трудящихся в управление промышленным строительством (1959–1965 гг.)». Как часто быва-

ет, во время обучения в аспирантуре у него завязалась дружба с Виктором Сидоровичем Порохней, выдающимся историком, в наше время он является директором Межвузовского центра по историческому образованию в технических вузах Московского авиационного института, этой дружбе он останется верен на протяжении всей своей жизни.

По возвращению на Родину в 1973 году Вилорик Фёдорович начинает работу в Чувашском государственном педагогическом институте им. И.Я. Яковлева сначала старшим преподавателем, а с 1975 года доцентом кафедры истории КПСС. В 1978 году В.Ф. Романов заслуженно становится заведующим этой кафедры и будет занимать эту должность до 1983 года, второй раз он возглавит её в 1993 году и будет руководителем до 2006 года. В этот период кафедра поменяла название и стала кафедрой истории. Перед тем как возглавить кафедру повторно в 1993 году в Московском педагогическом государственном университете им. В.И. Ленина им была защищена диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук по специальности 07.00.01 – История общественных движений и политических партий на тему: «Партийно-государственное руководство деятельностью инженерно-технической интеллигенции в 1970–1980-е гг. (на материалах предприятий промышленности Российской Федерации)».

Будучи профессором кафедры Вилорик Фёдорович активно реализовывал свой научный потенциал, так областью его научных исследований стали: история индустриального развития, как региона, так и страны в целом, подготовка кадров для отраслей экономики и внедрение достижений науки и техники на предприятиях. Всего им было опубликовано свыше 60 научных трудов и 2 монографии, самыми значимыми его работами стали: Учись управлять производством. Ч., 1985; ИТР и промышленность Российской Федерации: опыт, проблемы. Ч., 1991; Промышленность Российской Федерации и подготовка инженерных кадров. Ч., 2004 [1, с. 580, 581]. В 1995 году Всероссийской аттестационной комиссией В.Ф. Романову было присвоено звание профессора по кафедре истории, а в 1996 году ему было присвоено почётное звание «Заслуженный работник образования Чувашской Республики». Необходимо отметить, что его трудолюбие, талант, безмерная любовь к работе были достойно оценены.

Свой огромный научный потенциал он стремился передать ученикам, с этой целью он открывает в Чувашском государственном педагогическом университете аспирантуру со специальности 07.00.02 Отечественная история. На протяжении многих лет он являлся членом совета по защите докторских и кандидатских диссертаций ДМ 212.301.05 при Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова, последний раз он был включён в его состав приказом Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки №2048-1276 от 19.10.2007. Под его непосредственным руководством были защищены три диссертации на соискание кандидата исторических наук.

После того как в 2006 году в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова на историческом факультете произошла реорганизация кафедр, ему было предложено возглавить кафедру Отечественной истории XX–XXI веков, переход на новое место работы из педагогического университета, которому он отдал более тридцати лет жизни был психологически сложным шагом, но Вилорик Фёдорович не боялся

перемен и до 2008 года будет возглавлять эту кафедру. Коллектив кафедры встретил нового заведующего с воодушевлением, Вилорик Фёдорович был очень открытым в внушающем доверие человеком, поэтому ему достаточно быстро удалось завоевать доверие коллег. Кафедра была небольшой, и состояла из восьми преподавателей. Вновь возглавленную кафедру необходимо было развивать, с чем В.Ф. Романов благополучно справлялся. За тот короткий промежуток времени на историческом факультете университета при его активном участии проводились конференции, семинары, в свет вышли новые сборники трудов и публикаций преподавательского состава. Учёный, как будто предчувствуя скорую болезнь самоотверженно и много работал, не жалея на это ни сил ни времени.

Творческая натура учёного была посвящена не только исторической науке, он также являлся известным в Чувашской Республике самостоятельным композитором, членом Ассоциации композиторов Чувашии. Многие музыкальные произведения композитора песенного жанра опубликованы в республиканской печати. Среди соавторов-поэтов композитора – М. Юхма, В. Давыдов-Анатри, В. Урдаш, Ю. Петров-Виръял, Л. Мартыанова, М. Румянцев. Ряд песен композитора В.Ф. Романова – «Каҫар, анне» (Прости, мама), «Лантӑш» (Ландыш), «Ҫыру» (Письмо), «Пёр эс кӑна» (Лишь ты одна), «Мӑкӑнь» (Мак). 30 из них записаны в фонд Чувашского радио и часто выходят в эфир [2, с. 166]. Нужно отметить, что талантливый человек талантлив во всём и это в полной мере касалась Вилорика Фёдоровича.

В январе 2009 года он в последний раз праздновал свой день рождения, на который к нему домой была приглашена вся кафедра Отечественной истории XX–XXI века. В тот день он много шутил, вспоминал интересные факты из своей биографии, вместе с членами своего дружного коллектива пел песни. 28 февраля 2009 году В.Ф. Романова не стало, не стало учёного, педагога, композитора, но память о нём остаётся в наших сердцах, мы помним его как доброго, порядочного и замечательного человека.

Список литературы

1. Бойко И.И. Романов Вилорик Федорович / И.И. Бойко // Чувашская энциклопедия. – Чебоксары, 2009. – Т. 3. – С. 580–581.
2. Сергеев Т.С. Вилорик Фёдорович Романов – историк, педагог / Т.С. Сергеев // Чувашский гуманитарный вестник. – 2017. – №12. – С. 161–167.

Зыкина Алевтина Петровна

канд. пед. наук, доцент

Иванова Татьяна Николаевна

д-р ист. наук, профессор

Краснова Марина Николаевна

канд. филос. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПЕРВЫЙ ДЕКАН: РОЛЬ А.В. АРСЕНТЬЕВОЙ В СТАНОВЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЧГУ ИМ. И.Н. УЛЬЯНОВА

***Аннотация:** в данной статье рассматривается история образования и развития исторического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова в 1990-е гг. Анализируется роль его первого декана Анны Васильевны Арсентьевой в перестройке исторического образования, разработке новых планов, открытии новых специальностей и кафедр. Подчеркивается инновационность ее организаторской деятельности и значение ее личностных качеств в складывании профессорско-преподавательского коллектива нового факультета.*

***Ключевые слова:** исторический факультет, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Анна Васильевна Арсентьева, модернизация исторического образования.*

В современной науке неоднократно подчеркивалась особая роль личности в становлении университетского образования. Первый декан исторического факультета ЧГУ им. И.Н. Ульянова А.В. Арсентьева (1954–2007) была признана «харизматическим лидером», «лицом факультета и университета», «символом нашего факультета» [10, с. 275]. О начале жизненного пути простой сельской девушки написано немало [8 и др.]. В данной статье мы проанализируем ее роль в становлении и развитии исторического факультета в 1990-е гг.

С Чувашским государственным университетом была связана вся сознательная жизнь Анны Васильевны. В 1972 г. она стала его студенткой. На историко-филологическом факультете в те годы работали видные чувашские ученые [11]. В студенческие годы она сразу обратила на себя внимание как отличница, активистка профсоюза, солистка концертов художественной самодеятельности, победительница студенческих научных конференций. После окончания университета она осталась здесь старшим лаборантом кафедры истории СССР, а в 1979 г. стала ассистентом. В 1980–1983 гг. она училась в очной аспирантуре Ленинградского госуниверситета. Здесь она набиралась мастерства ученого и педагога у таких выдающихся ученых, как В.В. Мавродин, И.Я. Фроянов, В.А. Овсянкин, В.Е. Полетаев, Р.Г. Скрынников. После успешной защиты кандидатской диссертации по теме «Общественно-политическая активность рабочих Чувашской АССР в годы восьмой и девятой пятилеток» она навсегда вернулась в родной университет.

Анна Васильевна сразу же зарекомендовала себя как хороший организатор учебного процесса на факультете, как замечательный педагог и лектор. Если в аспирантуре Анна Васильевна специализировалась по истории России XX века, то в ЧГУ по причине отсутствия на кафедре специалистов ей пришлось перейти на преподавание отечественной истории с древнейших времен по XVIII в.

Организаторские и лидерские качества молодого доцента быстро заметили как руководство факультета, так и университета. В 1983–1985 гг. наряду с преподавательской деятельностью А.В. Арсентьева выполняла административную работу, являясь заместителем заведующего подготовительным отделением ЧГУ. А в 1985 г. она была назначена заместителем декана историко-филологического факультета. Деканом факультета с 1983 г. являлся известный чувашевед, профессор И.А. Андреев, который всецело доверил дела на историческом отделении А.В. Арсентьевой и очень ценил ее организаторские качества. Именно в эти годы она приобрела тот бесценный опыт, который так пригодился ей в дальнейшем.

Перестройка, начавшаяся в стране, коснулась и системы высшего образования. Особое внимание стало уделяться гуманитаризации образования. В октябре 1990 г. было принято решение создать на базе историко-филологического факультета отдельные исторический, филологический факультеты, а также факультет чувашской филологии и культуры [9, с. 351].

В духе перестроечного времени началась компания по выборам декана нового факультета. Шесть уважаемых преподавателей выставили свои кандидатуры, предложили программы развития исторического образования в ЧГУ. 12 марта 1991 г. на заседании Совета ИФ в острой борьбе, но с заметным перевесом уверенную победу одержала Анна Васильевна Арсентьева.

На наш взгляд, это стало возможным потому, что ей удалось еще, будучи замдекана сплотить команду единомышленников. Высокая эрудиция, самообладание и уравновешенность, целеустремленность, готовность брать на себя ответственность, умение работать с людьми и коммуникабельность, инновационное мышление – все это делало Анну Васильевну признанным лидером [5, с. 127].

Историческое образование в начале 1990-х гг. находилось в глубоком кризисе и нуждалось в модернизации. Необходимо было создать новые учебные планы, новые учебно-методические пособия, новые методики преподавания. Под руководством А.В. Арсентьевой был подготовлен один из первых в стране учебный план бакалавра истории. Исторический факультет стал готовить как бакалавров, так и специалистов. Существенной чертой этого учебного плана являлось новаторское решение синхронного преподавания отечественной и зарубежной истории, что позволяло обучающимся лучше осознать закономерности всемирно-исторического процесса. Произошло и изменение содержания обучения за счет усиления гуманизации и гуманитаризации преподаваемых дисциплин [5, с. 128].

Происходило и существенное изменение структуры факультета. С 1990 г. на факультете помимо кафедр отечественной истории и всеобщей истории стала действовать третья кафедра – археологии, этнографии и региональной истории. В 1993 г. кафедра отечественной истории разде-

лилась на кафедру отечественной истории XX века и кафедру средневековой и новой истории России [9, с. 66–67].

При активном участии Анны Васильевны на историческом факультете в 1992 г. было открыто новое для университета географическое отделение. В первый год, когда набора географов еще не было, студенты-историки по желанию могли обучаться сразу по двум специальностям: «История» и «География». В числе этих первых студентов были нынешние преподаватели ИГФ О.Е. Гаврилов и Н.А. Казаков. С 1993 г. начался прием по специальности «География». В 1994 г. кафедра географии разделилась на кафедру физической географии и кафедру экономической и социальной географии.

В 1994 г. в ЧГУ были образованы новые организационные структуры – институты. Так исторический, филологический факультеты, факультет чувашской филологии и культуры и гуманитарные общеуниверситетские кафедры были объединены в составе гуманитарного института, директором которого была назначена А.В. Арсентьева.

В 1990-е гг. расширялись научные связи факультета. Ученые Марийского и Нижегородского университетов не только участвовали в научных конференциях в ЧГУ, но и читали здесь лекции студентам. В 1995–1996 гг. на историческом факультете проходил стажировку преподаватель из США Глин Ричардс. Преподаватели факультета участвовали в реализации инновационных проектов «Правовое образование в средней школе» и «Переподготовка учителей-гуманитариев».

К периоду деканства А.В. Арсентьевой относится целый ряд инициатив в сфере организации студенческого самоуправления. В это время состоялись первые альтернативные выборы президента студентов ИФ. В 1990 г. на факультете начало работу научно-публицистическое общество «Вечерний семинарий», на заседания которого всегда приходила Анна Васильевна, которая давала научную оценку прозвучавших студенческих сообщений. В 1996 г. на базе этого объединения появился «Дебат-клуб», участники которого ездили на всероссийские соревнования «Парламентские дебаты» и занимали там призовые места [6, с. 360–361].

Именно в 1990-е гг. коллектив студенческой художественной самодеятельности ИФ стал уверенно занимать призовые места на конкурсе «Студвесна». В течение всех 1990-х гг. факультет не опускался ниже третьего места на этом конкурсе [9, с. 330]. В концертах «Студвесны» принимали участие и преподаватели во главе со своим деканом. Анна Васильевна обладала прекрасным голосом и всегда солировала в хоре.

Понятно, что указанные успехи и достижения факультета были достигнуты не только усилиями декана. Тем не менее, в создании сплоченной команды решающую роль сыграли личные качества Анны Васильевны. В одном из интервью она сказала: «Занимаюсь тем, что мне нравится, что я знаю. Своей работой стараюсь приносить людям только добро, принимать решение в интересах коллектива. Всё это придаёт уверенность в жизни» (газета «Ульяновец» от 16 марта 2001 г.). Как отмечал профессор В.Д. Димитриев: «Выполняя свои административные обязанности, Анна Васильевна старалась не командовать, а помочь в работе преподавателям, сотрудникам, в учёбе – студентам и аспирантам. Декан всегда считалась с мнением возглавляемого ею коллектива» [8, с. 62–63].

Для Анны Васильевны было одинаково важно мнение преподавателей и студентов. Студенты могли подойти к ней с любыми вопросами: какую тему выбрать для научного доклада или дипломной работы, пожаловаться на несправедливое отношение преподавателя к студентам, обращались даже с личными вопросами. Иногда декан могла вызвать нерадивых студентов «на ковер», даже шутя, говорила, что в кабинете у нее висит ремень. Однако студенты никогда на нее не обижались, поскольку понимали ее материнское отношение к ним. Всех студентов факультета она знала не только по фамилии и имени, но и откуда они родом, какие достижения и трудности у них. Студентам с непростой судьбой и в сложной жизненной ситуации Анна Васильевна всегда уделяла первостепенное внимание, поддерживая и морально, и материально.

Коллеги вспоминают, что «годы деканства Анны Васильевны стали «золотым веком» исторического факультета. Благодаря ей мы выстояли в непростые годы «перестройки». С утра до вечера она была на своем рабочем месте, и двери ее кабинета никогда не закрывались... Мы гордились нашим деканом. Она достойно представляла факультет на любом уровне. Ее необыкновенное личное обаяние при любой встрече помогало решать вопрос в нашу пользу» [8, с. 85].

Анну Васильевну как руководителя всегда отличало то, что она никогда не перекладывала функции и проблемы на других. Она всегда и везде сама показывала пример того, что и как надо делать. Она вникала во все, поддерживая любую инициативу, помогая решить любую проблему.

Внешне казалось, что на факультете все спокойно и тихо, нет никаких «острых углов». Однако ей неоднократно приходилось выступать в качестве дипломата, решая возникающие профессиональные споры и даже личные конфликты преподавателей и студентов.

Как вспоминает Е.К. Минеева: «Надо сказать, что все на факультете, включая наших профессоров, с большим уважением относились к декану, ценили профессионализм, ораторское искусство, умение общаться с людьми и человеческое, поистине доброе отношение к окружающим... Нелегко занимать административную должность в университете, работая с таким разнообразным контингентом, как учёные, педагоги, студенты. Однако её энергия, высокая работоспособность, умелое руководство и доброе слово создавали особую творческую атмосферу на факультете» [8, с. 87]. Можно сказать, что её авторитет как декана был непререкаемым. С ее мнением считались все, даже такие известные ученые-историки, как П.В. Денисов, В.Д. Димитриев, Ю.П. Смирнов.

Анна Васильевна была одним из самых любимых и уважаемых преподавателей на факультете. Следует особо подчеркнуть, что она была педагогом и учителем от Бога. Неоднократно студенты-историки отмечали, что живое и образное повествование лектора переносило их в древнюю эпоху: слушатели то оказывались у стен Константинополя в составе дружины древнерусского князя Олега; то в храме Святой Софии в Киеве; то представляли Ярославну, плачущую в Путивле.

Анна Васильевна много сделала для пропаганды исторического образования в Чувашии. Очень высокой была ее роль в организации и развитии Алатырского филиала ЧГУ [7, с. 64–69]. Анна Васильевна стояла у истоков организации конференции школьников «Excelsior» и конферен-

ции-фестиваля «Юность Большой Волги», была бессменным председателем жюри по гуманитарным наукам [5, с. 130].

А.В. Арсентьева – автор более 240 работ, в том числе трех монографий и трех учебных пособий, составитель ряда хрестоматий и сборников документов по истории России и истории отечественного образования. Наиболее важными из них являются исследования по истории школьного образования в России и, в частности, в Чувашском крае [1–3]. Под ее научным руководством защищено семь кандидатских диссертаций.

Таким образом, исторический факультет, организованный в качестве самостоятельного в 1991 г., в годы деканства А.В. Арсентьевой стал одним из успешных в университете. При Анне Васильевне были заложены многие традиции, которые и сейчас сохраняются на факультете. Это, прежде всего, внимательное, человеческое отношение преподавателей к студентам, стремление с полной отдачей и на высоком уровне выполнить свою работу, поддерживая тот дух гуманизма, который был создан первым деканом.

Список литературы

1. Арсентьева А.В. История создания и основные этапы развития городских училищ Чувашского края / А.В. Арсентьева, А.П. Петрянкина // Вестник Чувашского университета. – 2006. – №6. – С. 11–17.
2. Арсентьева А.В. Учебные заведения в образовательном пространстве Чувашии конца XVIII – начала XX века / А.В. Арсентьева, А.П. Петрянкина. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. – 504 с.
3. Арсентьева А.В. Школьное образование в России в конце XVIII – начале XX вв.: Учебное пособие / А.В. Арсентьева, А.П. Петрянкина. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. – 160 с.
4. Зыкина А.П. Память об Анне Васильевне Арсентьевой в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова: анализ коммеморативных практик / А.П. Зыкина, Т.Н. Иванова // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова). – Чебоксары: ИД «Среда», 2017. – С. 63–66.
5. Иванова Т.Н. Инновационность организационно-педагогической деятельности профессора А.В. Арсентьевой / Т.Н. Иванова, С.Ю. Михайлова // Реформы и революции в России в контексте истории и образовательной практики XX–XXI вв. (к 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. – С. 127–130.
6. Иванова Т.Н. На рубеже веков: эволюция форм и направлений деятельности студенческого научного общества Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова в конце XX – начале XXI вв. / Т.Н. Иванова // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья (к 50-летию Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова). – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – С. 358–370.
7. Майорова О.Н. Анна Васильевна Арсентьева – ученый, гражданин, наставник / О.Н. Майорова, М.Н. Паравина // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова). – Чебоксары: ИД «Среда», 2017. – С. 64–69.
8. Незабудка из Поречья: биографический очерк и воспоминания об А.В. Арсентьевой / отв. ред. Л.П. Кураков. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. – 216 с.
9. Полвека на ниве образования: к 50-летию ЧГУ имени И.Н. Ульянова. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. – 374 с.

10. Широков О.Н. Анна Васильевна Арсентьева: человек, педагог, ученый, организатор образования / О.Н. Широков, Т.Н. Иванова // Университетское образование в полиэтнических регионах Поволжья (к 50-летию Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова). – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – С. 271–275.

11. Широков О.Н. Историко-филологический факультет Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова: первые годы деятельности исторического отделения / О.Н. Широков, М.А. Широкова // Вестник Чувашского университета. – 2016. – №2. – С. 149–157.

Иванов Ананий Герасимович

д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»
г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

ИСТОРИК Д.М. МАКАРОВ: НАПУТСТВИЕ В НАУКУ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

***Аннотация:** статья посвящена рассмотрению научно-педагогической деятельности известного специалиста по средневековой и новой истории России Д.М. Макарова, доцента Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова в призме личностного восприятия одного из университетских выпускников и его учеников.*

***Ключевые слова:** Чувашский государственный университет, историческое образование, Д.М. Макаров, научно-педагогическая деятельность, студенты-выпускники.*

В прошлом году исполнилось 100 лет со дня рождения Макарова Дмитрия Макаровича (02.11.1918 – 20.10.2001), специалиста по средневековой и новой истории России, ветерана высшей школы, заслуженного работника народного образования Чувашской Республики, оставившего заметный след в истории высшего образования и исторической науки.

Многим поколениям студентов-историков, коллег и преподавателей Дмитрий Макарович Макаров запомнился как прекрасный лектор, эрудированный специалист, признанный мастер вузовской педагогики, внимательный и чуткий человек, достойно прошедший суровые испытания на фронтах Великой Отечественной войны [1–3, с. 136–137].

Впервые с доцентом Д.М. Макаровым я познакомился на вступительном экзамене по истории СССР в августе 1971 г. На первом курсе нашей группы И-1–71 он читал лекции и вел семинарские занятия по истории России с древности до конца XVIII века, а позднее – спецкурс по истории крестьянских войн XVII–XVIII веков в России. Замечу, что на одной из выставок научных трудов преподавателей кафедры истории СССР мне особо запомнилась одна из работ Д.М. Макарова «Из истории марии» [4].

И не удивительно, что темой моей дипломной работы стали сюжеты, связанные с историей многонационального крестьянства Козьмодемьянского уезда конца XVIII – первой половины XIX века, выполненной под его научным руководством. Профессионализм, требовательность и чуткость в работе с дипломником во многом определили своевременное написание текста рукописи и защиту самой дипломной работы. Своего

рода напутствием в науку для меня стал отзыв Д.М. Макарова на мою дипломную работу следующего содержания:

«Отзыв о дипломной работе студента 5-го курса исторического отделения ИФФ А.Г. Иванова. «Государственные крестьяне Козьмодемьянского уезда Казанской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века». – 102 стр. машинописи.

История дореволюционного крестьянства была предметом внимания многих советских исследователей, тем не менее, обращение к истории крестьянства небольших районов, даже в пределах уездов, имеет смысл. Тем более оправдано, когда оно осуществляется на уровне дипломной работы.

Дипломная работа А.Г. Иванова – самостоятельное исследование с широким использованием исторической, этнографической литературы и неопубликованных архивных источников (фонда научного архива Чувашского ЧИН, научный рукописный фонд Марийского НИИ, фонды Центрального гос. архива Марийской АССР).

Дипломная работа состоит из введения, трех глав: 1. Экономическое развитие Козьмодемьянского уезда в конце XVIII – первой половине XIX века (по данным Генерального межевания); 2. Управление. Реформа П.Д. Киселева; 3. Крестьянские выступления, «Акрамовская война» 1842 г. и Заключение. Такую структуру мы считаем правильной и научной.

Во Введении, исходя из марксистского понимания крестьянства, как класса, кратко освещается история возникновения и развития крестьянства на Руси и оформления категории государственных крестьян. Такая же последовательность, естественно, выдержана и в историографическом обзоре. Понятно, историография, посвященная истории государственных крестьян, дана полнее и шире. Автор серьезно изучил имеющуюся по данному вопросу общесоюзную и местную историческую литературу и дал им правильную оценку [с. 6–15, 15–17]. В конце Введения характеризуются использованные в дипломной работе архивные и этнографические источники. Следует отметить, что привлечение этнографических сведений расширил и усилил источниковедческую базу и вместе с тем придал изложению живой характер.

В первой главе, посвященной социально-экономическому развитию, показаны численность населения уезда и его национальный состав, состояние сельского хозяйства и тенденции его развития, дан анализ сословно-классового строя сельского общества и г. Козьмодемьянска. Ценны и интересны сведения о структуре землевладения, доли государственных и помещичьих крестьян из чувашей и марийцев [с. 29–40], расслоении крестьянства (вопрос, спорный среди историков; автор дипломной работы держится мнения более позднего начала расслоения крестьянства – второй половины XVIII – начало XIX века [с. 41], развитии ремесла, промыслов и торговли [с. 43–55]. Глава написана с умелым использованием источников, выводы и положения обоснованные.

Логическим продолжением первой главы является вторая глава, освещающая управление государственными крестьянами до реформы П.Д. Киселева и управление, введенное по этой реформе [с. 54–74]. В первой части главы прослеживается история формирования категории государственных крестьян и правильно указывается, что «государствен-

ные крестьяне как юридически оформленное сословие появляется в начале XVIII века в связи с военными и финансовыми преобразованиями Петра I [с. 54]; показывается пестрота форм феодального гнета, установленная царизмом в Поволжском крае. Во второй части главы раскрываются цели и задачи реформы П.Д. Киселева [с. 68–74], подчеркнуто, что программа Киселева намечала «путем создания регламентированной и правильной жизни крестьян и нового управления сделать крестьян состоятельными платить подати» [с. 74], показан провал «попечительной» политики царизма.

Третья глава, освещающая крестьянские волнения в Козьмодемьянском уезде, не лишена самостоятельности и своеобразия, хотя по этой теме написано местными историками немало. В дипломной работе умело обобщен материал, история «Акрамовской» войны дополнена некоторыми новыми архивными сведениями, в целом дана правильная характеристика народным волнениям в Поволжье начала 40-х годов XIX века.

Удачно написано заключение. Выделены все важные положения и выводы.

В рассматриваемой работе дипломник А.Г. Иванов поставил перед собой задачу: «выявить особенности социально-экономической жизни государственных крестьян» Козьмодемьянского уезда, «как отражение общего процесса разложения феодально-крепостнической системы в России в конце XVIII – первой половине XIX в.». С этой задачей, нам думается, дипломник успешно справился.

Учитывая, что дипломная работа носит вполне самостоятельный характер, она написана на базе большой исторической исследовательской литературы разных направлений и неопубликованных архивных и других исторических источников, она заслуживает оценки «отлично».

Научный руководитель доц. Д.М. Макаров. 4 июня 1976 г.» (текст отзыва хранится в личном архиве автора статьи).

Думаю, что слова благодарности в адрес Д.М. Макарова сказали бы многие его выпускники и дипломники.

Занятый преподавательской работой, Д.М. Макаров значительное время уделял научной деятельности. Перу Д.М. Макарова принадлежит около 30 научных трудов по вопросам отечественной истории и методике ее преподавания. Пристальное внимание ученого привлекли такие темы как традиционные верования нерусских народов Среднего Поволжья и государственная политика христианизации в XVI–XVIII веках. Конкретно, рассматривались сюжеты, связанные с явлениями синкретизации у поволжских народов [7; 11], пережитками тотемизма у чуваш [8], культом дерева у народов Поволжья и Приуралья [9]. Составной частью изучения проблемы христианизации народов Среднего Поволжья [5; 10; 12; 13] стали статьи, посвященные роли монастырей [14; 15] и новокрещенских школ [16] в осуществлении этой политики.

Особо следует обратить внимание на капитальную монографию Д.М. Макарова «Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья (XVI–XVIII вв.)», изданную в 2000 г. (ответственный за выпуск А.Г. Иванов), в которой [17] на широкой базе различного рода источников дана целостная картина взаимоотношений государственной власти и церкви в регионе Среднего Поволжья, рассмотрены основные направления прави-

тельственной политики по христианизации народов Поволжья, выявлены специфика внедрения православной веры при первых Романовых в XVII веке и особенности крещения, в том числе деятельность Новокрещенской конторы, периода абсолютизма XVIII столетия. Книга стала весомым вкладом в изучение этноконфессиональной истории средневожского региона и не потеряла своего значения и в современных условиях.

Список литературы

1. Айплатов Г.Н. Макаров Дмитрий Макарович (К 100-летию со дня рождения) / Г.Н. Айплатов, А.Г. Иванов // Марийский археографический вестник. – 2018. – №28. – С. 261–262.
2. Дмитрий Макарович Макаров // Ульяновец. – 2001. – 2 ноября.
3. Иванов А.А. Историки Марий Эл XX – начала XXI века: биобиблиографический справочник / А.А. Иванов, А.Г. Иванов. – Йошкар-Ола, 2013. – 216 с.
4. Из истории мари: Первобытнообщинный строй – период феодализма (конец XVII века): пособие для учителей. – Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1959. – 136 с.
5. Некоторые вопросы истории христианизации чуваш // Вопросы истории и историографии чувашского народа. – Чебоксары, 1970. – С. 116–150.
6. Осуществление политики царизма по христианизации чувашей в XVI–XVII вв. // Вопросы социально-экономической и политической истории Среднего Поволжья и Приуралья периода феодализма / Научная сессия: Тезисы докладов. – Чебоксары, 1973. – С. 48–51.
7. Явления синкретизма в тотемическом культе деревьев у народов Поволжья // Проблемы религиозного синкретизма и развития атеизма в современных условиях: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. – Чебоксары, 1973. – С. 35–38.
8. О пережитках тотемизма у чуваш // Вопросы истории и историографии чувашского народа. – Чебоксары, 1974. – Вып. 3. – С. 146–175.
9. Культ дерева у народов Поволжья и Приуралья // Вопросы истории и историографии чувашского народа. – Чебоксары, 1976. – Вып. 4. – С. 173–194.
10. О Михаиле Ишутове, копиисте Синода в XVIII веке, уроженце д. Атиково Свияжского уезда // Вопросы истории Чувашии. – Чебоксары, 1977. – С. 143–147.
11. Синкретические явления в древнечувашских культах в сравнительно-этнографическом освещении // Проблемы религиозного синкретизма и развития атеизма в Чувашской АССР. – Чебоксары, 1978. – С. 65–80.
12. Русское централизованное государство и христианизация нерусских народов во второй половине XVI века // Русское централизованное государство: Образование и эволюция. XV–XVIII вв. – М.: Ин-т истории АН СССР, МГУ, 1980. – С. 77–80.
13. Самодержавие и христианизация народов Поволжья во второй половине XVI – XVII вв.: учебное пособие. – Чебоксары, 1981. – 103 с.
14. Монастыри как опорные пункты христианизации народов Среднего Поволжья // История христианизации народов Среднего Поволжья и ее марксистско-ленинская оценка: Тезисы докладов. – Чебоксары, 1988. – С. 44–46.
15. Свияжский Богородицкий монастырь в иноверческом просвещении // Исторические наименования – память народа: Тезисы докладов. – Горький, 1990. – С. 83.
16. Заметки о новокрещенских школах в Поволжье в XVIII веке // Вопросы истории культуры народов Среднего Поволжья: межвузовский сборник научных трудов. – Чебоксары: Изд-во Чувашск. ун-та, 1993. – С. 22–28.
17. Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья (XVI–XVIII вв.). – Чебоксары, 2000. – 280 с.

Иванова Елена Витальевна

канд. юрид. наук, декан, доцент

Михайлова Светлана Юрьевна

д-р ист. наук, доцент, профессор

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ЧУВАШИИ В НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ А.В. АРСЕНТЬЕВОЙ

Аннотация: в статье рассмотрена проблема отражения в научно-педагогическом наследии профессора А.В. Арсентьевой вопросов истории и культуры Чувашии. Выделены основные этапы деятельности ученого в данной области исторической науки, показана динамика его научных интересов. Обобщены результаты научных изысканий, связанных с историей и культурой Чувашии. Охарактеризован вклад в сохранение и популяризацию исторических знаний о Чувашском крае. Дана оценка роли А.В. Арсентьевой в развитии региональной истории.

Ключевые слова: А.В. Арсентьева, научно-педагогическое наследие, история Чувашии, культура Чувашского края.

Развитие исторической науки в Чувашии неразрывно связано с процессом познания истории региона, его многовековой культуры. Эта особенность ярко проявляется в научно-педагогическом наследии профессора Чувашского государственного университета Анны Васильевны Арсентьевой, которая совмещала в себе сразу три ипостаси: уроженка Чувашии, представительница исторической науки Чувашии, исследовательница истории и культуры Чувашии.

А.В. Арсентьева сделала первый шаг в науку уже в студенческие годы – на третьем курсе историко-филологического факультета Чувашского государственного университета выступила на научной конференции с докладом «Порецкая учительская семинария» (спустя десятки лет она вновь вернулась к изучению истории образования в Чувашии). Ее дипломная работа «Борьба Чебоксарского завода промышленных тракторов за выпуск первых машин Т-330» (1977 г.) стала своеобразным мостиком к будущей деятельности ученого-историка.

А.В. Арсентьева внесла заметный вклад в изучение истории рабочего класса Чувашии. В начале 1980-х гг. она изучала общественно-политическую деятельность рабочего класса Чувашии в годы восьмой (1966–1970 гг.) и девятой (1971–1975 гг.) пятилеток в рамках подготовки и защиты кандидатской диссертации [1]. Анна Васильевна установила, что исследование общественно-политической активности рабочего класса отставало от изучения других сторон деятельности советских рабочих. Чтобы восполнить данный пробел, она обобщила богатый фактический материал, выявленный в Центральном государственном архиве Чувашской АССР, архиве Чувашского областного совета профессиональных союзов, Чебоксарском городском архиве, архиве Статистического управления Чувашской АССР, текущих архивах Президиума Верховного

Совета Чувашской АССР и Комитета народного контроля Чувашской АССР, дополнила традиционные исторические источники материалами статистической отчетности первичного типа.

А.В. Арсентьева показала роль рабочего класса в общественно-политической жизни Чувашской АССР в 1966–1975 гг. путем выявления изменений в численности и составе рабочего класса, анализа деятельности его представителей в партийных, профсоюзных и комсомольских организациях. Впервые в исторической науке Анна Васильевна глубоко проанализировала интернациональные связи рабочих Чувашии, направления и формы этих связей как внутри страны, так и с трудящимися зарубежных государств. Используя комплексный подход, она обосновала положение о том, что качественное улучшение состава промышленных рабочих укрепляло их ведущую роль в социально-экономическом развитии Чувашии. Наряду с этим, использование материалов историко-социологического характера позволило ей с большей, чем в традиционных-исторических исследованиях, глубиной показать связь между степенью эффективности участия рабочих в общественно-политической деятельности и возрастом, образованием, квалификацией и стажем работы.

А.В. Арсентьева уделила особое внимание роли рабочего класса в Советах. Это нашло свое выражение в исследовании участия рабочих Чувашской АССР в формировании Советов, работе постоянных комиссий и сессий Советов, их деятельности по выполнению наказов избирателей, решению хозяйственных и социальных вопросов.

Закономерным было обращение А.В. Арсентьевой к вопросу участия рабочего класса Чувашии в управлении производством. Она рассмотрела формы участия рабочих в управлении производством, обобщила деятельность партийных, профсоюзных и других общественных организаций, направленную на привлечение представителей рабочего класса к активному и непосредственному участию в этой работе.

После защиты кандидатской диссертации А.В. Арсентьева продолжила изучение истории рабочего класса Чувашии. Она уделяла большое внимание деятельности представителей рабочего класса в выборных органах власти Чувашской АССР в годы десятой пятилетки (1976–1980 гг.). В те годы реальная социалистическая демократия давала возможность рабочим быть избранными в Советы всех уровней. Народными избранниками становились действительно лучшие рабочие, самоотверженным и высокопроизводительным трудом заслужившие это право. Будучи депутатами, они реально отстаивали права и социальные гарантии широких народных масс.

В разрезе проблематики рабочей молодежи промышленных предприятий Чувашии А.В. Арсентьева подробно и исторически объективно описывала трудовые почины рабочей молодежи в 1960–1970-е гг., в том числе встречные планы, многосторонние договоры смежников, индивидуальные планы повышения производительности труда, работу с личным клеймом качества. Из-под пера исследователя вышли работы, в которых глубоко научно и вместе с тем эмоционально были раскрыты участие молодых рабочих в избирательных кампаниях, активная работа юношей и девушек в избирательных комиссиях, деятельность в группах народного контроля, работа по внедрению новой техники, борьба за укрепление трудовой дисциплины.

С середины 1980-х гг. А.В. Арсентьева стала заниматься изучением истории образования в Чувашии. Первоначально речь шла об истории профессионально-технического образования. Анна Васильевна исследовала деятельность профессионально-технических училищ по подготовке кадров молодых рабочих с момента их создания. Затем научные интересы сместились в сторону истории высшей школы Чувашии. В 1990-е гг. ученый обратился к проблеме истории народного образования Чувашии. Как результат, в 1997 г. вышла в свет «История Алатырской женской гимназии».

Следует отметить, что вопросы становления и развития системы образования на территории Чувашской Республики в течение долгого времени были слабо изучены. Основываясь на богатом архивном материале, Анна Васильевна поднимала ранее не исследуемые пласты народного образования. Систематизируя уже накопленный материал с новыми изысканиями, она воссоздавала комплексную картину развития образовательного пространства в Чувашии. Особое внимание в ее работах было уделено характеристике реальных и городских училищ, гимназий и духовных учебных заведений. Исследуя историю этих учебных заведений, Анна Васильевна охарактеризовала практически все этапы их развития: историю создания, процесс их функционирования и эволюцию. Она осуществила качественный анализ материально-технической базы школ, дала оценку социальному и национальному составу учащихся; рассмотрела вопросы финансирования. В исследованиях А.В. Арсентьевой было отведено особое место личностям учителей, их жизни и работе. Таким образом, ею были изучены практически все аспекты истории и деятельности учебных заведений.

В 2000-е гг. под руководством А.В. Арсентьевой были выиграны гранты Российского гуманитарного научного фонда по проблемам истории народного образования Чувашии: «Образование в Чувашском крае: теория и практика XIX века», «Учебные заведения Чувашии в образовательном пространстве России конца XVIII – начала XX вв.». По результатам выполненных исследований были опубликованы две монографии [2; 3] и десятки статей.

В своей работе по изучению истории и культуры Чувашии Анна Васильевна ориентировалась не только на научное сообщество, но и на местное сообщество. Его представители высоко оценивали результаты такого подхода: «Имея завидное чутье на все новое, Анна Васильевна трогательно и бережно относилась к прошлому, богатейшему историческому наследию, к культуре родного края. Постоянно интересовалась ходом восстановления памятников архитектуры Поречья, особенно православных храмов. Анна Васильевна, обладая удивительным ораторским талантом, просто очаровывала поречан лекциями, беседами об истории и культуре Поречья. Она прекрасно владела аудиторией. Так, на научной конференции, которая была организована в районе в честь 140-летия А.Н. Крылова, зал (директора школ, специалисты культуры, руководители организаций), затаив дыхание, слушал ее выступление о жизни и научной деятельности академика.

Анна Васильевна она не только сама непосредственно помогала, но и старалась прививать людям навыки выживания в самых трудных жизненных ситуациях. Так, в конце 20 века из-за отсутствия финансов возникла большая сложность с сохранением и содержанием учреждений культуры. Были проблемы и с музеем А.Н. Крылова – нашего славного земляка, ака-

демика – кораблестроителя, внесшего огромный вклад в развитие могучей морской державы – России. Я работала в то время начальником отдела культуры администрации района. Обратилась к Анне Васильевне с просьбой оказать содействие в сохранении мемориального музея. Она очень внимательно изучила данную проблему. Вместе мы сделали многое, чтобы память о всемирно известном человеке была сохранена для потомков. Удалось установить связи с близкими родственниками, внуками А.Н. Крылова, детьми его дочери Анны Алексеевны и ученого с мировым именем Леонида Петровича Капицы – Андреем Петровичем и Сергеем Петровичем. Анна Васильевна неоднократно приезжала в деревню Крылово вместе с преподавателями. Исторический факультет взял шефство над музеем. Удалось провести реставрационно-восстановительные работы, создать новые экспозиции. Студенты факультета во время летней практики провели косметический ремонт наружной части здания. Многие годы директор музея состоял в штате ЧГУ, являлся научным сотрудником университета» [4, с. 151–152].

А.В. Арсентьева целенаправленно приобщала к исследованию прошлого Чувашии студентов-историков, открывая тем самым для них научный мир: «Участвуя в (студенческой – *Е.И., С.М.*) научной конференции, мы учились не просто делать доклады, а с помощью Анны Васильевны делали небольшие открытия в отечественной, а чаще в региональной истории. Так, появлялись доклады, связанные с историей Алатырской городской Думы, личностью И.Я. Яковлева, промышленности и торговли в Алатырском уезде. Мы тогда еще не знали, что это темы наших будущих дипломных, даже отчасти диссертационных исследований» [5, с. 119].

Таким образом, деятельность Анны Васильевны Арсентьевой по изучению истории и культуры Чувашии была многогранной. Она несла в себе формальное и неформальное начала. Но и то и другое было реализовано профессионально.

Список литературы

1. Арсентьева А.В. Общественно-политическая деятельность рабочих Чувашской АССР в годы восьмой и девятой пятилеток: дис. ... канд. ист. наук / А.В. Арсентьева. – Ленинград, 1983. – 251 с.
2. Арсентьева А.В. Очерки истории городских училищ Чувашского края конца XVIII – начала XX вв. / А.В. Арсентьева, Т.Н. Иванова, А.П. Петрянкина. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. – 188 с.
3. Арсентьева А.В. Учебные заведения в образовательном пространстве Чувашии конца XVIII – начала XX века / А.В. Арсентьева, А.П. Петрянкина. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. – 504 с.
4. Аверьянова А.П. Патриот земли Поречкой / А.П. Аверьянова // Незабудка из Поречья: биографический очерк и воспоминания об А.В. Арсентьевой. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. – С. 150–152.
5. Майорова О.Н. Учитель от Бога / О.Н. Майорова // Незабудка из Поречья: биографический очерк и воспоминания об А.В. Арсентьевой. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. – С. 117–121.

Карпов Алексей Валентинович

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

Карпова Ольга Владимировна

старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

Мельцов Валерий Михайлович

канд. ист. наук
ФГКОУ ВО «Нижегородская академия
Министерства внутренних дел Российской Федерации»
г. Нижний Новгород, Нижегородская область

ПРОФЕССОР М.В. РУМЯНЦЕВ КАК ПЕДАГОГ И НАСТАВНИК СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

***Аннотация:** в статье освещается научно-педагогическая деятельность заслуженного работника культуры Чувашской АССР, профессора Чувашского госуниверситета М.В. Румянцева.*

***Ключевые слова:** М.В. Румянцев, профессор, Чувашский госуниверситет, научно-педагогическая деятельность.*

Михаил Васильевич Румянцев (25 октября 1930 г. – 15 июня 2007 г.) родился в небольшой деревне Мурзаево Козловского района Чувашской АССР в семье учителя. Детские и подростковые годы жизненного пути М.В. Румянцева пришлись на суровые предвоенные и военные годы. С малых лет Мише пришлось столкнуться с жизненными невзгодами. Когда ему еще не исполнилось и пяти лет, не стало отца, Василия Даниловича, выпускника Казанского университета [2, с. 6]. Вспоминая через много лет свое детство М.В. Румянцев высказался об этом следующим образом: «Знаете, наше поколение пережило трудные времена.... Мой отец очень рано ушел из жизни – сказались раны, полученные на фронтах гражданской войны. Все легло на плечи матери ...» [8, с. 14]. Закалка, полученная в годы Великой Отечественной войны учеником Карамышевской школы, занятого наравне со взрослыми нелегким трудом в колхозе, осталась важной основой на всю его жизнь. Заслуги 15-летнего Михаила были отмечены медалью «За трудовое отличие в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [4].

В 1948 г. М.В. Румянцев поступает в Чебоксарский кооперативный техникум, а затем продолжает учебу в Чувашском пединституте [4]. Период обучения на историческом отделении Чувашского государственного педагогического института с сентября 1952 г. по июнь 1955 г., по выражению его будущих коллег, А.В. Арсентьевой и Ю.П. Смирнова, стал «одним из замечательнейших моментов в жизни М.В. Румянцева» [2, с. 7]. Здесь он встречается с видными педагогами, которые прошли суровую школу Великой Отечественной войны. Среди них были декан факультета Г.В. Васильев, доценты В.Ф. Каховский, А.П. Николаев, Г.Г. Германов,

И.Е. Петров, Г.Г. Буркин, С.Г. Григорьев, Г.И. Чавка, З.И. Михайлова, Э.Л. Нитобург, Д.К. Говш и др. [2, с. 7–8]. С особой теплотой вспоминая свои студенческие годы и учителей по педагогическому институту М.В. Румянцев заявлял, что «...я могу сказать, что их надежды я пострадался оправдать, продолжить их дело, устремления...» [8, с. 14, 15].

В студенческие же годы происходит формирование жизненных позиций М.В. Румянцева. Уже через месяц после поступления в педагогический институт он вступает в ряды КПСС и активно включается в общественную работу – в комитете ВЛКСМ, в профкоме [2, с. 7, 8]. Этот период в жизни Михаила Васильевича, доктор исторических наук, профессор В.Д. Димитриев описал следующим образом: «...стройный, красивый, вежливый, корректный сотрудник деканата исторического факультета Чувашского государственного пединститута, в то же время студент-отличник, умело командующий преподавателями факультета... возмужалый комсомольский и партийный деятель, воспитатель молодежи, решивший посвятить себя науке...» [7, с. 53].

В 1961 г. М.В. Румянцева приглашают на работу в Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров ЧАССР [2, с. 9]. В 1965 г., завершив аспирантуру Московского государственного университета, М.В. Румянцев успешно защитил кандидатскую диссертацию [4].

В 1967 г. в г. Чебоксары был открыт Чувашский государственный университет. По решению областного комитета М.В. Румянцев был направлен на кафедру истории КПСС в качестве доцента, а затем возглавил ее. Работая на должности заведующего кафедрой, он принимает активное участие в организации учебного процесса в вузе, под его руководством издаются учебные программы, пособия, научные труды преподавателей [2, с. 10]. По мнению В.Д. Димитриева, на стадии становления университета М.В. Румянцев оказал «...огромную помощь ректору С.Ф. Сайкину в комплектовании и сплочении преподавательского коллектива, решении организационных, хозяйственных, социально-бытовых вопросов» [7, с. 53].

Трудясь в стенах Чувашского госуниверситета М.В. Румянцев много сил и энергии отдает общественно-политической работе. В 1968 г. М.В. Румянцев был в командировке в Югославии по линии общества «Знание», где прочитал около 20 лекций. В 1970 г. был направлен для чтения лекций по тематике «Советский образ жизни» в ФРГ [2, с. 10, 11]. Работая в должности секретаря партийного комитета университета на общественных началах с декабря 1970 г. по февраль 1973 гг. М.В. Румянцев стал один из инициаторов проведения научных конференций студенческой молодежи, создания студенческих строительных отрядов [2, с. 11].

Большое внимание в своей работе М.В. Румянцев уделял и научно-исследовательской деятельности. Круг научных интересов чувашского ученого-историка был обширен. Под его вниманием находились проблемы становления и развития партийных и комсомольских организаций Чувашии, истории рабочего класса, национальных отношений [4; 6, с. 26]. По мнению ряда современных исследователей, труды М.В. Румянцева в области исследования проблем советской молодежи не потеряли своей политической актуальности и в наши дни [5, с. 25].

Много сил профессором М.В. Румянцевым было отдано делу подготовки научных кадров. По мнению А.В. Арсентьевой и Ю.П. Смирнова,

«среди тех, кому он содействовал в подготовке диссертаций можно назвать А.Г. Улангина, Г.Г. Можарова, П.И. Степанова, В.Ф. Романова. Только за 1984–1994 гг. им было подготовлено более 10 аспирантов и соискателей. Он выступал на защитах диссертаций официальным оппонентом в Казанском, Башкирском и Горьковском университетах» [2, с. 13].

Одно из направлений деятельности М.В. Румянцева – это литературное и журналистское творчество. Им был написан целый ряд художественных произведений. Михаил Васильевич активно участвовал в подготовке молодых журналистов и писателей, выступая с лекциями и беседами на теоретических семинарах [1]. Более трех лет, с 1991 по 1994 гг., М.В. Румянцев работал редактором университетской многотиражной газеты «Ульяновец». За эти годы на ее страницах был опубликован целый ряд его репортажей, аналитических статей, очерков, острых критических выступлений [1].

В общей сложности предварительная библиография работ М.В. Румянцева (Зурная), составленная в год его 70-летнего юбилея, содержала 25 наименований книг, монографий и брошюр, 24 наименования сборников трудов, в составлении и редактировании которых он принимал участие, 397 наименований научных и литературных статей, очерков, выступлений и др. При этом почти половина из указанных работ была опубликована на чувашском языке [3].

Еще при жизни просветительская и научно-педагогическая деятельность М.В. Румянцева получила высокую оценку как со стороны руководства, так и со стороны его коллег. В 1986 г. он был удостоен звания заслуженного работника культуры Чувашской АССР. Ректор Чувашского государственного университета Л.П. Кураков в 2000 г. особо подчеркнул тот факт, что «его высокий авторитет ученого, плодотворная деятельность на научно-педагогическом поприще, прекрасный талант организатора, достойные уважения человеческие качества ярко проявились именно в Чувашском государственном университете, где он самоотверженно трудился с самых первых дней создания коллектива университета на различных ответственных должностях во имя дальнейшего становления и развития высшей школы» [7, с. 49]. Характеризуя профессиональные качества Михаила Васильевича как работника вуза, В.Д. Димитриев в свое время также заявил следующее: «Вы прославились на весь университет и на всю республику как один из лучших профессоров, как превосходный лектор, как отеческий воспитатель студенчества» [7, с. 53]. Оценивая трудовую деятельность М.В. Румянцева, заслуженный работник культуры Чувашской Республики, член Союза журналистов Российской Федерации Д.Ф. Семенов отмечал, что «...это яркий, безупречный пример служения людям, пример неизменной заботы о воспитании молодежи. Сотни и сотни юношей и девушек, Ваших воспитанников и воспитанниц с большой теплотой отзываясь о Вас как внимательном и справедливом человеке, всегда вызывающем уважение и симпатию» [7, с. 52]. Высокие научно-педагогические и нравственные качества М.В. Румянцева подчеркивали коллеги из Гамбурга, Таллина, Москвы, Нижнего Новгорода, Ульяновска, Уфы, а также его бывшие студенты и аспиранты [7, с. 50–52].

Большое трудолюбие профессора М.В. Румянцев, его умение увлечь людей и словом, и делом, заряжать их своей энергией, снискали ему славу как талантливого педагога и наставника студенческой молодежи Чувашского госуниверситета. И сегодня его ученики достойно продолжают

дело своего учителя, работая не только в стенах университета, которому он посвятил сорок лет своего жизненного и творческого пути, но и в других сферах деятельности.

Список литературы

1. Арсентьева А.В. Видный ученый, добрый наставник / А.В. Арсентьева, Ю.П. Смирнов // Ульяновец. – 2000. – 30 ноября. – С. 2.
2. Арсентьева А.В. Краткий очерк научной, учебно-педагогической и общественной деятельности / А.В. Арсентьева, Ю.П. Смирнов // М.В. Румянцев: исследователь, педагог, писатель, общественный деятель (к 70-летию со дня рождения). – Чебоксары: Чуваш. ун-т, 2000. – С. 6–13.
3. Библиография трудов Михаила Васильевича Румянцева (Зурная) // М.В. Румянцев: исследователь, педагог, писатель, общественный деятель (к 70-летию со дня рождения). – Чебоксары: Чуваш. ун-т, 2000. – С. 30–48.
4. Владимиров С. Всегда в поиске / С. Владимиров, Г. Тафаяев // Ульяновец. – 1990. – 1 ноября. – С. 1.
5. Мельцов В.М. Молодежь Чувашии в трудах М.В. Румянцева / В.М. Мельцов, М.Ю. Харитонов // М.В. Румянцев: исследователь, педагог, писатель, общественный деятель (к 70-летию со дня рождения). – Чебоксары: Чуваш. ун-т, 2000. – С. 21–25.
6. Немцева Т.В. Вклад М.В. Румянцева в разработку проблем создания национальной государственности чувашского народа / Т.В. Немцева, М.Ю. Харитонов // М.В. Румянцев: исследователь, педагог, писатель, общественный деятель (к 70-летию со дня рождения). – Чебоксары: Чуваш. ун-т, 2000. – С. 26–29.
7. Поздравления юбиляру // М.В. Румянцев: исследователь, педагог, писатель, общественный деятель (к 70-летию со дня рождения). – Чебоксары: Чуваш. ун-т, 2000. – С. 49–54.
8. Семенов И.М. Румянцев: «Учиться нужно всегда» / И. Семенов // М.В. Румянцев: исследователь, педагог, писатель, общественный деятель (к 70-летию со дня рождения). – Чебоксары: Чуваш. ун-т, 2000. – С. 14–16.

Радиченко Алексей Николаевич

канд. ист. наук, преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ИССЛЕДОВАНИЙ В.Л. КУЗЬМИНА

Аннотация: в статье показаны мировоззрение и концептуальная основа научной деятельности В.Л. Кузьмина, ее методология, верность принципу историзма, точности в воспроизведении, оценке и трактовке исторических фактов, применение марксистской диалектики к изучению разнообразных тем, в центре которых – проблема взаимоотношений и взаимной ответственности личности, общества и государства в конкретных данных условиях.

Ключевые слова: В.Л. Кузьмин, исторические исследования, методология, историзм, диалектика, познание.

Парадигма – это научная теория, исходная концептуальная схема, модель постановки и решения проблем. Она в конечном итоге определяет и характеризует мировоззренческую позицию, причем не только отдельного человека, но и тенденции, на том или ином отрезке времени господствующие в массовом сознании, а интеллектуальная активность, творческая деятельность личности их отражает, воспроизводит, развивает.

Жизненным и профессиональным принципом Василия Леонтьевича Кузьмина всегда оставалась высочайшая научная добросовестность, точность в поиске и исследовании материалов, верность правде. Но только это он считал недостаточным. Мозаика пусть даже абсолютно соответствующих действительности, но случайных, хаотичных, плохо осмысленных фактов – это еще вовсе не настоящая история, а в лучшем случае описательная фактография, чем грешат многие, жестоко страдающие нехваткой истинного профессионализма. Настоящая же историческая наука, был убежден В.Л. Кузьмин, зиждется только на прочном методологическом, историософском фундаменте. Тут он был предельно требователен и к себе, и к другим. Он защищал такой принцип: «В основу научного исследования, как требует советская историческая наука, должен быть положен фактический материал, однако это не должно превращаться в голый эмпиризм. Простое описание фактов и событий, лишенное теоретического анализа и обобщения, ведет к принижению исторической науки до уровня примитивного летописания и не дает возможности вскрыть объективные закономерности исторического развития. Историю нельзя ни ухудшать, ни улучшать. Таково основополагающее указание марксизма» [3].

Василий Леонтьевич вообще считал, что история призвана и должна дать адекватные ответы на вопросы, поставленные жизнью, а сами историки – искать истину в товарищеском сопоставлении точек зрения, в атмосфере здоровой критики и самокритики, свободной от спекуляций, эгоистических побуждений и склок. Он требовал «конкретно разрабатывать вопросы социалистического преобразования экономики и культуры народов нашей страны, более глубоко заниматься вопросами формирования, развития нового быта тружеников деревни, роли машинно-тракторных станций в подъеме сельского хозяйства, истории передовых колхозов и т. д. Эти вопросы ждут своего безотлагательного решения. Научным работникам республики также необходимо усилить связь с практикой, с работниками школ, искусства и культпросветучреждений, студентами вузов. Улучшить проведение научных сессий, теоретических конференций с привлечением широкого круга общественности» [2].

Это призыв к укреплению связи с жизнью, с ее реальными потребностями, к умелому применению в исследовании явлений в развитии, с их противоречиями боевого оружия марксизма-ленинской диалектики. Сам В.Л. Кузьмин показал образец мастерства ее творческого применения в исследовании множества конкретных проблем. В конечном итоге среди них неизменно оказывается проблема взаимоотношений и взаимной ответственности личности, общества, государства. В книге «Крестьянское движение в Чувашии в период подготовки Октябрьской революции» он подверг беспощадной критике безалаберность и безответственность аграрной и социальной политики царизма, а затем Временного правительства, доказал историческую обусловленность, неизбежность Октябрьской революции, спасшей Россию от гибели. Велик вклад Василия Леонтьевича в изучение советского периода истории родного края. Он был одним из первых историков, всерьез начавших научное изучение комплекса связанных с этим периодом проблем. В рецензии на монографию В.Н. Любимова «Социалистическое преобразование Советской Чувашии» он указал на необходимость рассматривать их с позиции диалек-

тического единства общих закономерностей социалистического строительства и особенности этого процесса в национальных республиках и областях: «Изучение и обобщение опыта борьбы народов нашей страны за социалистическое преобразование отдельных национальных республик и областей имеет громадное теоретическое и практическое значение. В национальных республиках и областях имелись специфические особенности в социалистическом преобразовании, которые необходимо отразить при обобщении опыта социалистического преобразования нашей страны в целом. Это тем более важно, когда богатейший опыт социалистического строительства в Советском Союзе успешно применяется странами народной демократии». Тут же он указал на недостаточную исследованность ряда аспектов и обозначил конкретные направления, требовавшие дальнейшей разработки: «В имеющейся литературе по указанной теме, пока что очень бедной, не охватываются все вопросы социалистического преобразования Чувашии, а излагаются лишь отдельные, отрывочные факты и события, связанные в той или иной мере с этой важной, в то же время мало исследованной проблемой» [1].

Его книги «Под знаменем великой дружбы» и «Чувашская АССР в первые годы развернутого строительства коммунизма (1959–1962 гг.)», изданные вскоре, как раз и стали серьезными шагами по пути комплексного изучения и осмысления окружающей советской действительности. Особенной убедительности В.Л. Кузьмин достиг в показе гуманизма социалистической модернизации общества, направленной на возвышение зажиточности и культуры народа, улучшение благосостояния и социального комфорта. Он подтвердил на примере родной Чувашии, что единственно только социалистический строй и советская цивилизация добились в этом деле титанических успехов, подняв народ от прозябания к звёздам.

Василий Леонтьевич стал первопроходцем ещё в одном направлении – создал первый в Чувашии вузовский учебник по историографии республики. Конечно, и раньше велись историографические исследования – В.Л. Кузьмин называет в связи с этим имена Н.В. Никольского, И.Д. Кузнецова, В.Д. Дмитриева, П.В. Денисова, В.Н. Любимова, Г.А. Варюхина, но трудная честь систематизировать всю панораму процесса наращивания исторических знаний в Чувашии выпала на его долю.

Он внес также большой вклад в развитие исторической науки, археографии, историографии, разрабатывал проблемы аграрной истории и истории революционного движения в нашей республике, установления Советской власти, строительства и упрочения строительства социализма в Чувашии, создания Чувашской национально-государственной автономии, истории ЧАССР в период Великой Отечественной войны, развития промышленности и рабочего класса Чувашии. Он автор четырёх монографий: кроме названных выше, это также книги «Борьба трудящихся Чувашии за власть Советов», «Под знаменем великой дружбы. К 40-летию образования Чувашской советской автономии», «Чувашская АССР в первые годы развернутого строительства коммунизма (1959–1962 гг.)», множество статей, рецензий. При его активном участии подготовлены и изданы уникальные сборники исторических документов и материалов «Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии» (1957), «Чува-

пия в годы Гражданской войны. Образование Чувашской автономной области» (1960), «Культурное строительство в Чувашской АССР» (в 2 томах, 1965–68), «Молодежь Чувашии на целине» (1968), «Ленин и трудящиеся Чувашии» (1970) «Чувашская АССР в период Великой Отечественной войны» (1975), «Ленин и Чувашия» (1980), «Вспоминают политбойцы» (1985).

Он внес ещё в середине пятидесятых годов большой вклад в создание двухтомного фундаментального труда «История Чувашской АССР», аналогов которому тогда не было, составил план-проспект первого тома, три главы первого и десять глав второго тома этого издания, активно участвовал в подготовке Большой советской энциклопедии, для которой написал 20 биографических очерков, редактировал и рецензировал научные сборники и монографии. Многое сделал Василий Леонтьевич и в области исследования проблем историографии: подготовил и издал в 1977 г. первое в Чувашии учебное пособие для вузов «Историография истории Советской Чувашии», опубликовал обобщающие статьи по конкретным аспектам историографии родного края, подготовил заслужившую высокий положительный отзыв академического Института истории СССР докторскую диссертацию, которую не смог защитить по состоянию здоровья.

Василий Леонтьевич справедливо считал, что без знания истории нет подлинного образования, нет культуры, нет настоящего патриотизма, что только оно дает возможность правильно понять его и объяснить современность и с научных позиций строить будущее. Он не раз цитировал мудрую мысль Пикуля: «История – это и есть наша современность. Нельзя изучить современную жизнь и познать ее политические требования к нам – без знания истории! Если человек говорит: «Я знаю историю», – это значит, что он знает и современность. Если человек говорит: «Я знаю только современность», – это значит, что он не знает ни истории, ни современности!» Этому он учил и студентов – и потому они учились с искренним интересом.

Василий Леонтьевич Кузьмин оставил и завещал нам не только научные труды, но и добросовестность, честь и верность научной методологии. Делом продолжить эти традиции – значит, лучшим образом почтить его добрую память.

Список литературы

1. Кузьмин В.Л. Книга о социалистическом преобразовании Чувашии / В.Л. Кузьмин // Советская Чувашия. – 1955. – 1 ноября.
2. Кузьмин В.Л. Поднять уровень научно-исследовательской работы / В.Л. Кузьмин // Советская Чувашия. – 1954. – 11 августа.
3. Кузьмин В.Л. Против вульгаризации и упрощенчества в изучении истории чувашского народа / В.Л. Кузьмин // Советская Чувашия. – 1955. – 15 мая.

Селиванова Светлана Александровна

канд. ист. наук, доцент

Павлова Алевтина Николаевна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

К ВОПРОСУ О ВКЛАДЕ В.Д. ДИМИТРИЕВА В РАЗВИТИЕ ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. И.Н. УЛЬЯНОВА

***Аннотация:** в статье рассматриваются векторы будущего изучения деятельности выдающегося историка Чувашии и Поволжья В.Д. Дмитриева в качестве преподавателя и организатора науки в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова.*

***Ключевые слова:** В.Д. Дмитриев, историк, источниковед, организатор науки, ЧГУ им. Ульянова.*

11 января 2019 г. исполнилось бы 95 лет со дня рождения выдающегося ученого, доктора исторических наук, профессора, ветерана Великой Отечественной войны Василия Дмитриевича Дмитриева. Он известен далеко за пределами Чувашской республики и Поволжского региона как блестящий деятель науки. Однако его преподавательская деятельность не нашла достаточного отражения в биографической литературе. Попытки осмыслить творческое наследие В.Д. Дмитриева делались еще при жизни профессора. Так, в 2004 г. его коллега – Ю.П. Смирнов (д-р ист. наук, профессор ЧГУ им. И.Н. Ульянова) – опубликовал две статьи с обзором трудов В.Д. Дмитриева [1]. В 2005 г. увидел свет сборник статей «Служение истории», первый том которого полностью посвящен биографии и научным достижениям ученого [3]. После кончины В.Д. Дмитриева Чувашским государственным институтом гуманитарных наук было выпущено мемориальное издание, посвященное в основном научным интересам В.Д. Дмитриева, а научная библиотека ЧГУ выпустила библиографический указатель его трудов [4]. Появились статьи об отдельных направлениях деятельности историка [5]. Несмотря на успешные попытки обозначить вехи научной биографии В.Д. Дмитриева, сказать, что его преподавательская деятельность и вклад в педагогику изучены и охарактеризованы, разумеется, нельзя. Ряд публикаций рассказывал о В.Д. Дмитриеве как учителе, но он носит публицистический или мемуарный характер.

Цель данной статьи – обозначить контуры, направления по которым можно собирать и обобщать материал о Василии Дмитриевиче как о преподавателе и организаторе науки, и тем самым пригласить научное сообщество к обсуждению роли и вклада В.Д. Дмитриева в развитие ЧГУ им. И.Н. Ульянова в узком смысле и университетской культуры – в широком.

На наш взгляд, первым перспективным направлением изучения может стать исследование того, как научные интересы ученого отразились на его карьере преподавателя. Следует отметить, что сфера научных проектов, проблем и тем (а вместе с ними и перечень преподаваемых впоследствии дисциплин) определился довольно рано.

В.Д. Дмитриев родился 11 января 1924 года в д. Новое Сюрбеево Цивильского района Чувашии. После окончания сельской школы поступил на исторический факультет Чувашского пединститута. Учеба была прервана Великой Отечественной войной. После демобилизации В.Д. Дмитриев продолжил учебу в пединституте. Параллельно с обучением он работал старшим лаборантом на кафедре истории Чувашского государственного педагогического института, а после окончания, в 1948 г., он стал младшим научным сотрудником в Научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, и спустя недолгое время – еще и ученым секретарем института.

Будучи сотрудником института, В.Д. Дмитриев выезжал в археологические экспедиции по Чувашской и Татарской АССР. Заинтересовавшись древней историей чувашей, Василий Дмитриевич углубился в изучение процессов этногенеза, расселения чувашей, в исследовании многих спорных малоизученных исторических проблем, в том числе и процесса присоединения чувашских земель к Российскому государству, истории городов Чувашии. В 1955 г. В.Д. Дмитриев завершил обучение в аспирантуре Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Социально-экономическое развитие Чувашии в первой половине XVIII в.» Через 13 лет В.Д. Дмитриев защитил докторскую диссертацию на тему «История Чувашии эпохи феодализма», став признанным авторитетом в области медиевистики Поволжья. По материалам проведенных исследований были написаны учебники по истории Чувашии, учебные пособия по чувашским календарям и т. д., несомненно обогатившие вузовскую библиотеку и обеспечившие высокий уровень преподавания всех дисциплин, связанных с изучением проблем исторического развития Чувашии.

Вторым, но не менее важным направлением изучения преподавательской деятельности профессора, может стать исследование того факта, что В.Д. Дмитриев стал проводником в регионе большой школы методологии и методики исторического исследования, сформированной в российской медиевистике, лицами которой были маститые и признанные ученые, такие как М.Н. Тихомиров, А.А. Зимин, П.П. Епифанов, В.В. Мавродин, Н.И. Павленко, С.О. Шмидт, С.М. Каштанов. Неслучайно именно В.Д. Дмитриева пригласили в ЧГУ в 1967 г. как специалиста по русской палеографии, исторической хронологии, русской метрологии и нумизматике, сфрагистике и геральдике, археографии, архивоведению, источниковедению, исторической географии.

Третье направление исследования преподавательской биографии В.Д. Дмитриева можно обозначить как изучение его опыта заведования университетскими кафедрами. Сначала – с 1988 г. кафедры истории СССР, и с 2000 г. – кафедры источниковедения и архивоведения, им же и организованной. При этом следует учесть, что у В.Д. Дмитриева был огромный опыт администрирования научной деятельности, так как с 1968 г.

В.Д. Дмитриев возглавлял Чувашский научно-исследовательский институт. Под руководством В.Д. Дмитриева институт проявил себя как крупный исследовательский центр: в разы увеличилось количество его сотрудников, было введено в эксплуатацию новое здание, проведены масштабные экспедиции, институт организовывал всесоюзные научные сессии. Учитывая историю становления В.Д. Дмитриева как крупного управленца, можно будет ответить на ряд вопросов. Насколько прежний административный опыт помог В.Д. Дмитриеву в управленческой работе? Как таланты и способности профессора отразились на открытии и продвижении новой специальности в ЧГУ? Все эти вопросы еще должны найти своего исследователя.

Отдельным четвертым направлением изучения должно стать, на наш взгляд, выяснение вопроса о роли В.Д. Дмитриева в развитии диссертационного совета по историческим наукам в ЧГУ им. И.Н. Ульянова. В исследовании данного сюжета перед специалистами станет широкое проблемное поле: роль диссовета в формировании научного имиджа ЧГУ им. И.Н. Ульянова, личный вклад В.Д. Дмитриева в подготовку кадров научной школы региона (в том числе и написание объемных рецензий по каждой защищавшейся в совете диссертации).

И, наконец, нельзя не упомянуть об общественной деятельности В.Д. Дмитриева в рамках университетской жизни, которая может стать предметом отдельного рассмотрения. В ракурсе данной проблемы возможно поднятие таких вопросов как: деятельность профессора в Учен. совете ЧГУ, вклад фронтовика в патриотическое воспитание и участие в работе Совета ветеранов Великой Отечественной войны, помощь в организации музея при военной кафедре ЧГУ, активная работа в Совете старейшин и многое другое.

Подводя итоги, отметим, что даже при первом приближении к изучению данной темы перед исследователем встанет целая группа проблемных вопросов, ответы на которые, скорее всего, не закроют тему, а вызовут дополнительные обсуждения роли и вклада чувашского историка В.Д. Дмитриева как в развитие Чувашского госуниверситета им. И.Н. Ульянова, так и в совершенствование системы высшего образования России и Поволжья.

Список литературы

1. Смирнов Ю.П. 80-летие В.Д. Дмитриева // Археографический ежегодник за 2004 год. – М., 2005. – С. 132–138.
2. Смирнов Ю.П. Список основных трудов В.Д. Дмитриева // Археографический ежегодник за 2004 год. – М., 2005. – С. 447–450.
3. Служение истории: сб. ст. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2005. – 198 с.
4. Дмитриев Василий Дмитриевич: ученый, педагог, общественный деятель, гражданин: сборник статей / сост. Г.А. Николаев; отв. ред. И.И. Бойко. – Чебоксары: ЧГИГН, 2013 – 252 с.
5. Дмитриев Василий Дмитриевич (1924–2013): биобиблиогр. указ. / сост.: Л.В. Петрова, Н.Д. Никитина, Е.Н. Харитоновна. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014.
6. Айплатов Г.Н. Археографическая деятельность профессора В.Д. Дмитриева // Марийский археографический вестник. – 2009. – №19. – С. 203–207.
7. Чибис А.А. Археографический опыт и эвристика профессора В.Д. Дмитриева // Марийский археографический вестник. – 2013. – №23. – С. 244–251.
8. Басманцев Д.В. Личный фонд В.Д. Дмитриева в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (краткий обзор) // Культурное наследие: интеграция информационных ресурсов региона: материалы IV межрегион. архивных чтений. – Чебоксары: Новое время, 2014. – С. 26–30.

Сергеев Тихон Сергеевич
д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
педагогический университет им. И.Я. Яковлева»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

УЧЕНЫЙ И ПЕДАГОГ БОЛЬШОЙ ДУШИ И ЩЕДРОСТИ (К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА Ю.П. СМИРНОВА)

***Аннотация:** статья, написанная в основном на воспоминаниях одного из бывших учителей и коллег Юрия Петровича Смирнова, раскрывает такие черты характера и поведения юбиляра, как исключительное трудолюбие, преданность исторической науке, приверженность к научной и педагогической деятельности, открытость и доброжелательность, готовность оказывать помощь окружающим, любовь к своим родственникам и близким.*

***Ключевые слова:** Юрий Петрович Смирнов, наука, издательская деятельность, преподавательская деятельность, диссертационный совет, деканат, благородство, характер, поведение.*

Мы ровесники с Юрием Петровичем: я родился в феврале, он – в августе 1938 г. У нас много общего: оба из чувашской деревни, сыновья учителей начальной школы, росли в многодетных семьях в условиях военных и послевоенных полуголодных лет, закалялись на колхозной работе, были активными пионерами и комсомольцами, стали учеными педагогами, профессорами. Правда, к науке приобщились в разное время. После Цивильского педучилища я стал студентом Чувашского пединститута, два года служил в армии, год работал в школе, два года учился аспирантуре, затем 53 года преподаю в вузах Чувашии, из них 33 года работал в Чувашском госуниверситете, где вырос до доктора исторических наук и профессора, создавал музей И.Н. Ульянова. После возобновления в пединституте исторического факультета ЧГПУ в 2000 г. был приглашен туда на должность заведующего кафедрой истории и права. Еще 4 года продолжал работать в госуниверситете на половине ставки. В настоящее время нахожусь на должности профессора кафедры отечественной и всеобщей истории ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. Являюсь заместителем председателя совета ветеранов этого вуза.

Юрий Петрович по окончании Ишлейской средней школы Чебоксарского района работал в Карелии простым рабочим на Печорской железной дороге, после службы в армии в этом же регионе работал инструктором Олонцкого райкома ВЛКСМ, возглавил спортивную организацию района. Приехав по семейным обстоятельствам на родину, вновь оказался на беспокойной комсомольской работе: был назначен комсоргом Чувашского обкома ВЛКСМ по Канашскому территориальному колхозно-совхозному управлению. Следовательно, он имел представление о селениях моего родного Канашского района. Затем он был переведен на должность инструктора отдела агитации и пропаганды Чувашского обкома ВЛКСМ. В 1964 г. стал студентом историко-филологического факультета Чувашского

пединститута. В то время я уже преподавал там, знал его как активного коммуниста, часто выступавшего на собраниях с различными починами. Многих сокурсников он критиковал за пассивность, несвоевременное исправление недостатков в работе. Доставалось и некоторым преподавателям, и сотрудникам факультета. Когда Ю.П. Смирнова снова пригласили работать в Чувашский обком ВЛКСМ, ему пришлось перейти на заочную форму обучения. Окончил вуз в 1968 г., получив уже диплом выпускника ЧГУ им. И.Н. Ульянова. Затем последовали аспирантура под руководством доктора исторических наук, профессора И.Д. Кузнецова, ветерана партии, пережившего сталинские лагеря, защита в Нижегородском госуниверситете в 1972 г. кандидатской диссертации на тему «Рабочий класс Чувашии в 1959–1965 гг.», преподавательская работа в Чувашском госуниверситете, в стенах которого он вырос от ассистента до профессора, некоторое время был директором издательства ЧГУ, доцентом кафедры истории СССР, в 1994 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Индустрия автономных республик Поволжья в середине 50-х – конце 80-х годов: достижения и нереализованные возможности», работал зав. кафедрой отечественной истории XX века, деканом исторического факультета (2000–2008), председателем диссертационного совета (2001–2010). Когда мы работали вместе, иногда приходилось замещать его учебные часы, поскольку он выезжал в командировки как член технического и редакционно-издательского советов Минвуза РСФСР. Он оставался членом учебно-методического объединения по истории Министерства образования и науки, что позволяло ему поддерживать научные и деловые контакты с учеными разных вузов. Нас связывала несколько лет совместная работа на одной кафедре. Мы ходили на одни и те же мероприятия (заседания, собрания, демонстрации, встречи, вечера). Моя супруга Валентина Ефремовна и супруга Юрия Петровича Евгения Николаевна – педагоги. Как филолог, последняя помогала мужу в редактировании рукописей его диссертантов. Наши дочери Алина Тихоновна и Наталия Юрьевна в то время учились на медицинском факультете ЧГУ им. И. Н. Ульянова. Наташа Смирнова занималась в научном кружке гистологов под руководством Валентины Ефремовны. Мы дружили семьями, бывали в гостях друг у друга. Поэтому знаю Юрия Петровича не только как пытливого ученого, душевного педагога, активного общественного деятеля, но и как прекрасного семьянина.

Что было характерно для него? Это, прежде всего, – большое трудолюбие. Как и наш наставник профессор И.Д. Кузнецов, он вставал в 4 часа и к началу учебных занятий в вузе успевал выполнять половину дневной нагрузки. Это было заметно, когда он нет-нет да позевывал... О его трудолюбии свидетельствуют масштабные социологические исследования с участием студентов среди рабочих промышленных предприятий Поволжья, в том числе на Чебоксарском заводе промышленных тракторов, изданные им монографии и учебные пособия, сборники трудов по результатам проведенных по его инициативе всероссийских конференций по истории рабочего класса автономных республик РСФСР, два десятка подготовленных под его научным руководством кандидатов и докторов наук, сбор материалов для музея истории завода промышленных тракторов и т. д.

Важная черта Юрия Петровича – жизнерадостность, оптимизм, комсомольский задор. Он как бы излучал энергию и заряжал ею окружающих. Он был общительным, коммуникабельным. Благодаря его широкому кругозору были установлены научные контакты нашей кафедры с учеными Москвы, Ленинграда, Нижнего Новгорода, Казани, Свердловска, Самары, Уфы, Сыктывкара, Ижевска, Екатеринбурга: В.Е. Полетаемым, И.Л. Корниковским, В.З. Дробыжевским, Л.И. Бородинским, С.Л. Сениявским, В.Б. Тельпуховским, В.А. Ежовым, В.А. Овсянкиным, И.П. Труфановым, В.А. Алексеевым и др., которые по приглашению кафедры читали новые для нас спецкурсы по методике статистических и математических исследований, по использованию компьютерной технологии в историческом поиске. Некоторые из этих ученых приглашались в качестве председателя ГЭК на историческом факультете ЧГУ им. И.Н. Ульянова [4, с. 3]. Юрий Петрович охотно перенимал опыт других. Например, видя, как я собираю материал для музея И.Н. Ульянова, выезжая в другие города, как располагаю экспонаты по разделам, он использовал мой опыт при создании Музея завода промышленных тракторов.

И еще немаловажная черта профессора Смирнова – его открытость, желание поделиться с коллегами своими знаниями и опытом. Здесь я мог бы привести множество примеров. Так, наш коллега Валентин Григорьевич Шарков, подготовивший кандидатскую диссертацию, долгое время не мог определиться с местом защиты. Юрий Петрович познакомил его с учеными из Горьковского университета, возил его на защиту, предварительно напечатав за свой счет рукопись диссертации. Будучи директором издательства ЧГУ, помог доценту Дмитрию Макаровичу Макарову издать монографию по истории христианизации населения Среднего Поволжья в XVIII в. Оказал содействие моей супруге Валентине Ефремовне опубликовать материалы докторской диссертации в виде монографии «Люминесцентно-гистохимическая характеристика ранней реакции моноаминосохраняющих структур тимуса на антигенные воздействия» [2]. Издавая сборники трудов, побуждал членов кафедры к публикации. Почти в каждом из 11 сборников «Актуальные проблемы истории рабочего класса автономных республик РСФСР», изданных под его редакцией, есть мои статьи [1, с. 73–77]. В изданном под его редакцией сборнике «Страницы истории высшей школы Чувашии: учебное издание» (Чебоксары, 1992) мне принадлежат главы 3, 4, 6, разделы «Хроника», «Список литературы» [3, с. 21–69, 87–111, 174–188]. Члены кафедры были благодарны ему за возможность публикации. Будучи кандидатом наук, он помог мне выйти на научные контакты с учеными Уральского госуниверситета М.Е. Главацким, В.Г. Чуфаровым, В.А. Алексеевым, ездил со мной на защиту докторской диссертации. А ведь сам стал доктором только через три года. Такой великой души и щедрости был Юрий Петрович Смирнов.

Он оставил значительное научно-педагогическое наследие и заметный след в истории и культуре ЧГУ им. И.Н. Ульянова, Чувашии и России.

Юрию Смирнову – 80

Парень из сельской глуши,
«Деревня Сархорн» – пиши.
В играх школьных подрастал,
Историком стать мечтал.
В пионерах, еще более –

Мужал Юрий в комсомоле.
В Карелии побывал,
Где он службу постигал.
Посланец ударной стройки,
В работе бывал он стойкий.
Осваивал дальний Север,
Ударником был на деле.
В душе романтик, поэт,
Удары держал боец.
В песнях Карелию хвалил,
Север был для него мил.
Став студентом, во весь дух
Одолевал он педвуз.
Из обкома шел приказ:
«Вы очень нужны для нас».
Смирнов – комсомольский лидер.
Готов к труду в любом виде.
Пока жил в этом кругу,
В руках – диплом ЧГУ.
В сложном учебном процессе
Вышел из него профессор.
Теперь уж не практикант,
У историков – декан.
Смирнов – историк в квадрате –
Прославился как издатель
Сборников за разом раз
Про славный рабочий класс.
Когда в Чувашии стал в строй
Столичный «Тракторострой»,
С заводом Юрий дружил,
Музей при нем заложил.
Каждый из ученых рад бы
Готовить на смену кадры.
Не любил он слова «нет –
И возглавил диссовет.
Человек большой души
(С него хоть портрет пиши),
Многим советы давал,
Вести поиск помогал.
У него широкий взор –
Расширял всем кругозор:
Из Москвы и Ленинграда...
Профессоров слушать рады.
Помогла всему движенью
Жена Юрия Евгенья.
Как редактор диссертаций,
И помощница всех акций.
Профессор Юрий Смирнов
Достоин похвальных слов

В истории ЧГУ остался,
Время над этим не властно.
Тихон Сергеев, профессор.
18.09.2018 г.

Список литературы

1. Сергеев Тихон Сергеевич: библиографический указатель трудов / сост. И.В. Павлов. – Чебоксары: НИИ педагогики и психологии, 2018. – 201 с.
2. Сергеева В.Е. Люминесцентно-гистохимическая характеристика ранней реакции моноаминсодержащих структур тимуса на антигенные воздействия: монография / В.Е. Сергеева, Д.С. Гордон. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1992. – 351 с.
3. Страницы истории высшей школы Чувашии: учебное издание / сост. Ю.П. Смирнов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1992. – 192 с.
4. Широков О. Юрий Петрович Смирнов: судьба человека и ученого / О. Широков, М. Харитонов, И. Муравьева // Ульяновец. – 2018. – 31 августа. – С. 3.

Сухова Елена Васильевна
канд. ист. наук, доцент, руководитель
центра китайского языка и культуры
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
педагогический университет им. И.Я. Яковлева»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

БЕССТРАШНЫЙ РЫЦАРЬ ИСТИНЫ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.Л. КУЗЬМИНА)

Аннотация: статья посвящена 100-летию со дня рождения видного чувашского историка В.Л. Кузьмина и отражает его биографию, мировоззрение, вклад в исследование истории, историографию и археографию Чувашии предреволюционного и советского периода.

Ключевые слова: В.Л. Кузьмин, мировоззрение, Чувашия, Октябрьская революция, социалистическая модернизация, история, историография, археография.

Вспоминая Василия Леонтьевича Кузьмина по случаю его столетнего юбилея, мы видим панораму жизни, труда и творчества верного и бесстрашного рыцаря исторической Истины, летописца и истолкователя эпохи, неотъемлемой частью которой была его собственная жизнь. Для постижения, осмысления, доведения до общественного мнения исторической Истины мало только одних, пусть даже и недюжинных способностей, терпения и трудолюбия, необходимы еще твердые убеждения, мужество и бесстрашие. Прав был В.В. Кожин: «Для открытия истины необходимы и трудные усилия познающего и размышляющего духа, и особенное мужество – уже не мужество поступка, а мужество мысли, – и, наконец, достаточно высокая культура самого мышления» [1, с. 160]. Все эти качества у Василия Леонтьевича проявились в полной мере. Он имел мужество познавать правду и нести ее людям, разгонял мрак и мглу фальсификаций, которых было много и его время, конечно, главным образом в зарубежной историографии, и которые особенно активно и изощренно используются в виде зловещего орудия манипуляций массовым сознанием теперь.

К такому сознанию и убеждению В.Л. Кузьмина привела вся его биография. Родился он 12 января 1919 г. в селе Тобурданово Цивильского

уезда (Канашского района) в семье крестьян-середняков, вступивших в колхоз одними из первых. Именно от них он унаследовал трудолюбие и предельно добросовестное отношение к каждому делу. Что же касается интереса к истории, то не удивительно, что он зародился именно здесь, в самом сердце земли чувашской, в старинном селе, история которого уходит в глубину многих веков, селе, которое подарило Родине столько замечательных сынов и дочерей.

Василий Леонтьевич, так же как его пять братьев и сестер, учился в Тобурдановской средней школе, где считался одним из лучших учеников. Здесь же вступил в комсомол а затем поступил на исторический факультет Чувашского педагогического института, где был одним из лучших студентов, секретарем бюро ВЛКСМ. Одновременно получил специальность летчика в Чебоксарском аэроклубе, где учился вместе с будущей легендарной летчицей – Героем Советского Союза Женей Крутовой.

В грозное воскресенье 22 июня 1941 года, услышав выступление Молотова и узнав о нападении фашистов на Советский Союз, он тут же подал заявление с просьбой отправить его добровольцем на фронт и стал одним из пятисот чувашских политбойцов – лучших коммунистов и комсомольцев, главных помощников комиссаров, которые вели политработу во фронтовых частях. Подвигу политбойцов – наших земляков посвящен сборник воспоминаний и документов «Вспоминают политбойцы», составленный и отредактированный В.Л. Кузьминым, тогда уже известным ученым, заместителем председателя Чувашского республиканского Совета ветеранов-политбойцов, изданный в Чебоксарах в 1985 г. Сам он участвовал в обороне Москвы в составе 16 армии под командованием К.К. Рокоссовского, был среди тех, кто остановил гитлеровские танки на Волоколамском шоссе, а затем, с учетом полученной специальности, был назначен авиамехаником, обеспечивал боеготовность самолетов. В 1945 г. успешно выполнял на авиабазе в Фербенксе на Аляске особо важное и ответственное поручение Советского правительства – участвовал в приемке и переброске поставленных по ленд-лизу американских самолетов на аэродромы в полосе развертывания Забайкальского Первого и Второго Дальневосточных фронтов, где готовилось наступление против японских войск, ознаменовавшее победоносное завершение Второй мировой войны. Все деньги, собранные с зарплаты, добровольно сдавал в Фонд обороны. В.Л. Кузьмин был награжден орденом Великой Отечественной войны, 12 медалями, знаком «Ветеран Забайкальского фронта», а в мирное время трудовой наградой – медалью «Ветеран труда». В год 55-летия Победы ему было присвоено звание майора.

После демобилизации в 1945 г. вчерашний фронтовик вернулся на учебу и уже в следующем году с отличием закончил ЧГПИ, где стал ассистентом кафедры истории. С тех пор в течение 44 лет непрерывно вел научную и педагогическую деятельность. Тогда же вступил в Коммунистическую партию, верным и активным членом которой оставался до конца жизни. В те же годы В.Л. Кузьмин преподавал в Чебоксарском, а чуть позже – в Казанском вечернем университете марксизма-ленинизма. О верности своим принципам и убеждениям свидетельствуют его последние записи: «По моему мнению провокацией являются заявления о том, что советские организации нельзя назвать подлинно общественными, добровольными. Нельзя причислять их к организациям «тотально подавлявшим личность». Наоборот, общественно-политические организа-

ции развивали лучшие способности в личности. Морально-политическое единство советского общества держалось на великом советском патриотизме, любви к Родине. Если бы народ не поддерживал советскую систему, то не было бы и победы над немецко-фашистскими захватчиками. А сегодня нашу страну превратили в непристойное место, развалили то, что было создано тяжелейшим трудом советского народа. Необходимо бороться за человеческие условия жизни и работы».

В 1948–1951 гг. Василий Леонтьевич учился в аспирантуре Казанского филиала АН СССР, после успешного окончания которой был назначен заместителем директора и ученым секретарем Чувашского НИИ языка, литературы, истории и экономики, где работал 11 лет – сначала на указанной должности, а затем старшим научным сотрудником. 17 мая 1954 г. успешно защитил в Институте истории Академии наук СССР кандидатскую диссертацию «Крестьянское движение в Чувашии в период подготовки Октябрьской революции», изданную затем в виде монографии. Таким образом, вместе с В.Ф. Каховским, Т.Г. Гусевым, В.Д. Дмитриевым, В.Н. Любимовым, защитившими кандидатские диссертации примерно в это же время, стал одним из первых в Чувашии кандидатов исторических наук из числа местных ученых (до этого кандидатские и докторские степени имели только Н.В. Никольский и И.Д. Кузнецов). В 1964–1972 гг. он работал начальником отдела использования и публикации документальных материалов, старшим научным сотрудником ЦГА ЧАССР (одновременно преподавал историю в ЧГПИ и ЧГУ), в 1972–1990 гг. – доцентом кафедры истории ЧГУ, вел курсы истории СССР, истории Чувашской АССР, историографии, спецкурс теории и практики архивного дела, архивно-музейную практику. В.Л. Кузьмин подготовил достойную смену, среди его учеников – немало известных ученых, докторов и кандидатов наук, таких как Л.Н. Гончаренко, А.В. Арсентьева, Т.Н. Иванова, Е.К. Минеева, В.Р. Степанов, Г.И. Тафаев, Л.А. Ефимов, И.И. Бойко, Л.А. Таймазов, Е.М. Михайлова, В.Н. Клементьев, В.Г. Харитонов и многие другие.

Это был настоящий советский патриот. Такое мировоззрение составило философский, методологический фундамент всей научной деятельности Василия Леонтьевича, результатом которой стали 108 работ, в том числе четыре монографии, три учебных пособия, восемь сборников документов, статьи, рецензии. Кроме того, он редактировал множество научных сборников, монографий, воспоминаний. На основе скрупулезного исследования огромного массива фактического материала, значительная часть которого была введена впервые, В.Л. Кузьмин неопровержимо и в высшей степени убедительно доказал неоспоримые преимущества советской цивилизации, советского образа жизни, выковавшего новый тип личности человека – созидателя, патриота, свободного в высшем и благородном смысле слова, гордого своей Родиной, готового трудиться, бороться, а если надо – пожертвовать самым дорогим – жизнью ради ее чести и свободы. Такой портрет современника великой эпохи ярко, весомо, зримо встает со страниц произведений Василия Леонтьевича, вызывая интерес и глубокое уважение.

Более 20-ти его статей, археографические публикации и наконец – монография «Крестьянское движение в Чувашии в период подготовки Октябрьской революции» убедительно показывают путь чувашского народа к революции и лучшей жизни. Поскольку речь идет о национальном регионе, 96% населения которого тогда составляли крестьяне, эти

исследования представляют собой крупный вклад в специфические отрасли историографии – аграрную и национально-региональную историю. Заслужив доверие народа и взяв власть, партия большевиков добровольно приняла на себя ответственность за судьбы страны. Василий Леонтьевич глубоко изучил этот самый напряженный период – гражданской войны, создания чувашской национально-государственной автономии, роль в этих событиях Ленина и возглавляемой им партии.

Он всю жизнь работал над проблемой социалистической модернизации Чувашии, посвятил ей прежде всего книгу «Под знаменем великой дружбы», освещающей путь, пройденный Чувашией за сорок советских лет от бедности и угнетения – к расцвету, достижения в политической экономической и социально-культурной сферах и их источник – свободный труд в общенародном плановом хозяйстве. Дружба народов великой советской державы – прекрасный пример для человечества: «Великий Союз Советских Социалистических Республик является лучезарным маяком, освещающим всему человечеству путь освобождения от национального и колониального гнета» [3, с. 87]. Тема строительства новой жизни получила достойное продолжение и развитие в следующей книге «Чувашская АССР в первые годы развернутого строительства коммунизма (1959–1962 гг.)», где раскрыт ход реализации семилетнего плана в Чувашии, новые успехи в развитии промышленности и сельского хозяйства, росте материального и культурного благосостояния народа – на основе статистики и фактов. В.Л. Кузьмин выступал со статьями по вопросам истории промышленности и рабочего класса ЧАССР в серии сборников «Актуальные проблемы истории рабочего класса автономных республик РСФСР». Достойное место занимает в его научном наследии тема народного подвига в Великой Отечественной войне. Кроме сборника «Вспоминают политбойцы» он был в числе составителей сборника «Чувашская АССР в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945 гг.)». Военно-патриотической теме посвящен ряд статей Василия Леонтьевича.

В.Л. Кузьмин вел активную археографическую работу, много занимался археографией, опубликовал в 1977 г. первое в нашей республике учебное пособие для вузов «Историография истории Советской Чувашии», сохраняющее научное значение и сегодня. В нем подчеркнута роль сотрудничества чувашских историков с коллегами в разработке региональных и общесоюзных проблем, темы дружбы чувашского, русского и других народов СССР: «Советскими историками сделано немало, чтобы всесторонне раскрыть и показать истоки и тенденции этой дружбы, взаимопомощи и общего пути к торжеству социализма, на конкретном историческом материале осветить ключевые проблемы истории того или иного народа в тесной связи с ключевыми явлениями исторического процесса других народов» [2, с. 54]. Обозначение В.Л. Кузьминым недостаточно исследованных направлений дало ориентир и импульс активизации работы, увенчавшейся монографиями, защитой диссертаций и даже созданием целых научных школ.

Всю жизнь Василий Леонтьевич вел активную общественную работу. В молодости, в том числе в годы войны, был комсомольским активистом, в дальнейшем – лектором, пропагандистом, сопредседателем Совета республиканской организации Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, ветеранских организаций. И в каждое дело обязательно вкладывал свое сердце!

Своим великим подвижническим трудолюбием и творчеством он каждый день утверждал могучую Истину: История – несокрушимый арсенал осознанного и осмысленного опыта веков, бережно сохраняемого и передаваемого из поколения в поколение, обеспечивающего их связь и преемственность, что питает патриотизм и делает Народ Народом, а не сбродом. История – вечный родник живой воды, дарующий Народу бессмертие. И тот, кому выпала честь служить ей, имеет в руках магический ключ к это сокровищнице, к этому роднику.

Список литературы

1. Кожин В.В. Правда и истина / В.В. Кожин // Наш современник. – 1988. – №4. – С. 145–160.
2. Кузьмин В.Л. Историография истории Советской Чувашии: учебное пособие / В.Л. Кузьмин. – Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 1977. – 63 с.
3. Кузьмин В.Л. Под знаменем великой дружбы. К 40-летию образования Чувашской Советской Автономии / В.Л. Кузьмин. – Чувашгосиздат, 1960. – 88 с.

Таймасов Леонид Александрович

д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Д.М. МАКАРОВА

Аннотация: в статье рассмотрена жизнь и деятельность педагога и ученого-историка Д.М. Макарова. Особое внимание уделено его работе на историческом факультете Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. Приведены исследования по истории религии народов Среднего Поволжья. Дана оценка вкладу ученого в подготовку квалифицированных историков и развитие научного религиоведения.

Ключевые слова: научно-педагогическая деятельность, историография, религиоведение, христианизация, Среднее Поволжье.

Данная статья посвящена памяти видного историка Д.М. Макарова, внесшего значительный вклад в развитие исторической науки и подготовку высококвалифицированных историков. Дмитрий Макарович, говоря образно, «прошел огонь, воду и медные трубы», но, к сожалению, об этом замечательном педагоге, ученом, воине имеются лишь краткие сведения в «Чувашской энциклопедии», энциклопедии Моргаушского района, материалах по истории Марийского и Чувашского университетов. Настоящая публикация добавит штрихи к портрету и поможет вернуть его имя в региональную историографию.

Автор этих строк в 1978–1983 гг. был студентом историко-филологического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. В те годы здесь преподавали корифеи чувашской исторической науки – И.Д. Кузнецов, В.Ф. Каховский, В.Д. Дмитриев, П.В. Денисов, Г.П. Петров, Ю.П. Смирнов и др. На первом курсе дисциплину «история СССР» (период феодализма) читал кандидат педагогиче-

ских наук, доцент Д.М. Макаров. Большинство студентов было уверено, что наш преподаватель родился и вырос в семье интеллигентов, или даже допускало его дворянское происхождение: Дмитрия Макаровича отличали изысканность и утонченность в одежде, манерах, речи. Мне довелось общаться с этим уникальным человеком в качестве коллеги, когда стал преподавателем кафедры истории СССР.

Д.М. Макаров родился 2 ноября 1918 г. в д. Сятракасы Ядринского уезда Казанской губернии (ныне Моргаушский район Чувашской Республики) в крестьянской семье. С детства стремился к знаниям, много читал и прилежно учился. По окончании Большечурашевской средней школы (1937 г.) год проработал в Кубасинской неполной средней школе Татаркасинского района (ныне Моргаушский район) [17, с. 82–83]. Тогда, видимо, он ощутил необходимость углубления научных и педагогических знаний. Общась с учителями школы, читая газеты, журналы и справочную литературу, он анализировал информацию о вузах страны. Самым простым выбором стал бы Чувашский педагогический институт, который находился в столице республики. Однако он принимает амбициозное решение – отправиться в Москву, главный центр науки. Д.М. Макаров поступает в один из престижных вузов столицы – Институт философии, литературы и истории (ИФЛИ), который был создан в июле 1931 г. на базе историко-философского отделения МГУ.

В институте был авторитетный профессорско-преподавательский состав. В разное время в нем работали такие маститые ученые и педагоги, как А.В. Арциховский, К.В. Базилевич, С.В. Бахрушев, Ю.В. Готье, Д.М. Петрушевский, С.Д. Сказкин, М.Н. Тихомиров, А.Д. Удальцов и др. Среди студентов были дети представителей советской и партийной элиты, многих знаменитостей той эпохи. Подготовка в вузе была на высоком уровне, об этом свидетельствует успешная карьера его выпускников (П.А. Заянчковский, М.П. Ким, Н.П. Крывелёв и др.) [18]. Юноша из чувашской деревни не хотел выглядеть провинциалом и старался быть начитанным и воспитанным человеком. Стремление «выйти в люди» было огромное, и он упорно двигался к осуществлению своей цели – стать исследователем и педагогом, как его знаменитые учителя, достичь их высот.

Мечты рухнули в одно мгновение, когда утром 22 июня 1941 г. объявили о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. Институт, как и МГУ, эвакуировали в Ашхабад, где их снова объединили. Достижение призывного возраста студенты получили повестки в армию. Д.М. Макаров тоже встал в ряды защитников Отечества. Он воевал в составе частей и соединений Юго-Западного, Ленинградского, Первого и Второго Прибалтийского фронтов [17, с. 82–83], познал сполна и горечь поражений начального периода войны, и ожесточенность кровопролитных сражений, и радость Победы. Судьба хранила его, пройдя трудными дорогами войны, он вернулся домой победителем.

Война вычеркнула из его жизни четыре года, но не угасила стремления к высшему образованию. После демобилизации он едет в Москву и восстанавливается в числе студентов исторического факультета МГУ. Для него это был прежний и в то же время новый коллектив, потому что лишь несколько сокурсников смогли продолжить учебу: многие пали

смертью храбрых на фронтах, те же, кто не был мобилизован, уже завершили учебу и разъехались по стране. Самое главное – он снова мог слушать лекции выдающихся историков и продолжить тернистый путь к заветной мечте. Постепенно все вернулось на круги своя. Удивительно, что, пройдя тяжелейшее испытание войной, Д.М. Макаров не огрубел манерами, не очерствел душой. Общаясь с ним, трудно было представить его солдатом-фронтовиком, хотя многие знали, что война постоянно напоминала ему о себе.

Суровое время закалило характер. Несмотря на внешнее спокойствие, Макаров всегда был мобилен, всю жизнь стремился вперед, искал возможности для реализации своего творческого потенциала. После окончания университета в 1949 г. продолжил учебу в заочной аспирантуре при Институте методов обучения Академии педагогических наук РСФСР. Учебу сочетал с педагогической практикой. Вернулся в Чувашию и поступил ассистентом на кафедру всеобщей истории Чувашского государственного педагогического института. Однако через год снова выехал в Москву и в 1952/53 учебном году преподавал в средней школе №598. Завершив аспирантуру защитой диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук, он уехал на Северный Кавказ, где год проработал старшим преподавателем кафедры истории Дагестанского женского педагогического института, а затем снова вернулся в столицу и преподавал в Московском государственном педагогическом институте [17, с. 82–83].

В 1954 г. желание быть ближе к малой родине привело в Йошкар-Олу. Десять лет посвящены работе на кафедре истории Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской в качестве старшего преподавателя и доцента, которую совмещал с исследовательской деятельностью. В те годы учебные заведения Марийской республики испытывали недостаток учебников по региональной истории, поэтому знания и энтузиазм молодого специалиста оказались востребованы в полной мере. Он стал увлеченно заниматься изложением истории марийского народа [7]. Результатом его трудов стало учебное пособие для учителей [3, с. 6; 6]. В последующий период совместно с В.Ф. Пашуковым и С.П. Мосуновой Д.М. Макаров подготовил учебное пособие по истории Марийской АССР [19, с. 12, 49].

После многолетних странствий, накопив опыт исследовательской, педагогической деятельности, Дмитрий Макарович возвратился в Чувашию. В 1964 г. начал работать доцентом кафедры истории СССР Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева. Занимался исследованием методики преподавания истории в старших классах средней школы, руководил педагогической практикой студентов-историков в школах Чувашии.

Открытие Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова внесло коррективы в научно-педагогическую деятельность Д.М. Макарова. Дальнейшая судьба связана с ЧГУ, которому он посвятил почти 35 лет. В годы работы на кафедре истории СССР (отечественной истории) историко-филологического (с 1991 г. исторического) факультета наиболее полно раскрылись грани его таланта как педагога и ученого. Он на высоком научно-теоретическом уровне проводил заня-

тия, вел исследовательскую работу. Здесь Д.М. Макаров приступил к изучению религии народов Среднего Поволжья. На выбор направления его научно-исследовательского творчества повлияло общение с преподавателями исторического отделения П.В. Денисовым и Г.Е. Кудряшовым, которые в это время активно занимались изучением религии чувашского народа [1; 2; 5].

В 1970 г. им опубликована статья «Некоторые вопросы истории христианизации чуваш», в которой утверждение православия он рассмотрел как религиозную реформу, показал историческую роль христианства в истории чувашей, привел периодизацию христианизации. Несмотря на атеистический подход, исследование содержит ряд оригинальных суждений. Например, автор считает, что провал политики христианизации был обусловлен отсутствием социальной базы среди чувашей, нивелированием их национальной элиты. Макаров приходит к выводу, что «формы и методы христианизации находились в прямой связи с общественно-производственными отношениями» [10, с. 146–163].

Две работы Д.М. Макарова, опубликованные в серии «Вопросы истории и историографии чувашского народа», посвящены язычеству. В одной из них нашли отражение пережитки тотемизма у чувашей [11, с. 146–163], в другой – исследован культ дерева у народов Поволжья и Приуралья [8, с. 173–195]. В научном сборнике по вопросам религии он помещает материал о синкретических явлениях в традиционной культуре чувашей [14, с. 65–81]. В 1981 г. Д.М. Макаров снова обращается к теме христианизации народов Поволжья. Результаты его научных изысканий по теме церковно-государственной политики и формирования церковной структуры в регионе в XVI–XVII в. получили освещение в отдельной монографии [14].

В год празднования 1000-летия крещения Руси Д.М. Макаров подготовил доклад и статью по вопросам христианизации народов Среднего Поволжья. С докладом о монастырях как опорных пунктах христианизации выступил на региональной конференции, состоявшейся 13–14 апреля 1988 г. Внимание участников форума обратил на исторические условия возникновения монастырей в крае, их миссионерскую и хозяйственную деятельность [9, с. 44–46]. В том же году в сборнике научных трудов, посвященном 1000-летию крещения Руси, была напечатана статья Д.М. Макарова о начальном этапе христианизации народов Среднего Поволжья [15, с. 13–24].

Изменения в сфере духовной жизни после распада СССР вызвали рост общественного интереса к вопросам религии и церкви. Д.М. Макаров продолжил исследование истории религии народов Среднего Поволжья. Он накапливал и анализировал источники, расширил хронологию научной проблемы, охватив события и процессы XVIII в. Накануне вселенского юбилея (2000 г.) вышла из печати фундаментальная монография Д.М. Макарова, в которой исследованы вопросы христианизации народов Среднего Поволжья в XVI–XVIII вв. Рецензентами этой книги выступили В.Д. Димитриев и автор этих строк. Книга стала заметным событием в чувашской историографии. Тираж быстро разошелся. Монография получила высокую оценку не только специалистов, но и тех, кто интересуется историей религии и церкви. Привлеченные автором источ-

ники позволили значительно расширить знания о христианизации народов. Дмитрий Макарович планировал подготовить научный доклад на соискание ученой степени доктора исторических наук, однако не успел реализовать свой план: 20 октября 2001 г. его не стало.

Д.М. Макаров является одним из славных представителей чувашского народа. Его становление как педагога и исследователя происходило благодаря московской исторической школе и под влиянием лучших региональных научных традиций. У него были превосходные учителя, и он всегда стремился соответствовать высоким стандартам исторической науки и образу интеллигента. Многие, кому посчастливилось знать этого талантливого человека, убеждены, что он достиг больших успехов как педагог и ученый-историк. Многочисленные ученики и коллеги хранят светлую память о Дмитрие Макаровиче, а его научные труды стали достоянием отечественной историографии.

Список литературы

1. Денисов П.В. Религиозные верования чуваш. – Чебоксары, 1959.
2. Денисов П.В. Религия и атеизм чувашского народа. – Чебоксары, 1972.
3. Иванов А.Г. История Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2015.
4. История Марийской АССР: в 2 т. – Йошкар-Ола, 1986–1987.
5. Кудряшов Г.Е. Динамика полисинкретической религиозности. – Чебоксары, 1974.
6. Макаров Д.М. Из истории мари. Первобытнообщинный строй – период феодализма (конец XVII века). – Йошкар-Ола, 1959.
7. Макаров Д.М. Изучение истории развития капиталистической экономики и классовый борьбы в России 60–70 гг. XIX в. // Ученые записки. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1958.
8. Макаров Д.М. Культ дерева у народов Поволжья и Приуралья // Вопросы истории и историографии чувашского народа. – Чебоксары, 1976.
9. Макаров Д.М. Монастыри как опорные пункты христианизации народов Среднего Поволжья // История христианизации народов Среднего Поволжья и ее марксистско-ленинская оценка. – Чебоксары, 1988.
10. Макаров Д.М. Некоторые вопросы истории христианизации чуваш // Вопросы истории и историографии чувашского народа. – Чебоксары, 1970.
11. Макаров Д.М. О пережитках тотемизма у чуваша // Вопросы истории и историографии чувашского народа. – Чебоксары, 1974.
12. Макаров Д.М. Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья в XVI–XVII вв. – Чебоксары, 1981.
13. Макаров Д.М. Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья в XVI–XVIII вв. – Чебоксары, 2000.
14. Макаров Д.М. Синкретические явления в древнечувашских культах в сравнительно-этнографическом освещении // Проблемы религиозного синкретизма и развития атеизма в Чувашской АССР. – Чебоксары, 1976.
15. Макаров Д.М. Христианизация народов Среднего Поволжья во второй половине XVI в. // История христианизации народов Среднего Поволжья: критические оценки и суждения. – Чебоксары, 1988.
16. Макаров Дмитрий Макарович // Чувашская энциклопедия. – Т. 3. – Чебоксары, 2009.
17. Макаров Дмитрий Макарович // Моргаушский район: краткая энциклопедия. – Чебоксары, 2002.
18. Московский институт философии, литературы и истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topos.memo.ru/article/406+45>
19. Сануков К.Н. Вопросы региональной историографии. – Йошкар-Ола, 2012.

Ткаченко Евгений Владимирович
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

МУЛЬТИМЕДИЙНОЕ ИЗДАНИЕ ПАМЯТИ Ю.П. СМИРНОВА: ОПЫТ ПОДГОТОВКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

***Аннотация:** в данной статье рассматривается опыт создания мультимедийного электронного издания, посвященного известному советскому и российскому историку, ученому, организатору исторического образования, заслуженному профессору Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, Ю.П. Смирнову. В работе также рассматриваются перспективы использования подобных изданий в учебном процессе вуза.*

***Ключевые слова:** локальное электронное издание, мультимедийное электронное издание, Ю.П. Смирнов.*

Юрий Петрович Смирнов – во многом знаковая фигура не только для Чувашского государственного университета, но и в целом для исторической науки республики. Он был в числе первых региональных историков, обративших внимание на перспективы внедрения математических методов в историческом исследовании [1]. Интерес ученого в дальнейшем получил свое логическое развитие в вопросах применения компьютерных технологий в научных изысканиях по истории [2–6]. По его инициативе и под его научным руководством были успешно защищены кандидатские диссертации по указанной проблематике.

По этой причине кафедра документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин решила отметить юбилей педагога-историка и ученого-новатора подготовкой мультимедийного электронного издания «Судьба человека и ученого», посвященного 80-летию со дня рождения Ю.П. Смирнова.

В издании представлены материалы, как ранее уже существовавшие в печатном виде (книги и статьи), так и специально подготовленные (фотографии, видеофильмы, личные документы и др.). В этом контексте неоценимую помощь оказали ближайшие родственники Ю.П. Смирнова – жена Евгения Николаевна, дети Елена и Александр, брат Александр Петрович. Без их участия и поддержки не была бы возможной реализация нашего проекта.

Идейным вдохновителем и главой редакционной коллегии стал заведующий кафедрой М.Ю. Харитонов. В подготовке издания приняли участие преподаватели и сотрудники кафедры, студенты и выпускники.

Первостепенная задача на начальном этапе – это, безусловно, выявление и подбор документов, дальнейшая их обработка (сканирование, ретуширование). Эта цель была достигнута благодаря доцентам кафедры А.В. Григорьеву, А.В. Карпову, П.Н. Матюшину, А.Л. Музыковой при ак-

тивным содействии со стороны студентов. На втором этапе предстояло спроектировать и презентабельно оформить некую «оболочку» для удобства навигации и просмотра. Здесь большую помощь оказали выпускники кафедры, профессионалы своего дела Ю.В. Горшков и Л.Р. Багаутдинова. На заключительном этапе автором данной статьи собранный и обработанный материал был скомпилирован и помещен в данную «оболочку», что позволило подготовить наше издание к записи на DVD-носитель.

Традиционно «основной частью большинства электронных изданий, так же как и книг, выпущенных типографским способом, являются текстовые фрагменты. <...> Если такое издание набрано на компьютере в любом текстовом редакторе, то его можно назвать электронным изданием. Разновидностью такого издания являются так называемые гипертекстовые документы-издания в специальном HTML-формате» [7]. Именно в таком формате и был реализован наш проект. Для типографики мультимедийного диска использовался набор инструментов «Bootstrap», включающий HTML- и CSS-шаблоны, а также редактор шрифта и иконок «Font Awesome» и jQuery-плагин «Colorbox». Это позволило обеспечить дружественный интерфейс, удобство навигации и выдержать соответствующий художественно-графический стиль издания.

Главным достоинством подобных изданий считается наличие в нем поисковой системы, то есть возможность анализа его содержания, поиск нужных сведений с помощью компьютера, актуальность информации, возможность оперативной загрузки материала, удобный поиск, многопользовательский доступ, возможность предварительного просмотра [8]. Наше издание в целом отвечает этим параметрам.

Издание включает восемь разделов: «О проекте», «Биография», «Фотоальбом», «Научные труды», «Смирновские чтения», «Видеоархив», «Фильм о Ю.П. Смирнове», «Жизнь в документах».

В разделе «Биография» освещается жизненный путь уроженца чувашской деревни Сархорн Ю.П. Смирнова, прошедшего все этапы становления успешного ученого-историка: ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор. Он возглавлял кафедры Отечественной истории XX века и Документоведения и документационного обеспечения управления, являлся деканом исторического факультета, руководил диссертационным советом.

В разделе «Фотоальбом» собраны уникальные кадры, запечатлевшие долгий и успешный жизненный путь Ю.П. Смирнова. Здесь представлены фотографии из личных архивов родственников, друзей и коллег. Материалы структурированы по категориям: «Родители», «Юность. 1938–1955 гг.», «Печора. 1956–1957 гг.», «Армия. 1957–1960 гг.», «Карелия. 1960–1962 гг.», «Комсомол – учеба – комсомол. 1962–1970 гг.», «На кафедре истории СССР. 1970–1991 гг.», «Издательство. Кафедра XX века. 1991–1999 гг.», «На историческом факультете. 2000–2010 гг.», «Научная деятельность», «Личные и семейные фото», «Памятное». Всего в разделе размещено около 200 фотографий.

В разделе «Научные труды» представлена библиография трудов Ю.П. Смирнова, изданных в период с 1974 по 2012 гг. Особенность данного раздела заключается в подготовленных для данного издания электронных копий большинства указанных трудов ученого. В разделе такие

пункты выделены как гиперссылка, при нажатии на которую открывается отсканированная копия в pdf-формате.

Особо следует отметить, что в 2012 году был издан сборник научных статей под названием «Отечественная история XX–XXI веков: социальные, экономические и политические аспекты, вопросы теории». В предисловии к изданию отмечалось, что «данная книга вышла в свет как дань памяти прекрасному ученому, блестящему педагогу и замечательному человеку доктору исторических наук, профессору Юрию Петровичу Смирнову... Эта книга – стремление, пусть и несколько запоздавшее, выразить свое уважение и восхищение поистине подвижническим подвигом этого человека» [9].

Совместный труд ученых дал начало новой университетской традиции – «Смирновским чтениям», получившим статус Всероссийской научной конференции. По итогам каждого чтения издавался очередной сборник – «Проблемы социальной, экономической и политической истории России XVIII – начала XXI века в историографических традициях региона» (2012 г.), «Государство и общество в России: тернистый путь взаимоотношений и взаимодействия» (2014 г.), «Человек труда в истории» (2016 г.).

Электронные копии четырех, перечисленных выше, сборников размещены в одноименном разделе «Смирновские чтения». Здесь, при нажатии на обложку выбранного сборника, реализован переход по гиперссылке к отсканированным материалам в pdf-формате.

Разделы «Видеоархив» и «Фильм о Ю.П. Смирнове» тесно взаимосвязаны. В первом представлены видеоматериалы, не вошедшие в финальный вариант короткометражного фильма. Во втором – уникальный документальный фильм «Комсомольское сердце», – о жизни и деятельности Ю.П. Смирнова. Это воспоминания друзей и коллег, благодарных учеников и тех, кто долгие годы тесно и плодотворно сотрудничал с ученым.

В заключительном разделе «Жизнь в документах» помимо материалов, связанных с трудовой деятельностью, помещена копия блокнота со стихами Юрия Петровича.

Согласно сложившейся классификации электронных изданий и с учетом технологии распространения данный проект может быть отнесен к числу локальных электронных изданий [10].

Принято считать, что основными видами компьютерных средств учебного назначения являются: 1) сервисные программные средства общего назначения; 2) программные средства для контроля и измерения уровня знаний, умений и навыков обучающихся; 3) электронные тренажеры; 4) программные средства для математического и имитационного моделирования; 5) программные средства лабораторий удаленного доступа и виртуальных лабораторий; 6) информационно-поисковые справочные системы; 7) автоматизированные обучающие системы (АОС); 8) электронные учебники (ЭУ); 9) экспертные обучающие системы (ЭОС); 10) интеллектуальные обучающие системы (ИОС); 11) средства автоматизации профессиональной деятельности (промышленные системы или их учебные аналоги) [11]. Как видим, разработанное нами мультимедийное издание формально не входит в перечисленный компонентный состав образо-

вательных электронных изданий. Тем не менее, его учебный и воспитательный потенциал, как представляется, чрезвычайно велик.

Жизненный путь человека – простого деревенского паренька, ставшего одним из ведущих ученых Чувашской Республики, – не только достойный пример для подражания, но и мотивация к труду и отличной учебе для нынешнего поколения молодежи. Кроме того, как указывалось выше, данное издание содержит разделы «Научные труды» и «Смирновские чтения», контентом которых стали pdf-версии изданных трудов Ю.П. Смирнова и материалы конференций. Данные разделы в общей сложности включают более 60 наименований, которые могут быть задействованы в лекционных курсах по отечественной истории и историографии. И студент, и начинающий молодой ученый найдут для себя в концентрированном виде полнотекстовый комплекс научных изданий для использования в выпускных квалификационных работах бакалавра, магистерских диссертациях, диссертационных исследованиях на соискание ученой степени кандидата исторических наук и прочих исследовательских работ.

Список литературы

1. Применение математических методов в исторических исследованиях: Учеб. пособие / Н.В. Нежнова, Ю.П. Смирнов; Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова, 1989. – 88 с.
2. Смирнов Ю.П. Краткая история вычислительной техники / Ю.П. Смирнов; науч. ред. И.Л. Корнаковский; Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1992. – 107 с.;
3. Смирнов Ю.П. История вычислительной техники: становление и развитие: учебное пособие для вузов / Ю.П. Смирнов; под ред. А.Н. Тихонова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1994. – 177 с.
4. Компьютерная практика: метод. указания и прогр. / Чуваш. гос. ун-т; сост. Ю.П. Смирнов, С.Ю. Михайлова, С.А. Чистяков. – Чебоксары, 1995. – 12 с.
5. Смирнов Ю.П. Информационные обеспечения базы данных по истории Великой Отечественной войны / Ю.П. Смирнов // Информационные технологии и гуманитарное образование. – Чебоксары, 2003. – С. 210–212.
6. Смирнов Ю.П. Информационные ресурсы Чувашской Республики и процессы развития общества / Ю.П. Смирнов // Информационные ресурсы Архивного фонда Чувашской Республики как фактор общественного развития. – Чебоксары, 2003. – С. 49–52.
7. Вуль В.А. Электронные издания: учебник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook119/01/part-002.htm#i59> (дата обращения: 17.03.2019).
8. Блюмин А.М. Мировые информационные ресурсы: учебное пособие / А.М. Блюмин, Н.А. Феоктистов. – М.: Дашков и К^о, 2010. – 296 с.
9. Отечественная история XX–XXI веков: социальные, экономические и политические аспекты, вопросы теории: памяти д-ра ист. наук, проф. Ю.П. Смирнова: сб. науч. ст. – Чебоксары: Перфектум, 2012. – 616 с.
10. Мякишев С.Л. Электронные издания: классификация и принципы их построения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_18511762_78506295.pdf (дата обращения: 17.03.2019).
11. Образовательные электронные издания и ресурсы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusere.ru/courses/noteuch/oier.pdf> (дата обращения: 10.03.2019).

Широков Олег Николаевич

д-р ист. наук, профессор, декан

Харитонов Михаил Юрьевич

канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

КАФЕДРА ИСТОРИИ СССР ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ И.Н. УЛЬЯНОВА (1967–1992 гг.)

***Аннотация:** статья посвящена изучению истории основного подразделения историко-филологического факультета Чувашского государственного университета в 1967–1992 гг. – кафедре истории СССР. Изучены основные этапы истории структурного подразделения, научно-педагогический коллектив кафедры, организация научно-исследовательской и учебно-методической работы на кафедре.*

***Ключевые слова:** Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, кафедра истории СССР, история исторической науки, И.Д. Кузнецов, П.В. Денисов, В.Д. Димитриев.*

В 2017 г. Чувашский государственный университет отметил свое пятидесятилетие. Среди подразделений ведущих отсчет своего рождения одновременно с вузовским были исторический факультет и его кафедры, в т.ч. кафедра истории СССР. В приказе Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР №433 от 23 сентября 1967 г. «Об утверждении структуры Чувашского государственного университета» мы находим ее среди других структурных подразделений нового вуза [1, л. 85].

Кафедра начала работу в составе шести преподавателей: И.Д. Кузнецова (зав. кафедрой), П.В. Денисова, Д.М. Макарова, Т.С. Сергеева, Г.А. Варюхина, В.Д. Димитриева (0,5 ставки), которые сформировали основательный научно-педагогический коллектив [13, с. 151]. Становление кафедры истории СССР связано с деятельностью на посту заведующего доктора исторических наук, профессора Ивана Даниловича Кузнецова (1906–1991 гг.), прошедшего сложный жизненный путь. Окончив в 1931 г. Институт красной профессуры, он начал преподавательскую деятельность в вузах Москвы и Нижнего Новгорода. Работал в Чувашском обкоме ВКП (б), одновременно занимаясь научно-педагогической деятельностью в Чувашском научно-исследовательском институте и Чувашском педагогическом институте. В 1937 г. он был репрессирован, реабилитирован лишь в 1955 г. Стал работать директором Чувашского государственного издательства (1956–1958 гг.), заведующим сектором истории, директором Чувашского НИИ ЯЛИЭ (1958–1967 гг.) [8, с. 5–7]. Основной сферой научных интересов И.Д. Кузнецова были история крестьянства Чувашии, региональная историография и этнография.

С основания кафедры все преподаватели уже имели ученую степень кандидата исторических наук и ученое звание доцента. Костяк нового подразделения составили преподаватели кафедры истории Чувашского госу-

дарственного педагогического института, где ранее работали П.В. Денисов, Д.М. Макаров, Т.С. Сергеев, Г.А. Варюхин.

Наибольший опыт педагогической работы имел Дмитрий Макарович Макаров (1918–2001 гг.). Еще до войны он учился на историческом факультете Московского института истории, философии и литературы имени Н.Г. Чернышевского (1938–1941 гг.), потом Великая Отечественная, затем окончил МГУ в 1949 г. и аспирантуру Института методов обучения АПН РСФСР в 1953 г. Работал в школе, Дагестанском и Марийском педагогических институтах. С 1964 г. был доцентом кафедры истории ЧГПИ. Д.М. Макаров – научных трудов по истории марийского и чувашского народов, христианизации народов Среднего Поволжья, методике преподавания истории [3, с. 261–262].

Пётр Владимирович Денисов (1928–2014 гг.) прошел большую научную школу в г. Казани. В 1949 г. окончил историко-филологический факультет Казанского государственного университета, а в 1952 г. аспирантуру Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР (1952 г.). В 1959 г. он защитил кандидатскую диссертацию, с 1962 г. стал работать в ЧГПИ. Он исследовал проблемы чувашской этнографии, в частности, вопросы этнокультурных параллелей дунайских болгар и чувашей, религии чувашского народа, большой вклад внес в изучение творчества Н.Я. Бичурина [7, с. 4–9].

Тихон Сергеевич Сергеев (р. 1938 г.) и Геннадий Алексеевич Варюхин (1931–1999 гг.) в 1967 г. были одними из молодых преподавателей университета, чья карьера только начиналась [6]. Первый – выпускник ЧГПИ (1960 г.), аспирантуры МГПИ имени В.И. Ленина (1965 г.). Занимался вопросами истории культуры Чувашии. Второй – закончил МГУ в 1962 г., затем там же аспирантуру (1966 г.). Сфера научных интересов – городские Советы депутатов РСФСР.

Василий Дмитриевич Дмитриев (1924–2013) работал директором НИИЯЛИЭ при Совете Министров ЧАССР и поэтому первоначально работал на кафедре истории СССР по совместительству [5, с. 124–138]. Василий Дмитриевич являлся одним из ведущих специалистов России по средневековой истории Поволжья. Основные труды В.Д. Дмитриева посвящены этногенезу чувашского народа, истории населения Среднего Поволжья с древнейших времён, Волжской Болгарии, Болгарской земли в составе Золотой Орды, чувашского народа в Казанском ханстве, в составе России до середины XIX в., национально-колониальной политике царского правительства в Среднем Поволжье.

Научно-исследовательская работа кафедры велась по истории Чувашской АССР, истории областной партийной организации, изучению культуры и быта чувашского народа. В 1969 г. на кафедре была открыта аспирантура по специальности «История СССР» (научный руководитель – профессор И.Д. Кузнецов). Первыми аспирантами стали Ю.П. Смирнов, В.Г. Шарков, В.Г. Тимофеев и И.И. Демидова.

Постоянно поднимались вопросы совершенствования учебного процесса. На факультете в то время велась подготовка преподавателей средней школы по специальности «История и обществоведение». Обучение осуществлялось по базовому учебному плану. Преподаватели кафедры разработали курсы по истории СССР, истории ЧАССР, историографии,

источниковедению и этнографии, а также методике преподавания истории в школе. Историю СССР периода феодализма преподавал Д.М. Макаров, историю СССР XIX в. и начала XX в. – Т.С. Сергеев, историю советского периода – Г.А. Варюхин, затем Ю.П. Смирнов, методику преподавания истории – К.Н. Сидорова, историю Чувашии – И.Д. Кузнецов и В.Л. Кузьмин. На старших курсах студенты выбирали специализацию и изучали спецкурсы [13, с. 153].

В 1968 г. предлагалось ввести на третьем курсе отделения истории изучение в 6-м семестре факультативного курса «Источниковедение истории СССР» в объеме 50 лекционных часов. Было принято решение о необходимости введения этого курса, который уже был в ряде педагогических вузов страны и позволял привить студентам навыки работы с историческими источниками, что было необходимо в школьной преподавательской работе. Разработка курса была поручена В.Д. Димитриеву [2, л. 30].

При кафедре имелся кабинет истории СССР, укомплектованный научной и учебно-методической литературой и необходимыми наглядными пособиями. Функционирующий при кафедре этнографический музей располагал экспонатами, характеризующими быт и культуру чувашского и других народов Поволжья в прошлом и на тот момент. Музей постоянно пополнялся за счет этнографических экспедиций, в ходе которых студенты, специализирующиеся по этнографии, собирали и исследовали материалы, необходимые для выполнения дипломных работ. Большую работу в этом направлении проводила И.И. Демидова, а затем Г.Г. Щипакина. К научно-исследовательской работе активно привлекались студенты. Уже в 1967 г. в работе кружков по археологии и этнографии участвовали 62 студента [11, с. 69]. Заметным вкладом кафедры в историю ЧГУ стало также открытие музея И.Н. Ульянова, в котором ведущую роль сыграл Т.С. Сергеев.

В 1973 г. заведующим кафедрой истории СССР стал доктор исторических наук, профессор Петр Владимирович Денисов. В это время на кафедре работали уже девять преподавателей: профессора И.Д. Кузнецов, В.Д. Димитриев (0,5 ставки), доценты П.В. Денисов, Д.М. Макаров, Т.С. Сергеев, В.Л. Кузьмин (0,5 ставки), старший преподаватель Г.А. Варюхин, ассистенты Г.Г. Щипакина и Ю.П. Смирнов [13, с. 153].

Василий Леонтьевич Кузьмин (1919–2002 гг.) был выпускником ЧГПИ (1946 г.), затем учился в аспирантуре Казанского филиала АН СССР (1951 г.). Работал старшим научным сотрудником НИИ ЯЛИЭ при СМ ЧАССР (1951–1963 гг.), начальником отдела использования и публикации документальных материалов ЦГА ЧАССР (1964–1972 гг.). В 1974 г. он стал доцентом кафедры истории СССР ЧГУ, где проработал до 1990 г. [10].

В 1970 г. после окончания аспирантуры ассистентом кафедры стал Юрий Петрович Смирнов (1938–2010 гг.). Он специализировался в области истории рабочего класса республик РФ, индустриального развития, истории высшей школы, применения математических методов в исторических исследованиях. Позже работал заведующим кафедрами Отечественной истории XX века, документоведения и документационного обеспечения управления, деканом исторического факультета [12].

Показателем высокого уровня научных исследований, проводимых на кафедре истории СССР, можно считать выпускников кафедры, защи-

тивших кандидатские диссертации. Среди них были Ю.П. Смирнов (1973 г.), В.Г. Шарков (1975 г.), В.Г. Тимофеев (1976 г.), И.И. Демидова (1978 г.), В.Д. Данилов (1979 г.), Б.В. Каховский (1981 г.), А.В. Арсентьева (1983 г.), З.В. Воронкова (1986 г.) [9, с. 74]. Кафедра стала настоящей кузницей кадров для университета.

Работники кафедры активно осуществляли научные исследования, участвовали в работе всесоюзных, всероссийских, межвузовских научных конференций и мероприятий. Усилиями кафедры были подготовлены и изданы межвузовские сборники: четыре выпуска «Вопросы истории и историографии чувашского народа» (1970–1976 гг.) и десять выпусков «Актуальные проблемы истории рабочего класса автономных республик РСФСР» (1978–1988 гг.). Профессора и доценты кафедры поддерживали научные контакты с другими вузами. В.Д. Дмитриев и П.В. Денисов часто выезжали в Горьковский университет в качестве членов диссертационного совета. Многие темы исследований разрабатывались совместно с НИИЯЛИЭ при СМ ЧАССР (статистико-этнографические экспедиции в 1970, 1980, 1981–1982 гг.), а также с учеными МГУ, ЛГУ, Горьковского университета. В 1978 г. кафедра включилась в работу по созданию музея Чебоксарского завода промышленных тракторов.

Преподаватели кафедры на основании своих научных интересов разрабатывали специальные дисциплины: П.В. Денисов – «Социология современной деревни», Д.М. Макаров – «Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.», Т.С. Сергеев – «Семья Ульяновых и культура народов Поволжья», Г.А. Варюхин – «Советы Чувашии в 1921–1932 гг.», В.Л. Кузьмин – «Аграрный вопрос и крестьянское движение в Чувашии в годы трех революций», Ю.П. Смирнов – «Рабочий класс Чувашии в годы развернутого строительства коммунизма» [11, с. 67]. Для преподавания некоторых дисциплин приглашались ученые Московского, Ленинградского, Казанского и Горьковского университетов. На кафедре старались следовать новым тенденциям в развитии университетского образования. В 1976 г. в Чувашском университете впервые появился спецкурс «Применение математических методов в исторических исследованиях». В МГУ такой курс появился в 1975 г. Первые три года лекции по новому предмету в ЧГУ читали признанные специалисты Института истории СССР АН СССР В.Е. Полетаев и И.Л. Корнаковский. В 1987 г. для подготовки историков в университете был введен курс «Информатика, вычислительная техника и ТСО» [4, с. 13].

В 1988 г. кафедру истории СССР возглавил В.Д. Дмитриев, который перешел в университет на работу на постоянной основе. В 1990 г. на базе кафедры истории СССР была создана отдельная кафедра археологии, этнографии и региональной истории (зав. кафедрой – П.В. Денисов). Кафедра истории СССР стала работать в следующем составе: заведующий – В.Д. Дмитриев, профессора Ю.П. Смирнов и Т.С. Сергеев, доценты Д.М. Макаров, И.И. Демидова, В.Г. Тимофеев, А.В. Арсентьева, старший научный сотрудник Г.А. Николаев, лаборант И.Ю. Архипова [9, с. 74]. Вскоре на кафедру был принят выпускник Уральского государственного университета О.В. Андреев.

Деятельность кафедры в последние годы проходила в условиях стремительного изменения общественно-политической обстановки. Прежние установки утрачивали свое значение, роль КПСС стала снижаться. Проис-

ходил отказ от старых подходов преподаванию социальных и гуманитарных дисциплин. В деятельности вузов возросли элементы самостоятельности при формировании образовательной политики, внедрялись элементы рыночного хозяйствования. Начался новый этап в жизни кафедры, что привело к ее переименованию в 1992 г. в кафедру Отечественной истории, а в 1993 г. на базе последней было создано две кафедры – Отечественной истории XX века (зав. кафедрой – Ю.П. Смирнов) и средневековой и новой истории Отечества (зав. кафедрой – В.Д. Димитриев).

Рассматривая детальность преподавателей и сотрудников кафедры истории СССР, можно с уверенностью констатировать, что кафедра внесла значительный вклад в развитие исторической науки и образования Чувашии. Кафедрой заведовали крупнейшие ученые И.Д. Кузнецов, П.В. Денисов и В.Д. Димитриев. Научные достижения членов кафедры во многом определили лицо чувашской исторической науки. Преподаватели кафедры активно и творчески успешно решали задачи по подготовке кадров высшей квалификации в сфере истории. Многие выпускники нашли свое призвание в образовании и науке республики, некоторые успешно устраивались на работу в государственные и партийные учреждения, органы внутренних дел и безопасности.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. 2453. Оп. 1. Д. 1.
2. ГИА ЧР. Ф. 2453. Оп. 1. Д. 46.
3. Айплатов Г.Н. Макаров Дмитрий Макарович (К 100-летию со дня рождения) / Г.Н. Айплатов, А.Г. Иванов // Марийский археографический вестник. – 2018. – №28. – С. 261–262.
4. Андреев О.В. И.Д. Кузнецов – организатор кафедры истории СССР Чувашского государственного университета // Межэтнические отношения, национальные проблемы и движения в Среднем Поволжье и Приуралье в XVIII–XX веках: Тез. докл. региональной науч. конф. – Чебоксары, 1996. – С. 12–14.
5. Бойко И.И. В.Д. Димитриев – директор чувашского НИИЯЛИЭ // Димитриев Василий Димитриевич: учёный, педагог, общественный деятель, гражданин: сб. ст. – Чебоксары: ЧГИГН, 2013. – С. 124–138.
6. Бойко И.И. Сергеев Тихон Сергеевич // Чувашская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnk=3067>
7. Кодыбайкин С.Н. Памяти выдающегося ученого: к 90-летию со дня рождения П.В. Денисова // Народы Волго-Уралья в истории и культуре России. – Чебоксары: ИД «Среда», 2018. – С. 4–9.
8. Кураков Л.П. Иван Данилович Кузнецов / Л.П. Кураков, В.Д. Димитриев, П.В. Денисов, Ю.П. Смирнов // Межэтнические отношения, национальные проблемы и движения в Среднем Поволжье и Приуралье в XVIII–XX веках: Тез. докл. региональной науч. конф. – Чебоксары, 1996. – С. 5–7.
9. Полвека на ниве образования: к 50-летию ЧГУ имени И.Н. Ульянова / гл. ред. А.Ю. Александров. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. – 374 с.
10. Сергеев Т.С. Кузьмин Василий Леонтьевич // Чувашская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnk=2860>
11. Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 1967–1997 гг. – Чебоксары, 1997. – 323 с.
12. Широков О. Юрьий Петрович Смирнов: судьба человека и ученого / О. Широков, М. Харитонов, И. Муравьева // Ульяновец. – 2018. – 31 августа. – С. 3.
13. Широков О.Н. Историко-филологический факультет Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова: первые годы деятельности исторического отделения / О.Н. Широков, М.А. Широкова // Вестник Чувашского университета. – 2016. – №2. – С. 149–157.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Арчакова Оксана Борисовна

канд. филол. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет»

г. Благовещенск, Амурская область

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ АМУРСКОЙ РЕКЛАМЫ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ГАЗЕТЫ ОБЪЯВЛЕНИЙ «АМУРСКИЙ КОММЕРЧЕСКИЙ ПОСРЕДНИК»

Аннотация: в статье анализу подвергнуто дореволюционное издание – первая газета объявлений «Амурский коммерческий посредник», которая выходила в городе Благовещенске с 4 ноября 1910 г. При анализе издания были использованы экземпляры газеты, имеющиеся в хранилище ГААО. Цель статьи – показать сквозь призму объявлений условия жизни, интересы и занятия горожан.

Ключевые слова: дореволюционная реклама, газета объявлений, «Амурский коммерческий посредник», Амурская область, Благовещенск.

Развитие Благовещенска в конце XIX – начале XX веков происходило достаточно быстрыми темпами и было связано с золотодобычей, сельским хозяйством, речным транспортом. По мнению Н.А. Шиндялова: «В городе располагались конторы многих торгово-промышленных фирм, филиалы международных компаний, игравших важную роль в экономической жизни не только Амурской области, но и всего Дальнего Востока: «И.Я. Чурин и К^о», «Кунст и Альберс», «В. Алексеев с С-ми», «Ф.К. Кувшинов», «Благовещенское коммерческое товарищество», «Амурское общество пароходства и торговли» и др.» [1].

Нами был проведен контент-анализ первой коммерческой газеты объявлений «Амурский коммерческий посредник», экземпляры которой находятся в хранилище Государственного архива Амурской области, в количестве 51 номера.

Русская реклама прошла достаточно долгий и в то же время насыщенный путь исторического развития. Был накоплен огромный багаж рекламных знаний, опыта, традиций. Многие рекламные образцы дореволюционного периода представляют сегодня не только рекламную, но историческую и культурологическую ценность. Содержание объявлений характеризует условия жизни, интересы и занятия горожан. Реклама представляет собой особый способ отражения действительности.

По «Временным правилам о печати» 1865 года частные периодические издания получили право печатать платные объявления. С этого времени реклама появляется в большей части газет и журналов. К концу XIX века она выходит на первые полосы, блок рекламной информации даже в общественно-политических изданиях зачастую занимает до поло-

вины площади; наряду с объявлениями акционерных компаний, это многочисленные предложения товаров и услуг [2, с. 57].

В дореволюционный период в г. Благовещенске в течение года выходила газета объявлений «Амурский коммерческий посредник», являющаяся рекламно-информационным изданием под редакцией Я.А. Щурь. Это частная коммерческая газета, относящаяся к числу либерально-буржуазных изданий [3, с. 52]. Она выходила три раза в неделю: по воскресеньям, средам, пятницам и с разрешения полицмейстера А. Данильчук.

Редакция помещалась на Графской улице между Амурской и Иркутской, дом Клитчоглу, где находилась типография «Амурский край». Контора редактора была открыта ежедневно с 9 утра до 12 часов и с 13.00 до 17.00 часов вечера, кроме праздников. Прием объявлений производился в конторе редакции, в типографии «Амурский край» и в магазине «Оборотъ». Координаты редакции указывались в левом верхнем углу.

Газета «Амурский коммерческий посредник» состоит из 4 страниц. На первой странице помещалось до 20 объявлений разного характера. Лидируют в количественном отношении тексты, затрагивающие экономическую и интеллектуальную сферы рекламной деятельности. Сфера экономики преобладает в газете за счет рекламы обращений о поиске – предложений рабочей силы. Например, *«Шлюпочных мастеров, могущих самостоятельно строить гребные и сплавные суда по чертежам, приглашаются в контору затона министерства П.С. для переговоров»*, №3, 11.12.1910 г.

В каждом номере можно найти предложения от врачей и фармацевтов, recommending лекарственные препараты, студентов и опытных преподавателей, готовых помочь в подготовке к учебным занятиям и экзаменам, учителей танцев, музыки, иностранных языков, воспитательниц для детей и компаньенок, нянь и горничных. Из объявлений в №11, 27.01.1911 г. мы узнаем: *«Японский доктор В.А. Сибата. Прием больных по женским и мужским внутренним и наружным болезням. Ежедневно с 8 утра до 5 вечера»*; *«Желаю получить место в прислуги. Могу работать поделно, хорошо знакома с прачечным делом»*; *«Ищу место в няни, в пожилых летах»*.

Ежедневно «Амурский коммерческий посредник» призывает приобрести или арендовать недвижимость (комнату, дом, дачу, усадьбу, хутор), купить мебель, ковры, рояли, пианино и другие музыкальные инструменты, а также пишущие и швейные машины, велосипеды, фонографы, фотоаппараты; ткани, одежду, обувь. В рекламе недвижимости указываются не только детали и условия. Приводятся все, интересующие потенциального покупателя характеристики: вид недвижимости, место нахождения, площадь, цена и условия оплаты, адрес. Например, *«Желаю снять в долгосрочную аренду участок земли (желательно с постройками), годный для земледелия»*; *«Отдается в долгосрочную аренду хутор, в 3х верстах от г. Благовещенска, за Зеей, на берегу, у бойкой трактовой дороги, а именно: 30 десятин роскошного сенокоса, жилой дом, бревенчатый теплый скотный сарай, надворные службы: амбар с подвалом, завозня и конюшня»*, №10, 25.01.1911 г.

Интересна благотворительная и религиозная реклама. Она не многочисленна, но отдельные объявления встречаются на страницах «Амур-

ского коммерческого посредника». В сферу религиозной рекламы помимо воззваний православных священников, собирающих на строительство и восстановление храмов, входят публикуемые в газетах приглашения на религиозные праздники, на богослужения, посвященные чествованиям русских святых, на совершение молебна по тому или иному случаю, а также сведения о дате и месте панихид. Основную часть благотворительных объявлений составляли сообщения особого комитета Ее Императорского Величества Великой княгини Елизаветы Федоровны, заботившегося о больных, раненных на полях сражений воинах и многих других. Можно привести пример из №16, 2011 г.: *«Постановление Св. Синода. Сбор в церквях Амурской области на молебствие о раненых и павших воинах»*.

В сентябре наступает время рекламных новинок осеннего и зимнего сезона. Из объявления в №21, 09.03.1911 г. мы узнаем: *«Сезонные новости: торговый дом И.Я. Чурин и К. Дамские платья: плюшевые пальто, полупальто и жакеты Детские плюшевые гарнитур; мужское пальто, демисезонное и ватное; куртки австрийские»*.

Начиная с 16 номера 07.02.1911 г. редакция газеты «Амурский коммерческий посредник» ввела следующие разделы: 1) местная жизнь; 2) местная хроника; 3) торговая жизнь; 4) вести из деревни; 5) справочный отдел; 6) объявления.

В каждом номере на третьей странице (иногда на второй) помещался фельетон. Кроме фельетонов печатались эскизы и наброски. Появились и постоянные авторы этого художественно-публицистического жанра. Такие как, Сибиряк, автор эскиза «Под звон колоколов», наброска «В глуши», фельетона «В темном царстве»; Бунчук, автор многочисленных фельетонов: «Лечись за деньги или умирай», «Помощь красного петуха», «Вдохновение» и некоторых стихотворений. О различных заседаниях городской думы и о ее работе в каждом номере рассказывал Захар Синица. К некоторым номерам, а точнее к №19, 23, 27, 28 и 52 есть бесплатные приложения, рубрики в них те же, что и в газете. К отдельным номерам прилагаются различные программы, например, №29, 12.03.1911 г.: *«Для городских подписчиков присылается программа театра Жарден Д'ивер»*.

По структуре все объявления одинаковы, но по элементам содержания значительно отличаются. Это связано с видом рекламируемого товара. Построение текста большинства сообщений соответствует схеме: заголовок – текст – обозначение цены – имя и координаты рекламодателя.

Газета «Амурский коммерческий посредник» наглядно демонстрирует, как от сферы интересов читательской аудитории издания зависит состав рекламных объявлений. Притом, что рекламные страницы рекламного издания имели свои особенности, в них публиковались объявления, охватывающие все социальные сферы. Наибольшая часть рекламных объявлений относится к коммерческому типу, поскольку большинство объявлений рассказывают об услугах процветающих банков, о требующихся займах и несостоятельных должниках, о поиске – предложении работы. Просуществовала газета «Амурский коммерческий посредник» недолго. Вышло всего 53 номера в течение одного года с 1910 по 1911. Выпуск газеты был приостановлен из-за отсутствия в городе свободной типографии, которая бы могла своевременно выпускать номер газеты.

Таким образом, анализ рекламных объявлений в периодическом издании «Амурский коммерческий посредник» позволяет утверждать, что в начале XX века в Амурской области сложился достаточно высокий уровень развития торгово-промышленных отношений.

Список литературы

1. Шиндялов Н.А. История Благовещенска. 1856–1907. Очерки, документы, материалы. – Благовещенск, 2006. – 168 с.
2. Стрюченко И.Г. Периодическая печать Дальнего Востока и Забайкалья эпохи капитализма (1861–1917). – Владивосток, 1983. – 236 с.
3. Арчакова О.Б. Амурский коммерческий посредник // Вестник Амурского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2010. – Вып. 50. – С. 52–56.

Бойко Иван Иванович

д-р ист. наук, главный научный сотрудник
БНУ ЧР «Чувашский государственный
институт гуманитарных наук»
Министерства образования и молодежной
политики Чувашской Республики
г. Чебоксары, Чувашская Республика

Музыкава Алина Леонидовна

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

НАУЧНО-ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В.Е. ПОЛЕТАЕВА

Аннотация: статья посвящена жизнедеятельности Владимира Евгеньевича Полетаева (1924–1993) – москвоведа, историка рабочего класса, руководившего масштабными исследованиями социального облика советской молодежи 1930-х – начала 1970-х гг., видного представителя историко-социологической школы в советской историографии.

Ключевые слова: Владимир Евгеньевич Полетаев, советское общество, историко-социологические исследования, социальная структура, социальный облик, москвоведение, археография.

В 2019 г. исполнилось 95 лет со дня рождения Владимира Евгеньевича Полетаева, доктора исторических наук, профессора, москвоведа, исследователя социальной структуры, рабочего класса и индустрии, одного из инициаторов применения ЭВМ в изучения исторических явлений.

Будущий историк родился в 1924 г. в Москве в семье служащих. Его отец Е.Э. Черномордик был необоснованно репрессирован в 1930-х гг., скончался в тюрьме в 1941 г., был реабилитирован в 1956 г. С началом Великой Отечественной войны В.Е. Полетаев ушел добровольцем в народное ополчение, воевал на Западном фронте, но в декабре 1941 г., как не достигший призывного возраста, был демобилизован и до окончания войны трудился в Москве на авиационном заводе. Возможно, в последующем эти страницы биографии В.Е. Полетаева определили направленность его научных интересов – одна из монографий ученого, опубликованная в 1967 г., будет посвящена раскритику специфики восстановительного периода промышленности столицы, осуждению трудо-

вого подвига женщин, подростков, ветеранов труда, вернувшихся на фабрики и заводы, и составивших значительную часть лиц, занятых на производстве в годы войны и в первое время после ее завершения [17].

Одновременно с работой на оборонном заводе В.Е. Полетаев учился в Московском педагогическом институте, а затем на историческом факультете Московского государственного университета. В 1948–1953 гг. с небольшими перерывами был сотрудником Музея истории и реконструкции Москвы. С 1953 г. работал в Институте истории АН СССР, где в 1968–1988 гг. заведовал созданным им сектором историко-социологических исследований. В 1952 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Борьба трудящихся Москвы за реконструкцию городского хозяйства столицы в 1931–1934 гг.», в 1965 г. – докторскую на тему «Рабочие Москвы на завершающем этапе строительства социализма: 1945–1958 гг.». В 1970 г. В.Е. Полетаеву было присвоено звание профессора [1; 5].

В.Е. Полетаева отличала обширность научных интересов. Он занимался изучением истории столицы: истории Кремля [12], городского хозяйства и жилищного строительства в период реконструкции советской Москвы [8; 13], строительства первой очереди Московского метрополитена [9], московской топонимики [21]. В 1968 г. авторский коллектив в составе С.В. Евгенова, Ю.К. Ефремова, В.Н. Крылова, А.М. Пегова, В.Е. Полетаева, Л.Я. Талалая, Л.А. Ястржембского приступил к составлению книги «Имена московских улиц», вышедшей в 1972 г. и в последующем неоднократно переиздававшейся. В.Е. Полетаев участвовал в подготовке коллективного академического издания – энциклопедия «Москва» (1980 г.), второго тома двухтомной иллюстрированной истории Москвы [4]. Необходимо отметить, что научно-исследовательскую деятельность ученый совмещал с практической работой. Так, с 1960-х гг. ученый трудился в комиссии Моссовета по переименованию улиц. В своих статьях и публичных лекциях по московской тематике ученый призывал бережно относиться к историческим городским названиям.

Другая важная научная проблема, волновавшая В.Е. Полетаева, касалась теории источниковедения и археографии истории СССР. Период, начавшийся с середины 1950-х гг., когда стали возникать новые центры археографической мысли, публиковаться ранее не разрабатывавшиеся комплексы документов, считают, в известном смысле, «золотым веком» советской археографии» [25]. Непосредственно при участии В.Е. Полетаева были составлены два тома 7-томного издания «Материалы по истории СССР»: первый – «Документы советского общества» (1955 г.) [2] и третий – «Рабочий контроль и национализация крупной промышленности в Иваново-Вознесенской губернии» (1956 г.) [3].

В 1958 г. В.Е. Полетаев совместно с М.Н. Павловым в журнале «Вопросы истории» опубликовал статью об итогах работы сессии Научного совета Отделения исторических наук АН СССР, посвященной обсуждению научной литературы и документальных публикаций, изданных к 40-летию Октябрьской революции. Одним из выводов научной сессии было подчеркивание важности обобщения опыта публикаторской работы, разработки теории источниковедения и археографии советского периода истории СССР, необходимости повышения научного уровня комментирования, археографических предисловий публикаций [16].

В 1957 г. в СССР вышло в свет 106 сборников документов, более 15 тыс. новых, впервые опубликованных источников, было введено в научный обо-

рот. Только за один год было «издано столько же документальных сборников, сколько вышло за тридцать девять предыдущих лет» [16, с. 191]. Свой вклад в это дело внес и В.Е. Полетаев [6; 7; 14]. Необходимо отметить, что основные вопросы выявления и отбора документов при подготовке изданий научного типа были изложены в «Правилах издания исторических документов» 1955 г. Однако, историки встречали немало трудностей при подготовке таких новых форм публикаций как серийные издания в связи с отсутствием должного опыта и слабого освещения указанной темы в трудах по археографии. Восполнить этот пробел была призвана работа В.Е. Полетаева, Г.Е. Рейхберга, изданная в «Вопросах архивоведения» в 1960 г. [15]. Анализируя опыт подготовки серии по истории Октябрьской революции, авторы уделили особое внимание проблеме полноты выявления и отбора, поставив вопрос о документах из лагеря врагов революции, подчеркивая, что «их опубликованию должна предшествовать тщательная проверка достоверности сообщаемых сведений» [15, с. 39].

Среди проблем послевоенной истории СССР ведущее место занимала история рабочего класса. На тот момент усилия историков «... были сосредоточены преимущественно на таких «традиционных» темах, как социалистическое соревнование и отчасти культурно-технический уровень рабочего класса...» [10, с. 79]. К числу малоисследованных тем относились, в частности, изменение численности рабочего класса, его структуры и состава по полу, возрасту и стажу непрерывной работы, образованию и т. д. Указанные аспекты были изучены В.Е. Полетаевым на примере рабочих Москвы, где по переписи 1959 г. проживало 2,4% населения и приходилось примерно 5% рабочих и служащих страны. При этом автор, приводя данные о численности и составе рабочих в народном хозяйстве столицы в послевоенный период, обращается к показателям, характеризующим его развитие в довоенные годы, а также к общесоюзным показателям. Не остались без внимания В.Е. Полетаева такие вопросы, как количественное соотношение между рабочими и другими категориями работников промышленности, изменение половозрастного состава рабочего класса, как одного из серьезных последствий войны, сведения о численности рабочих по тарифным разрядам и др. Статистика данных о производственном стаже промышленно-производственного персонала позволила автору сделать вывод о повышении удельного веса рабочих с наиболее продолжительным производственным стажем на предприятиях Москвы, и что в решении проблемы создания постоянных кадров промышленными предприятиями столица занимала ведущее место в стране [10, с. 86].

В.Е. Полетаевым были рассмотрены подготовка нового пополнения рабочего класса через систему трудовых резервов и непосредственно на производстве, такие методы повышения квалификации, как технический минимум, на смену которому пришли школы передового опыта. Одним из видов последних были школы высокой производительности труда. Широкое распространение получили курсы целевого назначения, рассчитанные на короткие сроки, и школы скоростных методов труда [10, с. 86].

Результатом работы В.Е. Полетаева в этом научном направлении стала монография «Рабочие Москвы на завершающем этапе строительства социализма. 1945–1958 гг.», опубликованная в 1967 г. В ней на основе выявленной и тщательно проанализированной обширной базы ранее неизвестных, обобщающих статистических материалов последовательно

прослежены рост промышленного потенциала и строительной базы столицы, изменения численности и состава московских рабочих, их участие в общественно-политической жизни страны, в социалистическом соревновании, материальное положение, условия труда и быта [17].

Ключевой задачей научной детальности В.Е. Полетаева на протяжении долгого времени было изучение социальной структуры советского общества. Не умаляя значения трудов, созданных предшествующими поколениями обществоведов, ученый отмечал тенденцию упрощенного представления о социальной структуре социалистического общества, долгие годы имевшего место в советской науке [23, с. 3]. Изучить с должной полнотой развитие социальной структуры советского общества как исторической категории, получить наиболее полную и разностороннюю информацию о происходящих в нем процессах предполагалось при помощи постановки комплексных исследований с использованием методики смежных общественных наук на основе применения ЭВМ [11].

В центре внимания В.Е. Полетаева и его коллег оказалась самая динамичная группа общества – молодежь. При этом «отправным источником для данного исследования явились материалы первых за годы Советской власти массовых социологических обследований культуры и быта рабочей и колхозной молодежи 1936 и 1938 гг. (свыше 10 тыс. первичных анкет-опросников)» [23, с. 4].

В 1968 г. сотрудники руководимого В.Е. Полетаевым сектора историко-социологических исследований Института истории СССР АН СССР приступили к разработке хранящихся в фонде ЦСУ СССР Центрального государственного архива (народного хозяйства СССР (ЦГАНХ СССР) первичных материалов обследования колхозной молодежи, проведенного в 1938 г. в различных областях страны: Московской, Курской, Харьковской, Полтавской, Ростовской, Омской, Гомельской. Для выявления изменений, произошедших в этой части населения по истечении лет, в 1969 г. было проведено повторное обследование по аналогичной программе по тем же областям с учетом нового административного деления, а в 1972 г. – обследование рабочей молодежи для сопоставления с данными 1936 г.

Результатом колоссальной работы, сочетавшей в себе методы разных наук, строившейся на основе новейших средств переработки получаемой информации, стало первое в стране крупномасштабное историко-социологическое исследование облика советской молодежи 1930-х – начала 1970-х гг. [18–20; 23; 24]. В коллективных монографиях, написанных под руководством В.Е. Полетаева, на примере двух поколений советской молодежи было показано, как формировался социалистический образ жизни, социальный облик колхозной и рабочей молодежи на протяжении нескольких десятилетий. В них также освещались и основные черты культурного облика молодежи – образование, мир духовных интересов.

В 1984 г. в издательстве «Наука» вышли первые три тома из запланированного академического шеститомника «История советского рабочего класса». В 1987 г. был издан четвертый том, в 1988 г. – пятый. К сожалению, в силу изменившейся ситуации шестой том не увидел свет, и серия оказалась неоконченной. В.Е. Полетаев принимал активное участие в подготовке всей серии, и был автором и ответственным редактором пятого тома, хронология которого была ограничена 1961–1970 гг. Это было время бурного развития экономики страны, в первую очередь ее индустриального блока, что и нашло отражение в переменах состава и чис-

ленности рабочего класса. В этом томе нашли отражение новые методологические подходы по исследованию социальной структуры в целом и рабочего класса, в частности, которые разрабатывались в секторе историко-социологических исследований под руководством В.Е. Полетаева.

Особая ценность этих новаций заключается в том, что они активно использовались в регионах страны, благодаря научным конференциям, различным семинарам, воспитанию в секторе аспирантов из областей и республик страны. В качестве успешного примера можно привести опыт сотрудничества Института истории СССР АН СССР и исторического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. В 1976–1982 гг. под Отделом историко-социологических исследований академического института и университетом была проведена серия крупных обследований. Они проводились по широкой программе и охватывали не только регионы, входившие в обследования 1936 и 1972 гг., но и другие, прежде всего, автономные республики Российской Федерации. Интерес к разработке данной проблемы усилился после проведения Главным советом по истории Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР, Ленинградским и Чувашским университетами в ноябре 1976 г. научной сессии в г. Чебоксары, где с докладами выступили ведущие ученые В.Е. Полетаев, В.Б. Тельпуховский, В.А. Ежов, А.З. Ваксер, В.А. Овсянкин, И.П. Труфанов [22].

В.Е. Полетаев плодотворно сотрудничал с Чувашским государственным университетом, где в 1976–1985 гг. регулярно читал лекции, спецкурсы, руководил курсовыми и дипломными проектами. Он выступил инициатором творческого содружества Чебоксарского завода промышленных тракторов и Института истории СССР АН СССР, оказал большую помощь в создании музея предприятия. Под руководством В.Е. Полетаева 5 учёных из Чувашии защитили кандидатские диссертации [1].

Таким образом, научные труды видного представителя историко-социологической школы в советской историографии, организатора науки В.Е. Полетаева основаны на многообразной источниковой базе, посвящены социальной истории XX в., процессам формирования рабочего класса, изучению его места в социальной структуре советского общества, проблемам источниковедения, историографии, археографии, количественных методов в исторических исследованиях, Октябрьской революции, истории и топонимике Москвы.

В.Е. Полетаев относится к поколению советских историков, вступивших в историческую науку после окончания Великой Отечественной войны, испытавших тяготы и лишения фронта и тыла, для кого пополнить ряды защитников Родины, действующей Красной Армии или народного ополчения, было бесспорным шагом, и которые, вернувшись с фронта, учились и трудились упорнее и целеустремленнее, наверстывая упущенное, отличались быстрым профессиональным ростом.

На наш взгляд, для В.Е. Полетаева был очевиден и выбор области научных интересов – изучение проблем XX в., насыщенного революционными процессами, требовавшими осмысления, выработки собственной общественной и научной позиции. Не случайно, исследователь стал приверженцем применения количественных методов в исторической науке, которые давали возможность «оживить» накопленные ранее массовые источники, сопоставить их с новыми, выявить фундаментальные глубинные взаимосвязи, изучить скрытые от взгляда макроструктуры,

пронизывающие жизнь социума на протяжении больших отрезков времени, и, возможно, достичь большей объективности исторической науки, сопоставимости ее результатов с выводами точных наук.

Список литературы

1. Корнаковский И.Л. Полетаев Владимир Евгеньевич / И.Л. Корнаковский, Ю.П. Смирнов // Чувашская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.enc.cap.ru/?t=prsn&lnk=358
2. Материалы по истории СССР: в 7 т. / отв. ред. А.А. Новосельский [и др.]; Акад. наук СССР. Ин-т истории. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955–1959. – Т. 1: Документы по истории советского общества / сост. В.Е. Полетаев и Ю.У. Томашевич. – 1955. – 520 с.
3. Материалы по истории СССР: в 7 т. / отв. ред. А.А. Новосельский [и др.]; Акад. наук СССР. Ин-т истории. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955–1959. – Т. 3: Рабочий контроль и национализация крупной промышленности в Иваново-Вознесенской губернии / сост. В.А. Бабичев, И.В. Мокеичев, В.Е. Полетаев [и др.]. – 1956. – 328 с.
4. Москва. Иллюстрированная история: в 2-х т. / редкол.: В.С. Молдаван [и др.]. – М.: Мысль, 1984–1986. – Т. 2: С 1917 до наших дней / Ю.А. Поляков, В.Е. Полетаев, А.М. Самсонов, И.Л. Корнаковский; отв. ред. А.Ю. Поляков. – 1986. – 477 с.
5. Полетаев Владимир Евгеньевич (1924–1993) // Московская энциклопедия. Т. 1: Лица Москвы. Кн. 3: М–Р. – М.: Фонд «Московские энциклопедии», 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.moscow-tombs.ru/1993/poletaev_ve.htm
6. Полетаев В.Е. В секторе публикации источников по истории советского общества [Института истории АН СССР] / С.М. Кляцкин, В.Е. Полетаев // Исторический архив. – 1957. – №2. – С. 217–219.
7. Полетаев В.Е. Документы Великой революции (Юбилейное издание) / В.Е. Полетаев, Г.Е. Рейхберг // Вестник Академии наук СССР. – 1957. – №10. – С. 157–159.
8. Полетаев В.Е. Жилищное строительство в Москве в 1931–1934 гг. / В.Е. Полетаев // Исторические записки. – 1960. – №66. – С. 3–19.
9. Полетаев В.Е. Из истории строительства первой очереди Московского метрополитена / В.Е. Полетаев // Исторические записки. – 1953. – Т. 42. – С. 19–44.
10. Полетаев В.Е. Изменение численности и состава рабочих Москвы в послевоенный период / В.Е. Полетаев // Вопросы истории. – 1961. – №11. – С. 79–90.
11. Полетаев В.Е. История, конкретные социальные исследования, кибернетика / В.Е. Полетаев, Ю.А. Поляков, В.А. Устинов // История СССР. – 1968. – №4. – С. 3–15.
12. Полетаев В.Е. Московский Кремль: Стенограмма публичной лекции / В.Е. Полетаев. – М., 1959. – 42 с.
13. Полетаев В.Е. На путях к новой Москве: Начало реконструкции столицы (1917–1935) / В.Е. Полетаев. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 170 с.
14. Полетаев В.Е. Некоторые вопросы отбора и археографической обработки документов по истории Великой Октябрьской социалистической революции / В.Е. Полетаев, Ю.У. Томашевич, В.А. Черных // Исторический архив. – 1957. – №3. – С. 219–227.
15. Полетаев В.Е. О серийных изданиях документов по истории советского общества / Г.Е. Рейхберг, В.Е. Полетаев // Вопросы архивоведения. – 1960. – №6 (16). – С. 36–40.
16. Полетаев В.Е. Обсуждение итогов научно-издательской деятельности в связи с 40-летием Октябрьской революции / М.Н. Павлов, В.Е. Полетаев // Вопросы истории. – 1958. – №7. – С. 190–203.
17. Полетаев В.Е. Рабочие Москвы на завершающем этапе строительства социализма. 1945–1958 гг. / В.Е. Полетаев. – М.: Наука, 1967. – 275 с.
18. Полетаев В.Е. Социально-демографическая структура рабочей молодежи СССР: По материалам социологических исследований 1936 и 1972 гг. / И.Л. Корнаковский, В.Е. Полетаев // Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI–XX вв.). – Таллин, 1979. – С. 82–95.
19. Полетаев В.Е. Социальный облик пополнений рабочего класса: (По материалам социологических обследований 1930-х – 1980-х годов) / И.Л. Корнаковский, В.Е. Полетаев // Рабочий класс в условиях развитого социализма. Источники и формы пополнения. 1960–1980 гг.: сб. ст. – М., 1984. – С. 6–41.
20. Полетаев В.Е. Социальный облик советской рабочей молодежи: (По материалам социологических обследований) / И.Л. Корнаковский, В.Е. Полетаев. – М., 1979. – 64 с.

21. Полетаев В.Е. Топонимика города и его история: О названиях московских улиц / В.Е. Полетаев // История СССР. – 1968. – №1. – С. 173–175.

22. Смирнов Ю.П. Изучение проблемы индустриального развития автономных республик Российской Федерации в исторической литературе / Ю.П. Смирнов // Проблемы истории национальных республик Поволжья и Приуралья: сб. ст. / Ю.П. Смирнов, К.Н. Сануков, Г.Л. Горник. – Чебоксары: Чуваш. ун-т, 1997. – С. 39–52.

23. Социальный облик колхозной молодежи. По материалам социологических обследований 1938 и 1969 гг. / ред. кол.: отв. ред. В.Е. Полетаев, А.В. Безруков, И.М. Волков. – М.: Мысль, 1976. – 294 с.

24. Социальный облик рабочей молодежи. По материалам социологических обследований 1936 и 1972 гг. / ред. кол.: отв. ред. В.Е. Полетаев, А.В. Безруков, И.Л. Корнаковский. – М.: Мысль, 1976. – 301 с.

25. Степанский А.Д. Отечественная археографическая мысль середины 1950-х – 1960-х гг. и ее ведущие представители / А.Д. Степанский // Вестник РГГУ. Сер.: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. – 2008. – №8. – С. 54–89.

Болдырев Александр Сергеевич

аспирант

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

г. Тюмень, Тюменская область

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И ОХРАНЫ ТРУДА РАБОТНИКОВ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА Г. ТЮМЕНИ В 1975–1985 ГОДАХ

***Аннотация:** на примере пассажирских АТП города Тюмени раскрываются особенности производственной и бытовой повседневности рядовых работников в 1964–1991 годах, реальные меры, предпринимаемые руководством предприятий, по улучшению их условий жизни и охраны труда. Источником информации послужили государственные архивы Тюменской области и материалы местной периодической печати. Сделан вывод о том, что в анализируемый период в пассажирских АТП г. Тюмени забота о человеке труда была в центре внимания руководителей предприятий.*

***Ключевые слова:** общественный транспорт, охрана труда, производственная повседневность.*

Анализируемый исторический период в развитии города Тюмени характеризуется его становлением как столицы нефтегазодобывающего региона. Экономическая роль города в значительной степени способствовала росту численности его населения со всеми вытекающими отсюда последствиями. Если в 1975 г. численность населения Тюмени составляла 334 тысячи человек, то за 10 лет она выросла на треть и составила 456,1 тысячу человек [4, с. 2.]. Одно из последствий связано с нарастающими проблемами в работе городского пассажирского транспорта.

Производственная и бытовая повседневность работников выступают важными факторами эффективной работы предприятия любой сферы деятельности. Анализ историографии темы статьи позволяет сделать вывод о наличии серьезных исследований в области производственной и бытовой повседневности в России на государственном уровне в различные исторические периоды, результаты которых представлены в научной литературе [5]. К предприятию и человеку как главной производительной силе общества исследователи обратились уже в новых экономических условиях,

которые в исторической науке связаны с историей повседневности. Вместе с тем, исследование данного аспекта в контексте пассажирских авто-транспортных предприятий города Тюмени не проводились.

В статье раскрываются направления работы, проводимой руководством пассажирских АТП г. Тюмени, по улучшению условий проживания работников предприятий, обеспечения продовольствием и охране их труда, в период с 1975 по 1985 гг., проблемы, связанные с этой деятельностью, и пути их решения.

Источником информации послужили государственные архивы Тюменской области и материалы местной периодической печати.

Производственная и бытовая повседневность работников предприятия имеет широкий содержательный смысл. Аспектами данного направления являются условия жизни и охрана труда обычных людей в конкретный исторический период, реализации системы мер по улучшению условий труда и быта работников, отдыха трудящихся и их семей.

Исследуемый период характеризуется разработкой и внедрением на предприятиях планов социального развития трудовых коллективов, в которых в качестве самостоятельных разделов были представлены направления социальной поддержки работников предприятия. Социальное планирование было нацелено на комплексное решение производственных и социальных задач и стало одной из обязательных функций управления предприятием. Новая Конституция СССР, принятая в 1977 г., закрепила важную роль планов социального развития в управлении предприятием [2]. Этому предшествовала экономическая реформа 1963 г., значительно расширившая собственные фонды предприятий, направляемые на решение собственных социальных задач. Первый план социального развития предприятия был разработан и реализован на ленинградском машиностроительном объединении «Светлана» в середине 60-х годов [3].

До 1978 г. единственным автобусным перевозчиком Тюмени было пассажирское автотранспортное предприятие (ПАТП) №1. В 1978 г. образовано ПАТП-2, а к 1985 г. существовало 5 пассажирских автотранспортных предприятий. Из них ПАТП-1 и ПАТП-2 были самыми крупными, ПАТП-3 осуществляло таксомоторные перевозки, ПАТП-4 и ПАТП-5 были небольшими. С 1970 г. в городе работало троллейбусное управление.

В исследуемый период в городе остро стоял вопрос, связанный с обеспечением работников пассажирских автотранспортных предприятий благоустроенным жильем. В январе 1978 г. на совместном заседании городской и районной комиссий по работе троллейбусного управления главный инженер предприятия рассказал, что увольняются в основном ремонтники и водители из-за жилья, в целом, примерно 40%. Он же добавил, что кадры должны «расти должны за счет местного населения, мы не имеем жилья» [1, Ф. 5. Оп. 1. Д. 1421. Л. 29]. По результатам заседаний комиссии решением Горисполкома от 15 февраля 1979 г. «Об улучшении пассажирских перевозок в г. Тюмени» было принято решение, в частности, «обязать райисполкомы ежегодно выделять для работников ПАТП-1, 2, 4 по 1 благоустроенной квартире с каждого сданного в эксплуатацию дома. Троллейбусному управлению выделять ежегодно 10 благоустроенных квартир» [1, Ф. 5. Оп. 1. Д. 1421. Л. 111]. Согласно материалам прессы, в 1978 г. для работников пассажирского транспорта было готово общежитие на 656 мест, 119-квартирный дом и выделено 40 квартир на долевых началах. Несмотря на принимаемые меры, еще 290 работников нуждались в

жилье [6] Среди мероприятий на 1979–80 гг. по улучшению обслуживания населения г. Тюмени пассажирскими перевозками значилось ежегодное выделение Тюменскому транспортному управлению 50 благоустроенных квартир с последующим их распределением между пассажирскими авто-транспортными предприятиями [1, Ф. 5. Оп. 1. Д. 1421. Л. 121]. Предприятия также сами строили дома для своих сотрудников. Известно, что ПАТП-2 в начале 1980-х гг. планировало построить за счет собственных средств 79-квартирный дом. Строительство затягивалось, о чем упоминал на профсоюзной конференции, прошедшей 22 февраля 1983 г., водитель В.Г. Стрелецкий [1, Ф. 1792. Оп. 3. Д. 845. Л. 282]. И только в 1984 г. администрация заложила фундамент этого дома [1, Ф. 1792. Оп. 3. Д. 846. Л. 195]. Также известно, что на строительстве этого дома в 1984 г. было освоено 123 тыс. руб., а в 1985 г. планировалось затратить 200 тыс. руб. [1, Ф. 1792. Оп. 3. Д. 903. Л. 58]. В 1985 г. освоенные средства составили 156 тыс. руб. вместо планируемых к освоению 70 тыс. руб. [1, Ф. 1792. Оп. 3. Д. 969. Л. 239]. ПАТП-4 в те же годы строило 71-квартирный дом по улице Тимуровцев, строительство которого наметили уже в 1980 г. и которое также затягивалось ввиду нехватки средств [1, Ф. 1792. Оп. 3. Д. 905. Л. 15, 30]. ПАТП-3 на 1983 г. взяло обязательство оказывать помощь сотрудникам при вступлении в жилищно-строительные кооперативы и строительстве индивидуальных домов [1, Ф. 1792. Оп. 3. Д. 802. Л. 107]. ПАТП-5 обещало «до 1 апреля 1984 г. провести обследование жилищно-бытовых условий работающих, составить очередь на получение жилья согласно установленного порядка по совместному решению администрации и профкома [1, Ф. 1792. Оп. 3. Д. 846. Л. 59]. В следующем году аналогичное мероприятие было запланировано в ПАТП-2 [1, Ф. 1792. Оп. 3. Д. 903. Л. 46].

Таким образом, на рубеже 1970–1980-х гг. предпринимались попытки обеспечения сотрудников пассажирских предприятий Тюмени новым благоустроенным жильем, но работа эта велась крайне медленно.

После жилищного вопроса важное место занимала охрана труда сотрудников. Как и по всей территории СССР, в тюменских ПАТП ежегодно проводилась флюорография сотрудников предприятий и раз в 5 лет медицинское переосвидетельствование. Все водители подлежали предрейсовому осмотру [1, Ф. 1792. Оп. 3. Д. 755. Л. 6]. Не обходилось без недостатков – в Тюменском троллейбусном управлении предрейсовый осмотр в 1980 г. проводился только в 1 смену. Послерейсовый не проводится из-за нехватки медиков [1, Ф. 1792. Оп. 1. Д. 1548. Л. 14]. В 1983 г. работа медпункта была налажена [1, Ф. 5. Оп. 1. Д. 1625. Л. 30]. С работой медпункта были связаны и другие проблемы. Например, в январе 1983 г. депутат Горсовета С.Н. Куминов отметил, что ПАТП-4 «своего медпункта не имеет. Приходится проходить медосмотр в транспортном цехе моторного завода. После него все водители направляются в предприятие, и здесь получается такая же очередь за путевыми листами, затем водители проверяют свои автобусы, затем очередь у контрольного механика, на все уходит 30–40 мин». В итоге автобусы опаздывали на линию [1, Ф. 5. Оп. 1. Д. 1625. Л. 30]. По состоянию на 1981 г. площадь, занимаемая здравпунктом ПАТП-3, была вдвое меньше положенных 100 м² [1, Ф. 1792. Оп. 3. Д. 755. Л. 6]. ПАТП-2 в 1984 г. не проводило периодические медосмотры на вредных и тяжелых производствах [1, Ф. 1792. Оп. 3. Д. 903. Л. 57]. В том же году на ПАТП-4 не проводились анализ заболеваемости ремонтных рабо-

чих по причине отсутствия ответственного лица [1, Ф. 1792. Оп. 3. Д. 903. Л. 30]. Предприятие взяло обязательство организовать систематический контроль и помощь больным на дому, что было выполнено в 1984 г. [1, Ф. 1792. Оп. 3. Д. 903. Л. 57]. Согласно Приложению к Постановлению государственного комитета Совета министров СССР и Президиума ВЦСПС от 13 ноября 1969 г. №446/П-21 работникам вредного производства должно было бесплатно выдаваться молоко или другие равноценные продукты [1, Ф. 1792. Оп. 3. Д. 903. Л. 55]. В 1984 г. ПАТП-4 выделило 77 путевок на диетическое питание рабочим и служащим соответственно 70 и 30 процентов каждой группе [1, Ф. 1792. Оп. 3. Д. 903. Л. 57]. Хотя иногда сроки выдачи спецпитания нарушались – так, например, в 1984 г. на том же предприятии была отмечена слабая работа со стороны руководства относительно данного обязательства [1, Ф. 1792. Оп. 3. Д. 905. Л. 29]. В ведомстве ПАТП-3 помимо собственной столовой на 150 мест находилась столовая «Рассвет», где в 1981 г. диетическое питание получили 65 человек [Ф. 1792. Оп. 3. Д. 755. Л. 7].

Сложности с приобретением продуктов питания заставляли руководителей предприятий обращать внимание на вопросы садоводства и огородничества. Так, ПАТП-1 два раза в неделю за счет предприятия доставляло работников на садовые участки. Поскольку многие граждане в то время не имели личного транспорта, это было важно. ПАТП-2 в 1983 г. выделило своим работникам 5 га в совхозе «Червишевский» «для посадки личного картофеля» [1, Ф. 1792. Оп. 3. Д. 846. Л. 194]. В 1984 г. предприятие выполнило план по обеспечению всех желающих участками для этих целей [1, Ф. 1792. Оп. 3. Д. 903. Л. 58]. ПАТП-3 в 1983 г. приняло решение об оказании помощи своим сотрудникам «в развитии коллективных садов и огородничества» [1, Ф. 1792. Оп. 3. Д. 802. Л. 107]. Оно же на 1985 г. обязалось предоставлять транспорт для коллективного выезда за грибами [1, Ф. 1792. Оп. 3. Д. 904. Л. 25].

Помимо развития садоводства и огородничества, предприятия организовывали продажу полуфабрикатов и принимали заказы на продукты питания. Работали передвижные кафе [6]. Это было актуально, поскольку многие сотрудники работали допоздна и не успевали купить продукты до закрытия магазинов.

Таким образом, руководство пассажирских автотранспортных предприятий города Тюмени в 1970–1980-е гг. уделяло внимание улучшению жилищных условий своих работников, занималось охраной их труда, создавало условия для улучшения продовольственного обеспечения. История пассажирских АТП г. Тюмени позволяет убедиться в том, насколько важное место занимала забота о простом человеке – человеке труда.

Список литературы

1. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив Тюменской области (ГБУТО ГАТО). Фонд 5. Тюменский городской Совет депутатов трудящихся (Совет народных депутатов) и его исполнительный комитет. Оп. 1. Д. 1421, 1548, 1625. Фонд 1792. Тюменское областное транспортное управление. Оп. 3. Д. 755, 802, 846, 902, 903, 905, 969.
2. Захаров Н.Л. Управление социальным развитием организации: учебник / Н.Л. Захаров, А.Л. Кузнецов. – М.: Инфра-М. 2006. – 263 с.
3. Оксина К.Э. Управление социальным развитием организации: учеб. пособие. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3260465 (дата обращения 28.03.2019).

4. О социальном развитии области. Госкомстат РСФСР. Тюменское областное управление статистики. – Тюмень, 1988. – С. 2.

5. Семенова Е.В. Становление и реализация советской модели социального обеспечения в условиях юга Дальнего Востока: Октябрь 1917 – июнь 1941: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Благовещенск, 2001. – 193 с.

6. Тюменская правда: Орган Тюменского областного комитета КПСС и областного Совета депутатов трудящихся (с 1977 г. – Совета народных депутатов). – Тюмень, 1975–1985 гг.

Григорьев Александр Владимирович

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

Карпов Алексей Валентинович

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

Величко Светлана Валентиновна

учитель

МБОУ «СОШ №3»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ДЕЙСТВИЕ ПО АНАЛОГИИ КАК ЭЛЕМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ УЧЕБНЫХ УМЕНИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННО- ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

Аннотация: как отмечают авторы, переход на новые образовательные стандарты актуализирует вопросы, связанные с практической реализацией принципов образовательной деятельности, включая вопрос о реальных сроках и методах освоения умения работать по готовому образцу (по аналогии) как необходимой предпосылки формирования устойчивых учебных навыков. Результаты исследования основаны на эмпирических данных, полученных в ходе проведения экспериментальной работы в классах различного уровня общего образования.

Ключевые слова: учебные умения обучающихся, действие по аналогии, сроки формирования учебных умений, первичное учебное умение, компетенция.

В настоящее время общество предъявляет все более высокие требования к специалистам разных профессий в плане интеллектуального развития и уровня сформированности компетенций. Компетентностный подход в образовании утвердился как ведущая тенденция развития современного образования в ведущих странах мира, в частности, в США и в Германии [3]. Постоянно нарастающий поток информации требует умения самостоятельно перерабатывать ее, преобразуя в знания. Исключительное значение при этом отводится умению учиться в широком смысле данного слова. Именно перманентный характер развития общества является объективной предпосылкой развития обучения и самообучения как непрерывного процесса. Концептуально меняются и профессиональные стандарты,

70 Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее

ориентирующиеся именно на формирование компетенций [2]. Требованием сегодняшнего дня является установление соответствия образовательных и профессиональных стандартов с ориентацией на формирование компетентного специалиста как конечный результат работы образовательного учреждения, личностного развития обучающихся [11]. Компетенции должны быть своего рода «переносимыми ценностями» из одной сферы деятельности в другую – из общеобразовательной школы в профессиональную и далее в трудовую деятельность.

О преимущественности и значимости компетентностной ориентации в системах общего и профессионального образования в нашей стране и за рубежом писалось уже неоднократно [1; 4; 5; 7; 9; 12–15]. Несмотря на имеющийся солидный научно-теоретический задел, дискуссии и методологические поиски в этой области все еще продолжаются. Сложность организации образовательного процесса с ориентацией на указанный научно-методологический подход заключается в том, что компетенции не передаются по наследству, а передаются только предпосылки для их развития в социуме. Они либо формируются специально, в разработанной и системно организованной среде, либо приобретаются стихийно и гораздо медленнее. В связи с этим актуальность заявленного нами вопроса вряд ли можно переоценить, ведь формирование умения работать по аналогии с образцом является важнейшим условием на пути метаморфозы ученика-объекта обучения в ученика-субъекта образовательного процесса. Цель настоящего исследования – обобщение некоторого эмпирического материала для ответа на вопрос: «Насколько реально в течение урока сформировать умение обучающегося работать по аналогии с имеющимся образцом как необходимой предпосылки для перехода к закреплению приобретенного умения?»

Оговоримся, что в настоящей статье понятия «учебное умение» и «компетенция» рассматриваются в качестве синонимов, а понятие «первичное умение» несет содержание учебного действия, выполненного до получения первого положительного результата и требующего дальнейшего закрепления.

Сегодня умение учиться, или, иначе говоря, технология переработки информации в знание и формирование компетенций, рассматривается как основа стандартов общеобразовательной и профессиональной школы. Но учитель должен иметь хотя бы примерное представление о том, сколько времени или сколько выполняемых учащимися упражнений необходимо для формирования того или иного умения. По мнению психологов, ученикам в условиях традиционного обучения требуется выполнения от 20 до 30 упражнений, а по методикам, основанным на идее интериоризации П.Я. Гальперина, – менее десяти [10, с. 6]. Конечно, формирование умений вопрос сложный, индивидуальный, зависящий от качества культурно-интеллектуальной среды и прочее. Но ответ на вопрос о времени, необходимом для достижения первых положительных результатов в формировании учебного умения, можно получить и экспериментальным путем, без продолжительных теоретических дискуссий. Это позволит ответить и на ряд других вопросов: «Кто, когда, по каким принципам и что должен сделать для того, чтобы ученик решил: «Да, я умею это делать?»

В апреле 2009 г. одним из авторов статьи, А.В. Григорьевым, в 6–11 классах МБОУ «СОШ №43» г. Чебоксары был проведен следующий эксперимент. Учащимся объяснялось, как составляется тест, демонстрировался пример, и предлагалось составить аналогичное задание самостоятельно. Каждый учащийся подходил к учителю и демонстрировал свой вариант, после полученного замечания вносил коррективы и показывал работу. После полученного замечания работа продолжалась. И так до правильного выполнения работы в пределах урока. Эксперимент показал, что для формирования умения составления теста по образцу учащимся обычной общеобразовательной школы понадобилось попыток в среднем: в 6 классах – 2,1; в 7 классах – 2,1; в 8 классах – 1,4; в 9 классе (один в параллели) – 1,4; в 10 классах – 2,2; в 11 классах – 1,4; в среднем в 6–11 классах – 1,8. На эту работу понадобилось от 15 до 30 минут, в среднем – 18,5 минут [8].

В марте 2016 г. во втором классе (МАОУ «СОШ №15» пгт Кокуй Сретенского района Читинской области, учитель Р.) учащимся предлагалось преобразовать простое понятие в сложное, указав цвет и форму предмета. За 45 минут с заданием справились все 22 ученика. При этом ими было сделано от 2 до 5 попыток: 6 человек выполнили работу за 2 попытки, 6 за 3 попытки, 7 за 4 попытки, 3 за 5 попыток. Средний показатель составил 3,3, попытки на учащегося [8]. В марте того же года в МОУ «СОШ №3» г. Ухта Республики Коми (учитель Б.) работа по формированию первоначального умения формулировать простой категорический силлогизм проводилась в 7 классе. При этом работа заняла 20 минут и была выполнена всеми 23 учащимися: за 1 попытку – 15 обучающимися, за 2 попытки – 7, за 4 попытки одним обучающимся. Средний показатель составил 2,7 попытки [8].

В мае 2016 г. в двух пятых классах МБОУ «СОШ №22» г. Чебоксары (учителя И. и Ф.) давалось задание на составление простого категорического рассуждения по аналогии с образцом. Из 46 человек за 45 минут с работой справилось 40 учащихся. При этом учащиеся сделали различное количество попыток дать правильный ответ: с 1 попытки работу выполнили 3 обучающегося, с 2 попыток – 9, с 3 попыток – 9, с 4 попыток – 9, с 5 попыток – 8, с 6 попыток – 2 человека. Средний показатель для справившихся с работой составил 3,4 попытки [8].

Разумеется, приведенные выше данные сами по себе не могут являться теоретическим обоснованием каких-либо средних нормативов. Но даже на уровне эмпирического обобщения приведенные данные могут служить достаточноными ориентирами в работе учителя-практика. Во всяком случае, они показывают, что для формирования умения выполнять учебное задание по образцу не обязательно месяцы изнурительных занятий. Одного урока в целом достаточно для того, чтобы большинство обучающихся смогло сказать себе: «Да, у меня эта работа получается». В то же время, успех каждого учащегося в освоении учебного умения способен стать стимулом для осознанного подхода к учебной работе других обучающихся и фактором, воспитывающим самоуважение и уважение к учителю, который помог выявить твои способности.

Разумеется, полученный положительный результат следует как можно скорее закрепить посредством систематического повторения. Но как орга-

низовать эту работу? Казалось бы, естественным подспорьем в этой работе должен стать учебник. Однако, как показывает анализ учителя биологии МБОУ «Нижнекулойская средняя общеобразовательная школа» Вологодской области Н.Н. Жуковой, методический аппарат учебника – далеко не самый ответственный союзник по формированию умений. Проанализировав уровень представления надпредметного логико-дидактического содержания учебника биологии для 9 класса в виде вопросов к параграфам, учитель выявила следующее: «Всего вопросов – 479. Из них 430 вопросов – 172 (35,9%) предтекстовых и 258 (53,9%) послетекстовых вопросов направлено на формирование учебно-информационного умения поиска информации в тексте параграфа учебника и носят репродуктивный характер. И только 49 вопросов способствуют формированию и развитию учебно-логических умений» [6, с. 36]. При этом в расположении вопросов не отмечено системности и пропорциональности с точки зрения интересов формирования учебных умений. То есть, дидактической функции по развитию учебных умений учебники пока не выполняют.

Вряд ли уместно возлагать ответственность за систематизацию развития учебных умений только на авторов учебных и учебно-методических пособий, ведь даже адаптированный учебный материал не освобождает от проблемных познавательных ситуаций. К тому же, в составлении учебных пособий есть особенности, которые не всегда предполагают решение всех без исключения педагогических задач. Готовность учителя и учащегося к любой познавательной проблеме возможна только при наличии базовых знаний и компетенций, прежде всего – познавательных учебных универсальных действий (так называемых УУД). При этом кто-то должен выполнять задачу формирования первичного умения. Этот важнейший вопрос часто скромно обходится авторами нормативных документов и методических пособий, учителями-практиками. Уж слишком трудоемка и ответственна решаемая задача. Возможно, это классный руководитель, или работа должна проводиться на специальных факультативных занятиях, или нужно приглашать специалистов из других учреждений? Пока считается, что этим занимаются все. Понятно, что подобная неопределенность не может дать положительного результата. Нам представляется, что по крайней мере, учителя одной параллели могли бы скооперироваться на основе общешкольного плана и развивать первичное умение более успешно. В общем, вопросов и практических проблем остается еще много. Тем не менее, на один из них – реально ли за урок сформировать хотя бы одно первичное умение – мы можем ответить утвердительно. Как его закрепить и мотивировать к этой работе обучающихся – это уже другой вопрос.

Однозначный вывод, который следует из рассмотренного нами материала: в течение урока у большинства обучающихся можно сформировать как минимум одно первичное умение. Это станет предпосылкой для перехода к систематической работе по его развитию. А для реализации уже этой задачи необходима координация усилий всего педагогического коллектива на основе общешкольного плана развития учебных умений и навыков (учебных действий). Этот план должен синхронизировать в образовательном времени и пространстве работу учителей-предметников одной параллели. Такая организация труда не может не дать положи-

тельного эффекта и способна повлиять на развитие атмосферы сотрудничества и воспитания взаимного уважения в школьном коллективе.

Список литературы

1. Андреева Н.Д. Проблемы формирования универсальных учебных действий у школьников при обучении биологии / Н.Д. Андреева, Н.В. Малиновская // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – Вып. №5 (42). – С. 60–65.
2. Веселова Н.Н. Формирование учебных умений у младших школьников: Проблемы, поиски, решения // Начальная школа плюс До и После. – 2007. – №8. – С. 1–6.
3. Груздинский А.О. Компетентностный подход как основа функционального высшего образования США и Германии: опыт для России / А.О. Груздинский, О.А. Палеева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – №2 (1). – С. 25–34.
4. Григорьев А.В. Общие подходы к реализации компетентностной составляющей образовательного стандарта профессиональной школы / А.В. Григорьев, М.Н. Краснова // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов (V Арсентьевские чтения): Сб. статей. – Чебоксары: ООО ЦНС «Интерактив плюс», 2014. – С. 89–96.
5. Долгушева И.Э. Компетентностный подход как теоретическая и организационная основа современного образования / И.Э. Долгушева, И.Л. Беккер // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. Общественные науки. – 2011. – №24. – С. 626–630.
6. Жукова Н.Н. Формирование и развитие общеучебных умений и навыков учащихся как способ повышения качества обучения биологии // Справочник заместителя директора школы. – 2011. – №6. – С. 35–39.
7. Загвязинский В.И. Глобальные проблемы развития российского образования // Образование и наука. – 2005. – №3 (33). – С. 21–27.
8. Личный архив А.В. Григорьева.
9. Некрасова Н.В. Компетентностный подход и его значимость для современного высшего образования в России (обзор современных научных взглядов) // Вестник МГЛУ. – 2012. – Вып. 20 (653). – С. 130–136.
10. Пантелеева М.В. Компетентностный подход в образовании: российский и зарубежный опыт / М.В. Пантелеева, А.С. Сухригина // Вестник ЮУрГУ. Сер. Образование. Педагогические науки. – 2016. – Т. 8. – №4. – С. 100–104.
11. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Народное образование. – 2003. – №5. – С. 55–61.
12. Competency-based education: helping all Kentucky students succeed [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://education.ky.gov/school/innov/documents/ky_cbe_final_hr1-10-13.pdf
13. Dr. Robert Mendenhall. What Is Competency-Based Education? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.huffingtonpost.com/dr-robert-mendenhall/competency-based-learning_b_1855374.html
14. Felicienne Mallia Borg. A competency approach to education. Teacher Education for Inclusion. Project London. – 2011. – May [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.european-agency.org/sites/default/files/A-competency-approach-to-education-in-Malta.pdf>
15. Nishat Abbasi. Competency approach to accounting education: A global view // Journal of Finance and Accountancy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aabri.com/manuscripts/131566.pdf>

Евграфова Ирина Николаевна

заместитель директора

БУ «Государственный исторический

архив Чувашской Республики»

Минкультуры Чувашии

г. Чебоксары, Чувашская Республика

В.Л. КУЗЬМИН – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И АРХЕОГРАФ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ ЧУВАШСКОЙ АВТОНОМИИ

***Аннотация:** в статье рассмотрен ход археографического и исторического исследования В.Л. Кузьминым истории Чувашии периода Гражданской войны, образования Чувашской автономии на основе впервые введенных в научный оборот многочисленных документов центральных и региональных архивов, а также печатных источников. Тема представляет особый интерес в связи с предстоящим столетним юбилеем Чувашской автономии.*

***Ключевые слова:** В.Л. Кузьмин, архив, археография, Октябрьская революция, Гражданская война, Чувашская автономная область.*

В будущем году отмечается 100-летие современной чувашской государственности, начало которой было положено декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров от 24 июня 1920 г. об образовании Автономной Чувашской области. В связи с юбилеем закономерно обострение общественного интереса к истории событий, предшествовавших этому судьбоносному решению, первых шагов Чувашской национальной автономии. Большой вклад в изучение этой проблемы внес видный историк, историограф и археограф Чувашии Василий Леонтьевич Кузьмин, столетие со дня рождения которого отмечается в текущем году. Он выявил и впервые опубликовал множество архивных и других документов, проливающих свет на эти важные страницы истории чувашского народа.

Архивисты Чувашии на современном этапе не только обеспечивают сохранность документального комплекса по истории становления национальной автономии, но и активно участвуют в научной жизни региона. Так, только спектр охватываемых сотрудниками Государственного исторического архива Чувашской Республики проблем затрагивает самые различные темы: история становления и развития театра в регионе [7; 8], история православия в Чувашии и сопредельных национальных республиках [3–5], история внешкольного образования в Чувашском крае [1; 2], история архивного строительства в Чувашии [10; 11] и др. Основы плодотворной деятельности архивистов на научном поприще заложены предыдущими поколениями в результате тесного сотрудничества с научными сотрудниками научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений. Одним из таких людей и был вышеназванный В.Л. Кузьмин.

В 1960 г., к 40-летию Чувашской АССР, при его активном участии был подготовлен и издан сборник документов «Чувашия в годы Гражданской войны. Образование Чувашской автономной области» [9], к которому В.Л. Кузьмин написал подробное предисловие с изложением концепции событий, освещенных в документах. Всего в ходе работы над

сборником было выявлено 2 тыс. документов, из которых в сборник были включены 449. Почти все были опубликованы и введены в научный оборот впервые, в том числе 49 документов Центрального государственного архива Октябрьской Революции и Центрального государственного архива Советской Армии, где документы были отобраны из фондов ВЦИК РСФСР, Народного комиссариата внутренних дел, Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнац), Чувашского представительства при Наркомнаце, агитпарохода «Красная Звезда» и агитпоезда «Октябрьская революция», на которых поездку в Чувашию совершили группы агитаторов во главе с М.И. Калининым и Н.К. Крупской, военных учреждений Восточного фронта. Остальные документы были взяты из региональных архивов – центральных государственных архивов Татарской АССР и Чувашской АССР, Государственного архива Ульяновской области, партийных архивов Чувашского, Татарского, Ульяновского обкомов КПСС. Кроме того, в сборник включено значительное число статей, репортажей, корреспонденций из газет «Правда», «Жизнь национальностей», «Знамя революции», «Клич юного коммунара», «Заря», «Пролетарий», «Экономический путь», «Красный боец», «Канаш», «Красный клич» и др.

Создание Чувашской автономии В.Л. Кузьмин рассматривает и оценивает как итог победы Октябрьской революции и победы над внутренней и внешней контрреволюцией в Гражданской войне, что в свою очередь стало возможным благодаря национальной политике партии большевиков и Советского правительства, в основу которой были положены идеи дружбы и равноправия народов. В.Л. Кузьмин утверждает: «Совместно с русскими рабочими и крестьянами в годы Гражданской войны защищали Советскую республику от внутренних и внешних врагов трудящиеся всех национальностей. Свой посильный вклад в дело разгрома интервентов и белогвардейцев внес и чувашский народ, освобожденный Великим Октябрем от векового социального и национального гнета» [9, с. 9]. Поэтому в книге приведено много документов, отражающих работу партийных организаций и комитетов по мобилизации и консолидации народа на борьбу за свободу и строительство новой жизни, в том числе партийные и комсомольские призывы добровольцев на фронт, подвиги красноармейцев на фронтах, агитационная, организаторская и массово-политическая работа в тылу. Особый интерес вызывают опубликованные документальные материалы о пребывании агитпоезда «Октябрьская революция» в мае 1919 г. в Алатыре и агитационно-инструкторского парохода «Красная Звезда» в июле 1919 г. в Чебоксарах и Мариинском Посаде. Приводится речь М.И. Калинина на первом митинге с призывом мобилизовать все силы и энергию на борьбу против наступления Колчака [9, с. 189–190], материалы о митингах 8 и 9 июля 1919 г. в Мариинском Посаде и Чебоксарах, где выступили Н.К. Крупская и В.М. Молотов, собраниях партийного актива в этих городах.

Много внимания уделено организаторской и политической деятельности Чувашского отдела при Наркомнаце РСФСР, Чувашской секции при Казанском губернском комитете РКП (б). Так, приведено сообщение газеты «Жизнь национальностей» от 22 декабря 1918 г. о культурно-просветительской работе Чувашского отдела при Наркомнаце РСФСР, выразившейся в переводе выходившей в Казани газеты «Канаш» на ежедневный выпуск, организации Чувашского передвижного театра, проведении митингов

красноармейцев-чувашей в Казани и Симбирске [9, с. 93]. Помещен фрагмент из доклада члена Чувашской секции при Казанском губкоме РКП(б) Д.С. Эльменя о проведении массово-политической и культурно-просветительской работы среди чувашского населения 26 апреля 1919 г. В ней отмечается активное участие секции в общественно-политической жизни края: «Являясь организацией, единственной в России по своему составу, количеству членов, секция выдвигала кандидатов во все чувашские учреждения, имеющие общегосударственный характер, делегировала представителей в военное ведомство в качестве цензоров, агитаторов, учителей, курсантов в Центральную партийную школу в Москве, в пролетарскую школу общественных наук в Казани, в качестве сотрудников газет «Канаш» (Совет) и «Чухайсен сасси» (Голос бедноты)» [9, с. 181].

Люди и сами буквально рвались в бой на защиту революции, в подтверждение чего также приведены многочисленные документы. Так, 13 мая 1919 г. Тархановский волостной съезд Советов Буинского уезда принял резолюцию о мобилизации 20 человек на Восточный фронт, в которой говорилось: «Вокруг Колчака сгруппировалась вся мировая буржуазия, капиталистическая свора с целью подавления рабоче-крестьянской революции, захвата власти и порабощения трудящихся. Спасение только в нашей организованности и в нас самих, а потому мы готовы в любую минуту встать на борьбу с колчаковской бандой. Да здравствует власть Советов! Да здравствует свободный труд, право и справедливость!» [9, с. 204].

Значительное место в сборнике занимает тема организационно-политического укрепления партийных организаций РКП(б) и объединений сочувствующего и содействующего большевикам беспартийного актива, а также создания первых комсомольских ячеек. Приведены резолюции и другие материалы II Ядринской уездной организации РКП(б) (июнь 1919 г.), II Чебоксарской уездной конференции РКП(б) (июнь 1919 г.), II Алатырской уездной рабочей конференции (октябрь 1919 г.), Ядринской уездной конференции беспартийных крестьян (май 1920 г.), первых комсомольских собраний. Так, 21 декабря 1919 г. в Симбирской губернской газете «Заря» было опубликовано письмо Чувашской секции при Симбирском губкоме РКСМ фронтовикам – воспитанникам Симбирской чувашской семинарии в связи с возобновлением занятий в политическом клубе имени В.И. Ленина. Комсомольцы пишут таким же комсомольцам-добровольцам, ушедшим на фронт: «При этом не можем не вспомнить о вас, о первых членах этого клуба, о юных героях, борющихся на фронтах за идеалы пролетариата и трудового крестьянства. Вы, юные товарищи, поняли ту опасность, которая нависла над Советской Россией и грозила смести завоевания революции. Тогда вы, как один, встали на защиту социалистического Отечества. Вы вошли в Красную Армию, победы которой с каждым часом приближают нас к победе труда над капиталом. Вместе с нашим приветствием мы можем обрадовать вас, товарищи, известием, что наша секция безостановочно растет, пополняется вместо ушедших членов все новыми и новыми силами. Чувашская секция готовит новый кадр революционных борцов, готовых во всякое время доказать свою преданность делу рабочих и крестьян» [9, с. 322–323].

Важнейшими вехами на пути национально-государственного строительства молодой автономии стало формирование областных партийной и комсомольской организаций, органов законодательной и исполнительной

власти. В сборнике подробно представлены документы I Всероссийского съезда чувашских секций ячеек РКП(б) и активных работников коммунистов-чуваш, проходившего в Казани 4–8 февраля 1920 г. [9, с. 368–382]. Именно этот съезд принял решение об образовании Чувашской трудовой коммуны (первоначальное название автономной области), в котором заявил: «В целях освобождения от экономического рабства и культурной отсталости, а также развития классового самосознания и скорейшего приобщения к социалистической культуре, на основании ст. ст. 2 и 8 Конституции РСФСР, чуваша выделяются в особую административную единицу – Чувашскую трудовую коммуну» [9, с. 373]. Опубликованы материалы I Всероссийского съезда чувашских секций ячеек и активных работников РКСМ от 16–18 июня 1920 г., поддерживавшего идею создания Чувашской трудовой коммуны [9, с. 457–466], I Чувашского областного съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от 7–11 ноября 1920 г. [9, с. 580–590]. Огромное значение имела декларация I областного съезда Советов, выражавшего благодарность Советской власти за образование Чувашской автономной области: «Но героическая борьба русского пролетариата принесла и чувашским массам освобождение. Сбылись вековые чаяния и стремления чуваш. Теперь перед чувашскими массами открываются самые широкие перспективы и неограниченные возможности по пути национального развития, устройства своего счастья и новой жизни» [9, с. 582].

Важные документы, касающиеся создания Чувашской автономии и роли В.И. Ленина в этом деле, имеются в созданном при активном участии В.Л. Кузьмина сборнике «Ленин и Чувашия» [6], в том числе произведения В.И. Ленина, среди которых – исторический Декрет ВЦИК и СНК о создании Автономной Чувашской области [6, с. 55–56], письма и приветствия трудящихся Чувашии В.И. Ленину, воспоминания чувашских ветеранов Октябрьской революции и борьбы за Советскую власть. Среди 33 авторов этих воспоминаний – И.Я. Яковлев, А.И. Яковлев, Т.С. Кривов, А.П. Ургалкин, С.А. Коричев, М.П. Максимова, Е.Я. Орлова, И.А. Крынецкий, А.П. Львов и др.

Архивными материалами широко пользовался сам В.Л. Кузьмин при подготовке работ по проблеме создания и развития Чувашской автономии и дальнейшего социалистического строительства в Чувашии, таких как монография «Под знаменем великой дружбы. К 40-летию образования Чувашской Советской автономии» (1960), статьи «Под знаменем ленинской национальной политики. Из истории образования Чувашской автономии» (1965), «Ленинская национальная политика в действии» (1966), «Ленин и образование Чувашской автономии» (1970) и др. Его археографический труд дал возможность историкам ознакомиться с уникальными документами и использовать их в своей работе, обострил общественный интерес к теме образования Чувашской автономии и предшествовавших ему событий, стимулировав дальнейшее исследование этой темы.

Список литературы

1. Евграфова И.Н. Мероприятия по внешкольному образованию за отсутствием средств крайне ограничены... // Исторический вестник. – 2013. – №1. – С. 105–139.
2. Евграфова И.Н. «Поэтому нечего удивляться, что воскресные школы не привлекают к себе учеников...» (о деятельности Цивильского уездного земства по внешкольному образованию в конце 1860-х – 1917 гг.) // Исторический вестник. – 2012. – №1. – С. 86–109.

3. Козлов Ф.Н. Власть и верующие: материалы Чувашского и Марийского отделов ОГПУ о религиозной ситуации в автономиях в середине 1920-х гг. // Вестник архивиста. – 2013. – №2. – С. 89–104.

4. Козлов Ф.Н. Государственно-церковные отношения в начале 1940-х гг. (по материалам национальных регионов Среднего Поволжья) // XX век в истории России. Гражданственность и патриотизм народа в годы великих потрясений и мирного строительства: сборник статей. – Чебоксары, 2016. – С. 142–152.

5. Козлов Ф.Н. Закрытие церквей как элемент государственной антирелигиозной политики в конце 1920-х – начале 1930-х годов (по материалам национальных республик Среднего Поволжья) // Вестник Чувашского университета. – 2014. – №1. – С. 26–34.

6. Ленин и Чувашия: Документы. Материалы. Воспоминания: сборник / сост. К.Д. Дмитриев, И.Д. Кузнецов, В.Л. Кузьмин, А.М. Мурышкина, Н.М. Семенов, В.И. Шевнина. – Изд. 2-е, доп. – Чебоксары, 1980. – 392 с.

7. Соловьева Т.А. Чувашский государственный академический драматический театр им. К.В. Иванова в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Культурно-историческое наследие региона в контексте патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи: материалы V архивных чтений. – Чебоксары, 2015. – С. 65–69.

8. Соловьева Т.А. Театральная жизнь Чувашии на страницах периодических изданий начала 1920-х гг. (по материалам газеты «Чувашский край») // Исторический вестник. – 2017. – №1 (6). – С. 58–69.

9. Чувашия в годы Гражданской войны. Образование Чувашской автономной области. Сборник документов / сост. В.П. Климова, В.Л. Кузьмин, А.М. Мурышкина, Н.П. Рукавишников. – Чебоксары, 1960. – 718 с.

10. Шукина К.О. Мои первые впечатления об архиве // Исторический вестник. – 2016. – №1 (5). – С. 30–33.

11. Шукина К.О. Моя дорога в архив (из воспоминаний архивистов разных лет) // Архивы и наука: исторический аспект и современные реалии: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары, 2017. – С. 374–378.

Зауторова Эльвира Викторовна

д-р пед. наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
ФКУ «Научно-исследовательский институт
ФСИН России»
г. Москва

ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВА В ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ (ДО XIX в.)

***Аннотация:** в данной статье рассматриваются вопросы духовно-нравственного воспитания личности средствами искусства. Как отмечает автор, эти проблемы изучались на протяжении всей истории развития русской мысли. В качестве средств исправления в различные периоды применялись литература (слушание божественной литургии, религиозно-нравственные чтения и т. д.), музыка (церковное пение, хоровое пение), народные промыслы и др. Использование искусства в работе с осужденными способствовало гуманизации исправительной системы.*

***Ключевые слова:** искусство, средства искусства, исправительные учреждения, осужденные, духовно-нравственное воспитание.*

Вопросы духовно-нравственного воспитания личности средствами искусства рассматривались на протяжении всей истории развития рус-

ской мысли. Во времена Киевской Руси этические нормы бытия русского человека были выражены в целом пласте художественного творчества. Культовое пение было необходимым спутником христианского богослужения, которое являлось христианской философией слова, проводником христианских постулатов и добродетелей.

В работах эпохи просвещения Д. Дидро, Ж.Ж. Руссо, А. Шефтсбери, Д. Юма впервые показана возможность культурного и эстетического развития человека, где эстетическое воспитание рассматривается как средство приобщения человека к культуре. Основоположники эстетики И. Кант, Ф. Шиллер, Г. Гегель определили роль искусства как объединение всех феноменов культуры. Один из путей развития человека, повышения его культуры Ф. Шиллер видел в эстетическом воспитании, тем самым, отождествляя эстетическое развитие с эстетическим воспитанием, которое мыслилось как средство повышения общей культуры человека и общества в целом.

Эти тенденции получили в дальнейшем свое особое развитие. Еще в екатерининскую эпоху отмечено усиление предупредительного начала в государственной социальной политике. Следуя за западной мыслью, Екатерина II поднимает вопрос об ответственности общества за совершенное человеком преступление. В изданном в 1767 году «Наказе» она говорит о необходимости сострадания к заключенным, призывая «принести в темницы жалость и человеколюбие» [4, т. 18]. Осужденных стали не только пытаться спасти от нужды и порока, но и целенаправленно воспитывать, создавать из них совершенно «новую породу людей», свободных граждан, готовых служить Отечеству «делами рук своих в различных искусствах и ремеслах» [7, с. 24].

С 1762 года в России вводится институт официальных увещателей, которые назначались и к осужденным. По определению тогдашнего Святейшего Правительствующего Синода, увещание необходимо было рассматривать как средство воспитания всех граждан России. В качестве рекомендации Синодом было предложено «ежедневно собирать арестантов в церковь для слушания божественной литургии... и раздавать для чтения книги, изданные Библейским обществом» [4, т. 40]. Чтение религиозной литературы немислимо было без наставления. Рекомендовалось также при тюрьмах организовывать библиотеки. К числу исправительных мер, применявшихся к преступникам в местах заключения, относилось и совершение молитвы. Особый акцент делался на понимании искусства как «небесного восхождения» души человека. Приближая к Богу, разные виды искусства тем самым облагораживали и морально воздействовали на личность («греху узда, похотей уставление, ума возвышение») [5, с. 1].

Таким образом, государство и церковь пытались сформулировать задачи духовно-нравственного исправления осужденных. К концу екатерининского правления государственный протекционизм в сфере призрения отверженных принял более гибкие и результативные формы, значительно расширяя методы воспитательного воздействия и используя потенциал религиозного искусства в качестве вспомогательного средства просвещения.

Петровские преобразования повлияли на систему воспитания, выдвигая идею гармоничного развития личности («просвещенного читателя», «просвещенного любителя музыки»), что являлось неотъемлемой частью традиционной русской педагогики предыдущих столетий. Философские идеи добра, красоты, духовности органично вошли в систему эстетического воспитания России того времени. Научное осмысление механизма воздействия искусства на человека началось в XIX веке (К.Д. Ушинский, В.П. Острогорский, П.Ф. Каптерев и др.) и рассматривалось как действенное средство привития человеку гуманных качеств, развития у него интереса к жизни в ее многообразных проявлениях, формирования творческих способностей личности. Широкое распространение получили идеи духовного развития подрастающего поколения средствами искусства.

Эти гуманистические и демократические настроения в педагогике оказали значительное влияние на воспитательную систему исправительных заведений. В качестве средств исправления в них стали применяться религиозно-нравственные чтения и церковное пение. Посещение церкви рассматривалось как неременная обязанность арестантов. В качестве средства организации полезного досуга осужденных в пенитенциарной практике начали использоваться элементы общекультурной эстетической деятельности (хоровое пение, чтение, клубная работа и др.). Почти во всех заведениях воспитанники осваивали народные промыслы. В процессе реализации нравственного воспитания участвовал весь педагогический персонал колонии, который оказывал влияние на воспитанников целенаправленными мероприятиями воспитательного характера, в том числе – светскими вечерами, спектаклями, хоровым пением и прочее [6, с. 783].

Значительное влияние на воспитательную систему исправительных заведений оказали гуманистические и демократические настроения в педагогике второй половины XIX века. В связи с этим педагогический персонал исправительных учреждений теперь мог самостоятельно решать вопросы, связанные с преподаванием: применялись разнообразные формы и методы обучения, разрабатывались новые учебные программы. Библиотека содержала литературу духовно-нравственного и церковно-исторического содержания (по словесности, истории, естествознанию, гигиене и медицине)». Широко применялись различного вида «общеполезные» чтения: чтение с использованием «волшебного фонаря» (проектора) и «туманных картин» (слайдов), объяснительное чтение и т. д. [2].

В 70–90-е годы XIX века целой плеядой отечественных педагогов, психологов, физиологов, психиатров были заложены основы научной отрасли – педагогической патологии (И.А. Сикорский), предметом которой становится трудновоспитуемый ребенок. В научной разработке юридических аспектов поведения несовершеннолетних в этот период ведущая роль принадлежит Д.А. Дрилю, выдающемуся отечественному ученому, который внес много позитивного и в психолого-педагогический аспект работы с правонарушителями. Например, он не устал доказывать, что отклонения в поведении могут не закрепиться при условии рационального воспитания и оздоровления внешней обстановки. Это положение можно отнести и к эстетическому окружению, и к организации полезной деятельности, в том числе художественной [1]. Более активное приобщение к различным видам искусства способствует преодолению педагогической невосприим-

чивости осужденных, помогает осознанию, целей, желаний, трудностей и проблем правонарушителей.

Таким образом, проблема использования искусства с целью воспитания личности осужденного показывает, что в рассматриваемом периоде отдельно не выделялось нравственно-эстетическое направление в воспитательной работе исправительного учреждения, но при этом выдвигались смелые идеи, которые в дальнейшем способствовали развитию данного направления в работе с правонарушителями, находящимися в местах лишения свободы.

Список литературы

1. Вульферт А. Малолетние преступники / А. Вульферт, Д. Дриль // Журнал гражданского и уголовного права: Апрель. – Изд. Санкт-Петербургского Юридического Общества. – СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1886. – Кн. 4. – С. 115–150.
2. Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России / М. Г. Детков. – М.: Вердикт-1М, 1999. – 448 с.
3. Заваржин С.А. Предупреждение отклоняющегося поведения несовершеннолетних в Российской империи / С.А. Заваржин – М.: Прометей, 1996. – 120 с.
4. Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=80®im=3
5. Терентьева Н.А. Музыкальная педагогика и образование. История и теория развития от истоков до современности / Н.А. Терентьева. – СПб., 1997. – 167 с.
6. Юридическая педагогика: учебник / под. ред. В.Я. Кикотя, А.М. Столяренко. – М.: Юнити-Дана; Закон и право, 2004. – 895 с.
7. Яблоков Н.В. Призрение детей в воспитательных домах. – СПб.: Гос. тип., 1901. – 71 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://library6.com/3596/item/308771>

Иванова Татьяна Николаевна

д-р ист. наук, профессор

Андреева Виктория Александровна

студентка

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

УСТНАЯ ИСТОРИЯ: ВОСПОМИНАНИЯ

Е.Г. БЕЛЯЕВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Аннотация: в статье анализируются различные виды источников, создаваемых в рамках устной истории: интервью, анкеты, письменные воспоминания. На примере воспоминаний ветерана Евгения Григорьевича Беляева рассматриваются возможности этих видов источников для восстановления истории Великой Отечественной войны, истории Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова и истории повседневной жизни советской интеллигенции.

Ключевые слова: устная история, анкетирование, интервьюирование, воспоминания Евгения Григорьевича Беляева, ЧГУ им. Ульянова.

Одним из актуальных направлений современной науки является устная история, интегрирующая исследования целого ряда социальных наук. Особенностью устной истории является изучение исторического времени посредством записи воспоминаний людей. Ценность устных источников заключается в том, что они позволяют увидеть прошлое гла-

зами очевидцев, позволяют по-новому осветить узловые моменты развития общества, дополнить, а иногда и существенно уточнить данные традиционных источников.

Основоположники устной истории считали наиболее объективным методом интервьюирования, в ходе которого происходит личный контакт с рассказчиком. В ходе так называемого «глубинного интервью» появляется возможность записать оценочные суждения, впечатления современника как об известных фактах, так и о событиях, оставшихся за рамками традиционных источников. С другой стороны, в ходе интервью респондент может забыть или упустить (неосознанно или намеренно) те или иные факты.

Учитывая междисциплинарность устной истории, представляется закономерным широкое использование социологического метода – анкетирования. С одной стороны, ученый в этом случае может четко поставить перед респондентом интересующие его вопросы, с другой стороны – формализованность анкеты зачастую приводит к столь же формализованным и кратким ответам на поставленные вопросы.

Неким интегрирующим методом является устное интервью, перед началом которого респонденту дается возможность ознакомиться с «вопросником» интервьюера.

Как показывает наш опыт, зачастую в ходе интервью у ветеранов возникает желание написать по его итогам письменные воспоминания. Мы назвали их «инициированные воспоминания», так как в отличие от традиционных мемуаров, автор после уже состоявшегося интервью старается придерживаться его тематики, подробнее раскрывая и уточняя прозвучавшие вопросы.

Все охарактеризованные выше методы устной истории применяются нами в практике работы Центра устной истории, который действует при научно-исследовательской лаборатории имени И.Н. Ульянова – И.Я. Яковлева в ЧГУ. В ходе работы над историей Чувашия государственного университета мы неоднократно обращались к воспоминаниям одного из старейших преподавателей – Евгения Григорьевича Беляева [4; 10]. Празднование 95-летнего юбилея заслуженного ветерана стало своеобразной коммеморативной практикой для всего коллектива историко-географического факультета ЧГУ им. И.Н. Ульянова [5, с. 91–92].

Всего в разные годы у Е.Г. Беляева было взято 4 интервью разными интервьюерами [6–8]. Следует отметить, что в силу своего сдержанного характера и скромности, на вопросы интервью он давал весьма лаконичные ответы. Однако под их воздействием Е.Г. Беляев собственноручно написал воспоминания под названием «Как создавалась кафедра всеобщей истории...» [2]. Им также была заполнена анкета [1], в которой он перечислил основные сведения о себе. Из этих источников устной истории самыми информативными и откровенными являются воспоминания [2], хотя в некоторых интервью Е.Г. Беляев также поделился уникальными сведениями.

Е.Г. Беляев родился в 1924 году в Вологодской области в крестьянской семье. Он вспоминает о том, что семья была многодетной. Старшие сестры и родители с утра до вечера работали, младшие братья ходили в детский сад: «Я оставался один и чем только не занимался, что только не переделал, был специалистом на все руки, очень самостоятельным». Когда Е.Г. Беляев учился в речном техникуме, началась война. «Была уверенность: война не

продолжится более трех-четырёх месяцев» – вспоминает он. В 1942 году он был призван на фронт, где стал танкистом. За свою отвагу и доблесть он получил два Ордена Отечественной войны. После демобилизации Евгений Григорьевич поступает на историко-филологический факультет Горьковского государственного института им. М. Горького. После него он 10 лет проработал школьным учителем истории. В это же время он поступает на заочное отделение аспирантуры при кафедре всеобщей истории Горьковского государственного педагогического института. В 1961 году под руководством профессора В.П. Кустова успешно защищает кандидатскую диссертацию «Подготовка фашистской агрессии Германии (1933–1936 гг.)». Позже он вспоминал, что через всю жизнь пронес особое отношение к фронтовикам: «я фронтовик и у меня всегда были легкие, прямые отношения с фронтовиками» [7].

В 1962 году открывается вакансия по специальности «Новая и новейшая история» в Чувашском педагогическом институте и уже в августе этого же года семья Беляевых переезжает в Чебоксары. А когда в 1967 году открывается Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Евгений Григорьевич переходит на кафедру всеобщей истории, где он преподавал до 2011 года.

Из интервью и воспоминаний Е.Г. Беляева можно получить информацию об открытии Чувашского государственного университета, истории его формирования. Кафедра всеобщей истории историко-филологического факультета ЧГУ им. И.Н. Ульянова начала свою работу в сентябре 1967 года [11. с. 40]. «Кафедра создавалась из преподавателей истории зарубежных стран кафедры истории ЧГПИ им. И.Я. Яковлева» – пишет Евгений Григорьевич Беляев [2]. При открытии историко-филологического факультета основная сложность, по его мнению, заключалась в том, что при формировании кадрового потенциала кафедры всеобщей истории «не учли глубоких различий и особенностей университетского профессионального исторического образования по сравнению с профессиональным историческим образованием в педагогическом институте». Он поясняет, что речь идет о чтении специальных курсов, руководстве специальными семинарами, руководстве выполнением студентами курсовых и дипломных сочинений, которых в учебном плане пединститута не было. В своих рукописных воспоминаниях он так же приводит пример как проблема подобная той, которая возникла на кафедре всеобщей истории, решалась в отечественной высшей школе. Евгений Григорьевич подвергает критике манеру руководства кафедрой В.Ф. Каховского. В частности, недоумение у Беляева вызывает решение В.Ф. Каховского принять на кафедру специалистов по региональной этнографии и краеведению.

Евгений Григорьевич и в интервью, и в воспоминаниях подчёркивает, что сфера научных интересов и читаемые преподавателем дисциплины, должны совпадать. Он сам очень основательно и ответственно подходит ко всему, чем он занимается. Ученый считает, что преподаватель не имеет права на ошибку, тем более в области читаемых им дисциплин. «Преподавание новой истории в высшем учебном заведении, как впрочем, и других разделов всеобщей истории, без основательной предварительной подготовки – рискованно» – констатирует он [2].

Е.Г. Беляев свою профессиональную деятельность начал с работы школьным учителем, что наложило неизгладимый отпечаток на его научно-преподавательскую деятельность. Большое внимание он уделял не

только теоретическим вопросам педагогики, но и ответственно подходил к руководству педагогической практикой студентов. Он горячо переживал из-за сокращения часов на педагогическую практику. В интервью он вспоминает: «Пединститут уделял и уделяет больше внимания педагогике, психологии и другим дисциплинам, которые связаны с подготовкой учителей в школы. В университете есть эти дисциплины, но они очень маленькие и подпрактика есть, и педагогика, и психология. Большая ошибка нашего университета. Надо было вовремя увеличить набор студентов на исторический факультет. Спрос на учителей в школы был, а университет в этом отношении ориентировался больше на управленческий аппарат и стремился готовить служащих государственного аппарата» [8].

Наиболее лучшим временем для университета он считает конец 70-х – начало 80-х («предперестроечное» время). Это было время расцвета его профессиональных и творческих сил [6]. Евгений Григорьевич с болью вспоминает перестроечные годы: «Все было очень сложным и неоднозначным. В это время настроения резко перестраивались, и вчерашние патриоты становились антипатриотами» [8]. Негативно ветеран оценивает и появление широкой сети «частных» вузов: «Студенты могли учиться одновременно в двух-трех учебных заведениях, не особо себя утруждая ни в первом, ни во втором, ни тем более в третьем» [8].

Анализ воспоминаний Евгения Григорьевича Беляева позволяют выявить много интересных подробностей ушедших времен. Его интервью содержат не только ценную фактографическую информацию, но и позволяют прочувствовать настроение эпохи, о которой он рассказывает. После последнего недавнего интервью ветеран вновь выразил желание письменно ответить на поставленные вопросы. Поэтому мы надеемся, что новые источники помогут полнее осветить историю Чувашского университета.

Список литературы

1. Беляев Е.Г. Анкета для преподавателей кафедры всеобщей истории ЧГУ им. И.Н. Ульянова – 2007 г. // Текущий архив кафедры ИиКЗС ЧГУ им. И.Н. Ульянова // Сафонова М.В. Научно-исследовательская работа кафедры всеобщей истории ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова» (дипломная работа). – 2007.
2. Беляев Е.Г. Воспоминания. Субъективные заметки. Как создавалась кафедра всеобщей истории ЧГУ имени И.Н. Ульянова // Текущий архив кафедры ИиКЗС ЧГУ им. И.Н. Ульянова // Самонова А.И. Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова 60–70-х гг. XX в. в воспоминаниях студентов и преподавателей (дипломная работа). – 2015.
3. Иванова Т.Н. Методика устной истории и создание архива воспоминаний ветеранов Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова / Т.Н. Иванова, В.В. Семенова // Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории (к 100-летию со дня рождения В.Ф. Каховского и 60-летию Чувашской археологической экспедиции). – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – С. 56–60.
4. Иванова Т.Н. Уроки жизненного пути ветерана Великой Отечественной войны Е.Г. Беляева / Т.Н. Иванова // Россия и Китай в борьбе с мировым фашизмом: материалы Международной научн.-практ. конф. – Чебоксары: Из-во Чувашского университета, 2016. – С. 89–84.
5. Иванова Т.Н. Юбилейные коммеморативные практики и развитие университетологии (на примере Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова) / Т.Н. Иванова // Запад – Восток. – 2018. – №11. – С. 152–161.
6. Интервью с Беляевым Евгением Григорьевичем, канд. ист. наук, доцентом кафедры истории и культуры зарубежных стран ЧГУ им. И.Н. Ульянова / интервьюер В.В. Семенова // Полевые исследования авторов. – 2016. – 14 мая.

7. Интервью с Беляевым Евгением Григорьевичем, канд. ист. наук, доцентом кафедры истории и культуры зарубежных стран ЧГУ им. И. Н. Ульянова / интервьюер Т.Н. Иванова // Полевые исследования авторов. – 2019. – 13 февраля.

8. Интервью с Беляевым Евгением Григорьевичем, канд. ист. наук, доцентом кафедры истории и культуры зарубежных стран ЧГУ им. И.Н. Ульянова / Интервьюер В.А. Андреева // Полевые исследования авторов. – 2019. – 10 марта.

9. Полвека на ниве образования: к 50-летию ЧГУ имени И.Н. Ульянова. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. – 374 с.

10. Широков О.Н. Историко-филологический факультет Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова: первые годы деятельности исторического отделения / О.Н. Широков, М.А. Широкова // Вестник Чувашского университета. – 2016. – №2. – С.149–157.

11. Широков О.Н. Научно-педагогическая и организаторская деятельность В.Ф. Каховского как заведующего кафедрой всеобщей истории ЧГУ им. И.Н. Ульянова / О.Н. Широков, Т.Н. Иванова // Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории (к 100-летию со дня рождения В.Ф. Каховского и 60-летию Чувашской археологической экспедиции). – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – С. 39–45.

Карпов Алексей Валентинович

канд. ист. наук, доцент

Карпова Ольга Владимировна

старший преподаватель

Григорьев Александр Владимирович

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ДОКУМЕНТАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОЦЕССА ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СВЯЗАННОЙ С ИССЛЕДОВАНИЕМ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация: в статье рассматривается состав документов, который применяется в процессе организации научной деятельности, связанной с исследованием этнокультурного развития и межнациональных отношений в Чувашии. В работе проведен краткий содержательный анализ нормативно-методической, договорной и рабочей документации.

Ключевые слова: социокультурная компаративистика, этноконфессиональные отношения, межнациональные отношения, Чувашская Республика, научная деятельность.

На сегодня исследование этнокультурных процессов и межнациональных отношений в Чувашии сложилось в самостоятельное научное направление. Его формирование тесно связано с основными веками развития Бюджетного научного учреждения Чувашской Республики «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» (далее БНУ ЧР «ЧГИГН», Чувашский государственный институт гуманитарных наук,

Институт) и историей становления социокультурной компаративистики в регионе [1, с. 283].

Несмотря на это, строго определенного комплекса документов в процессе организации научной деятельности, исследующего проблемы этнокультурного развития и межнациональных отношений в Чувашии применительно к научному сотруднику БНУ ЧР «ЧГИГН» к настоящему времени не существует. Это связано прежде всего с тем, что сфера научных исследований, как и любая другая творческая деятельность, слабо поддается четкой регламентации.

Общие принципы организации научной работы получили определенное отражение в отдельных положениях Устава БНУ ЧР «ЧГИГН». Так, в соответствии с пунктом 3.2.3. к компетенции учредителя (в лице Минобразования Чувашии) в области управления Чувашским государственным институтом гуманитарных наук относится: формирование и утверждение государственного задания для бюджетного учреждения и финансовое обеспечение выполнения этого задания [6]. Государственное задание формируется на каждый календарный год по основным направлениям деятельности Института. Полный текст государственного задания на текущий год публикуется на официальном сайте БНУ ЧР «ЧГИГН» [3].

Выполнение государственного задания возлагается на весь трудовой коллектив Института. При этом с каждым членом коллектива составляется индивидуальный трудовой договор. По мере необходимости аналогичные трудовые договоры, но на срочной основе, заключаются и на сторонних сотрудников, привлекаемых для выполнения отдельной научно-исследовательской работы и других поручений дирекции.

На основании трудового договора на каждого сотрудника разрабатываются индивидуальные планы-задания. Данное индивидуальное план-задание утверждается директором Чувашского государственного института гуманитарных наук. И этот индивидуальный план-задание рассматривается как официальный договор между исполнителем (сотрудником) и дирекцией института. В плане-задании содержатся основные сведения о предстоящей работе. К ним, прежде всего, относится указание темы и вида работы, сроки исполнения, общий объем работы в днях и зачитываемый объем в авторских листах (один авторский лист – 40 тысяч знаков). План-задание является составной частью трудового договора, который заключается с исполнителем (сотрудником). Он подписывается исполнителем, а также содержит визы главного научного сотрудника – руководителя научного направления и заместителя директора.

В соответствии с пунктом 3.15 Устава БНУ ЧР «ЧГИГН» имеет право заключать договоры с юридическими и физическими лицами на предоставление работ и услуг в соответствии с профилем своей основной деятельности [6]. В настоящее время Институт активно пользуется данным правом, что позволило наладить сотрудничество с широким кругом различных организаций и физических лиц.

В плане исследования этнокультурных процессов в Чувашской Республике БНУ ЧР «ЧГИГН» эффективно взаимодействует прежде всего с органами исполнительной власти Чувашии. Например, за 2015–2018 годы договоры (контракты) о сотрудничестве в заявленной области были заключены с Министерством культуры, по делам национальностей и архив-

ного дела Чувашской Республики и Министерством информационной политики и массовых коммуникаций Чувашской Республики (с 28 мая 2018 года – Министерство цифрового развития, информационной политики и массовых коммуникаций Чувашской Республики) [4; 5].

Состав и описание программы и типового рабочего инструментария, который может быть использован в процессе проведения эмпирического исследования в сфере социокультурной компаративистики регионов России, содержится в публикации Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой [2], подготовленной ими на основе многолетнего обобщения накопленного теоретического и практического опыта в данной сфере научной деятельности. Как отмечают авторы в предисловии своей работы, в программе «Социокультурный портрет региона», действующей с 2005 года, к середине 2010 года уже были задействованы около 30% субъектов Российской Федерации», включая и Чувашию, социокультурный портрет которой к тому времени был уже подготовлен и опубликован [2, с. 5].

Таким образом, научную деятельность, связанную с исследованием этнокультурного развития и межнациональных отношений в Чувашии, обеспечивают две группы документов, в состав которых входят локальные нормативно-методические документы, договорная документация, а также рабочий инструментарий. Главным документом в сфере организации научной деятельности в рамках БНУ ЧР «ЧГИГН» является государственное задание, которое составляется ежегодно по основным направлениям деятельности Института. В плане исследования этнокультурных процессов в Чувашской Республике Чувашский государственный институт гуманитарных наук взаимодействует прежде всего с органами исполнительной власти Чувашии в лице Минкультуры и Мининформполитики.

В процессе проведения эмпирического исследования в сфере социокультурной компаративистики регионов России к настоящему времени на общегосударственном уровне разработаны своя программа и типовый рабочий инструментарий. Это заметно облегчает работу научного сотрудника, занятого в сфере исследования этнокультурных и межнациональных отношений на региональном уровне, включая Чувашию, как субъекта Российской Федерации. В заявленных условиях научному сотруднику нет необходимости концентрировать свое внимание на теоретико-методологических основах проведения эмпирического научного исследования в сфере создания социокультурного портрета региона России. В связи с этим, в процессе реализации названной научной деятельности научный сотрудник свое основное внимание концентрирует на прикладных вопросах, связанных с созданием и оформлением бланка интервью (анкеты), составлением инструкций интервьюеру (анкетеру), построением выборки и другой рабочей документации. Конкретный состав рабочего инструментария и его текстовое содержание зависит, прежде всего, от цели, задач и характера проводимого эмпирического исследования.

Оценивая степень документационного обеспечения процесса организации научной деятельности, связанной с изучением этнокультурного развития и межнациональных отношений в Чувашской Республике на базе БНУ ЧР «ЧГИГН», можно сказать, что оно реализовано на нормах действующего федерального и регионального законодательства в указанной сфере общественных отношений. Действующие в учреждении локальные нормативно-

правовые и нормативно-методические акты заметно упрощают процесс организационно-правового регулирования отношений между работодателем, заказчиком и исполнителем. Это способствует соблюдению единых теоретико-методологических требований, предъявляемых современным научным сообществом в процессе проведения эмпирических исследований в сфере социокультурной компаративистики регионов России.

Список литературы

1. Карпов А.В. Становление научного направления, связанного с исследованием этнокультурных процессов и межнациональных отношений в Чувашии // Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию чувашского просветителя И.Я. Яковлева): Сборник трудов Всероссийской научной конференции с международным участием / А.В. Карпов, О.В. Карпова. – Чебоксары: ИД «Среда», 2018. – С. 282–285.
2. Лапин Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М.: ИФРАН, 2010. – 111 с.
3. Официальный сайт Бюджетного научного учреждения Чувашской Республики «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chgign.ru>
4. Официальный сайт Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://culture.cap.ru>
5. Официальный сайт Министерства цифрового развития, информационной политики и массовых коммуникаций Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://info.cap.ru>
6. Устав бюджетного научного учреждения Чувашской Республики «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики. Принят общим собранием работников государственного научного учреждения «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» от 5 октября 2011 г. Протокол №5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chgign.ru>

Насибуллина Алсу Булатовна
научный сотрудник

Галимуллина Гульшат Хабулловна
старший научный сотрудник

ОП ГНБУ «Академия наук РТ»
«Институт татарской энциклопедии
и регионоведения АН РТ»
г. Казань, Республика Татарстан

СЕМЬЯ НИГМАТОВЫХ В ИСТОРИИ СЕЛА КИРБИ ЛАИШЕВСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Аннотация: в статье на примере рассмотрения трудовой деятельности нескольких поколений семьи Нигматовых – уроженцев с. Кирби Лаишевского района РТ – показано, что изучение биографий известных уроженцев населенных пунктов, работавших в них видных общественных и хозяйственных деятелей позволяет воссоздать общую социокультурную картину, сложившуюся в поселении в анализируемый период, повысить качество регионаловедческих исследований.

Ключевые слова: село Кирби, Лаишевский район, Республика Татарстан, населенные пункты, Нигматовы, трудовая деятельность.

Особая актуальность регионоведческих исследований обусловила создание в 2015 г. на базе Института татарской энциклопедии АН РТ от-

дельного структурного подразделения – центра регионоведения и социокультурных исследований. Основным направлением деятельности центра в настоящее время является изучение истории населенных пунктов Республики Татарстан. Эта работа была начата сотрудниками института еще в 1990-е гг., был выпущен краткий справочник «Населенные пункты Республики Татарстан» (Казань, 1997), статьи о населенных пунктах республики заняли значимое место и в многотомной «Татарской энциклопедии» (Т. 1–6. Казань, 2002–2014). Интерес людей к истории своей малой родины, ее социокультурному и социально-экономическому развитию не ослабевает, о чем свидетельствуют многочисленные краеведческие изыскания и исторические исследования. Данный интерес находит выражение, в первую очередь, в изучении биографий известных уроженцев, деятелей культуры, образования и науки, хозяйственных работников, внесших весомый вклад в развитие поселений. Говоря о биографии, мы имеем в виду не простое изложение в хронологическом порядке значимых жизненных фактов, а описание истории жизни человека в связи с эпохой, в которую он жил, ее общественной действительностью. При таком рассмотрении биографии особое значение приобретают сведения о трудовой деятельности человека, его семейных отношениях и трудовых династиях.

В истории села Кирби Лаишевского района Республики Татарстан, изучением которой занимаются сотрудники института, особое место занимает жизнедеятельность Нигматова Хабуллы Нигматовича, его по праву можно назвать ровесником двадцатого века, насыщенного политическими и экономическими потрясениями. Он родился в 1907 г. в селе Кирби младшим ребенком в многодетной крестьянской семье, что не было в те времена редкостью. Его семья занималась земледелием и разведением скота в своем хозяйстве. В начале XX в. Кирби было крупным селом: в 1908 г. численность населения составляла 1227 человек, из них, по данным сборника Д.А. Корсакова 1908 г., зажиточные крестьяне – 51 чел., выплачивающие дань – 54, служивые татары – 18 [1]. В этот период здесь функционировали мечеть, построенная в 1908 г. на деньги купца первой гильдии Салиха Сабитовича Губайдуллина (имам-хатиб – Мухамматгариф Минлегалимов; сохранилась; памятник архитектуры), медресе (в начале XX в. обучалось 40 мальчиков и 30 девочек [2]), ветряная мельница, 6 мелочных лавок [4]. Начальное образование Хабулла, как и его старшая сестра Асылбика, получил в местном медресе, обучался у Гарифуллы Ермиева (в народе его называли Шэкрет бабай; скончался в 1980 г.). Впоследствии сестра Ермиева – Нагима вышла замуж за Загидуллу Яруллина, пианиста-ансамблиста, композитора. В этом браке родился сын Фарид Яруллин, ставший известным татарским композитором. В советское время Хабулла Нигматович не афишировал свое обучение в медресе, но мог не только читать тексты на старотатарском языке, но и писать арабской вязью. Светское же образование он получил позднее, уже в Казани, окончив семилетнюю школу. Были у Хабуллы и творческие способности, так, он самостоятельно выучился игре на скрипке, мандолине и гармошке.

В 1926–1931 гг. Хабулла Нигматович был членом ВЛКСМ, три года из них работал секретарем ячейки. В это же время он был призван в Ка-

зань на трехмесячные сборы, которые проходили в лагере №1, в составе 8-й батареи артиллерийского полка. Также в 1928–1930 гг. он работал продавцом в сельской кооперации.

Знаменательным как для Хабуллы Нигматовича, так и для всей страны стал 1930 г. В стране был принят курс на индустриализацию, в сельской местности шла коллективизация, в пользу которой активно работала пропаганда. В 1930 г. при участии Хабуллы Нигматова, который к тому времени уже зарекомендовал себя как активный сторонник советской власти и хороший организатор, в селе Кирби был образован первый колхоз. Хабулла Нигматович стал его первым председателем (возглавлял хозяйство непродолжительное время) и предложил название «Алга» (в переводе с татарского – «Вперед»). Первыми в колхоз вступили жители Ахметзянов Газиз, Ахметшин Гусман, Вафин Гарай, Вафин Харрис, Гарипов Хабул, Гимадеев Закир, Ризванов Габдрахман, Сафин Гарай, Фахриева Сара, Хамидуллин Гарифулла, Хуснутдинов Габдулла и др. [1].

В 1931–1932 гг. Хабулла Нигматович работал на Казанской меховой фабрике. Здесь он вступил в ряды ВКП(б) Бауманского райкома ВКП(б) (г. Казань). Это был его осознанный шаг. Честный, ответственный и обязательный по жизни, Х.Н. Нигматов всегда поступал так, как ему велела совесть. После вступления в партию он исполнял обязанности парторганизатора, пропагандиста. В 1932–1939 гг. пригодился его опыт работы в сельской кооперации: он занимает должность председателя правления сельского потребительского общества села Кирби (в то время – деревня). В этот период Хабулла Нигматович проявил себя талантливым организатором, под его руководством потребительское общество три раза награждалось переходящим Красным знаменем Райпотребсоюза, а председатель правления премировался за высокие экономические показатели. В 1933–1934 гг. Х.Н. Нигматов работал бригадиром в колхозе им. Сталина (д. Сингели Лаишевского района РТ) и организатором первичной партийной организации. С 1934 по 1935 г. заведовал клубом д. Кирби (возможно, здесь и пригодились его творческие способности).

К середине 1930-х гг. Хабулла Нигматович уже имел значительный опыт работы на руководящих должностях, но не обладал необходимым для дальнейшего развития уровнем знаний. Поэтому с конца 1935 г. по 1 сентября 1937 г. он обучался в Татарской высшей коммунистической сельскохозяйственной школе (ТВКСХШ) (г. Казань), которая была создана в декабре 1932 г. в соответствии с постановлением бюро Татарского обкома ВКП(б) на базе Татарского коммунистического университета [5]. Перед школой была поставлена задача переподготовки руководящих работников МТС, колхозов и совхозов, а также руководителей районных партийных и советских органов. Школой руководил сельскохозяйственный отдел ЦК ВКП(б). В школе было 3 отделения: 1) хозяйственное (двухгодичное), готовило руководящих работников для МТС, колхозов и совхозов; 2) партийно-советское (трехгодичное), готовило руководящих работников для районных партийных и советских органов и политотделов совхозов; 3) комсомольское. Для не имеющих достаточной общеобразовательной подготовки были созданы шестимесячные подготовительные курсы. Из-за ликвидации ТВКСХШ в августе 1937 г. Хабулла Нигматович

школу не окончил, однако полученные здесь знаниягодились ему при преподавании химии и биологии.

После выпуска из сельскохозяйственной школы Х.Н.Нигматову пришлось сменить сферу деятельности. С 1 сентября 1937 г. он работает заместителем редактора газеты «Кзыл юл» Кзыл-Юлского района (ныне Арский район РТ), с 1938 г. – корреспондентом Татарского отделения Телеграфного агентства СССР (ТатТАСС) [6]. В 1938–1939 гг. руководил Шекинской семилетней школой (ныне Арский район РТ), а в 1939–1941 гг. преподавал в Апазовской средней школе Кзыл-Юлского района [3].

Тяжелым испытанием для всей страны стала Великая Отечественная война. Хабулла Нигматович был призван на фронт уже в 1941 г. В боях и сражениях был тяжело ранен, попал в госпиталь. После лечения его признали негодным к дальнейшему прохождению службы, и в конце 1942 г. Хабулла Нигматович вернулся в родное село.

20 января 1943 г. его назначают военруком Кирбинской семилетней школы Столбищенского (ныне Лаишевского) района [3]. С ноября 1945 г. Хабулла Нигматович – директор этой же школы, с 1951 г. – учитель биологии и химии. Примечательно, что в марте 1942 – 1945 гг. Кирбинской школой руководила Вафина Марзия Вафовна, которая позже стала его женой.

Хабулла Нигматов отличался трудолюбием и дисциплиной, не раз поощрялся за хорошую работу, о чем свидетельствуют записи в его трудовой книжке и характеристики. К любой работе Хабулла Нигматович всегда относился со всей ответственностью, а ведь должностей он сменил немало.

У Х.Н.Нигматова и его супруги Марзии Вафовны родилось шестеро детей, в 1967 г., когда Хабуллы Нигматовича не стало, самому младшему из них было всего семь лет, поэтому заботы о детях легли на плечи матери. Марзия Вафовна 40 лет проработала в Кирбинской школе учителем начальных классов, директором, завучем; была членом КПСС, как многодетная мать награждена медалью «Медаль материнства» I и II степеней, как труженик тыла – медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Их старшая дочь *Роза Кушмина* (1947 г.р.) также выбрала преподавательскую стезю: 41 год проработала учителем татарского языка и литературы в Кирбинской школе, награждена значком «Отличник народного просвещения РСФСР». *Зиннатуллина Гульнара* (1952 г.р.) связала свою жизнь с тележурналистикой: 47 лет проработала режиссером, редактором, ведущей передач на татарском языке на телеканале «Татарстан – Новый век», является автором таких программ, как «Яшәсен театр!» («Пусть живет театр!»), «Яшәү яме» («Красота жизни») и др., удостоена звания «Заслуженный работник культуры РТ». *Гульшат Галимуллина* (1953 г.р.) 23 года работала инженером-конструктором завода ЭВМ, в настоящее время является старшим научным сотрудником Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, автор многочисленных научных статей и монографии «Физическая наука в Татарстане (1804–2000 гг.)». Сыновья Хабуллы Нигматовича выбрали технические специальности: *Булат* (1948–2014) работал электриком в совхозе родного села, был мастером своего дела; *Ринат* (1955–2005) и *Айрат* (1960 г.р.) – специалисты по автомобильной электротехнике и электронике.

Таким образом, проведенное нами исследование трудовой деятельности нескольких поколений семьи Нигматовых позволяет сделать вывод, что изучение биографий известных уроженцев сел и деревень, видных культурных и хозяйственных деятелей, активно участвовавших в жизнедеятельности сельчан, позволяет воссоздать целостную социокультурную картину жизни поселения в рассматриваемый период, инициирует развитие регионоведческих исследований и создание качественных научных изданий и справочников о населенных пунктах.

Список литературы

1. История села Кирби (Хэерби) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nailtiml.ee.com/raony_pages/laishevsky_rayon/laishevsky_rayon_kirbi.html (дата обращения: 10.03.2019).
2. Личный архив краеведа Р.Х. Кушминой.
3. Личный архив семьи Нигматовых.
4. Кирби // Татарская энциклопедия: в 6 т. – Казань, 2006. – Т. 3. – С. 296–297.
5. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан. Ф. 1199. Ед. хр. 1888. 1933–1937 гг. Оп. 1, 2.
6. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. Р-2821. Ед. хр. 246. 1934–1941 гг.

Пушина Анастасия Павловна
магистрант

Иванова Татьяна Николаевна
д-р ист. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФОНДА ЧУВАШСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ

Аннотация: в статье дан обзор структуры основных коллекций Чувашского национального музея. Особо характеризуется документальное собрание музея (ДФ ЧКМ), которое включает в себя комплекс различных документов, сформировавшийся с 1927 года. Документальный фонд можно разделить на 23 тематических блока. Авторами выделяются коллекции документов, связанные с деятельностью лесовода Б.И. Гузовского, семьей чувашского просветителя И.Я. Яковлева. Отдельные собрания фонда посвящены современным деятелям культуры и спорта.

Ключевые слова: Чувашский национальный музей, документальный фонд, И.Я. Яковлев, Б.И. Гузовский.

Чувашский национальный музей бережно хранит национальное достояние чувашского народа, характеризующее его культуру с древнейших времен по сегодняшний день. Свидетельство этому – ценные музейные коллекции, различные по объему, видам, содержанию. Они составляют более 151 тыс. единиц хранения основного фонда с шифром «ЧКМ». Структура музейной коллекции включает в себя: естественно-исторические памятники (шифр «ОП»); живопись и графику («ОК»); редкие книги («К. РК»); минералы и горные породы («МГП»); оружие («Ор»); предметы этнографии («ОЭ») и археологии («Арх»); плакаты и

афиши («П»); предметы быта («ПБ») и декоративно-прикладного искусства («ДПИ»); предметы истории развития техники («ПИРТ») и культа («ПК»); мемориальный фонд («МФ»); нумизматику («Н»); скульптуру («С»); фотографии и кино-фонодокументы («ОФ»). Характеристика данных коллекций не является предметом нашей статьи.

Для нас особый интерес имеет Документальный фонд (шифр «ДФ»). Коллекция представляет собой архивное собрание разнообразных документов, насчитывает 16 252 единицы хранения основного фонда и 20 тыс. единиц хранения научно-вспомогательного фонда. Фонд формировался с целью систематизации документальных источников истории чувашского народа, организаций и объединений, а также изучения жизни отдельных личностей. Первый документ («Приговор по делам о выборе поверенного по делам 2-го Типсаринского общества Асакасинской волости Ядринского уезда от 26 мая 1902 г.»), поступил на хранение в музей 12 ноября 1927 г. от С.Л. Шумилова.

Благодаря структурному анализу документов, хранящихся в Чувашском национальном музее, можно изучить деятельность органов власти и различных организаций, отдельных личностей. Всю коллекцию можно разделить на 23 тематических блока. При атрибуции документов используется инвентарный номер, номер папки и номер фонда. Все источники согласно видовой классификации можно разделить на категории: документы личного происхождения (мемуары, дневники, переписка); акты-вые материалы (наградные документы); печать (публицистика, политические сочинения, периодическая печать, вырезки из газет, рекламные буклеты); научные труды (рукописи, черновики, публикации, документы, закрепляющие авторские права); документы хозяйственной отчетности (квитанции, счета, расписки). При структурном анализе текстов документов можно выделить обобщенные темы событий личной жизни, деловой, творческой, общественной жизни и т. д.

Охарактеризуем наиболее интересные подборки документов. В теме «Природа» хранится 80 папок с различной тематикой. Большое значение имеет комплекс документов, касающийся деятельности ученого-лесоведа Б.И. Гузовского, разработавшего новый метод восстановления дубрав на вырубленных площадях в Чувашском крае. В ДФ ЧКМ хранятся личные документы, переписка и материалы по научно-общественной деятельности лесоведа [1. Т. О. 1., Ф. №692, П. 13]. Имеются рукописи его работ о методах естественного и искусственного возобновления дубрав на вырубленных площадях [1. Т. О. 1., Ф. №692, П. 14] и «Пособие для студентов императорского лесного института по дендрологии» [1. Т. О. 1., Ф. №692, П. 13]. Важной частью фонда «Природа» являются документы Н.М. Николаева. (1922–1995) – министра сельского хозяйства Чувашии с 1966 по 1983 гг. [1. Т. О. 1., Ф. №697].

Особую ценность имеют источники о великом чувашском просветителе И.Я. Яковлеве, а также членах его семьи [3]. Это 383 единицы хранения. Отдельную папку составляют письма И.Я. Яковлева детям и внукам [1. Т. О. 3., Ф. №81. П. 2]. Самым известной рукописью этого фонда являются написанные самим И.Я. Яковлевым «Сведения о Спиридоне Михайлове». Однако не меньшее значение имеют документы о сыне просветителя – известном историке А.И. Яковлеве [4]. Алексей Ивано-

вич играл значительную роль в коммуникативном пространстве российской науки первой половины XX века [5]. Основным дарителем документов о семье Яковлевых являлась внучка Ивана Яковлевича Ольга Алексеевна, которая, как и ее отец, была ученым – историком [6].

38 папок содержится в разделе «Здравоохранение», который включает в себя документы, труды, методические материалы, переписку деятелей медицины [2]. Представляют интерес рукописи К.В. Волкова, одного из организаторов здравоохранения в Чувашии, который уделял особое внимание изучению травматизма среди сельского населения [1. Т. О. 4., Ф. №81. П. 13].

Отдельный фонд посвящен городу Алатырь. Здесь имеются послужные списки рабочих, документы по установлению Советской власти, сведения об участниках Гражданской войны, революционных событиях, коллективизации, ликвидации безграмотности, стахановцам, документы о колхозе «Пролетарий» [1. Т. О. 15., Ф. №751].

Материалы дореволюционного периода, Февральской и Октябрьской революций и Гражданской войны хранятся в фонде №747. Здесь имеются переписи, выписки из книг рождений, свидетельства о воинской повинности, паспорт отходника, просьба Чебоксарского мещанина Мельникова А.П. к императору [1. Т. О. 15., Ф. №747. П. 5], приказ №123 по Московско-Казанской железной дороге 1915 года, аттестаты и свидетельства учащихся, карты, подлинники и копии газет и брошюр, документация Н.Я. Бичурина и т. д. [1. Т. О. 15., Ф. №747. П. 14]. Отдельная тема посвящена участникам становления Советской власти и участникам Гражданской войны (89 папок): Ф.М. Ахлаткину, А.М. Гавриловой, К.Я. Грасису, С.С. Данилову, Т.С. Кривову, П.П. Лебедеву, Д.С. Эльменю и т. д.

В Документальном фонде имеются 62 папки по материалам «Чапаевской дивизии», где хранятся сведения о легендарном полководце В.И. Чапаеве, участниках 25-ой Чапаевской дивизии, музеях [1. Т. О. 16., Ф. №400].

Отдельные собрания в ДФ посвящены современным деятелям культуры, образования и спорта. Однако следует отметить, что основную их часть составляют не рукописи, а печатная продукция и газетные статьи.

Таким образом, коллекция Документального фонда отражает взаимодействие всех сфер жизни, органов власти и общественных организаций по темам политики, культуры, экономики и социальной жизни. Источниковедческое исследование материалов позволяет научному сообществу глубже изучать отдельные отрасли жизни. Значительная их часть содержит подробные сведения о профессиональной и личной жизни выдающихся людей, наших земляков. Проведение источниковедческого анализа отдельно взятого документа сквозь призму личности позволяет дать объективную оценку событиям в истории Чувашии, а также проследить культурно-коммуникативные функции и источниковедческую значимость источника. Дальнейшее изучение документального фонда Чувашского национального музея позволит расширить источниковедческую базу по истории культуры Чувашии. Документальная коллекция, хранящаяся в музее, представляет огромный интерес для исследователей Чувашского края, так как позволяет получить дополнительную информацию по самым разным аспектам истории.

Список литературы

1. Документальный фонд Чувашского национального музея (ДФ ЧКМ).
2. Александрова С.А. Автографы известных людей в коллекции «Документальный фонд» Чувашского национального музея / С.А. Александрова // Чувашский национальный музей: люди, события факты (2016–2017). – Чебоксары: ЧНМ, 2017. – С. 27–30.
3. Иванова Т.Н. Формирование просветительских идей сквозь призму распространения христианской культуры среди чувашей / Т.Н. Иванова, А.П. Пушина // Проблемы просвещения истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (К 170-летию чувашского просветителя И.Я. Яковлева). – Чебоксары: ИД «Среда», 2017. – С. 113–116.
4. Иванова Т.Н. А.И. Яковлев: научно-педагогическая и общественная деятельность по данным неопубликованных источников, хранящихся в г. Чебоксары / Т.Н. Иванова, И.С. Васильева // Проблемы просвещения истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (К 170-летию чувашского просветителя И.Я. Яковлева). – Чебоксары: ИД «Среда», 2017. – С. 92–95.
5. Иванова Т.Н. А.И. Яковлев в коммуникативном пространстве российской науки первой половины XX века / Т.Н. Иванова // Народы Волго-Уралья в истории и культуре России. – Чебоксары: ИД «Среда», 2018. – С. 312–318.
6. Иванова Т.Н. В тени великих: жизнь и деятельность О.А. Яковлевой по данным архивных источников / Т.Н. Иванова // Вестник Чувашского университета. – 2018. – №4. – С. 70–75.

Смирнова Ольга Алексеевна

канд. ист. наук, доцент
ГБОУ ВО «Оренбургский государственный
институт искусств им. Л. и М. Ростроповичей»
г. Оренбург, Оренбургская область

ЧЕЛОВЕК ТРУДА В КОНЦЕПЦИИ «РУССКОГО ХОЗЯИНА» П.Н. САВИЦКОГО

***Аннотация:** в статье рассматривается концепция «русского хозяина», оформившаяся в первой четверти XX в. в творческом наследии П.Н. Савицкого – признанного лидера евразийства. Показывается, что она сложилась в результате скрупулезного изучения автором, с одной стороны, положительного опыта деловой активности российских предпринимателей, а с другой – аккумуляции бытовавших в русской общественной мысли представлений о должной стратегии поведения человека в системе хозяйственно-трудовых отношений.*

***Ключевые слова:** российская общественная мысль, Савицкий, человек труда, хозяйствующий человек, предприниматель, концепция «русского хозяина», отечественная культурно-производственная традиция.*

Во второй половине XIX – начале XX в. в российском обществе развернулся процесс выработки национальной экономической доктрины, ориентированной на учет специфики отечественной культурно-производственной традиции. Одним из направлений ее постижения стало осмысление феномена хозяйствующего человека – человека труда.

В числе тех, кто обращался к изучению проблемы особое место принадлежит Петру Николаевичу Савицкому – признанному идеологу евразийства. Базовым в его теории стало понятие «русский хозяин», которым обознача-

лась не столько наличествующая реальность, сколько некий «идеальный тип» подобно *homoeconomicus* в классической политэкономии. Оно, по мнению исследователя, стало концентрированным выражением национальных представлений о предпочтительном образе хозяйствующего человека – человека труда, действующего в системе отечественной культурно-производственной традиции. Он считал, что в этом понятии максимально полно сосредоточена собирательная ценностная установка, приложимая к любой хозяйственной системе, а именно: «будет ли хозяйство малым или большим, будет ли оно хозяйством крестьянской семьи или фабрикой с десятками тысяч рабочих» [4, с. 220].

Наиболее полно эти идеи Савицкий изложил в работах, написанных в конце 1910-х – 1920-х гг. В их числе «Хозяин и работник» (Евразийский временник. – Берлин. – 1925. – Кн. 4) и «К вопросу об экономической доктрине евразийства» (Евразийская хроника. – Париж. – 1926. – Вып. 6). В них он представил развернутую характеристику феноменологии «русского хозяина», как особого социально-психологического типа.

Обосновывая свое обращение к проблеме, мыслитель писал: «Относиться к делу «по-хозяйски» и «по-предпринимательски» – это вовсе не одно и то же. <...> Предприниматель как духовная сущность – это прежде всего и только *homoeconomicus*, «капиталистический человек». У него есть только одно отношение к тому целому, той системе людей и благ, каковой является руководимая им «производственная единица», – это точка зрения получения наибольшего чистого дохода... Но единственно ли такое отношение к делу возможно в хозяйстве? <...> Таким иным... отношением к делу будет хозяйское отношение к нему», реализуемое хозяином [2, с. 218].

Основу различия *homoeconomicus* и русского или «доброго хозяина» как типов хозяйствующих субъектов Савицкий видел в различии мотивационных принципов их деятельности. Если первый руководствуется исключительно экономическим эгоизмом (таково теоретическое допущение) – «наибольшее удовлетворение потребностей при наименьшей затрате сил и средств», то второй – экономическим альтуризмом. В то время как «экономический человек» был нацелен на сохранение собственных сил и средств через наименьшие затраты, связанные с покупкой наибольшего количества чужого труда, «добрый хозяин», руководствуясь «хозяйским ценением» – заботится о наиболее полном удовлетворении не собственных потребностей, а потребностей «других индивидов, а именно работающих в его хозяйстве, и о «наименьшей затрате» именно их «сил и средств» [1, с. 264].

Раскрывая суть описываемого социального типа, Савицкий отмечал, что обозначающее его понятие – «хозяин» – «сжато и наглядно – одновременно в наиболее конкретной и в то же время общей форме – выражает... собой, в обыденном словоупотреблении и народном языке, личное начало в хозяйстве»: от домохозяина и сельского хозяина до хозяина-промышленника [2, с. 217]. Будучи исконно русским, оно отражает народное представление о должном в сфере экономических отношений [2, с. 246]. В нем, подчеркивал мыслитель, сосредоточено представление о «хозяйском» подходе к делу на основе «хозяйского ценения»,

связанного с «человеческим отношением к людям, милованием скотов и бережением вещей Божьего мира» [2, с. 219, 231].

П.Н. Савицкий писал: «В основе понятий о хозяйском отношении лежит представление не о такой деятельности, которая направлена исключительно к получению наибольшего дохода, к «выжиманию» его в первую очередь из человека, но затем также из лошади, телеги, машины, постройки, земли, – но такой, которая, наряду с целью получения дохода, ставит как самостоятельную цель сохранение и расширение довольства работающих в хозяйстве людей», а также поддержание и повышение порядка и качества охватываемых хозяйством материальных единиц, чтобы к концу каждого экономического цикла оставить производственные мощности «в состоянии, с хозяйственной точки зрения, не худшем, а по возможности – лучшем, чем то», в котором они в него вступили [2, с. 222].

При этом настоящий или, следуя терминологии Савицкого, «добрый хозяин» убежден, что основу его благополучия составляют трудящиеся у него люди. Неслучайно, обустройство их жизни он считает своей основной задачей, реализуя которую, он стремится, с одной стороны, материально обеспечить работников («чтобы они были довольны своей участью»), а с другой, создать в хозяйстве благоприятную – «иррациональную по своему существу» – атмосферу межличностных отношений, на основе которой «увеличивается сила и крепость того рационального единства, каковым является (и должна являться) «производственная единица», называемая хозяйством [2, с. 220].

Определяя хозяйство как категорию, имеющую для хозяина абсолютную ценность, Савицкий в то же время подчеркивал факт относительности этой ценности, т.к. хозяин преображая и возвышая хозяйство все же не в нем утверждает предельные ценности. Напротив, он подчиняет свою хозяйственную деятельность определенной иерархии абсолютных ценностей, а именно, религиозным и нравственным, которые, будучи пронизанными импульсом к Абсолюту, стоят по отношению к хозяйству на несоизмеримых высотах [2, с. 223]. Мыслитель писал: «Бывали и есть хозяева, которые действительно, в меру сил, стремились уподобиться Верховному Хозяину мира, которого, в Его бытии и хозяйском ценении Им мира, прозирали их ищущий взор. И сколь ни были несовершенны эти хозяева в их достижениях и делах по сравнению с Ним, Верховным Хозяином, Богом, эти стремления указаны каждому, кто есть «добрый хозяин», его природой образа и подобия Божия. Сфера хозяйского ценения есть среда средостения, проникающая все горизонты человеческого бытия – от самых нижних до высших, сопрягающая самое безобразное и беззачное («обезличенный» экономический товар) с тем Образом и Лицом, в котором и начало и конец бытия» [2, с. 233].

Подводя итоги представленной характеристике русского или «добротного хозяина», П.Н. Савицкий подчеркивал, что этот образ является лишь некоей моделью («идеальным типом») в смысле определенного подбора элементов, которые в такой последовательности и чистоте в реальной жизни практически не встречаются или встречаются редко [2, с. 245]. В то же время, в ответе на замечания оппонентов он отмечал, что не смотря на все методологические допущения, «добрый хозяин» имеет реальную жизнен-

ную основу, свидетельством чему служит история русского делового мира, дающая яркие примеры проявления «хозяйных начал» [1, с. 268].

Сопоставление теории П.Н. Савицкого с воззрениями национально ориентированных общественных деятелей и хозяйственников-практиков показывает, что в ней на базе аккумуляции представлений о должной организации хозяйственной деятельности найдено выражение социально приемлемая для русского этоса модель поведения человека в экономике. В рамках «праведного хозяйства» человек предстал одновременно и хозяином-управленцем и первым работником среди своих служащих, т.е. человеком труда в истинном смысле слова, т.к. основным мотивом его деятельности был не экономический эгоизм, а труд во имя Бога и на благо ближним.

Список литературы

1. Савицкий П.Н. В порядке обсуждения. К вопросу об экономической доктрине евразийства / П.Н. Савицкий // Савицкий П.Н. Континент Евразия / сост. А.Г. Дугин. – М.: Аграф, 1997. – С. 254–271.

2. Савицкий П.Н. Хозяин и хозяйство / П.Н. Савицкий // Савицкий П.Н. Континент Евразия / сост. А.Г. Дугин. – М.: Аграф, 1997. – С. 217–253.

Ткаченко Владимир Глебович

канд. ист. наук, доцент

Чебоксарский филиал

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

АТРИБУТЫ ВЛАСТИ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДЕПУТАТСКИХ ЗНАКОВ И УДОСТОВЕРЕНИЙ)

Аннотация: в данной статье рассматривается перспектива самостоятельного направления в изучении властной атрибутики в рамках специальной исторической дисциплины, которую автор предлагает назвать инсигнистикой.

Ключевые слова: атрибуты власти, депутатский знак, депутатское удостоверение, инсигнистика, мандат.

Наделение политической элиты не только полномочиями, но и соответствующими властными атрибутами – одно из важных условий самоорганизации власти. Выстраивая властную вертикаль, все правители во все эпохи сталкивались с необходимостью установления иерархии для находившихся у них на службе лиц. Впервые упоминание о такой градации мы находим во Второй Книге Моисея «Исход», в которой приводится совет, данный великому пророку и основателю иудаизма Моисею его тестем Иофором: «<...> Усмотри [себе] из всего народа людей способных, боящихся Бога, людей правдивых, ненавидящих корысть, и поставь [их] над ним тысяченачальниками, стонадцатыми, пятидесятина начальниками и десятиначальниками [и письмоводителями]; пусть они судят

народ во всякое время и о всяком важном деле доносят тебе, а все малые судят сами: и будет тебе легче, и они понесут с тобою бремя <...>» (*Исход.* 18. 21–22).

С древнейших времен особое внимание уделялось внешним проявлениям властных полномочий. С этой целью использовались различные предметные, визуальные, вербальные и процессуальные символы. Так, например, целая глава Книги «Исход» посвящена не только перечислению священных облачений, которые Господь повелел изготовить Моисею для своего брата Аарона и его сыновей, избранных Богом священнослужителями, но и подробному их описанию и «технологии» изготовления (*Исход.* 28. 1–43.).

Советский период отечественной истории в отношении атрибутов власти не является исключением. Конструирование новой политической реальности нуждалось, в том числе, и в репрезентативных предметных символах. Одним из ярких и запоминающихся символов октября 1917 г. – начала 1920-х годов стал мандат – документ, выдававшийся представителям советской власти для удостоверения их полномочий. Он играл важную роль в вопросах налаживания управления в военной, финансово-экономической, социальной и культурной сферах.

Так, например, по воспоминаниям первого комиссара труда советского правительства А.Г. Шляпникова, он по предъявлении мандата Военно-революционного комитета «без малейшего насилия, без каких бы то ни было угроз, даже без повышения голоса, простым товарищеским объяснением <...> завоевал низший персонал министерства труда и получил возможность... свободно овладеть зданием министерства». Далее он повествует об использовании мандатов в противостоянии новой власти с «отечественными капиталистами», не подчинявшимися декретам. «В таких случаях, – указывал автор, – товарищи (члены рабочих комитетов – *В.Т.*) приходили ко мне, я давал им мандат, назначал кого-либо из них комиссаром правления, и, если служащие отказывались от работы, иногда арестовывали директоров, но в большинстве случаев прекращали им возможность получения денег и распускали их правления, передавая все дела заводоуправлениям» [1, с. 126–128, 139.]

Весьма примечательный диалог состоялся в ноябре 1917 г. между одним из старейших деятелей польского и российского революционного движения С.С. Пестковским и И.В. Сталиным, когда формировались высшие органы Советской власти: «Тов[арищ] Сталин, – сказал я, – вы народный комиссар по делам национальностей? – Я. – А комиссариат у вас есть? – Нет. – Ну, так я вам «сделаю» комиссариат. – Хорошо! Что вам для этого нужно? – Пока только мандат на предмет «оказания содействия». – Ладно!». Получив через несколько минут соответствующий документ, С.С. Пестковский, по его словам, «стал рыскать по Смольному, высматривая место для Наркомнаца» [2, с. 159; 160].

Мандаты как выражение доверия избирателей голосовать от их имени получали делегаты многочисленных съездов и конференций. Для подтверждения законности их избрания и объема полномочий образовывались специальные мандатные комиссии.

Дальнейшее развитие удостоверяющих документов привело к созданию служебных удостоверений личности (так называемых «красных

корочек»), выдававшихся различными властными структурами своим представителям для отправления ими возложенных на них обязанностей, а затем и к появлению специальных нагрудных знаков, выполнявших роль своеобразных «маркеров» для представителей органов власти. Со временем одним из отличительных признаков таких атрибутов стало использование в их оформлении государственной символики.

Зародившись в недрах советского государственного аппарата, они не только приобрели официальный статус и широко применялись на всех уровнях властной вертикали, но и не утратили своего значения в современных условиях. Наиболее ярко это проявилось в деятельности представительных органов власти, в которых с советских времен используется устоявшийся комплекс властных атрибутов: знак депутата, депутатский билет (удостоверение) и удостоверение на право бесплатного (льготного) проезда на транспорте. Со временем данный комплекс был подкреплен соответствующей правовой базой.

Постепенно сформировались подходы к внешнему облику властных атрибутов. Хотя формально использование государственного флага в качестве основы для депутатского знака никогда законодательно не была закреплена, тем не менее форма знака в виде флажка получила повсеместное распространение.

По прошествии сравнительно небольшого промежутка времени существенно изменилось отношение к внешнему виду депутатских удостоверений. Так, если внешне удостоверяющие документы поначалу выглядели весьма скромно, то в дальнейшем их красочному оформлению стало придаваться особое значение, что не только соответствовало их статусу атрибутов власти, но и подчеркивало его. Оно стало обязательным и получило развитие в виде различных вариантов композиционного и художественно-графического решения. В оформлении документов традиционно применяется государственный герб, помещаемый на обложках и внутренней части депутатских удостоверений, а также воспроизводимый на печатях, удостоверявших их подлинность. Практически сразу утвердился определенный порядок ношения депутатских знаков на левой стороне груди, с тех пор не менявшийся.

Таким образом, с правовой точки зрения указанный комплекс атрибутов власти стал важной компонентой специального конституционного статуса депутатского корпуса, призванной обеспечить гарантии депутатской деятельности, а в социально-психологическом плане выполняет функции своеобразного «маркера», принуждающего членов социума принимать носителей атрибутов власти в их институционально закрепленным законами и нормативными правовыми актами статусе.

В процессе эволюции атрибутов представительных органов власти сформировались их характерные признаки:

- учреждение законодательным или нормативным правовым актом;
- регулирование вручения и применения атрибутов власти законодательными и нормативными правовыми актами;
- наличие законодательно закрепленных положений и описаний атрибутов власти;
- наличие на атрибутах власти государственной символики или ее использование в качестве основы для их создания;

– наделение носителя атрибутов власти полномочиями в виде права прохода во все государственные учреждения и организации и получения любой (за исключением секретной) информации об их деятельности, а также права бесплатного (льготного) проезда на транспорте;

– безотлагательный прием депутата должностными лицами.

С учетом сказанного можно предложить следующее определение атрибутов власти. Под ними понимаются зафиксированные в установленной материальной форме предметы и документы, а также вербальные конструкции, процессуальные символы (административные процедуры, церемонии, ритуалы, этикетное поведение), официально используемые представителями институтов государственной власти при осуществлении своих полномочий.

К сожалению, и сами атрибуты власти, и сопутствующие им официальные процедуры, связанные с приданием легитимности властной элите, и их практическое использование в установленных случаях воспринимаются как любопытный, но второстепенный предмет исследования. То есть то, что является олицетворением власти, ее «овеществленным» выражением комплексно не изучается. В то же время эта область научного знания давно и прочно вошла в сферу интересов коллекционеров и антикваров. Однако собранный и опубликованный ими материал пока еще мало что изменил в научных подходах к указанной проблеме, что обусловлено «коллекционерским», по выражению Н.А. Соболевой, характером подобных изданий [3, с. 61].

Очевидно, назрела необходимость внести определенность в вопрос о дальнейшем изучении всей системы атрибутов власти и определении ее роли не только в становлении и развитии государственных институтов, но и истории в целом. Полагаю возможны три варианта решения этой проблемы.

Во-первых, расширить объектно-предметную область фалеристики как вспомогательной исторической дисциплины, включив в нее все, что связано с атрибутами власти.

Во-вторых, рассматривать развитие данного направления исследований в рамках геральдики, которая, по мнению Г.В. Вилинбахова, в широком смысле слова изучает информативные знаки, выполняющие единую социальную функцию, а сами знаки представляют соответствующие социальные микро- и макроструктуры. При этом он допускает возможность существования в качестве ее составных частей гербоведения, эмблематики, фалеристики, униформоведения (мундироведения), знаменоведения (вексиллологии) [4, с. 168–173].

В-третьих, исследовать атрибуты власти на основе самостоятельной ВИД, которая с учетом специфики объекта и предмета исследования могла бы называться *инсигнистикой*.

Первый вариант наименее приемлем, поскольку по справедливому утверждению В.Г. Буркова смещение наградных и ненаградных знаков недопустимо [5, с. 18]. Изучение же атрибутов власти в рамках отдельной дисциплины не противоречит предложенному Г.В. Вилинбаховым подходу. При этом необходимо помнить, что по справедливому замечанию В.В. Румянцевой «четкое определение «герба», его значения и функции не позволяют относить к геральдике такие символы и эмблемы, как

флаги, знамена, ордена и другие знаки отличия, филигранные, экслибрисы и др.» [6, с. 167]. Это утверждение, очевидно, в полной мере можно отнести и к атрибутам власти.

Таким образом, последний из вариантов представляется предпочтительным.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона определяет инсигнии как «внешние знаки могущества, власти или сана» [7, с. 234]. Настольный энциклопедический словарь Товарищества «А. Гранат и Ко» предлагает свой, но близкий по смыслу вариант: «Инсигнии (лат.) – знаки, внешнее выражение власти, достоинства, звания: скипетр, корона, жезл и т. д.» [8, с. 188]. Современный Словарь средневековой культуры определяет их как «знаки власти, должностные отличия» [9, с. 189].

Наиболее развернутую характеристику дает инсигниям Я. Бак в Словаре средневековой культуры. Весьма важным представляется его утверждение о том, что и в наши дни право на осуществление должностных полномочий зафиксировано в знаковой системе [9, с. 189]. С точки зрения функций он предлагает классифицировать инсигнии на «конституирующие» и «репрезентативные», [9, с. 191] а с точки зрения формальной систематизации разделять их по происхождению, формам и функциям [9, с. 189].

Истоки происхождения, формы властной атрибутики, а также особенности их использования были прослежены в ряде моих публикаций [10]. Что же касается последнего систематизирующего признака, то для атрибутов власти депутатского корпуса характерен следующий функциональный комплекс, включающий: легитимационную, номинативную (репрезентативную), деонтическую, социально-ролевую, коммуникативную, эстетическую функции.

Функция легитимации выражается в подтверждении права определенных социально-политических сил на власть. В нашем случае победивший на выборах кандидат в депутаты получал от избирательной комиссии удостоверение, подтверждавшее факт его избрания депутатом, а затем мандатная комиссия представительного органа власти подтверждала его полномочия, после чего он получал соответствующие членский билет / удостоверение и знак.

Номинативная (репрезентативная) функция указывает на социально-правовой статус обладателя атрибутов власти, определяя его причастность субъекту и объекту управления. Это своего рода социальный маркер в системе властных координат.

Смысл деонтической функции заключается в побуждении обладателя атрибутов власти к решениям и действиям, которые основаны на трихотомии «можно – должно – запрещено», являющейся основой их правового статуса.

Социально-ролевая функция атрибутов власти задает определенную модель поведения, направленную на реализацию прав, выполнение обязанностей, соблюдение ограничений и запретов, предписанных статусу обладателя атрибутов власти в системе социальных, общественных и личных отношений, и ожидаемую от него обществом.

Коммуникативная функция выражается в применении к обладателю атрибутов власти специальных социальных и правовых норм как к осо-

бому субъекту государственного управления. Наличие у лица, наделенного властными полномочиями, предметных символов власти в виде официально установленных отличительных знаков и / или документов запускает соответствующие механизмы социального общения с использованием установленных вербальных конструкций и процессуальных символов (административных процедур, ритуалов и церемоний).

Эстетическая функция атрибутов власти обусловлена психологическими механизмами воздействия на социальную среду, в которой им приходится функционировать. Придание предметным символам власти уникального внешнего вида – одно из необходимых условий репрезентации власти. При их изготовлении часто использовались дорогостоящие материалы, а сами они могут представлять собой историко-культурную и художественную ценность. Несмотря на то, что депутатские знаки и удостоверения уступали по своему облику атрибутам власти предшествующих эпох, тем не менее их внешнему виду также уделялось пристальное внимание.

В целом этот перечень не является исчерпывающим. Поскольку указанные выше признаки могут быть характерны не только для атрибутов власти депутатского корпуса, специфика функциональной нагрузки властной атрибутики может быть обусловлена и хронологическим периодом, и территорией, и сферой их функционирования, а также прочими особенностями их бытования.

С учетом изложенного можно предложить следующее определение *инсигнистики*: это вспомогательная историческая дисциплина, изучающая историю зафиксированных в определенной материальной форме предметов и документов, вербальных конструкций, процессуальных символов, официально использовавшихся представителями институтов государственной власти при осуществления своих полномочий, и сопутствующие им источники.

Согласно предложенной Е.В. Пчеловым классификации [17] инсигнистика может быть отнесена к дисциплинам символично-эмблематической группы. Объект ее исследования обозначен в предложенном определении дисциплины. Ее предметом должно стать исследование систем атрибутов власти, представленных в той или иной форме в различных государственных образованиях, их состояние, структура, эволюция, основные характеристики и особенности (в том числе художественные), социальная функция, а также правовые нормы, регулирующие их легитимацию и функционирование.

Ключевыми задачами инсигнистики на данном этапе видится: обобщение опубликованных материалов по данному направлению исследований; определение и систематизация объектов, которые могут быть отнесены к атрибутам власти; разработка понятийного аппарата; оценка роли атрибутов власти в общественно-политических процессах, их влияние на массовое сознание; выявление потенциала данной группы источников для привлечения к историческим и иным исследованиям; преодоление «коллекционерского подхода» в их восприятии; углубление сведений о них с целью подготовки справочников с научными комментариями для использования в практике работы музейных и архивных учреждений.

Список литературы

1. Шляпников А.Г. Октябрь // Утро страны Советов / сост. М.П. Ирошников. – Л.: Лениздат, 1988.
2. Пестковский С.С. Об октябрьских днях в Питере // Утро страны Советов / сост. М.П. Ирошников. – Л.: Лениздат, 1988.
3. Соболева Н.А. Вспомогательные исторические дисциплины в контексте современных проблем источниковедения / Н. А. Соболева // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): Сборник статей памяти В.И. Буганова. – М., 2001.
4. Вилинбахов Г.В. Некоторые проблемы соотношения старых и новых вспомогательных исторических дисциплин: геральдика, вексиллология, фалеристика // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тез. докл. IV Всесоюз. конференции (Днепропетровск, 31 окт. – 2 нояб. 1983 г.) / АН СССР. Отд-ние истории, Ин-т истории СССР. – МГУ, Днепропетров. гос. ун-т. – М., 1983.
5. Бурков В.Г. Фалеристика: учеб. пособие. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-тет, 1999.
6. Румянцев В.В. Геральдика // Вспомогательные исторические дисциплины: историография и теория / Ю.Ю. Кондуфор, А.В. Санцевич, В.В. Румянцев [и др.]; редкол. Ю.Ю. Кондуфор (отв. ред.) [и др.]; АН УССР, Ин-т истории. – Киев: Наук. думка, 1988.
7. Инсигнии // Энциклопедический словарь / под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. – Изд. Ф.А. Брокгауз [Лейпциг], И.А. Ефрон. – СПб.: Семеновская Типо-Литография И.А. Ефрона, 1894. – Т. XIII.
8. Инсигнии // Настольный энциклопедический словарь. – М.: Товарищество А. Гранат и Ко, 1895. – Т. 3. – Вып. 29–42.
9. Бак Я. Инсигнии // Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. – М.: Росспэн, 2003.
10. Ткаченко В.Г. Атрибуты власти в системе государственного управления Чувашии: к истории создания / В.Г. Ткаченко // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации: Научно-практический журнал. – 2016. – №2 (11). – С. 59–80.
11. Ткаченко В.Г. К вопросу о возникновении властной атрибутики местных советов Чувашской АССР в 1920-е – 1930-е годы / В.Г. Ткаченко // Пути исторического развития российского государства: от эпохи потрясений к эпохе созидания и консолидации: материалы VIII Всерос. научно-практической конференции с международным участием (г. Чебоксары, 3 февраля 2017 года). – Чебоксары: Новое Время, 2017. – С. 162–168.
12. Ткаченко В.Г. Эволюция атрибутов власти в государственном управлении Чувашской АССР в 1938–1994 гг. / В.Г. Ткаченко // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации: Научно-практический журнал. – 2017. – №1 (12). – С. 48–76.
13. Ткаченко В.Г. Атрибуты власти и депутатский иммунитет: некоторые особенности реализации права депутатов на бесплатный проезд / В.Г. Ткаченко // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации: Научно-практический журнал. – 2017. – №2 (13). – С. 79–99.
14. Ткаченко В.Г. Депутатское удостоверение: документ, атрибут власти, символ советской эпохи (некоторые региональные аспекты на примере Чувашской АССР) // Документ. Архив. Информационное общество: сборник материалов III Междунар. науч.-практич. конф. / сост. Е.М. Бурова, О.Е. Антонова. – М.: Термика.ру, 2018. – С. 146–155.
15. Ткаченко В.Г. Атрибуты власти в системе государственного управления Чувашии: история создания и функционирования (1920–1994 гг.) / В.Г. Ткаченко. – Чебоксары: Типография Брындиных, 2018. – 140 с.
16. Ткаченко В.Г. Депутатские знаки и удостоверения: атрибуты власти, символы эпохи / В.Г. Ткаченко // Верховный Совет Чувашской АССР и процессы национально-государственного строительства: исторический опыт и уроки: Материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию Верховного Совета Чувашской АССР (11 октября 2018 г.) – Чебоксары: Государственный Совет Чувашской Республики, 2018. – С. 60–78.
17. Пчелов Е.В. Вспомогательные исторические дисциплины – фундаментальные гуманитарные науки // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXV Междунар. науч. конф. (Москва, 31 янв. – 2 февр. 2013 г.): в 2 ч. / редкол.: Ю.Э. Шустова (отв. ред.) [и др.]. – М.: РГТУ, 2013. – Ч. 1. – С. 114.

Харитонов Михаил Юрьевич

канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ ЧУВАШИИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Аннотация: в статье рассматриваются предварительные итоги изучения истории исторической науки в Чувашии. Обозначены методологические и теоретические проблемы, изучен опыт периодизации историографии. Намечены основные пути дальнейшего изучения темы, конкретные задачи и мероприятия, стоящие перед современной исторической наукой региона.

Ключевые слова: история исторической науки в Чувашии, чувашская историография, «национальная история», периодизация историографии.

Автору этих строк вспоминается одно из занятий по курсу «История Чувашии» в бытность свою студентом исторического факультета Чувашского государственного университета в начале 1990-х гг. Дисциплину в нашей группе вела Л.М. Гаврилова, в то время еще молодой кандидат исторических наук, в настоящее время работает заведующей сектором фалеристики Оружейной палаты музеев Московского Кремля, доктор исторических наук. Когда настало время выбора темы доклада, я по какой-то причине остановился на теме «Историография истории Чувашии». Необходимо было подготовиться, собрать материал, однако оказалось, что литературы для подготовки практически не было. Единственным исключением стало учебное пособие В.Л. Кузьмина «Историография история Советской Чувашии» [10]. Отдельные материалы были взяты из сборника И.Д. Кузнецова, а также из публикаций В.Д. Дмитриева, В.Д. Кочеткова, Г.Б. Матвеева и некоторых других авторов. В конце концов доклад был подготовлен. Насколько я помню, он получился очень обширным и затянутым почти на целое занятие (благо другие мои однокурсники не подготовились). Тогда я еще не до конца разбирался в перипетиях историографических споров, но главное для себя вынести смог – в чувашской историографии существовала разная степень проработанности отдельных вопросов, существовали периоды подъемов и спадов исследовательского интереса.

С течением времени, обращаясь к изучению отдельных вопросов истории Чувашии, приходилось констатировать отсутствие в историографическом изучении прогресса и с удивлением отмечать то, что в свое время мне удалось изучить почти всю общую историографическую литературу. Исключением стала работа Н.И. Иванова, вышедшая в 1980 г., но выпавшая из поля зрения «начинающего исследователя» [4]. Разбор данной публикации приведен ниже.

Обобщающих работ по истории исторической науки Чувашии больше не выходило. Можно лишь отметить наличие отдельной попытки В.Д. Кочетковым осветить историческую литературу о Чувашии, изданную в Российском государстве в XVI–XIX вв. [8; 9]. Его исследования систематизировали значительный материал о чувашском народе и Чувашском крае в дореволюционный период. При этом автор своей целью

ставил «попытку осветить основные направления развития исторических знаний о нашем крае» [8, с. 5], а поиск истоков национальной чувашской историографии его задачей не был. Единственным исключением стало творчество С.М. Михайлова [9, с. 148–151].

Наконец, в 2008 г. было представлено обобщение по национальной историографии в «Чувашской энциклопедии», написанное И.И. Бойко и Ю.В. Гусаровым [1], которая будет проанализирована ниже. В этом же издании была опубликована статья В.Д. Димитриева «История», содержащая довольно краткий очерк по историографии Чувашии [3]. Однако рассматриваемые нами в данной статье методологические вопросы В.Д. Димитриевым раскрыты не были.

Следует отметить, что в чувашской исторической науке накоплен большой опыт историографического изучения по отдельным (специальным) вопросам, и со временем число таких работ постоянно растет. Однако в специальных исторических работах в подавляющем большинстве случаев в силу целевой направленности проводились историографические разборы на большем территориальном материале: или для выявления неких закономерностей – с привлечением общероссийских исследований, или в сравнительном плане – с изучением материалов других регионов нашей страны. Важное значение для развития исторической науки в Чувашии имеет деятельность диссертационного совета, действующего с начала 1990-х гг. по настоящее время при Чувашском государственном университете. Председатели совета В.Д. Димитриев, Ю.П. Смирнов и Е.К. Минеева установили к работам, представлявшимся на публичную защиту, негласное требование по наличию подробной историографии по теме, а порой, по выражению Ю.П. Смирнова, «отдельной историографической главы». Особо необходимо выделить подвижническую деятельность Т.С. Сергеева, создавшего серию биографических очерков практически всех видных историков Чувашии XX столетия [18].

Таким образом, в настоящее время имеется три основные публикации, по общей истории исторической науки Чувашии – работы В.Л. Кузьмина, Н.И. Иванова и И.И. Бойко – Ю.В. Гусарова, которые послужили основой для критического рассмотрения в данной статье. Несмотря на разную цель их появления в свое время (учебное пособие, итоговая юбилейная статья, энциклопедическая статья) и потому имевшие разную степень глубины проработанности темы, – данные публикации позволяют выделить ряд важных методологических вопросов для последующих исследований по заявленной тематике.

Во-первых, необходимо остановиться на вопросе, что являлось целью изучения историографических публикаций. Здесь возможно выделить несколько проблем и вариантов (моделей, подходов) их решения, предлагаемых современной историографией. При этом некоторые современные исследователи историографии упрекают региональных историков в «национализации» истории. Не всегда эта критика носит объективный характер. Но и со всеми вариантами, предлагаемыми в литературе, нельзя согласиться. Представляется, что разные подходы имеют право на существование, в зависимости от цели конкретного исследования.

На наш взгляд, в историографии исследуемой темы важны прежде всего следующие проблемы и основные варианты их решения.

1. Проблема *определения объекта исследования* [ср. например: 17, т. 1, с. 453–474; 16, с. 9; 5, с. 92–93; 12, с. 242–254; 13, с. 125–135], которая может быть представлена как:

а) история исторической науки в регионе (условном «Чувашском крае», Чувашской автономной области, Чувашской АССР, Чувашской Республике);

б) история изучения чувашского народа, его происхождения, последующего национального развития, в т.ч. в рамках появления государственно-сти – Чувашской автономии в различных ее исторических формах (национальная история). При этом данный подход может расширяться за счет изучения творчества ученых из-за пределов Чувашии, т.е. изучения авторов из других регионов (российских) и стран (международных).

Отдельным вариантом может быть описание историографии трудов, написанных историками чувашского происхождения вне зависимости от места их проживания и творчества. Образец подобного подхода представлен в уже упоминаемой работе Т.С. Сергеева [18].

2. Проблема *определения предмета исследования через выбор историографических источников* [ср. например: 15, с. 18–19; 6, с. 12–25; 7, с. 14–26; 11, с. 525–559] представлена следующими концептуальными подходами:

а) история исторической науки, включая «историографическую» и «наукovedческую» составляющие;

б) история исторического знания, т.е. исторических взглядов отдельных мыслителей, в т.ч. не являющихся историками по профессии и основному занятию.

В решении второй проблемы могут быть и другие варианты, еще не представленные в чувашской историографии. Среди них возможны: история исторических представлений, в т.ч. массовых и «народного творчества»; история памяти и практик коммеморации; история чувашского народа в учебных изданиях.

Первой по хронологии работой, в которой сделана попытка обобщить историческую литературу Чувашии, было вышедшее в 1977 г. учебное пособие В.Л. Кузьмина. Данную работу можно назвать образцом «советского научного подхода», в которой были реализованы с позиций, предлагаемых нами, объекта и предмета исследования первые варианты историографического решения. В аннотации к книге отмечено, что в ней: «освещаются актуальные вопросы становления и развития историографии Чувашской АССР советского периода» [10, с. 2]. В работе четко прослеживается обращение к историческому материалу, создававшемуся в рамках территории Чувашской АССР в 1920–1977 гг., за исключением – работ ряда дореволюционных авторов-этнографов, работавших в г. Казань [10, с. 14–15]. Материал в учебном пособии содержит не только характеристику собственно исторических трудов авторов из Чувашии, но и прослеживается связь с изменениями в политической истории СССР, общими тенденциями в советской исторической науке, развитием научных учреждений, деятельностью в области публикации исторических источников, т.е. в данном исследовании можно говорить об историографии в широком смысле слова, как истории исторической науки.

Статья Н.И. Иванова «Исследование истории Чувашии» в сборнике «Развитие общественных наук в Чувашии за годы советской власти» носит более узкий характер, что, скорее всего, было продиктовано фор-

матом юбилейного издания [4]. Материала по развитию научных и образовательных учреждений, расширению источниковой базы и другим науковедческим вопросам практически нет. Основу очерка составляет изучение публикаций авторов – профессиональных историков, издававших научные труды в Чувашской АССР в изучаемые годы. При этом публикации дореволюционных авторов вообще не рассматриваются, хотя роль отдельных исследователей из-за пределов Чувашии все же упоминается в одном предложении (названы 6 авторов, современных автору, издававших свои произведения в 1970-х гг.). В целом, статья соответствует подходу, выявленному нами в книге В.Л. Кузьмина.

Статья «Историография» 2008 г. в «Чувашской энциклопедии», подготовлена признанными современными специалистами по истории Чувашии И.И. Бойко и Ю.В. Гусаровым [1]. Авторы в начале статьи дают определение термина «Историография», пытаясь очертить смысловые границы своего исследования: «отрасль историч[еской] науки, изучающая её историю (развитие историч[еских] знаний, смену методов историч[еских] исследований и др.); совокупность историч[еских] исследований, посвящённых определённой теме или историч[ескому] периоду» [1, с. 156].

Статья как бы состоит из двух частей, в ней чувствуется некая эклектичность. В первой части статьи авторы делают попытку осветить развитие представлений о чувашском народе и его предках с древности, т.е. мы можем наблюдать, исходя из нашей концепции историографических проблем, смещение в изложении ко второму варианту решения как первой проблемы (национальная история), так и второй (история исторического знания). Во второй части статьи авторы уходят от данных подходов, снова излагается история исторической науки в ее первом варианте, что выражается в особом отступлении: «В И[сториографии] совет[ского] периода выделяют этапы, отличающиеся в основном методологич[ескими] подходами, наличием и возможностями доступа к документал[ьным] источникам, кадровым обеспечением историч[еских] исследований» [1, с. 158].

Подводя итог изучению вопроса об объекте истории исторической науки Чувашии, следует отметить, что подход, предложенный в своей время В.Л. Кузьминым, был, на наш взгляд, более перспективным. Хотя следует отметить, что в его работе прослеживается идеологическое влияние того времени, приводившее к преувеличению роли общественно-политических событий в истории исторической науки Чувашии.

Другим важнейшим вопросом историографической литературы является проблема ее периодизации. Отсутствие четкого разделения на хронологические этапы в историографических трудах зачастую не дает целостного представления о теме исследования, работы в этом случае становится простым пересказом предыдущей литературы. Также недостатком многих работ, особенно узкоспециализированных, является слабо разработанная периодизация изучения как собственно изучаемой темы, так и отсутствие в них связи с развитием исторической науки в Чувашии.

Попытки построения общей периодизации предпринимались авторами изучаемых нами работ. Приведем цитаты из этих произведений по возможности с сохранением смысла содержащихся в них обоснований.

В книге В.Л. Кузьмина выделяется пять этапов истории исторической науки Чувашии [10, с. 13].

1) 1917–1927 гг. «В эти годы были сделаны первые шаги в изучении истории Чувашской АССР. Однако на этом этапе еще не были преодолены мелкобуржуазно-националистические концепции в освещении истории Октябрьской революции и начала социалистического строительства в Чувашии»;

2) 1928–1941 гг. – для этапа «характерны широкая пропаганда идей марксизма-ленинизма, острая идейная борьба против эсеро-националистической фальсификации истории чувашского народа, окончательное преодоление мелкобуржуазного влияния и полное торжество марксистско-ленинской исторической науки»;

3) 1941–1945 гг. «На данном этапе преобладает проблематика, тесно связанная с защитой социалистической Родины»;

4) 1946–1958 гг. «В эти годы началось монографическое исследование узловых проблем Октябрьской революции и социалистического строительства в Чувашии, увеличился выпуск исторической литературы, чему способствовали расширение научно-исследовательских учреждений, подготовка молодых кадров»;

5) 1959–1977 гг. (написано в 1977 г.). «На этом этапе советская историческая наука в Чувашии преодолела отрицательное влияние культа личности и добилась своего дальнейшего качественного развития и неуклонного подъема».

Дореволюционного этапа В.Л. Кузьмин не выделяет, отмечая, что «его [чувашского народа] история до Великой Октябрьской социалистической революции почти не изучалась» [10, с. 14]. Эта тенденция к пренебрежению дореволюционным периодом была характерна для всех трудов советского периода. Одним из первых выразил такую точку зрения еще в 1954 г. В.Д. Димитриев: «Изучение истории чувашского народа началось только после Великой Октябрьской социалистической революции» [2, с. 171]. Позднее В.Д. Димитриев пересмотрел свою позицию. В упомянутой нами в статье «История» в «Чувашской энциклопедии» он пишет: «Зачинателем историч[еской] науки в Чувашии в сер. XIX в. был С.М. Михайлов» [3, с. 162].

Рубежными датами в периодизации В.Л. Кузьмина являются важнейшие, по его мнению, исторические события: 1917 г. – победа Октябрьской революции, 1927 г. – начало социалистической реконструкции народного хозяйства, 1941–1945 гг. – Великая Отечественная война, 1958/1959 гг. – решения XX, XXI и XXII съездов КПСС и «завершение строительства и окончательная победа социализма». Собственно же научные и историографические тенденции в концепции В.Л. Кузьмина подстраиваются под исторические. Такой подход к периодизации был характерен не только для работ В.Л. Кузьмина, это был общий тренд советской историографии.

Н.И. Иванов предлагает иной вариант деления на этапы, при этом он также считает, что: «До Великой Октябрьской социалистической революции, в условиях жесткого социального и национального гнета царизма, не могло быть и речи о развитии такой отрасли исторической науки, как история Чувашии» [4, с. 26]. Автор выделяет четыре этапа.

1) 1917–1929 гг. – «были сделаны начальные шаги в изучении прошлого Чувашии». «Беглые исторические обзоры нередко имели националистический оттенок» [4, с. 27];

2) 1929–1937 гг. – этап «характеризуется становлением марксистско-ленинской исторической науки в республике, появляются исследования, освещающие роль и значение революции 1905–1907 гг. и Великого Октября, разоблачающие несостоятельность националистических концепций. Большинство работ принадлежало перу И.Д. Кузнецова» [4, с. 28];

3) 1938–1955 гг. Этап «характеризуется активизацией и углублением исследовательской работы, ростом числа историков и публикацией трудов, использованием исследователями архивных и опубликованных источников, торжеством марксистско-ленинской методологии. Но и на этом этапе на содержании и характере ряда исследований сказалось влияние культа личности» [4, с. 29];

4) 1956 г. – «по настоящее время» (написано в 1980 г.). В этот этап, начавшийся «с исторических решений XX съезда КПСС», считает автор, «историческая наука в Чувашии поднялась на новую высоту» [4, с. 31]. При этом ниже он добавляет, что: «Четвертый этап развития исторической науки в Чувашии ознаменовался созданием ... таких крупных обобщающих трудов ... [следует перечисление 4-х из них] и др. Развернулось обстоятельное исследование всех этапов и основных проблем истории Чувашии советского периода» [4, с. 33]. Данному этапу посвящено более половины объема статьи.

Анализируя периодизацию Н.И. Иванова можно отметить, что исследователь стремился больше увязать рубежные даты с изменениями в самой исторической науке, а не в общественно-политической жизни страны, в отличие от В.Л. Кузьмина.

Третий вариант периодизации был предложен И.И. Бойко и Ю.В. Гусаровым уже в совершенно иной общественно-политической и научной ситуации, что отразилось в постановке и реализации темы.

В первой части статьи, которую условно можно назвать (у авторов этого наименования нет) – «Дореволюционные исторические знания о чувашском народе», четкой периодизации не представлено, но ее можно проследить по упоминаниям в тексте, что позволяет выделить два этапа.

1) «Этап накопления историч[еских] знаний о чуваш[ском] народе и его предках». Отсчет ведется с Птолемея (II в. н.э.) и завершается А.И. Лызловым (XVII в.) [1, с. 156–157];

2) «Научное изучение чуваш[ской] истории» [1, с. 157–158]. Начало этапа с появления труда В.Н. Татищева «История Российская» (первая половина XVIII в.). Конец этапа явно в статье не обозначен.

Вторая часть статьи написана, как уже отмечалось, в ином стиле, она более структурирована. Ее начало обозначено вводным замечанием: «Последующее развитие И[сториографии] происходит в рамках совет[ской] историч[еской] эпохи и постсовет[ского] времени» [1, с. 158]. Здесь выделяется три этапа.

1) «Первый этап начинается после установления совет[ской]. власти, создания Чуваш[ской] автоном[ной] обл[асти], преобразования её в республику и завершается во 2-й пол. 1930-х гг. в связи с окончательным утверждением в идеологии марксистско-ленин[ских] позиций, прекращением возможностей для свободного обмена мнениями» [1, с. 158];

2) «Окончательному утверждению единомыслия способствовало издание в 1938 «Краткого курса истории ВКП(б)». С этого времени начинается второй этап И[сториографии] совет[ской] эпохи, к[ото]рый

продолжался до 2-й пол. 1980-х гг. В нём были периоды, имевшие особенности, определявшиеся такими событиями, как Вел[икая] Отецеств[енная] война 1941–45 и «оттепель» 2-й пол. 1950-х гг.» [1, с. 158];

3) «Поиски и освоение методологич[ских] подходов, свободных от жёстких идеологич[еских] требований, начатые в кон. 1980-х – 1-й пол. 1990-х гг., достаточно противоречивы. Новый этап в И[сториографии] начался на фоне принципиал[ьных] перемен в экономике, политике и идеологии» [1, с. 160]. Окончание этапа в статье не определено. Можно предположить, что авторы (написано в 2008 г.) считали его продолжающимся.

Рассмотрев имеющиеся авторские подходы в изучении вопроса о периодизации истории исторической науки Чувашии более объективным нам представляется реализация, предложенная Н.И. Ивановым, хотя и этот автор также не до конца придерживался его в своем исследовании. На наш взгляд, при построении периодизации истории исторической науки именно логика развития самой исторической науки должна прежде всего определять и логику ее периодизации.

Подводя предварительные итоги текущего состояния историографии исторической науки Чувашии необходимо прежде всего отметить крайне скудный набор имеющихся исследований. Обращает на себя внимание отсутствие полноценного монографического труда. При этом два первых исследования были написаны около 40 лет назад, а с последней публикации прошло более 10 лет. Известно, что В.Л. Кузьмин готовил диссертационное исследование по историографии Чувашии, но, к сожалению, оно не стало известно широкому читателю.

Перед чувашской исторической наукой стоит насущная задача создания обобщающего историографического труда, в котором должно быть не только перечисление выходивших исторических трудов и рассмотрение взглядов отдельных историков по основным темам. В таком исследовании должны найти свое место вопросы: изменения методологических и идеологических тенденций, развития институциональной истории (прежде всего основных центров – ЧГИГН, кафедр ЧГУ), расширение источниковедческой базы, взаимодействие с архивами и решение вопроса о допуске к их материалам, роль отдельных личностей – историков. Список вопросов может дополняться.

Подготовка такой монографии должно происходить с параллельным изданием серий «Классики чувашской исторической науки» и «Неизвестные страницы чувашской историографии». В первой серии возможно прежде всего переиздать труды основных историков с научным комментированием и биографиями с учетом современных подходов (например, труды В.Д. Димитриева и В.Ф. Каховского). Также видится целесообразным включить в серию сочинения Г.И. Комиссарова и историков 1920-х годов, ранние труды И.Д. Кузнецова. Вторая серия может ориентироваться на труднодоступные и малотиражные издания, а также неопубликованные рукописи. Например, рукопись К.В. Элле, которая хранится в ЧГИГН и которой пользовалось не одно поколение историков, так и осталось не опубликованной. Не изданы полностью и мемуары И.Д. Кузнецова.

В современных условиях предварительная работа не должна ориентироваться только на выход печатной продукции. Оцифровка старых и редких изданий, размещение их в сети Интернет может создать условия для активизации работы историков. Важно также проводить накопление пер-

вичной историографической информации: поиск мемуаров, запись аудио и видеосвидетельств, сбор фотографий и других материалов.

Наконец, осмысление историографического пути, пройденного чувашской исторической наукой, создаст условия для подготовки полноценной истории чувашского народа, которая также, к сожалению, до сих пор не написана.

Список литературы

1. Бойко И.И. Историография // Чувашская энциклопедия: В 4 т. / И.И. Бойко, Ю.В. Гусаров; редкол. В.С. Григорьев [и др.]. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006–2011. – 2008. – Т. 2. Ж–Л. – С. 156–161.
2. Дмитриев В.Д. Изучение истории Чувашской АССР // Вопросы истории. – 1954. – №6. – С. 171–174.
3. Дмитриев В.Д. История // Чувашская энциклопедия: В 4 т. / редкол.: В.С. Григорьев [и др.]. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006–2011. – 2008. – Т. 2. Ж–Л. – С. 162–163.
4. Иванов Н.И. Исследование истории Чувашии // Развитие общественных наук в Чувашии за годы советской власти. Труды НИИЯЛИЭ при СМ ЧАССР. Вып. 100. – Чебоксары, 1980. – С. 26–40.
5. Идрисов Р.А. Проблема выбора приоритетов в современной историографии Казахстана // Национальный / социальный характер: археология идей и современное наследство. – М.: ИВИ РАН, 2010. – С. 92–93.
6. Историография истории России до 1917 г.: учебник для студентов высш. уч. заведений: в 2 т. / Под ред. М.Ю. Лачаевой. – М.: ВЛАДОС, 2004. – Т. 1. – 382 с.; Т. 2. – 383 с.
7. Историография истории России: Уч. пос. для бакалавров / под ред. А.А. Чернобаева. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2014. – 552 с.
8. Кочетков В.Д. Исторические знания о Чувашии в XVI–XVIII веках // Вопросы истории Чувашии периода феодализма и капитализма. Труды НИИЯЛИЭ при СМ ЧАССР. Вып. 93. – Чебоксары, 1979. – С. 3–34.
9. Кочетков В.Д. Изучение истории Чувашии в первой половине XIX века (1800–1860 гг.) // Вопросы древней и средневековой истории Чувашии. Труды НИИЯЛИЭ при СМ ЧАССР. – Чебоксары, 1980. – Вып. 105. – С. 120–152.
10. Кузьмин В.Л. Историография история Советской Чувашии. – Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т, 1977. – 64 с.
11. Маловичко С.И. Глава 2. Классификация историографических источников // Источниковедение: учеб. пособ. / отв. ред. М.Ф. Румянцева. – М.: ИД Высш. шк. экон., 2015. – С. 525–559.
12. Маловичко С.И. История национального историописания в российской историографической практике // Преподаватель XXI век. – 2015. – №1. – Ч. 2. – С. 242–254.
13. Маловичко С.И. Национально-государственный нарратив как вид социально ориентированного историописания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. – 2015. – Вып. 4. – С. 125–135.
14. Репина Л.П. Вместо введения. Преодолевая границы государств и цивилизаций: макроисторические опыты современной историографии // Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога / под общ. ред. Л.П. Репиной. – М.: Аквilon, 2017. – С. 9–71.
15. Репина Л.П. История исторического знания: пособие для вузов / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.
16. Репина Л.П. Национальная история и национальная идентичность в современных историко-теоретических исследованиях // Полиэтничность России в контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX–XXI вв. (III Чтения памяти проф. А.В. Арсентьевой). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. – С. 7–16.
17. Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: Теория и история: в 2-х т. – СПб.: Наука, 2003. – Т. 1: Конструирование прошлого. – 632 с.; Т. 2: Образы прошлого. – 2006. – 751 с.
18. Сергеев Т.С. Историки Чувашии – доктора наук. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2002. – 172 с.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ И ЧУВАШСКОГО КРАЯ В XVI – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Григорьев Александр Владимирович

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РАБОТАХ В.Р. СТЕПАНОВА

***Аннотация:** переход к технологическому этапу научно-технической революции не снижает интереса к исследованию причин ее возникновения и специфики развития как на международном, так и на национальном и локально-территориальном уровнях. При этом сами исследовательские работы могут быть не только образцами решения научных задач, но и отправными точками к рассмотрению перспектив социально-экономического развития. В данной статье реализована попытка рассмотрения возможности точечного грамматического контент-анализа как инструмента выяснения позиции автора к исследуемой им научной проблеме.*

***Ключевые слова:** НТР, оценка НТР, контент-анализ, СССР, диссертация.*

Научно-техническая революция (НТР), как коренное преобразование производительных сил, качественный скачок в структуре и динамике развития производительных сил является перманентным объектом исследования историков, экономистов, социологов и других специалистов. Владимир Ростиславович Степанов, как и его учитель, Юрий Петрович Смирнов, в своей научно-исследовательской работе уделяли немалое внимание данному цивилизационному феномену. Это методологические работы [1]; исследования, посвященные промышленности Волго-Вятского экономического района [2], функционированию конкретных промышленных предприятий [3].

В работах различных исследователей научно-техническая революция как показатель определенного (постиндустриального) исторического этапа развития общества получает не только описание его зарождения и развития, характерных признаков, но и критическое осмысление, некоторую оценку. Делаются более или менее удачные попытки дать оценку и НТР. Так, Р.Р. Калимуллин, делая вывод о том, что «...советская научно-техническая система отличалась неповоротливостью, косностью и крайне низкой степенью восприимчивости ко всему новому и передовому», выделяет ряд объективных и субъективных причин изъядов социалистической экономики [4, с. 18]. С.С. Сергеев, несмотря на многообещающее название своей статьи, почему-то ограничивается одним десятилетием и дежурной фразой о том, что «... проблемы экономического развития объяснялись, прежде всего, недостатками руководства и управления – излишней бюро-

кратизацией, сверхцентрализацией и т. п.» [5]. В емкой и темпераментной по стилистике статье, доктор исторических наук Валентина Ивановна Соколова, подвергая критике несостоятельность социалистической модели реализации НТР и формально-статусных подход к проблеме в современной России, справедливо отмечает связь развития экономики с политическим и социальными процессами [6].

В настоящей статье мы попытаемся выяснить, как В.Р. Степанов в своей диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук оценивал научно-техническую революцию, происходившую в СССР. Для достижения этой цели мы использовали метод контент-анализа, выделив все упоминания НТР в тексте диссертационной работы. Объектом данного экскурса является диссертация В.Р. Степанова, предметом – отношение автора к НТР в контексте социально-экономического развития Волго-вятского экономического района (ВВЭР) в 50–80-е гг. XX в. Актуальность статьи заключается в том, что авторское отношение данного исследователя к НТР с применением метода контент-анализа еще никогда не становилось предметом изучения. В качестве рабочей гипотезы выдвигается утверждение, что в докторской диссертации, в название которой вынесен термин «НТР», должна быть выражено определенная позиция автора к упомянутому цивилизационному явлению.

Подсчеты показали, что преимущественным в тексте является нейтральное отношение автора к НТР – 183 упоминания. При этом, в первой главе – «Изучение генезиса и развития научно-технической революции» – НТР упоминается 165 раз, во второй – «Проявления НТР в отечественной экономике: характер и масштабы» – 17 раз, в третьей – «Индустриальное развитие республик в 50–60-е годы: степень соответствия требованиям НТР» – 8 раз, в четвертой – «Промышленность и наука в республиках в 70–80-е годы: проявление общей тенденции отечественной экономики к замедлению динамики» – 9 раз. В позитивном ключе НТР упоминается 13 раз, в негативно-критическом контексте – 3 раза.

Оценивая данное явление положительно, автор писал, НТР синтезирует научные открытия с промышленным потенциалом [7, с. 14]; называл высшим этапом перманентно осуществляющегося научно-технического прогресса [7, с. 14–15]; отмечал, что в условиях НТР сложилась иная система мотивов к труду и техническое творчество стало массовым [7, с. 69]; называл достижениями НТР совершенствование производства и науки [7, с. 12] и пр. Контекстуально-негативные оценки НТР автором связаны не столько с самой НТР, сколько с формализацией деятельности по ее разработке и реализации [7, с. 77]; негативным воздействием управленческих традиций [7, с. 116–117]; конфликтом развития НТР с утвердившейся на первых этапах социалистического строительства формой экономических отношений [7, с. 124]. Нейтрально окрашенные высказывания в основном связаны с описанием процессов НТР, а также констатацией явных противоречий [7, с. 141, 123]. К нейтральным суждениям можно отнести и пересказ позиций других авторов без явного согласия или несогласия автора диссертационного исследования.

Проведенный точечный контент-анализ не дает нам оснований упрекнуть работу в описательности. Автором проведен глубокий, системный и всесторонний анализ отечественной и переводной зарубежной литературы по теме, проработан глубокий пласт фактических данных по развитию

научно-технического прогресса в СССР, выявлена специфика данного явления в условиях ВВЭР. Несмотря на то, что работа была выполнена в 2004 году, и сегодня диссертационное исследование Владимира Ростиславовича Степанова остается для молодых ученых примером высококачественной научно-исследовательской работы, отличаясь не только объемом проработанных фактов и глубиной историографического обзора, но и высокой культурой научного анализа, оригинальностью научного мышления.

Список литературы

1. Степанов В.Р. Научно-техническая революция: терминология, периодизация, методология: монография / В.Р. Степанов; науч. ред. Ю.П. Смирнов. – 2-е изд., испр. и доп. – Чебоксары: Перфектум, 2010. – 73 с.
2. Степанов В.Р. НТР: государственная политика и регион (на материалах индустриального развития республик Волго-Вятского экономического региона в 50–80-е годы): монография / В.Р. Степанов; науч. ред. Ю.П. Смирнов. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. – 366 с.
3. Смирнов Ю.П. Вурнарский химический. У истоков химической промышленности Чувашии: история предприятия, 1929–1990 / Ю.П. Смирнов, В.Р. Степанов; [науч. ред. И.Л. Корнаковский]. – Чебоксары: Тип. изд-ва «Чувашия», 1991. – 306 с.
4. Калимуллин Р.Р. СССР на пути к постиндустриальному обществу: к вопросу о проведении научно-технической революции в 1950–1980-е годы / Р.Р. Калимуллин // Альманах современной науки и образования. – 2011. – С. 16–18.
5. Сергеев С.С. Значение научно-технической революции 1950–1960-х гг. в СССР / С.С. Сергеев // Роль и место информационных технологий в современной науке: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа: Omega сайнс, 2018. – С. 121–124.
6. Соколова В.И. СССР в условиях развития НТР в 1950–1980-е годы: упущенные возможности обновления // Вестник Чувашского университета. – №2. – С. 142–146.
7. Степанов В.Р. Индустриальное развитие республик Волго-Вятского экономического района в условиях НТР: 50–80-е годы XX века: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Чебоксары, 2004. – 469 с.

Ласточкин Вячеслав Борисович

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

УЧИТЕЛЯ И ШКОЛЫ ЧУВАШИИ В ПРОЦЕССЕ КУЛЬТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА ИСТОРИИ РЕСПУБЛИКИ (1917–1927 гг.)

Аннотация: в статье рассмотрен ход развития школьного просвещения в Чувашии на начальном этапе становления чувашской национально-государственной автономии. Раскрывается роль учителей как активных проводников и организаторов ликвидации безграмотности взрослых, становления и развития начального и среднего школьного образования, массово-политической и культурно-просветительской работе в республике в этот период.

Ключевые слова: Чувашия, школьное образование, культурное просвещение, ликвидация безграмотности, учителя, общественные объединения.

История школы и школьного образования, роли и места учительства в общественной жизни и просвещения на разных этапах отечественной

истории вызывает сегодня особенно острый общественный интерес в связи с возможностью и актуальностью использования этого опыта, традиций. Не случайно роль и системы образования в решении проблем консолидации общества заняла такое важное место в последнем Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию. Он подчеркнул значимость проблемы в плане обеспечения фундаментального конституционного принципа равенства прав граждан и при этом явно имел в виду решение задачи в контексте опыта и исторических традиций.

В.В. Путин поставил также задачу: «За три предстоящих года за счет расширения сети детских технопарков, кванториумов, центров цифрового, естественнонаучного, гуманитарного развития будет создано порядка миллиона новых мест в системе дополнительного образования. Оно должно быть доступно для всех детей» [8].

Ведь это означает реализацию на современном витке исторического развития идеи политехнизации школы на основе единства школьного и дополнительного (внешшкольного) образования с добровольным привлечением ресурсов и возможностей не только самих образовательных учреждений, но и всех субъектов образовательного процесса, непосредственно заинтересованных в его успехе. Такие примеры наглядно подтверждают не только целесообразность и плодотворность, но и настоятельную необходимость обращения, с учётом сегодняшних условий и требований, к неисчерпаемой сокровищнице исторического опыта.

Работу чувашской школы, чувашских учителей в первые послереволюционные годы, в ее просветительском и общественном содержании можно правильно понять и оценить только в контексте, мегапроекта культурных преобразований на том этапе модернизации российского общества, начало которому было положено Октябрьской революцией. Конечно, для полноценного последующего экономического, политического и социально-культурного развития России, обеспечения её достойного места в мировом сообществе и безопасности требовалось, прежде всего, в кратчайший срок ликвидировать массовую безграмотность взрослого населения. Но это была хотя и чрезвычайно важная, но лишь ближайшая, первоочередная задача, по мере решения и одновременно с решением которой было запланировано перейти к более высокому рубежу – зафиксированному в Программе РКП (б) переходу к бесплатному и обязательному общему и политехническому образованию для всех детей обоего пола в возрасте до 17 лет. Следует особо подчеркнуть, что новая школа была задумана именно как политехническая, а не просто как профессиональная. Коренное отличие новой политехнической школы от старой профессиональной состояло в том, что она была ориентирована в первую очередь на формирование целостного научного мировоззрения и давала естественнонаучные и основы технических знаний в комплексе с экономическими и обществоведческими. В этом отражалось требование к новому качеству трудовых ресурсов в условиях реконструкции народного хозяйства и индустриализации.

Перед новой школой стояла и не менее важная задача преодоления экономического и культурного неравенства народов России в соответствии с решениями X и XII съездов РКП (б) по национальной политике, что имело особое значение в национальных автономиях, таких, как Чу-

вашия. Е.К. Минеева так раскрывает сущность и содержание национальной политики первых лет Советской власти: «Шёл процесс ликвидации безграмотности основной массы большинства нерусских этносов, формирования национальных кадров, в целом проводилась политика коренизации народов. Коренизация народов сыграла существенную роль в привлечении на сторону Советов многочисленного мультиэтнического, в те годы в большинстве своем крестьянского населения страны» [7, с. 47].

Важнейшая роль в этих преобразованиях отводилась учительскому корпусу, к профессиональным, политическим и духовно-нравственным качествам которого предъявлялись повышенные требования. Народный комиссар просвещения А.В. Луначарский заявил на I Всероссийском съезде по просвещению 26 августа 1918 г.: «Для нас важно, чтобы педагог был самым универсальным и самым прекрасным человеком в государстве, потому что он должен сделать из себя источник радостного перерождения для людей, которые живут в процессе постепенного развития сил» [6, с. 39].

Приоритеты государственной политики в отношении учителей сформулировал В.И. Ленин в одном из своих последних произведений – статье «Странички из дневника»: «Народный учитель у нас должен быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Это – истина, не требующая доказательств» [5, с. 365].

В таком же ключе была выдержана и директива ВЦИК РСФСР: «Только просвещенный, политически грамотный и преданный интересам Советской власти школьный работник может быть подлинным строителем новой школы. Советскому работнику школы необходимо предоставить почетное место в рядах трудящихся республики» [3, с. 37].

Чувашия начала участвовать в решении поставленных задач в неблагоприятных стартовых условиях, которые охарактеризовал видный исследователь предреволюционного периода ее региональной истории В.Л. Кузьмин: «Несмотря на большие усилия и старания передовых своих представителей в области просвещения, чувашский народ в основном оставался в темноте. В 1913 году на территории Чувашии было всего 425 начальных школ всех типов, 27 двухклассных и высших начальных училищ, 10 средних школ (гимназий, реальных училищ). Грамотность чувашского народа накануне Октябрьской революции не превышала 18%, а среди женщин 4%» [2, с. 48–49].

К безусловно положительным факторам следует отнести влияние прогрессивной, демократической русской культуры, подвижническую просветительскую деятельность И.Я. Яковлева и его соратников, благодаря которой еще до революции чувашский народ обрел национальную школу, письменность, стало возможным книгоиздание на чувашском языке и появление на нем первой газеты «Хыпар». Следует полностью согласиться с оценкой его вклада в просвещение не только одной Чувашии, но и множества народов России, которую дал Т.С. Сергеев: «Наследие чувашского просветителя И.Я. Яковлева вошло в сокровищницу многонациональной демократической педагогики России» [9, с. 29].

Ликвидация безграмотности была воспринята в массовом сознании как поистине общенародное дело. В.И. Соколова пишет: «Учителей в

стране не хватало, поэтому в порядке трудовой повинности власти при-
влекли для обучения неграмотных всех знающих грамоту граждан. В это
движение включались ячейки РКП (б), профсоюзы, комсомол, комиссии
по работе среди женщин и другие общественные организации... Школ не
хватало, поэтому бесплатно использовались народные дома, клубы, сво-
бодные помещения на заводах, фабриках, в учреждениях. Использова-
лись здания церквей, частные дома» [10, с. 117].

На плечи учителей легла двойная нагрузка и ответственность: они не
только сами вели занятия, но и были организаторами просветительской
работы во всем объеме, преодолевая всяческие препятствия и подчас
оголтелое сопротивление со стороны кулаков, знахарей и прочих мрако-
бесов. И вот результат: неграмотных и малограмотных в возрасте от 16
до 50 лет было в республике обучено: в 1920 г. – 22880, в 1921 г. – 12326,
в 1924 г. – 3950, в 1925 г. – 3145, в 1926 г. – 12325, в 1927 г. – 6881 чело-
век. Соответственно прослойка грамотных среди чувашей поднялась с
18% в 1913 г. до 36% в 1926 г. и продолжала расти в дальнейшем до 65%
в 1930 г. и 95% в 1932 г., когда ликвидация безграмотности в основном в
республике была завершена [4, с. 11].

Расширялась сеть школ: к 1927 г. их число (первой ступени) достигло
873 с 1602 учителями и 67,5 тыс. учеников, что дало возможность ввести к
10-летию Октябрьской революции частичное всеобщее начальное обуче-
ние детей с восьми летнего возраста на базе 44 школ, в следующем году
число таких школ достигло 114, а через два года – 331 [11, с. 86]. Одно-
временно принимались меры к улучшению качества образовательного
процесса, его организационного и методического обеспечения. Базовой
стала Чебоксарская опытно-показательная школа-коммуна имени III Ин-
тернационала, действовавшая с 1921 г., а в 1925 г. преобразованная в
восьмилетнюю школу, включенную в список опытно-показательных обра-
зовательных учреждений РСФСР с полным гособеспечением [1, с. 112].

Решение проблемы дефицита учительских кадров велось путем созда-
ния сети специальных учебных заведений: в 1920 г., в год создания Чу-
вашской автономии, было положено начало национальному высшему пе-
дагогическому образованию преобразованием яковлевской Симбирской
чувашской учительской школы в Чувашский институт народного образо-
вания с сельхозтехникумом при нем. Учителей в автономной области го-
товили 5 педтехникумов, 7 учительских семинарий и 13 педагогических
трехлетних курсов с одновременным обучением 700 человек [11, с. 47].

Реализовывалась и установка на превращения школы в культурный
очаг и центр общественной жизни. Уже 1 мая 1919 г. Цивильская уезд-
ная газета «Знамя революции» сообщала: «имеется уездный народный
дом со сценой, где ставятся спектакли почти еженедельно, уездная би-
блиотека в 1000 томов, 20 сельских библиотек. Организованы культурно-
просветительные кружки и союзы молодёжи. Сначала это были теат-
ральные кружки, теперь ими ведутся чтения газет и книг среди всех
народностей. Школ и кружков для взрослых – 10. Народные чтения и
беседы по вопросам сельского хозяйства, политики, ветеринарии ведутся
учителями» [4, с. 59].

В решении всех задач, о которых речь шла выше, деятельную по-
мощь учителям оказывали общественные организации, прежде всего

комсомол, ряды которого активно пополняли молодые учителя и студенты педагогических учебных заведений. VI съезд РКСМ (1924) мобилизовал на участие в ликбезе поголовно всех комсомольцев, особо выделив в резолюции по данному вопросу важность скорейшей ликвидации безграмотности в национальных регионах, среди сельской и женской молодёжи. В соответствии с этими установками в Чувашии на борьбу против безграмотности и на другие участки культурного фронта были мобилизованы тысячи комсомольцев под лозунгом «Каждый грамотный комсомолец должен обучить пять безграмотных!» В школах создавались первые комсомольские организации и пионерские отряды. Пионеры и комсомольцы с самого начала были помощниками учителей не только в организации учёбы и жизни школ, но и во всех общественных делах.

В первое послеоктябрьское десятилетие учителя Чувашии, как и всей страны, с честью выполнили свою миссию в ликвидации безграмотности, создании новой, в том числе национальной, массовой трудовой политехнической школы и решении всех других важнейших задач культурного строительства. Их пример и традиции вдохновляют сегодня тех, кто совершенствует систему образования на новом этапе модернизации общества.

Список литературы

1. Алексеев М.С. Развитие народного просвещения в Чебоксарах в 1921–1927 гг. / М.С. Алексеев, В.С. Борисов, В.С. Григорьев // Из истории развития народного образования и просветительства в Среднем Поволжье: сб. ст. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1993. – С. 111–116.
2. Кузьмин В.Л. Крестьянское движение в Чувашии в период подготовки Октябрьской революции (март–октябрь 1917) / В.Л. Кузьмин. – Чебоксары: Чув. гос. изд-во, 1957. – 184 с.
3. Культурное строительство в РСФСР: Док-ты и мат-лы. – М.: Советская Россия, 1984. – Т. 1. Ч. 2: 1921–1927 гг. – 368 с.
4. Культурное строительство в Чувашской АССР: сб. док-тов. Кн. 1 (1917–1937 гг.) / сост. В.В. Катагогин, В.Л. Кузьмин, А.М. Мурышкина, Н.П. Рукавишникова; под ред. и введ. В.Л. Кузьмина. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. – 399 с.
5. Ленин В.И. Странички из дневника // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1970. – Т. 45. – С. 363–366.
6. Луначарский А.В. О народном образовании / А.В. Луначарский. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1958. – 560 с.
7. Минеева Е.К. Наркомнац и становление Марийской, Мордовской, Чувашской автономных республик: исторический опыт и уроки. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. – 300 с.
8. Путин В.В. Нацпроект – сильная, комфортная Россия. Послание президента РФ Федеральному Собранию / В.В. Путин // Российская газета. – 2019. – 21 февр.
9. Сергеев Т.С. Социалистическая культура Чувашии / Т.С. Сергеев. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. – 160 с.
10. Соколова В.И. Молодежь Чувашии в 1917–1941 годы: исторический опыт социально-политической организации / В.И. Соколова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. – 295 с.
11. Степанов Н.С. Очерк истории чувашской советской школы / Н.С. Степанов. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. – 272 с.

Минеева Елена Константиновна

д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ ЧУВАШИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

***Аннотация:** в статье рассматриваются трудности формирования новой системы школьного образования в национальном регионе страны в первые годы советской власти, главными из которых были материальное обеспечение учебных заведений и подготовка для учебного процесса профессиональных педагогов. На основе архивных источников раскрывается один из вопросов образовательной сферы, имеющий отношение к новым явлениям, а именно проведение самокурсов в деле подготовки учителей.*

***Ключевые слова:** Чувашский край, школа, учебные заведения, педагогические курсы, самокурсы.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кабинета Министров Чувашской Республики в рамках научного проекта №17-46-210691 р_а.

В условиях продолжающейся реформы современной системы образования и неослабеваемого внимания со стороны государства к данной сфере в целом изучение опыта подготовки и переподготовки национальных учительских кадров в первые годы советской власти и извлечение исторических уроков является весьма актуальной исследовательской задачей.

Архивные данные свидетельствуют о том, что создание новой, советской системы образования проходило с неимоверными трудностями, касавшимися, в первую очередь, материального обеспечения школ и подготовки специалистов. В течение 1917–1918 гг. учебные заведения постепенно переходили в ведение местных Советов. К 1920 г., по сравнению с 1914 г., количество начальных школ в стране выросло в 2,5 раза [7, с. 169]. Однако увеличение сети школьных заведений в Чувашии, одном из отсталых регионов страны, осуществлялось гораздо медленнее, чем в центральной части РСФСР. Это объясняется не только недостатком материальных и финансовых средств, но и «полным отсутствием школьных работников, специалистов, просто образованных людей» [3, л. 13]. В 1919 г. в Чувашском крае не хватало 489 учителей [8, с. 27]. Встречались факты закрытия школ, приостановления учебных занятий «ввиду полного отсутствия школьных работников» [1, л. 255]. Так, в Цивильском уезде насчитывалось 188 свободных учительских вакансий: 16 – в школах I, 46 – II ступени [6, л. 56]. Одной из причин отсутствия работников просвещения являлось, прежде всего, их тяжелое материальное положение. Стоит заметить, что состав педагогических кадров по своей профессиональной подготовке был очень разнообразным. Так, в данном уезде более 10% учителей окончили учительские семинарии, школы, курсы, а 30% – совершенно не имели никакой специальной под-

готовки для работы в школе [3, л. 13]. Встречались факты, когда учащиеся стремились перейти в учебные заведения низшей ступени ввиду трудностей, возникавших по причине низкого уровня их профессионализма.

В Чувашской автономии (с 1920-го года) принимались самые энергичные меры, чтобы решить проблему недостатка квалифицированных кадров. Важную роль в подготовке национальных специалистов продолжала играть Симбирская школа, которая осенью 1920 г. была преобразована в Чувашский институт народного образования. В 1918–1920 гг. открылись учительские семинарии в Красных Четаях, Шихранах, Большом Чурашеве и Алатыре. В школах II ступени были созданы педагогические классы.

В Чувашии действовало 4 педагогических курсов, подготовивших около 700 учителей [1, л. 255]. Кроме того, начиная с 1918 г., в практику начали широко вводить краткосрочные педкурсы. Например, полуторамесячные – для всех учителей области, трехмесячные – для окончивших школу II ступени и слабо подготовленных учителей. Также были организованы и проведены курсы по изучению краеведения и чувашского языка, физическому воспитанию.

Другими формами повышения квалификации стали педагогические кружки, конференции, курсы-сезды и учительские объединения, носившие названия «самокурсов» [4, л. 18]. Архивные документы свидетельствуют, что, как правило, в организации самокурсов участвовали сами учителя совместно со школьным инструктором. «Характер же получения знаний и умений был почти тот же, что и на курсах: слушались лекции, проводились и разбирались уроки, в меньшей мере делались доклады и велись беседы по докладам» [4, л. 18].

Уже в 1921 г. ввиду их эффективности такие самокурсы были организованы во всех уездных городах автономной области [2, л. 2 а]. Право их открытия предоставлялось и школам II ступени, располагавших помещением, опытными педагогическими силами, способными руководить занятиями. Областной отдел народного образования разработал специальную инструкцию, в которой рекомендовал схемы занятий и образцы листовок, а также давал советы и письменные указания по проведению подобных мероприятий. Результаты данной инициативы были налицо. Так, учительские самокурсы состоялись во время зимних каникул в 11 населенных пунктах Цивильского уезда. Они стали самыми многочисленными в Чувашской автономной области, объединив 102 педагога. Наиболее малочисленными явились Тойси-Паразусинские Хормалинской волости, на которые ходило всего 15 человек. Предполагалось открытие самокурсов при школе в Шихазанах, но из-за малочисленности учителей они были объединены с Шихранскими [4, л. 18]. В процессе проведения подобных мероприятий учитывалась национальная политика, активно претворявшаяся в жизнь в первые годы советской власти. Например, отдел народного образования ЧАО организовал Акзегитовские самокурсы специально для татар, Молькеевские – для «крящен», но в основном они открывались для чувашскоязычных и русскоязычных работников просвещения как наиболее многочисленных в регионе в этническом отношении.

Всем участникам самокурсов выдавалось продовольствие, причем Цивильские, Шихранские и Ибресинские педагоги получали обед и хлеб в местных столовых. Всего в работе самокурсов Цивильского уезда приняло участие 378 школьных работников [5, л. 164]. «Вначале к самокурсам учительство приступало с ужасом и с неохотой..., позже создалось убеждение, что они необходимы и гораздо важнее курсов» [3, л. 13]. Здесь проводились и разбирались уроки, прослушивались лекции. Участники делали доклады, писали рефераты, обсуждали вопросы по трудовому воспитанию. Однако в беседах живое участие принимали лишь наиболее подготовленные представители просвещения, включение в общую работу рядовых работников пока было слабым. Организаторы курсов прикладывали немало усилий для того, чтобы вовлечь в активную работу всех обучавшихся. Иногда приходилось прибегать к системе назначений докладчиков по намеченным вопросам. Следует отметить, что к концу обучения «обмен мнениями увеличивался, а в некоторых пунктах усиливался и общий подъем» [3, л. 13]. Учительские объединения устраивали творческие выставки работ учащихся, спектакли, концерты для населения.

Позже самокурсы стали проводиться регулярно в каникулярное время, участие в них для школьных работников являлось обязательным. Важно отметить и то, что здесь обсуждались не только педагогические, но и политические вопросы. Участники курсов знакомились с «партийными работниками и с азбукой коммунизма» на занятиях [4, л. 18]. Следовательно, самокурсы активно использовались советской властью в целях агитации и пропаганды населения, то есть они имели и идеологическую окраску.

Таким образом, учительские объединения или самокурсы представляли собой особую форму коллективного самообразования школьных работников. И, несмотря на несовершенство подготовки и переподготовки учителей через систему различных курсов, и, прежде всего самокурсов, следует отметить, что в первые годы советской власти это был один из наиболее эффективных путей для удовлетворения потребностей школ национальными кадрами.

Список литературы

1. ГИА ЧР. Ф. 123. Д. 4. Л. 255.
2. ГИА ЧР. Ф. 123. Д. 7. Л. 2 а.
3. ГИА ЧР. Ф. 123. Оп.1. Д. 19. Л. 13.
4. ГИА ЧР. Ф. 123. Д. 19. Л. 18.
5. ГИА ЧР. Ф. 123. Д. 19. Л. 164.
6. ГИА ЧР. Ф. 123. Д. 146. Л. 56.
7. Земляков А.Е. Взаимосвязь воспитания с жизнью в истории чувашского просвещения / А.Е. Земляков. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2009. – С. 169.
8. Степанов Н.С. Очерк истории чувашской советской школы / Н.С. Степанов. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959. – С. 27.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ М.И. РОСТОВЦЕВА

***Аннотация:** в статье представлен анализ теоретико-методологических воззрений выдающегося российского антиковеда Михаила Ивановича Ростовцева. Автор рассматривает исторические взгляды ученого, акцентирует внимание на его концепции развития античной цивилизации, в которой особо выделяется роль социально-экономических факторов. В работе также подчеркивается склонность М.И. Ростовцева к теории циклизма и модернизаторству древней истории.*

***Ключевые слова:** М.И. Ростовцев, антиковедение, исторические взгляды, методология, модернизаторство, теория циклизма.*

М.И. Ростовцев достаточно редко обращался непосредственно к вопросам теории исторической науки. Однако он уделял большое внимание разработке теоретико-методологических оснований своих сочинений. Наиболее ярко это проявилось в том, что почти все курсы его лекций по тем или иным разделам истории древности предварялись весьма обширными теоретическими введениями. М.И. Ростовцев уже с первых шагов научной карьеры проявил стремление к философскому и теоретическому осмыслению тех конкретно-исторических сюжетов, которые он исследовал. Занимаясь активной преподавательской и отчасти просветительской деятельностью [3, с. 435], он был озабочен актуализацией занятий античностью. Как считает А.П. Алипов, творческие поиски привели М.И. Ростовцева на путь презентизма, «согласно которому только проблемы современности оказывают решающее влияние на процесс выбора историком тем для исследования и на его интерпретацию событий прошлого» [4, с. 24]. Презентизм, как предшественник конструктивизма, являлся новым методологическим направлением, и приверженность ему неизбежно вела к разрыву с предшествующей традицией историописания, требуя от ученого определённой смелости. Во многих трудах М.И. Ростовцева связь прошлого и настоящего подчеркивалась с чрезмерной настойчивостью, и использовались прямые параллели между различными эпохами.

Исследователи расходятся в оценках методологических воззрений ученого. Так есть мнение, что начиная с самых ранних работ, М.И. Ростовцевым были сформулированы взгляды, выходявшие за рамки позитивистской парадигмы, характерный для большинства российских историков рубежа XIX–XX вв.: И эта тенденция в более поздних работах ученого только усиливалась. С.Б. Крих также считает, что методология М.И. Ростовцева ближе всего к позитивистской, однако для нее характерен ряд своеобразных черт: «общий скепсис по отношению к идеям эволюционизма и прогрессизма, принципиальное неуважение к строгой

терминологии и уже почти заявленный в качестве важного фактора интуитивизм исследователя» [6, с. 15–16].

Впервые свои исторические взгляды М.И. Ростовцев обобщил в «Очерках истории древнего мира». Этот труд был написан ученым специально для русских школ, и был издан в Берлине в 1924 г. В нем он попытался представить свои взгляды на развитие древности, рассмотрев не только греко-римский мир, но и Древний Восток. В предисловии М.И. Ростовцев отмечал, что его задачей было «выделить наиболее значительные факты; показать их взаимную связь, объяснить их и построить на них историю развития древнего мира» [7, с. 3]. Впоследствии М.И. Ростовцев дополнил текст «Очерка» и опубликовал в 1926–1927 гг. двухтомную историю древнего мира на английском языке («A History of the Ancient World»). Позже эта работа была переведена на немецкий и болгарский языки и долгое время считалась наиболее удачным изложением истории древнего мира.

В первой (вводной) части «Очерка» М.И. Ростовцев определяет цели, задачи и значение истории как науки. Основную задачу истории он видит в том, чтобы «выяснить прошлое человечества, восстановить жизнь людей во всем ее многообразии, как она развивалась с древнейших времен и до нашего времени» [7, с. 8]. В отличие от Э. Мейера, который разделял принципиальной гранью историю и науки, открывающие законы, М.И. Ростовцев признает как существование закономерностей исторического процесса, так и возможность истории постичь эту закономерность [7, с. 8].

В своих исторических исследованиях М.И. Ростовцев уделял основное внимание изучению социально-экономических факторов и отводил им одну из определяющих ролей в историческом развитии человечества. Однако, он подчеркивал, что ни в коем случае не переоценивает значение этих аспектов человеческой жизни, и постоянно показывал свое неприятие марксизма. Но как ни парадоксально, в концепции М.И. Ростовцева критики нередко усматривали влияние марксизма. Нередко одно лишь то, что ученый особо выделял роль экономических и социальных факторов, рассматривалось как факт влияния марксизма [2, с. 14].

Концепция социально-экономического развития античности была разработана М.И. Ростовцевым еще в период его научной деятельности в России, когда одной из основной сферой его интересов было изучение истории Юга России в античный период [1, с. 9]. В дальнейшем она перетерпела некоторые изменения. Однако ее основные положения: теория циклизма и модернизаторское отношение к истории сохранились, последнее по некоторым вопросам даже усилилось.

Концепция циклического развития, которой придерживался М.И. Ростовцев, была близка взглядам Эд. Мейера. Всю историю человечества он представлял в виде двух циклов: античности и современности – «культурный мир завершил один и только один цикл своего развития в так называемую эпоху античности. Ныне мы переживаем второй цикл» [9, с. 3]. Внутри каждого цикла идут закономерные исторические процессы, происходит постепенная эволюция общества, при этом законы этого движения одинаковы для обоих циклов – «античная греко-римская культура представляет цельное и законченное развитие, двигавшееся по тем же пу-

тям, по которым идет и жизнь нашей современной цивилизации» [8, с. 195]. При этом М.И. Ростовцев резко выступает против теории о тождестве исторической жизни государства и органической жизни отдельных индивидуумов. Он считал, что такое деление возможно для истории развития отдельных государств и отдельных культурных периодов (например, период греко-римской культуры), но не всей истории человечества. М.И. Ростовцев согласен с делением истории экономической жизни человечества на периоды натурального (или домового), городского, государственного и мирового хозяйства. С его точки зрения, все эти формы существовали и в древности, причем их смена не всегда происходила от низшего к высшему, существовал и обратный процесс. «Античная жизнь настолько сложна и разнообразна, что нельзя подводить ее под одну схему» [8, с. 196], но М.И. Ростовцев делает из этого вывод, что многие явления древности могут быть объяснены только проведением аналогий с современностью. Отсюда и происходит модернизация М.И. Ростовцевым истории древности.

Ученый доказывал наличие в античной жизни многих явлений современности, эволюцию античности он стремился рассмотреть «в тесной связи с той же эволюцией в современности» [10, с. 81], что особенно ярко проявилось в социально-экономических вопросах. М.И. Ростовцев считал, что капитализм, как наиболее характерное явление современности, не мог не проявиться и в античном мире. С этой точки зрения им и рассматривалась экономическое развитие древности, и поэтому употреблении терминов «буржуазия», «пролетариат», «капитализм», «империализм» и т. п. Именно подобная терминология и являлась одним из наиболее часто критикуемых аспектов концепции М.И. Ростовцева. Однако, как серьезный ученый, М.И. Ростовцев отмечал, что говорить о подобных аналогиях можно лишь в общем плане. Таким образом, являясь последовательным сторонником циклизма, М.И. Ростовцев, тем не менее всегда подчеркивал, что не следует в полной мере отождествлять развитие античности и современного мира, т.к. хотя в периоды своего наивысшего расцвета античная жизнь «может быть сравнима в определенной степени с развитием современной Европы в XVII, XVIII и XIX вв. Тем не менее они крайне отличны» [11, р. 208]. Как отмечает П.А. Алипов, М.И. Ростовцев в своих взглядах оказался совсем не одинок: «с теми или иными оговорками его доводы оказались приняты весьма крупными представителями российской исторической науки того времени – Н.И. Кареевым и Ф.Ф. Зелинским» [4, с. 22].

Революционные события в России лишь усилили тенденции модернизаторства древней истории в трудах М.И. Ростовцева. Он обращается к проблемам гибели античной цивилизации, проводит параллели между кризисом III в. в Римской истории и революциями 1917 г. в России [5, с. 155], полагая, что причина кроется в конфликте между буржуазией и крестьянством. Высокоразвитая римская цивилизация не затронула крестьянство империи. Оно ненавидело высшие классы, и прежде всего буржуазию, и нашло возможность отомстить в союзе с армией, которая постепенно становилась все более крестьянской по своему составу. В результате страна была ввергнута в хаос, городская жизнь пришла в упадок, а вместе с ней пришла в упадок и вся цивилизация. В дальнейшем

М.И. Ростовцев в труде «The Social and Economic History of the Roman Empire» доработал эту теорию. Он уже не рассматривал производ кре-
стьянской армии, как единственную причину падения империи. М.И. Ростовцев подчеркивал, что основное явление, лежащее в основе постепенного упадка империи, это поглощение высших классов низшими и, вследствие этого, упрощение всех сторон жизни или полная варваризация империи. Необходимо отметить, что концепция ученого была построена с учетом баланса роли социально-экономических и социально-психологических факторов. Как отмечает С.Б. Крих «Ростовцев делает недвусмысленный намек утверждая, что необходимо внимательнее изучить психологию масс, он говорит, по сути дела, о том, что игры власти с массами, в жертву которым всегда приносится культура, приводят к кризису» [6, с. 22].

Список литературы

1. Агеева Н.Н. Концепция исторического развития Юга России в античный период в трудах М.И. Ростовцева // Вестник Чувашского университета. – 2007. – №3. – С.9–15.
2. Агеева Н.Н. О некоторых аспектах исторической концепции М.И. Ростовцева // Вопросы гуманитарных наук. – 2002. – №3. – С. 13–15.
3. Агеева Н.Н. М.И. Ростовцев о роли университетов в России // Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX–XX вв.). Проблема изучения. – Сб. ст. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – С. 434–438.
4. Алипов П.А. М.И. Ростовцев – историк древнего Рима: доэмигрантский этап научного творчества: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2010.
5. Бауэрсок Г.У. Южная Россия М.И. Ростовцева: между Ленинградом и Нью-Хэйвен / Г.У. Бауэрсок // Вестник древней истории. – 1991. – №4. – С. 152–162.
6. Крих С.Б. Концепция кризиса III в. в Римской империи в творчестве М.И. Ростовцева: автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.Б. Крих. – Омск, 2004.
7. Ростовцев М.И. Очерк истории древнего мира. Восток – Греция – Рим / М.И. Ростовцев. – Берлин: Слово, 1924. – 321 с.
8. Ростовцев М.И. Капитализм и народное хозяйство в Древнем мире / М.И. Ростовцев // Русская мысль. – 1900. – №3. – С. 195–217.
9. Ростовцев М.И. Национальное и мировое государство / М.И. Ростовцев. – М.: Типо-литография т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1915. – 15 с.
10. Ростовцев М.И. Рецензия на работу М.М. Хвостова «Исследования по истории об-
мена в греко-римском Египте» / М.И. Ростовцев // Гермес. – 1907. – №4. – С. 81–95.
11. Rostovtzeff, M.I. (1929–1930). The Decay of the Ancient World and its Economic Ex-
planation. Economic History Review, II, pp. 208–254.

Олейникова Елена Геннадьевна

д-р ист. наук, профессор
Волгоградский институт управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Волгоград, Волгоградская область

DOI 10.31483/r-22262

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв. (НА ПРИМЕРЕ ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО)

Аннотация: статья посвящена проблемам развития одного из наиболее актуальных разделов современной отечественной исторической науки – социальной истории. В процессе выявления и характеристики источниковой базы исследуемой темы автором использованы проблемно-хронологический, типологический методы. Результатами проведенного исследования являются обобщение составляющих предмета изучения населенного пункта в рамках социальной истории, выявление и анализ особенностей документальных источников справочно-статистического характера, которые могут быть использованы в ходе изучения социальной истории населенных пунктов Области Войска Донского.

Ключевые слова: социальная история, населенный пункт, хозяйственная деятельность, демографические показатели, гендерные показатели, социальный состав населения.

В настоящее время социальная история признана как самостоятельное и актуальное направление исторической науки как в зарубежных странах, так и в России. Однако ее предметные составляющие, методологические основы, специфические приемы и методы исследования до сих пор являются темой многочисленных дискуссий. Объекты социальной истории многообразны: исследователи выделяют социальные, демографические, гендерные группы населения, социальные отношения, повседневность и частную жизнь, миграционные процессы и т.д.

По нашему мнению, населенные пункты представляют бесспорный интерес для социальной истории не только как единицы территориальной организации общества. Каждый населенный пункт является по своему уникальной человеческой общностью, где люди являются коллективным субъектом социального действия.

Изучение социальной истории населенного пункта включает научный анализ территориальных, административных, экономических изменений, оказывающих влияние на социальное самочувствие населения; гендерных и демографических показателей; взаимоотношений слоев и социальных групп; динамику культурных и ментальных особенностей.

Исходя из этого, следует отметить особую значимость документальных источников справочно-статистического характера. В исследуемый период под эгидой МВД России издавались сборники, именовавшиеся

«Списки населенных мест» и содержавшие данные о населенных пунктах страны, полученные в результате переписей.

В 1864 году Статистическим комитетом министерства внутренних дел был издан Список населенных мест Земли Войска Донского, основанный на сведениях, собранных в 1859 году. Сборник содержал общую информацию о всех восьми округах Войска – их территориальное положение, природные и климатические условия, состояние промышленности и торговли, число жителей. По каждому населенному пункту (среди них были станицы, хутора, слободы, поселки и т. д.) приводились следующие данные: название населенного места; положение (при реки, озере, урочище); расстояние от столицы Войска г. Новочеркасска; число дворов; число жителей – мужчин и женщин; наличие церквей, молитвенных зданий, учебных, благотворительных заведений, почтовых станций, ярмарок, базаров, пристаней, фабрик и заводов. К примеру, хутор Семеновский (ныне хутор Семенов Тормосиновского СП Чернышковского района Волгоградской области), входивший в юрт станицы Нагавской Второго Донского округа Земли Войска Донского, был расположен «при колодцах». По данным 1859 г. в хуторе было 63 двора, проживало 340 человек: 160 мужчин, 180 женщин. Семеновский являлся самым густонаселенным пунктом среди шестнадцати хуторов юрта станицы Нагавской. Культовых, торговых, промышленных, учебных заведений в хуторе в тот период не было [5, с. 34].

Важным справочно-статистическим источником является Список населенных мест Области Войска Донского, составленный по данным переписи 1873 года. Он содержит информацию о состоянии хозяйства населенных пунктов. Так, в 1873 году у жителей хутора Семеновский имелось плугов – 55, лошадей – 118, пар волов – 234, голов прочего рогатого скота – 678, овец – 1844. В тот период в хуторе насчитывалось уже 96 дворов, 21 отделенная изба, не составлявшая двора; проживало 585 человек – 264 мужского и 321 женского пола [2, с. 63].

Материалы первой всероссийской переписи населения, проведенной в 1897 году, позволяют изучить количественные, демографические, национальные, сословные характеристики населенных пунктов. По данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года («Список населенных мест Области Войска Донского по первой всеобщей переписи населения Российской империи, 1897 года. Часть первая») в хуторе Семенов было 148 дворов. Численность населения составляла 812 человек – 398 мужского и 414 женского пола. Большинство из них – 359 мужчин и 380 женщин принадлежали к войсковому сословию. К крестьянскому сословию относились 30 человек, к мещанскому 7, к дворянскому 2. Православными были 317 мужчин и 321 женщина, раскольниками соответственно 75 и 85, ламаистами – 6 и 8. По родному языку все жители хутора, за исключением 14 калмыков, являлись великорусами. В хуторе было 283 ребенка: 37 в возрасте до 1 года, 137 – от 1 года до 7 лет, 109 – от 8 до 12 лет. Подростков 13–15 лет было 54, шестнадцатилетних – 27. Среди взрослого населения хутора наиболее многочисленную возрастную группу составляли люди в возрасте от 26 до 32 лет, их насчитывалось 76 человек (33 мужчины и 43 женщины). В возрасте 81–90 лет находились всего 3 хуторянина, 1 мужчина и 2 женщины. Возрастной порог 91 год

переступил 1 мужчина (всего таких должжителей в пятнадцати хуторах станицы Нагавской было трое) [3, с. 156–157].

«Список населенных мест Области Войска Донского по первой всеобщей переписи населения Российской империи, 1897 года, с распределением населения: по грамотности и образованию, по главным занятиям, по ремеслам, по семейному положению, с указанием лиц, имеющих физические недостатки» содержит следующие данные. Среди жителей хутора Семеновский грамотными были 131 мужчина и 20 женщин. Основным занятием большинства жителей хутора было указано земледелие, 9 человек числились скотоводами, 33 ремесленниками. Из взрослого населения большинства, 344 человека, состояли в браке. Холостых насчитывалось 24 мужчины, незамужних 43 женщины; вдовыми числились 12 мужчин и 28 женщин; статус разведенного имел один мужчина [4, с. 156–157].

Справочно-статистические сборники начала XX века, наряду со сведениями о численности и составе жителей населенных мест, содержат информацию об их административной принадлежности и подчинении, расстоянии до ближайших железнодорожных и земских почтовых станций. Согласно «Алфавитному списку населенных мест Области Войска Донского» за 1915 год, хутор Семенов станицы Нагавской (прежнее название Семеновский было в документе изменено) относился к Усть-Медведицкому окружному судебному участку, Есауловскому медицинскому участку, Ворон-Донскому горному участку. По состоянию на 1915 год в хуторе было 105 дворов. Число жителей по сравнению с концом 1890-х гг. уменьшилось и составило 628 человек (331 мужчина, 297 женщин). В хуторе имелось правление, церковь, школа [1, с. 525–526].

Таким образом, научный анализ документальных источников справочно-статистического характера позволяет исследовать важные составляющие социальной истории населенных пунктов, проследить динамику демографической, гендерной, хозяйственной, социальной ситуации, составить целостную картину эволюции населенного места как субъекта социального действия.

Список литературы

1. Алфавитный список населенных мест Области Войска Донского. – Новочеркасск: Областная войска Донского типография, 1915. – С. 525-526.
2. Список населенных мест Области Войска Донского по переписи 1873 года / издан Обл. Войска Дон. стат. ком. под ред. А. Савельева. – Новочеркасск: Областная Войска донского типография, 1875. – 292 с.
3. Список населенных мест Области Войска Донского по первой всеобщей переписи населения Российской империи, 1897 года. – Новочеркасск: Областная Войска донского типография, 1905. – Ч. 1. – 607 с.
4. Список населенных мест Области Войска Донского по первой всеобщей переписи населения Российской империи, 1897 года, с распределением населения: по грамотности и образованию, по главным занятиям, по ремеслам, по семейному положению, с указанием лиц, имеющих физические недостатки. – Новочеркасск: Областная Войска донского типография, 1905. – Ч. 2. – 331 с.
5. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. – СПб.: Изд-во Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1861–1885. Вып. 12: Земля Донского войска: ... по сведениям 1859 года / обраб. ред. И. Вильсоном. – 1864. – XXV, 102 с.

Павлова Алевтина Николаевна

канд. ист. наук, доцент

Селиванова Светлана Александровна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ВКЛАД Н.В. НИКОЛЬСКОГО В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ХРИСТИАНИЗАЦИИ И ХРИСТИАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ЧУВАШЕЙ

Аннотация: в статье рассматриваются основные труды Н.В. Никольского по истории христианизации и христианского просвещения чувашей, выявляется вклад ученого в исследование данной проблематики.

Ключевые слова: Н.В. Никольский, история христианизации, христианское просвещение чувашей, родной язык, переводы, народное образование.

Историографическая проблематика вызывает постоянный интерес исследователей. В связи с этим, актуальным представляется изучение трудов выдающегося чувашского ученого, профессора Н.В. Никольского, в частности, его вклада в исследование истории христианизации и христианского просвещения чувашей.

Значительный вклад в изучение данной проблемы внесли В.Д. Димитриев, А.П. Леонтьев, Г.Б. Матвеев [2]. Серьезный, обстоятельный анализ трудов Н.В. Никольского по истории христианизации и христианского просвещения чувашей дан Г.А. Николаевым, высоко оценивающим труды ученого. Проводя сравнение с М.В. Ломоносовым, автор отмечает, что «отзываясь на зов времени и остро осознавая назревшую необходимость, Н.В. Никольский взвалил на свои плечи изыскания в самых разнообразных отраслях чувашеведения» [3, с. 9]. Ю.В. Гусаров дал оценку работ ученого в связи с изучением проблемы переводной чувашской книги второй половины XIX – начала XX в [1, с. 11]. Поставленная проблема требует дальнейшего тщательного, углубленного изучения.

Н.В. Никольским опубликован ряд трудов, касающихся данной проблематики. Важное внимание он придавал изучению системы просвещения Н.И. Ильминского, наряду с М.П. Петровым [4], А.С. Рождественским [6] и другими авторами. Н.В. Никольский обратил внимание на такие элементы системы, как использование родного языка в просвещении и переводческая деятельность.

В публицистической работе «Родной язык как орудие просвещения инородцев», вышедшей в свет в 1904 г., Н.В. Никольский обосновал роль родного языка в миссионерском образовании и воспитании. Отметил поддержку населением «инородческой школы нового типа», основу которой составило преподавание изучаемых предметов на родном языке, по аналогичным учебникам, учителями из «инородцев». Высоко оценивая современные школы, Н.В. Никольский писал: «Перевоспитывая молодое поколение при помощи переводов священных книг на инородческом языке, школа оказывает косвенное, но тем не менее сильное влияние и на взрослое население». Значительное внимание им уделено вопросу об организа-

ции богослужения на родном языке. Важным условием духовного преобразования «инородцев» автор считал «слушание и чтение богослужебных и религиозно-нравственных книг на родном языке» [3, с. 29].

Работа Н.В. Никольского «Переводческая комиссия в Казани и ее просветительская деятельность среди инородцев», изданная в 1905 г., посвящена анализу актуальной, практически значимой для своего времени проблемы, связанной с организацией переводческой деятельности в Казани. По мнению Н.В. Никольского, значимой датой в переводческом деле выступает 1875 г., когда была организована Переводческая комиссия Православного миссионерского общества и ее председателем был назначен Н.И. Ильминский, обосновавший выбор русского алфавита в переводах христианских книг для крещеных татар в том числе тем, что старокрещенные татары Мамадышского и Лаишевского уездов «не знают татарской грамоты» [3, с. 92]. Автор обратил внимание на необходимость создания постоянной комиссии для ведения переводческого дела, практические советы по подготовке переводов и указания по чтению переводов, разработанные Н.И. Ильминским и принятые в основу деятельности комиссии [3, с. 94].

Важной вехой в истории деятельности комиссии отмечен 1903 г., в котором Переводческая комиссия была реорганизована в самостоятельное учреждение, получив право собственной цензуры и право бесплатной рассылки своих изданий по почте [3, с. 95]. Н.В. Никольский указывал, что для чувашских переводов взят низовой диалект [3, с. 97].

Серьезное внимание Н.В. Никольский уделил изучению истории христианского просвещения, наряду с К.П. Прокопьевым [5], А.Г. Хрусталевым [8], К.В. Харламповичем [7] и др. Н.В. Никольский рассматривал проблему конкретно по отношению к чувашскому народу.

Труд Н.В. Никольского «Народное образование у чуваш. Исторический очерк», увидевший свет в 1906 г., содержит значительный фактографический материал. В истории народного образования чувашей автор хронологически выделил и охарактеризовал пять периодов: 1) до 1555 г.; 2) с 1555 г. до XVIII в.; 3) с начала XVIII в. до 1740 г.; 4) с 1740 г. до 19 февраля 1764 г.; 5) 1764–1800 гг., раскрывая условия развития и причины низкого уровня образования чувашей. Н.В. Никольский выявил изменения, произошедшие в народном образовании чувашей в конце XVIII в., выразившиеся в стремлении отдельных представителей «инородцев» отдавать своих детей на обучение, что было связано с содержанием их в школах на казенный счет [3, с. 75, 76].

«Конспект по истории христианского просвещения чуваш», вышедший в свет в 1909 г., представляется шире своего названия и освещает проблематику, хронологически относящуюся к XIX в. Рассматривая период с 1801 по 1867 гг., автор раскрывает причины создания братства св. Гурия, организованного 4 октября 1867 г., связывая данный факт с принципиально новым подходом к вопросу христианского просвещения «инородцев». Н.В. Никольский положительно оценивал школьное образование чувашей по системе Н.И. Ильминского. Выявляя недостатки, он писал: «К сожалению, можно указать очень немного мест, где она применялась и применяется вполне; бывает нередко так: учитель едва знаком с чувашским языком, ученики механически усваивают содержание учебников и утрачивают интерес к науке; в чувашском приходе священник – чуваш, псаломщик – русский, не умеющий говорить, а тем более

читать по-чувашски; отправление богослужения на чувашском языке почти невозможно» [3, с. 120–121].

В труде «Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках. Исторический очерк», опубликованном в 1912 г., Н.В. Никольский продолжил разработку исторических аспектов проблемы христианского просвещения чувашского народа. В целом в конце XVIII в., по мнению автора, духовенство отличается материальной необеспеченностью и неподготовленностью к миссионерскому служению [3, с. 220]. Рассматривая историю новокрещенских школ, Н.В. Никольский отметил главный, на его взгляд, недостаток, заключавшийся в «преобладании в воспитании начал юридических, служебных, благодаря которым на нравственное развитие школьника обращалось меньше внимания, чем следовало». Отношения между учителями и учениками характеризовались как «отношения начальников к подчиненным, причем командир облачен был всеми правами власти», что приводило к бегству учеников из школ [3, с. 197].

Работа Н.В. Никольского «Распространение христианства среди нижегородских чуваш до 1764 года» была издана в 1915 г. и являлась результатом дальнейшего изучения проблемы в историческом аспекте.

Таким образом, обращаясь к трудам Н.В. Никольского по истории христианизации и христианского просвещения чувашей, можно отметить разноплановость его работ, от публицистических до конкретно-исторических. Изучение им данной проблемы носит систематический характер. Ценность работ заключается в масштабности и высоком уровне исследования. В своем отношении к предмету исследования он выступает как последователь Н.И. Ильминского. Основной вывод Н.В. Никольского заключается в следующем: фактически христианизация чувашей состоялась, что явилось результатом государственной политики в XVI–XIX вв., однако процесс усвоения чувашами христианского образования и воспитания – не является завершенным; успехи в деле христианского просвещения чувашей достигнуты благодаря системе Н.И. Ильминского.

Список литературы

1. Гусаров Ю.В. Переводная чувашская книга второй половины XIX – начала XX века: к истории переводческой и издательской деятельности / Ю.В. Гусаров // Научные доклады. – Чебоксары: ЧГИГН, 2016. – Вып. 23. – 60 с.
2. Димитриев В.Д. Н.В. Никольский – ученый, просветитель, общественный деятель / В.Д. Димитриев, А.П. Леонтьев, Г.Б. Матвеев. – Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 2011. – 302 с.
3. Никольский Н.В. Собрание сочинений. Т. II. Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей / Н.В. Никольский. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. – 447 с.
4. Петров М.П. Н.И. Ильминский и его просветительская система / М.П. Петров. – Казань, 1916.
5. Прокопьев К.П. Школьное просвещение инородцев Казанского края в XIX веке до введения просветительной системы Н.И. Ильминского / К.П. Прокопьев. – Казань, 1905. – 30 с.
6. Рождествен А.С. Николай Иванович Ильминский и его система инородческого образования в Казанском крае / А.С. Рождествен. – Казань, 1900. – 83 с.
7. Харлампович К.В. Казанские новокрещенские школы (К истории христианизации инородцев Казанской епархии в XVIII в.) / К.В. Харлампович // Известия общества археологии, истории, этнографии. – Казань, 1905. – Т. XXI. – Вып. 1. – С. 1–91.
8. Хрусталева А.Г. Очерк распространения христианства между инородцами Казанского края / А.Г. Хрусталева. – Казань, 1874. – 128 с.

Плотникова Елена Владимировна
соискатель, старший преподаватель

Муравьева Ирина Владимировна
канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

УЧАСТИЕ ПРОФСОЮЗОВ ЧУВАШИИ В ПОДГОТОВКЕ РАБОЧИХ КАДРОВ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ТРУДАХ Б.Л. АЛЕКСЕЕВА

Аннотация: статья посвящена деятельности профсоюзов Чувашии в подготовке рабочих кадров в годы Великой Отечественной войны. Вопросы организационного развития профсоюзов, их участие в решении хозяйственных проблем и организации труда, соцсоревновании, повышении квалификации, культурно-просветительной работы, улучшения материального положения и условий быта трудящихся отражены в работах доктора исторических наук, профессора Б.Л. Алексеева.

Ключевые слова: профсоюз, Чувашия, Великая Отечественная война, квалифицированные рабочие, квалифицированные служащие, фабрично-заводское обучение, железнодорожные училища, ремесленные училища.

История профсоюзов – это история трудового населения, важная часть истории Чувашии. Вопросы организационного развития профсоюзов, их участие в решении хозяйственных проблем и организации труда, соцсоревновании, повышение квалификации, культурно-просветительной работы, улучшения материального положения и условий быта трудящихся отражены в работах доктора исторических наук, профессора Алексеева Бориса Леонидовича.

Наиболее крупным исследованием Б.Л. Алексеева является трехтомная монография о деятельности профсоюзов Чувашии в 1905–1985 гг. Одним из изучаемых им направлений был вопрос участия профсоюзной организации Чувашии в подготовке рабочих кадров в годы Великой Отечественной войны.

С началом войны коренному изменению подверглись все области жизнедеятельности советского народа. Нависшая над страной опасность потребовала мобилизации всех сил на отпор врагу, на его разгром. Надо было превратить страну в единый военный лагерь, укрепить тыл, организовать всестороннюю помощь фронту, всемерно увеличивать производство вооружения, боеприпасов, продовольствия. В решении этих задач большая роль принадлежала профсоюзам. Они принимали участие в перестройке народного хозяйства Чувашии на военный лад, размещении в республике эвакуированных промышленных предприятий, организации труда рабочих и колхозников для помощи фронту.

Мобилизация и добровольный уход людей в ряды Красной Армии привели к недостатку рабочей силы на предприятиях. Поэтому с первых дней войны перед профсоюзами встал новая задача – оказание помощи

для обеспечения предприятий рабочей силой. В соответствии с постановлением секретариата ВЦСПС от 7 июля 1942 г. «Об оказании помощи домохозяйкам и служащим, пришедшим на производство, а также неквалифицированным рабочим и работницам в приобретении производственной квалификации», профсоюзные комитеты развернули широкую разъяснительную кампанию среди домохозяек и жен служащих, привлекая их к работе на производстве.

Большое количество квалифицированных служащих и рабочих ушло на фронт: Шумерлинский район – 800 человек, с Алатырского паровозоремонтного завода – более 800, с Канашского вагоноремонтного завода – более 600 человек. На работу, вместо мужчин, которые ушли фронт, пришли женщины и дети. На Канашском вагоноремонтном заводе за первые 10 месяцев после начала войны число женщин-работниц возросло с 742 до 1408. На железнодорожный транспорт республики пришло 800 женщин. На предприятиях г. Алатырь за рабочие станки встали более 900, в г. Шумерля – более 1 тыс. женщин и девушек. В течение 1942 г. на предприятия и строительные объекты республики в порядке мобилизации было направлено около 2 тыс. человек. В 1942 г. с началом работы предприятий, эвакуированных из других областей и республик Советского Союза, количество рабочих в Чебоксарах увеличилось более чем на 7 тыс. человек по сравнению с 1941 г. и составило 16,6 тыс. человек.

Вновь пришедшим на производство необходима была помощь в приобретении профессий и получении необходимой квалификации. Фабрично-заводские и цеховые комитеты профсоюзов уделяли немало внимания молодым рабочим, организовали им помощь со стороны инженерно-технических работников и кадровых рабочих. Профсоюзные организации широко практиковали метод шефства квалифицированных рабочих над молодыми рабочими и работницами.

Профсоюзы оказывали помощь в создании различных производственных курсов технического минимума для обучения молодых рабочих профессиям токаря, слесаря, станочника, монтажника и др. В основном вновь пришедших на производство готовили методом индивидуально-бригадного обучения с последующим прохождением курсов технического минимума в стахановских школах. На Чебоксарском электроаппаратном заводе за первое полугодие 1942 г. было подготовлено 515 квалифицированных рабочих, в том числе 347 женщин; на Козловском авиационном заводе – 494 рабочих. За июль–декабрь 1941 г. на Канашском вагоноремонтном заводе на курсах повышения квалификации было подготовлено 398 рабочих, индивидуально-бригадным методом – 262, в стахановских школах – 75. В 1942 г. различными формами обучения было подготовлено 768 рабочих; в стахановских школах повысили свою квалификацию 455 рабочих.

Важнейшим источником пополнения промышленных предприятий квалифицированными кадрами в период великой Отечественной войны явились железнодорожные и ремесленные училища. Профсоюзы Чувашии принимали активное участие в призыве молодежи в эти школы и училища, оказывали помощь в организации и налаживании воспитательной работы среди учащихся, их выпускникам создавали необходимые условия для выполнения и перевыполнения норм на производстве. С 1 июля 1941 г. часть учащихся ремесленных училищ стала проходить

обучение непосредственно в цехах предприятий, выполняющих оборонные заказы. Учащиеся, обучение которых продолжалось в учебных мастерских, переводились полностью на производственное обучение. Во время обучения 59% учащихся работали на местах взрослых рабочих, которые ушли на фронт. В 1942 г. 78% учащихся полностью проходили обучение в цехах предприятий. В период Великой Отечественной войны в республике школы ФЗО и железнодорожные училища подготовили более 10 тыс. квалифицированных рабочих [3, с. 166].

Однако, несмотря на проводимые мероприятия, многие молодые рабочие имели все-таки низкий уровень образования, что мешало повышению профессионального мастерства и квалификации. 15 июля 1943 г. Совнарком СССР принял постановление «Об обучении подростков, работающих на предприятиях». Согласно этому постановлению профсоюзы поддерживали дело обучения работающей молодежи. В этих целях были организованы вечерние школы рабочей и сельской молодежи. В 1943 г. на предприятиях республики 1518 человек обучались в 9 школах рабочей молодежи. Занятия проводились 3 раза в неделю. В их работе принимали участие опытные учителя, инженерные и технические работники. Комитеты профсоюзов контролировали условия для регулярного посещения учащимися учебных занятий, занимались вопросами их обеспечения учебными пособиями и учебниками. Также профсоюзами было организовано обучение малолетних и неграмотных рабочих [1, с. 100].

В 1943 г. на постоянную работу в отрасли промышленности и строительства в Чувашии было мобилизовано 4585, а в 1944 г. – 5343 человека. За эти два года на 17 крупных предприятиях промышленности и транспорта путем индивидуального и бригадного обучения, обучения в стахановских школах, курсах техникума и повышения квалификации было подготовлено 13410 рабочих. На Чебоксарском электроаппаратном заводе был подготовлен 1051 рабочий, в том числе на курсах повышения квалификации 654, курсах техникума – 528, стахановских школах – 459. На Канашском вагоно-ремонтном заводе путем индивидуального обучения было подготовлено 808 рабочих, 833 человека обучались в 49 стахановских школах.

В 1944 г. в республике разными формами обучения повысили квалификацию 11998 человек, было подготовлено 7663 рабочих массовых профессий, в том числе, на Шумерлинском авиационном заводе – 1813, Чебоксарском электроаппаратном заводе – 1125, Козловском авиационном – 726 человек.

В период войны наряду с численным ростом изменился качественный состав рабочего класса Чувашии. Увеличился удельный вес рабочих следующих профессий: слесарей, токарей, фрезеровщиков, инструментальщиков и т. д. На производстве резко возросло количество женщин по сравнению с мужчинами. В начале 1945 г. на транспорте и в промышленности работали 16587 женщин и 13931 мужчин [2, с. 64].

Таким образом, подготовка квалифицированных рабочих кадров для предприятий военного производства, была главной задачей в работе профсоюзов Чувашии в период Великой Отечественной войне.

Список литературы

1. Алексеев Б.Л. Исторический опыт участия профсоюзов республик Волго-Вятского района в решении социальных вопросов (1920–1998 гг.) / Б.Л. Алексеев. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1999. – 276 с.

2. Алексеев Б.Л. Профсоюзы Чувашии накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.) / Б.Л. Алексеев. – Чебоксары, 1995. – 127 с.

3. Плотникова Е.В. Обучение и воспитание учащихся фабрично-заводских училищ в годы Великой Отечественной войны / Е.В. Плотникова // XX век в истории России. Гражданственность и патриотизм в годы великих потрясений и мирного строительства: сб. ст. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. – 364 с.

Рочева Анжела Вячеславовна

соискатель, ведущий специалист музея
ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный
технический университет»
г. Ухта, Республика Коми

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ В УХТО-ПЕЧОРСКОМ ГОРНОМ ТЕХНИКУМЕ В 1930–1940 гг.

Аннотация: в статье анализируется становление системы подготовки профессиональных кадров для нефтегазовой отрасли в Коми АССР. Индустриализация территории обусловила потребность в квалифицированных рабочих кадрах и появление профессиональных учебных заведений, которые были основаны в лагерных центрах, впоследствии превратившихся в города. На основе анализа решений и постановлений различных ведомств, которые были связаны с созданием Ухто-Печорского горного техникума, можно проследить историю зарождения данного учебного заведения. На основе отчета комиссии, проверяющей техникум за первые два года его работы, становится возможным воссоздать картину деятельности данного учебного заведения, которое стало успешным шагом в становлении системы средних специальных профессиональных учебных заведений в северных городах Республики Коми.

Ключевые слова: Печорский край, профессиональное обучение, нефтегазовое производство, подготовка кадров, производственный трест, молодые специалисты.

Большой объем работ по промышленному освоению Печорского края в 1930–1940 гг. требовал привлечения большого количества рабочих, но помимо простого физического труда нужны были рабочие – специалисты, способные владеть не только грамотой, но и определенным минимумом технических знаний для ведения промышленных работ. Решение кадровой проблемы предусматривалось решать путем создания техникумов, технических курсов и школ по ликвидации неграмотности.

Среди структур Ухто-Ижемского исправительно-трудового лагеря ОГПУ, занимающихся подготовкой кадров, особое место занимал Ухто-Печорский горный техникум. Он осуществлял подготовку специалистов в среде местного населения автономной Коми области и Ненецкого округа для развивающейся тяжелой промышленности Севера. Работа данного учебного заведения играла важную роль в контексте освоения недр Коми края, а также в значительной степени определяла производственную деятельность Ухтижемлага.

История создания Ухто-Печорского горного техникума связана с государственным трестом «Арктикуголь» по добыче и сбору угля на островах

побережья Северного Полярного моря, который был организован постановлением Президиума ВСНХ №707 от 12 октября 1931 года [1, Л. 7].

Согласно архивным данным, в зону деятельности треста был отнесен весь Печорский край. Для выполнения поставленных государством производственных задач, вновь созданная организация нуждалась в квалифицированных кадрах. Представители треста обратились в Коми обком и Северный крайком ВКП (б) с предложением об открытии техникума по подготовке профессиональных работников [2, Л. 8].

Соответственно, секретариат Северного Крайкома ВКП (б) 17 июля 1932 года принял постановление «Об открытии в Крае горного техникума» в Усть-Усе со следующими отделениями: угольно-эксплуатационное, горно-проходческое, горно-электромеханическое.

В решении Бюро Ижемского Райкома ВКП (б) от 23 сентября 1932 года было дано согласие на открытие на Печоре горного техникума, обеспечивающего подготовкой новых национальных квалифицированных кадров для развивающейся угольной промышленности [3, Л. 230]. В решении также говорилось о правильности начала занятий не в Усть-Усе, как предполагалось ранее, а в Ижме, так как вновь организованный Усть-Усинский район не имел возможности обеспечить жилыми и учебными помещениями горный техникум. Открытие горного техникума и начало учебного года было запланировано на 10 октября 1932 года [7, Л. 2].

В докладе заместителя директора техникума на заседании Президиума Ижемского Райисполкома от 26 сентября 1932 года сообщалось, что место расположения техникума в Ижме было временным и предполагалось сроком на два года. Целью техникума являлась подготовка специалистов для горной промышленности. Курс обучения был трехгодичный. В техникум предполагалось принять 120 человек [4, Л. 51–52].

В постановлении Секретариата Севкрайкома ВКП (б) от 28 декабря 1932 года говорилось, что с 1933 года местонахождением горного техникума будет поселок Чибью.

В конце 1932 года техникум был передан от «Арктикугля» в ведение горно-металлургического управления НКВД СССР с непосредственным подчинением Ухто-Печорскому тресту. Летом 1933 года техникум был переведен в поселок Чибью [5, Л. 1–4].

В сентябре 1933-го года набор в техникум проводился по следующим специальностям: горная электромеханика, эксплуатация нефтяных и газовых скважин, эксплуатация угольных и пластовых месторождений. Лекции и практические занятия начались 15 октября 1933 года [6, Л. 1–4].

Об итогах двухлетнего существования техникума можно судить по следующим архивным материалам. В частности, 7 марта 1935 года на Бюро Ижемского Райкома ВКП (б) был заслушан доклад комиссии по обследованию Ухто-Печорского горного техникума, в котором говорилось, что благодаря внимательному отношению треста и ГУЛАГа, в техникуме была создана сильная материальная база, было построено учебное здание и общежитие. Отмечалась высокая посещаемость студентов. Одновременно с этим, Бюро РК ВКП (б) отметило крупнейшие недочеты в работе техникума, среди которых можно отметить факт исключительной засоренности техникума антисоветскими элементами: из двадцати четырех преподавателей, только четыре преподавателя были вольно-

наемными, четырнадцать человек преподавателей были заключенными: девять человек из которых были осуждены на десять лет, один на восемь, на пять лет было осуждено четыре человека. Трое преподавателей являлись бывшими заключенными [9, Л. 3].

К числу недочетов в деятельности техникума было отнесено отсутствие годового производственного плана техникума, неудовлетворительное состояние методической работы, отсутствие твердого режима в учебном процессе. Было отмечено неудовлетворительное состояние учебного здания и общежития, наличие среди студентов нездоровых настроений, как-то: связь с заключенными, продажа хлеба заключенным, восхваление студентами преподавателей-заключенных [10, Л. 9–10].

Существовало немало трудностей в работе техникума: не хватало учебников, жилищно-бытовые условия не отвечали требованиям, не было столовой. Несмотря на эти сложности, курсанты относились к учебе серьезно и ответственно. Этому способствовала работа преподавательского состава, отличавшегося профессионализмом и трудолюбием. Как уже подчеркивалось ранее, из-за отсутствия гражданских преподавателей значительная часть преподавателей была заключенными. Некоторые из них имели ученую степень кандидата наук, поэтому преподавание отдельных предметов шло более углубленно, чем предусматривали программы, что являлось главным фактором успешной подготовки кадров. Большинство из них были совместителями, иные заключенными, присланными в Коми край по разным приговорам. Так или иначе, все они отличались высоким уровнем культуры и доскональным знанием своего дела и искренне стремились передать студентам свои знания и опыт.

Первый выпуск горных техников состоялся в 1936 году. Всего было выпущено 25 человек: 15 электромехаников и 10 эксплуатационников [12, Л. 3].

Система ГУЛАГа повлекла за собой создание на Коми земле не только исправительных учреждений, но и важных для подготовки технических кадров, учебных заведений. Поскольку, специальные учебные заведения находились в подчинении наркоматам и ведомствам, Обкому партии и СНК республики необходимо было проводить с ними большую работу по созданию необходимых условий для нормальной деятельности техникумов. И яркий пример тому – совершенствование работы Ухто-Печорского горного техникума, находившегося в системе ГУЛАГа НКВД СССР. Ведомство было заинтересовано в его успешной работе, поэтому внимательно относилось к просьбам руководства республики о дальнейшем развитии техникума [11, Л. 3].

15 июля 1937 года пятьдесят девять студентов горного техникума в поселке Чибью закончили защиту дипломных проектов. Выпускники провели свои практические работы в шахтах и на электростанциях Ленинска, Челябинска, Горловки, на нефтяных промыслах в Баку [13, Л. 4].

Техникум ежегодно наращивал выпуски молодых специалистов: в 1936 году было выпущено 25 человек, в 1937 году – 63 человека. Также был установлен контингент осеннего приема 1937–38 учебного года в количестве 93 человек [14, Л. 8].

Согласно Приказу №65/33–1/Ф по главному Управлению трудовых исправительных лагерей НКВД СССР и по главному Управлению учебными

заведениями НКТП СССР от 23 августа 1938 года, Ухто-Печорский горный техникум в августе 1938 года провел третий очередной выпуск техников [14, Л. 8].

В конце 1940-го уже чувствовалось дыхание войны. Нефтепромыслам Ухты требовалось все больше рабочих рук. Специалистов нужно было готовить быстро, не очень вдаваясь в тонкости горного дела.

14 января 1941 года было вынесено решение о временном закрытии Ухтинского горно-нефтяного техникума, а его помещение было отдано под ремесленное училище.

Занятия прекратились 15 апреля 1941 года. НКВД обеспечил перевод сорока четырех студентов 3-го курса в другие учебные заведения страны. Защита дипломных проектов для семидесяти студентов 4-го курса техникума была организована в местах прохождения производственной и дипломной практики.

Следует отметить, что всего в довоенный период в техникуме состоялось шесть выпусков специалистов. Дипломы техникума получили двести девяносто три выпускника. Наряду с мужчинами дипломы специалистов получили двадцать шесть женщин [8, Л. 10–11].

В соответствии с решением Совнаркома Союза ССР в период Великой Отечественной войны на базе Ухто-Печорского горно-нефтяного техникума работало Горнорудное ремесленное училище №3 управления трудовых резервов при СНК СССР. Оно продолжало готовить кадры квалифицированных рабочих [8, Л. 10–11].

Ухто-Печорский горный техникум занимал особое место среди структур Ухто-Печорского исправительно-трудового лагеря, а затем и Ухто-Ижемского исправительно-трудового лагеря, занимающихся подготовкой кадров. Работа данного учебного заведения играла важную роль в контексте освоения недр Коми края, в значительной мере определяла производственную деятельность лагеря.

Список литературы

1. ГУРК НАРК. «Архивохранилище №1». Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 66. Л. 7.
2. ГУРК НАРК. «Архивохранилище №1». Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 1667. Л. 8.
3. ГУРК НАРК. «Архивохранилище №1». Ф. Р-1775. Оп. 2. Д. 1382. Л. 230.
4. ГУРК НАРК. «Архивохранилище №1». Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 623. Л. 51–52.
5. ГУРК НАРК. «Архивохранилище №1». Ф. Р-1775. Оп. 4. Д. 29. Л. 1–4.
6. ГУРК НАРК. «Архивохранилище №1». Ф. Р-1775. Оп. 4. Д. 29. Л. 1–4.
7. ГУРК НАРК. «Архивохранилище №1». Ф. Р-1775. Оп. 2. Д. 1541. Л. 2.
8. ГУРК НАРК. «Архивохранилище №1». Ф. Р-1775. Оп. 2. Д. 1541. Л. 8–10.
9. ГУРК НАРК. «Архивохранилище №1». Ф. Р-1775. Оп. 2. Д. 1541. Л. 3.
10. ГУРК НАРК. «Архивохранилище №2». Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 5. Л. 9–10.
11. ГУРК НАРК. «Архивохранилище №1». Ф. Р-1775. Оп. 2. Д. 1541. Л. 3.
12. ГУРК НАРК. «Архивохранилище №1». Ф. Р-1775. Оп. 2. Д. 1541. Л. 3.
13. ГУРК НАРК. «Архивохранилище №1». Ф. Р-1775. Оп. 2. Д. 1541. Л. 4.
14. ГУРК НАРК. «Архивохранилище №1». Ф. Р-1775. Оп. 4. Д. 29. Л. 8.

Салимгареев Максим Владимирович

канд. ист. наук, доцент

Коришнова Ольга Николаевна

д-р ист. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Казанский национальный
исследовательский технологический университет»
г. Казань, Республика Татарстан

ТЕНДЕНЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв. (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Аннотация: авторы прослеживают тенденции российской историографии и аналитических материалов по достижениям, миссии и задачам университетского образования в региональном ключе. Повышение уровня и качества высшего образования составляет приоритет национальной безопасности России, усилий по созданию новых региональных экономических центров развития.

Ключевые слова: историография, университетское образование, университеты.

Проблема состояния и перспектив образования в современной России стала едва ли не «притчей во языцех», и претензии к сфере обоснованы не только ролью ЕГЭ. Конкурентоспособность стран в эпоху когнитивной революции прямо связана и определяется с уровнем образованности. Стратегически значимые задачи национального формата решить без вузовского, в первую очередь университетского образования немислимо: высшая школа воспроизводит и продуцирует научную страту, кадровую составляющую работников высшей квалификации, представителей экономической, политической и культурной элиты. Уровень культуры управления, степень готовности к инновациям, социальная ориентированность и ответственность управленческой элиты превращаются в условие поступательного движения и ответа на запросы XXI века.

Системность вузовских усилий предопределяет и степень мотивированности на инновационное развитие. Общественные структуры и фонд, функционирующие в рамках высшей школы, позволяют характеризовать ее как элемент социальный, играющий существенную роль в эволюции структур гражданского общества. Таким образом, повышение уровня и качества высшего образования составляет приоритет национальной безопасности России, усилий по созданию новых региональных экономических центров развития.

Университеты можно сравнить и интеллектуальным мотором в реализации государственных задач в эру глобализации и по причине того, что они выступают очагами интеграции в мировую образовательную систему. Стратегическая ответственность университетской системы определяется научным потенциалом федеральных и национальных исследовательских университетов, но не только. Именно в региональных вузовских центрах отрабатывается система взаимодействия с бизнесом.

Партнерство с бизнесом выступает предпосылкой развития местной промышленности и развития социальной сферы.

Создание единого социокультурного пространства в регионе предусматривает учет национального состава, традиций высшего образования, социальной структуры населения, уровня урбанизации и миграции, отраслевой структуры экономики. В региональном аспекте примечателен опыт Татарстана, который представляется уникальным не только по показателю связей вузов с промышленностью нефтяной, нефтегазовой, нефтехимической, с экономикой и инновационными прорывами, но и концентрацией в одном городе вузов федерального и национального исследовательского уровней. Его преимущества тесно связаны с историей организации вузовской системы предыдущих периодов. Кадровый потенциал, массив научных педагогических изысканий, связь науки с производством – все эти компоненты потенциала сегодняшней РТ в той или иной мере определяются историко-региональными особенностями. Сегодня в России создается сеть университетов нового поколения: это уникальные, федеральные и национальные. Появился тип регионального университета как центра сочетания, координации и организации непрерывного образования от довузовского до вузовского и послевузовского звена, что предполагает кооперацию вузов и производственных структур.

До последнего времени в изучении региональных аспектов социальной роли высшего образования исследователи ограничивались преимущественно педагогическим ракурсом анализа. Но не менее важно изучение достоинств образовательной системы в региональном и общегосударственном измерениях, выявление адекватных форм интеграции в международное образовательное пространство и своей ниши с учетом специфики региона.

Обращение к литературе по социокультурной эволюции отечественных университетов выступает фоном и предпосылкой купирования угроз необдуманных экспериментов и перестроек. Внушительную разножанровую историографию имеет дореволюционный этап университетского образования и его роль в национальном и региональном развитии. В комплексном контексте прослежена роль Московского и Казанского университетов – локомотивов и флагманов в подготовке национальной интеллигенции, развитии науки и цивилизованности в регионах и России в целом [5; 7–9]. Университетский опыт дореволюционной России изучен достаточно подробно, но его сопоставление с советским и этапом не потеряло актуальности. Такое сопоставление, акцент внимания на социокультурные особенности регионов, в которых университеты функционировали, выступая своеобразными просветительскими и цивилизующими «оазисами».

К своеобразным резюме специалиста по теме можно отнести выступление Е.А. Вишленковой на международном семинаре по теме роли провинциального по территориально-административному принципу, но судьбоносного для Востока России Казанского университета. Аналитический взгляд исследователя не просто направлен на ретроспективу и эволюцию университета и образования, но включает сопоставление факторов политики и культурной миссии, переформатирования культурного кода в контексте эпох. В своих размышлениях она считает правомерным

сохранить университетское образование как элитарному типу производства, хранения и трансляции знания, допуская и вариант «поступиться элитарностью ради массовости». Примечательно, что она признает благодетельность резонирования в одной фазе идеологии Казанского университета с идеологией регионального развития [3].

Специальное историографическое внимание образу Казанского университета уделила Т.В. Бизяева, которая исходит из установки, что университетская история представляет собой рассказ корпорации о самой себе [2]. Проблема регионального университета как фактора инновационного прогресса региона отражена в науке фрагментарно, хотя объем публикаций и их число впечатляют. Это опубликованные статьи и монографии [11; 14], аналитические материалы.

Мы выносим за рамки статьи работы, посвященные педагогическим и социологическим проблемам перестройки высшей школы, связанные с переходом к Болонской системе и в порядке констатации упомянем работу С.А. Белякова с ее акцентами на управленческих аспектах высшего образования в связи с формированием национальных университетов [1]. Модели высшего образования вошли в поле зрения казанских ученых, включающих новую миссию вузов и поиск новых приоритетов отечественной высшей школы в плоскость вызовов и императивов XXI века [14].

Новым направлением изысканий стало изучение сравнительно недавно обозначившегося исследовательского поля, а именно роли бизнес сообщества в модернизации образовательной сферы. Возрос интерес к влиянию глобальных факторов эволюции высшего образования и реализации его социальной миссии в контексте молодежной политики.

Остроту транзитного времени перестройки высшей школы подчеркивают публикации 1990 – начала 2000-х гг. [10; 13] Некоторые исследователи квалифицируют состояние региональных университетов как близкие к апокалиптическому, акцентируя внимание на репрессивных моментах связи человек (студент, преподаватель) – власть [12]. Особенную тревогу вызывает дегуманитаризация российского образования, в то время как в большинстве западных стран существуют многочисленные национальные и региональные программы и фонды поддержки гуманитарного направления в научных исследованиях и образовательном секторе.

Изучение проблемы региональных аспектов деятельности университетов на современном этапе представлено в трудах представителей различных областей гуманитаристики. Наиболее разработанными являются педагогические аспекты проблемы.

Социальную миссию вузов А.А. Владимиров помещает в сложную «сетку» ракурсов их развития как элементов и структур гражданского общества. Устанавливается связь вузовской системы с этнонациональной, экологической, нравственной культурой, с толерантностью [4, с. 86–90]. Однако многоаспектность взгляда на высшую школу содержит элемент эклектичности. Гражданская ориентированность как компонент социальной миссии университетов подвергнута анализу А.В. Идиатуллин, квинтэссенция книги которого – анализ опыта взаимодействия государственных органов управления образованием и общественных институтов как субъектов формирования современной образовательной политики [6].

Выводы:

1. В историографии присутствует тезис, что образование занимает ныне одно из ключевых мест в «табели» глобально значимых феноменов и его соответствие вызовам времени выступает условием снятия опасностей, порождаемых глобализацией и информатизацией. Это не только не аннулирует региональный формат вузовской темы, но наполняет его новыми смыслами и актуальностью.

2. Неоднородное по периодам исследование миссии высшей школы в рассматриваемый отрезок времени активизировалось. При этом тема социально-экономической эффективности и соответствующие ракурсы подвергались активному исследованию, в то время как региональные аспекты роли университетов в складывании гражданского общества менее разработаны.

3. Многие авторы изданий по истории университетов важным аспектом образования считают обращение к проверенным традициям научных школ как предпосылки качественного образования, связи университетов с общественной жизнью, социокультурной функции и функции интеллектуализации.

Список литературы

1. Беляков С.А. Организационно-экономический механизм устойчивого развития системы высшего профессионального образования в условиях формирования национальных университетов, системообразующих и инновационных вузов / С.А. Беляков. – М.: Макс Пресс, 2007. – 136 с.

2. Бизяева Т.В. Казанский университет: проблема репрезентации и корпоративного самоописания // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: сб. науч. статей и сообщений. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. – С. 91–98.

3. Вишленкова Е. Казанский университет и регион: между универсализмом и специализацией // Университеты, культурное развитие и региональная самобытность: сб. докладов и материалов: межд. семинар. – Казань: ООО «ШИП», 2008. – С. 30–39.

4. Владимиров А.А. Высшая школа как социальный институт гражданского общества. – Нижний Новгород: Изд-во Гладкова О.В., 2001. – 181 с.

5. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX вв.: социально-историческая судьба. – М., 1991.

6. Идиатуллин А.В. Государство и общество в процессе образовательных реформ в России на рубеже XX–XXI вв. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та культуры и искусств, 2009. – 266 с.

7. Кулакова И. Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. – М.: Новый хронограф, 2006. – 336 с.

8. Михайлова С.М. Поволжье и Приуралье: культура многонациональной провинции / С.М. Михайлова, О.Н. Коршунова. – Казань: ФЭН, 2001.

9. Михайлова С.М. Казанский университет: между Востоком и Западом / М. Михайлова, О.Н. Коршунова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – 208 с.

10. Садовничий В.А. Университетское образование: приглашение к размышлению / В.А. Садовничий [и др.]. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. – 352 с.

11. Сербиновский Б.Ю. Инновационная модель и интегрированная информационная среда в управлении университетом нового типа / Б.Ю. Сербиновский, Л.М. Егорова. – Новочеркасск: ЮРГТУ, 2009. – 26 с.

12. Скиперских А. Ожидание медленной смерти. Провинциальный университет в современной России // Свободная мысль. – 2013. – №5 (1641). – С. 40–48.

13. Субетто А.И. Проблема фундаментализации и источников формирования содержания высшего образования: грани государственной политики/ – М.: Кострома: КГПУ, Исслед. центр, 1995. – 332 с.

14. Хайруллин Н.Г. Высшее образование: время перемен / Н.Г. Хайруллин, Э.Р. Тагиров. – Казань: Центр оперативной печати, 2001. – 108 с.

Харитонова Светлана Брониславовна
канд. ист. наук, доцент, начальник отдела
подготовки и повышения квалификации
научно-педагогических кадров
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ВКЛАД Н.П. НИКИТИНА В ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСОВ ВНЕДРЕНИЯ ЖЕНСКОГО ТРУДА И ЖЕНСКОЙ ЗАНЯТОСТИ В 1920-30-е гг. В ЧУВАШИИ

Аннотация: данная научная статья представляет собой попытку осветить вклад доктора исторических наук Николая Петровича Никитина в изучение вопросов внедрения женского труда и женской занятости в 1920–30-е гг. в Чувашии. В работе дается краткая характеристика основных этапов жизненного пути Н.П. Никитина, рассматриваются основные направления научной деятельности автора. Более тщательному анализу подвергнуты труды Н.П. Никитина, посвященные вопросам деятельности Чувашской областной партийной организации по вовлечению женщин в промышленность в 1920-30-е гг.

Ключевые слова: Николай Петрович Никитин, история Чувашии, женский труд, женская занятость, историография истории Чувашии, вовлечению женщин в промышленность.

Научное осмысление вопросов внедрения женского труда и женской занятости началось еще в 1920–1930-е гг., когда были заложены основные направления, методические и методологические подходы к исследованию проблемы. Главной целевой установкой научных работ этих лет было отражение государственной политики, направленной на вовлечение женщин в активную общественную жизнь, в социалистическое производство. Со второй половины 1930-х до начала 1950-х гг. исследовательский интерес к данной проблеме снижается, в работах большинства авторов вопросы государственной социальной политики по решению женского вопроса практически не рассматривались. С середины 1950-х гг. крупные изменения в использовании женских трудовых ресурсов дали новый импульс научным разработкам женской тематики. И хотя в большинстве работ односторонний политизированный подход к исследуемой проблеме остается, это не снижает их научной ценности, эмпирический материал, которым оперируют авторы, является востребованным и сегодня и помогает в исследовании женской тематики в целом и 1920–1930-х гг., в частности.

В региональной историографии изучение проблем женской занятости не занимало значительного места, вместе с тем в освоении интересую-

шей нас темы определенную роль сыграли труды чувашских исследователей, среди которых особенно хочется отметить Николая Петровича Никитина, который исследовал формирование женской прослойки в составе рабочего класса в конце 1920-х – 1930-е гг.

Николай Петрович Никитин родился 22 марта 1923 г. в с. Сугуты Батыревского района [1] в семье крестьянина-середняка. Годы учебы в начальной школе пришлось на период коллективизации сельского хозяйства и Николай наравне со взрослыми трудился в колхозе. Окончание Чкаловской средней школы совпало с началом Великой Отечественной войны, и Николай был мобилизован, как и большинство юношей и девушек, и направлен на строительство оборонительных сооружений на р.Сура. В апреле 1942 г. он стал в ряды защитников Родины и воевал в должности бронебойщика 68 батальона истребителей танков в составе Калининского, а затем 1-го Прибалтийского фронтов. В боях под Витебском в январе 1944 г. Николай Петрович получил ранение и, едва восстановившись, в апреле 1944 г. стал работать бригадиром в родном селе Сугуты, а затем его перевели в Батыревский райком ВЛКСМ заведующим учетом, где он трудился по октябрь 1945 г [1, с. 95].

После учебы в партийной школе Чувашского обкома ВКП (б) в с ноября 1945 г. по октябрь 1946 г. Николай Петрович работал сначала секретарем райкома ВЛКСМ в с. Комсомольское, а затем инструктором, помощником секретаря райкома КПСС в селе Моргауши, а с февраля 1953 г. по апрель 1954 г. был на кратковременной военной службе в г. Кирове в должности заместителя командира роты по политической части. По возвращению в мае 1954 г. в Чувашию, Н.П. Никитин в течение трех месяцев работал референтом общества «Знание», проехал с лекциями во многие районы Чувашской республики, затем работал инструктором Чебоксарского горкома КПСС. В 1957 году ему, наконец, удалось завершить учебу в педагогическом институте и получить квалификацию учителя истории [1, с. 96].

В последующие годы Н.П. Никитин работал помощником директора техникума №11 г. Чебоксары, затем в течение полугода он преподавал в Чебоксарской совпартшколе, непродолжительное время с февраля по июнь 1959 года – завучем детского дома в г. Кострове, в течение трех лет был директором Ухманской средней школы Канашского района Чувашской АССР, а последующие два года – директором Канашской вечерней средней школы.

Работая на различных должностях и в разных регионах России, Н.П. Никитин часто задумывался над необходимостью сравнительного изучения истории автономных республик. В возрасте 36 лет в 1959 г. начинается его научно-исследовательская деятельность. Работая в школах, а затем и вузах он накапливал значительный фактический материал.

Разносторонний и глубокий исследователь Н.П. Никитин свою научную жизнь посвятил изучению истории Чувашии в 20-30-е гг. XX в. Итогом его научной деятельности стали более 25 научных публикаций. Как специалист по истории партии, он ввел в научный оборот большое число документальных источников, расширяющих диапазон теоретических обобщений по таким аспектам истории республики как история руководства партийной организации развитием промышленности Чувашской

АССР в годы первой пятилетки (1929–1932 гг.), о дружбе чувашей с другими народами, помощь русской нации отсталым народам в ликвидации социальных болезней в 1920-30-е гг., деятельность партии в борьбе за ликвидацию фактического неравенства народов в 1929–1936 гг. на материалах Горьковской области и Чувашской АССР, деятельность партии по подготовке национальных партийно-советских кадров, деятельность Чувашской областной партийной организации по вовлечению женщин в промышленность и др.

В 1965 г. была опубликована статья «Из истории руководства Нижегородской краевой партийной организации развитием промышленности Чувашской АССР в годы первой пятилетки (1929–1932 гг.)» [2], в 1966 г. – брошюра «Сила великой дружбы» (О дружбе чувашей с другими народами) [3]. В 1967 г. были опубликованы его статьи «Помощь русской нации отсталым народам в ликвидации социальных болезней в 1929–1936 гг. (По материалам Горьковской области и Чувашской АССР)» [4], «Коммунистическая партия в борьбе за ликвидацию фактического неравенства народов в 1929–1936 гг. По материалам Горьковской области и Чувашской АССР» [5], «Борьба Коммунистической партии за ликвидацию фактического неравенства народов» [6], «Деятельность партии по подготовке национальных партийно-советских кадров» [7], «Классики марксизма-ленинизма о разрешении национального вопроса» [8]. В 1966 г. в Пермском государственном университете им. А.М. Горького состоялась защита кандидатской диссертации Н.П. Никитина.

В 1964–1968 годах Н.П. Никитин работал в городе Целинограде преподавателем истории КПСС инженерно-строительного института, через год – заведующим кафедрой истории КПСС медицинского института.

С 1968 по 1971 гг. Н.П. Никитин вернулся и жил в родной Чувашии, работал в Чувашском государственном университете, а затем по сентябрь 1978 г. Н.П. Никитин был доцентом индустриального института в г. Ухта Коми АССР. В местном издании в 1974 г. была опубликована статья «КПСС – организатор борьбы за ликвидацию неравенства народов» [10], а в 1979 г. в г. Ленинград была опубликована монография Н.П. Никитина «Борьба КПСС за ликвидацию фактического неравенства народов СССР: На примере автономных республик Поволжья и Приуралья (1917–1937)» [12].

В 1979–1985 гг. Н.П. Никитин работал доцентом Целиноградского пединститута. Накопленный материал позволил ему в 1984 г. защитить докторскую диссертацию на тему «Борьба КПСС за ликвидацию фактического неравенства народов Поволжья и Приуралья в период строительства социализма». С октября 1985 г. Николай Петрович переехал в город Киров и в течение шести лет работал в политехническом институте. Несмотря на пенсионный возраст и инвалидность, Н.П. Никитин вел большую и разностороннюю работу, был внештатным лектором обкома и горкома КПСС, пропагандистом в системе партийного просвещения, председателем правления общества борьбы за трезвость, пользовался авторитетом среди преподавателей и студентов. Умер Н.П. Никитин в возрасте 78 лет.

Николай Петрович Никитин оставил заметный след в исторической науке республики, и в исследовании вопросов женского труда, в частно-

сти. В 1970 г. вышла в свет его статья «Борьба партийных организаций Чувашии за активизацию женщин-чувашек и вовлечение их в социалистическое строительство (1928–1932 гг.)» [9], в которой автором был выдвинут ряд важных положений.

Ликвидацию неравноправного положения женщины в обществе и условия для преодоления фактического неравенства женщины с мужчиной Н.П. Никитин связывал событиями октября 1917 г. «Советская республика России сразу смела все без изъятия законодательные следы неравенства женщины, сразу обеспечила ей полное равенство по закону. Однако равенство по закону еще не есть фактическое равенство. Для полного раскрепощения женщины требовались коренные социально-экономические и культурные преобразования» [9, с. 33]. Автор констатирует, что ленинские указания и решения партии легли в основу деятельности партийных организаций в борьбе за равноправие женщин и привлечение их к активной общественной и производственной деятельности.

Н.П. Никитин отмечает, что с образованием Чувашской автономной области и областной партийной организации в борьбе за вовлечение чувашек в общественное производство ведущую роль играли секции по работе среди женщин уездных комитетов партии, которые в последующем стали базой для создания женского отдела Чувашского обкома ВКП (б). В годы индустриализации и коллективизации сельского хозяйства массовой женской организацией стали женские делегатские собрания, которые мобилизовывали чувашских женщин на выполнение важнейших хозяйственно-политических кампаний, ликвидацию неграмотности, создавали кружки и курсы для женщин по обучению их различным специальностям. Далее автор приводит данные о численности женщин делегатов, из которых следует, что в 1926 г. в республике было 7967 делегатов, а к концу 1932 г. их численность составляла 15502 женских делегата [9, с. 34].

В статье Н.П. Никитиным проанализированы различные формы вовлечения женщин в общественное производство, среди которых слеты женщин-ударниц, конференции колхозниц и женской молодежи, совещания женщин промышленности. Автор отмечает особую роль образованных в республике в ноябре 1931 г. сельских, поселковых, городских женских производственных совещаний, которые имели важное значение в деле вовлечения женщин в промышленность и борьбу за успешное выполнение производственных планов.

Вовлечение женщин деревни в активную и производственную деятельность Н.П. Никитин связывает с переводом крестьянских хозяйств на путь коллективизации и приводит примеры женщин, возглавивших сельскохозяйственные артели республики, руководивших партийными и комсомольскими ячейками, производственными бригадами. «Уже в 1931 г. в колхозах и совхозах республики на различных руководящих должностях работала 309 женщин. Женщины-чувашки осваивали профессии сельских механизаторов, комбайнеров, трактористов, шоферов, трактористов» [9, с. 34].

Особо отмечает Н.П. Никитин огромный вклад чувашских женщин в осуществление культурной революции, борьбу за преодоление старого быта, ликвидацию неграмотности среди взрослого населения. Автор

подчеркивает самое живое участие женщин в деятельности советов, так, «если на II съезде Советов ЧАССР в январе 1926 г. из 189 делегатов было всего 18 женщин, то в составе делегатов IV съезда в феврале 1931 г. было уже 87 женщин» [9, с. 35].

Наиболее передовые и сознательные чувашки вступали в партию и в составе областной партийной организации число женщин росло, так если в начале 1929 г. женщины составляли в ней 10,59%, то через год уже 15,1%. Женщины все чаще избирались секретарями партийных ячеек, членами райкомов, работали на ответственных должностях в партийных, советских, профсоюзных и других общественных организациях республики.

Вполне оправдан вывод автора, что «партийные организации Чувашской АССР своей значительной работой по активизации чувашских женщин и вовлечению их в строительство новой жизни сделали огромный шаг к ликвидации фактического неравенства женщины с мужчинами» [9, с. 35].

Еще одной значимой публикацией Н.П. Никитина стала изданная в 1975 г. научная статья «Деятельность Чувашской областной партийной организации по вовлечению женщин в промышленность в 1928–1937 гг.» [11]. В статье Н.П. Никитин отмечал, что вовлечение женщин в социалистическое строительство было важной задачей партийных организаций. С целью выполнения партийного лозунга «От домашнего хозяйства к станку!», Народным Комиссариатом труда в 1930 г. был разработан особый пятилетний план по привлечению в промышленность 1 млн 600 тыс. женщин. Однако осуществление такой сверхзадачи задачи массового внедрения женского труда в промышленность было сопряжено со значительными трудностями, среди которых – отсутствие какой бы то ни было профессиональной подготовки у подавляющего большинства женщин, что вынуждало использовать их труд на низкооплачиваемых отраслях промышленности, кроме того низкий общеобразовательный уровень большинства женщин.

Н.П. Никитин на основе анализа значительного массива архивных документов Чувашской областной партийной организации последил организаторскую работу за массовое вовлечение чувашских женщин в промышленность в годы первой пятилетки под лозунгом «Промышленности республики – 2600 работниц!». До этого отсутствие современной промышленности сдерживало широкое внедрение женского труда в сферу материального производства республики. В 1928 г. в промышленности насчитывалась всего 161 женщина. Большинство из них не имело никакой специальной подготовки и выполняло тяжелую неквалифицированную работу. В 1929 г. неграмотность среди женщин составила около 80% [11, с. 246].

Руководящие органы Чувашской АССР прежде всего обратили внимание на ликвидацию неграмотности среди женщин. В результате деятельности республиканского общества «Долой неграмотность», работе созданной при ЦИК республики комиссии по ликвидации неграмотности десятки тысяч взрослых получили возможность за короткие сроки обучиться грамоте. Только за два года первой пятилетки в Чувашии обучено грамоте 89955 чел., из них 69347 женщин [11, с. 246]. Заметно росла женская прослойка и среди студенчества. Н.П. Никитин приводит следующие архивные данные: «если в 1928 г. среди командированных на

учебу в высшие учебные заведения женщины составляли 19,1%, на рабочие факультеты – 19,4%, в техникумы – 23,9%, то в 1932 г. – соответственно 31,6%; 30% и 36,7%) [11, с. 246]. Значительное количество специалистов для промышленности готовилось в учебных заведениях Москвы, Горького, Казани. Например, в 1931/32 уч. г. в Горьком обучалось 299 чувашек, из них в высших учебных заведениях – 40 чел., техникумах – 48 чел., рабфаках – 80 чел., школах ФЗУ – 131 чел. [11, с. 247].

Далее Н.П. Никитин делает вывод, что меры, принятые партийными и общественными организациями, увеличили удельный вес женщин в составе учащихся школ ФЗУ и подкрепляет данное утверждение цифрами – если в 1930 г. в системе фабрично-заводского ученичества республики обучалось 135 девушек, в 1931 г. – 315 чел., то в 1932 г. их количество уже составило более 400 чел. А в 1931–1932 гг. с отрывом от производства и без отрыва 1165 женщин получили рабочие специальности и стали трудиться наравне с мужчинами на промышленных предприятиях Чувашии. За эти же годы 246 женщин стали строителями новых предприятий [11, с. 247].

Вполне оправдано и утверждение исследователя о том, что внедрение женского труда в промышленность и другие отрасли народного хозяйства ускорило создание сети дошкольных детских учреждений республики. Так, для строительства их в бюджете республики был выделен особый фонд, а для руководства вопросами переустройства женского быта и всестороннего раскрепощения женщин в 1930 г. при ЦИК Чувашской АССР была создана Комиссия по улучшению труда и быта работниц. Н.П. Никитин приводит следующие архивные данные – в 1928 г. [11, с. 248] в Чувашской республике действовало всего лишь 3 детских яслей, а в 1932 г. их количество возросло до 32, в них уже воспитывалось 840 детей работниц.

Особое внимание в статье Н.П. Никитин уделяет необходимости проведения среди женщин политико-воспитательной работы и освещает историю создания в июле 1928 г. ежемесячного журнала «Ёсхёрамё» (Работница) на чувашском языке, на страницах которого широко освещалась деятельность партии среди женщин, обобщался опыт работы женских организаторов, уделялось большое внимание интернациональному воспитанию читателей. Журнал сыграл важную роль в повышении культуры, политической и производственной активности женщин и стал популярным, массовым изданием для чувашских женщин.

Достаточно основательно подошел автор к анализу внедрения женского труда в промышленность республики, были изучены статистические материалы крупных предприятий республики, отчетные данные, которые приводят Н.П. Никитина к выводу о том, что принятые партийными и общественными организациями меры увеличивали приток женщин в промышленность. «Если в 1930 г. среди рабочих было только 334 женщины, то в 1932 г. в промышленности республики уже было занято 1673 женщины, или 24,8% рабочих. По сравнению с 1928 г. женская прослойка среди рабочих возросла более чем в 10 раз. В 1932 г. на Шумерлинском деревообрабатывающем комбинате работало 305 женщин, на Козловском домостроительном – 310, на фабрике «Единство» – 117, Алатырском паровозоремонтном заводе – 90 женщин и т.д. [11, с. 249]. В начале первой пятилетки на строительных площадках труди-

лось всего несколько десятков женщин, а в конце ее работало уже 139 квалифицированных работниц. Возросло их число и в кустарной промышленности. В системе Чувашпромкооперации в 1932 г. трудились 1584 и Чувашпромсоюза – 2832 женщины.

Вместе с тем, Н.П. Никитин отмечает, что во внедрении женского труда в промышленность республики имелись существенные недостатки: к концу первой пятилетки установленные Чувашским обкомом ВКП (б) контрольные цифры внедрения женского труда многими предприятиями не были выполнены, значительное количество женщин продолжало выполнять тяжелый неквалифицированный труд, все еще проявлялся веками установившийся консерватизм, недоверчивое отношение к женщине, укоренившееся мнение, что женщины не способны, якобы, наравне с мужчинами освоить сложные технологические процессы. Зачастую имело место формальное отношение к нуждам работниц и к созданию нормальных жилищно-бытовых условий, квалифицированные работницы-чувашки использовались на черновой работе и др.

Подводя итог, следует отметить, что работы Н.П. Никитина по истории внедрения женского труда и женской занятости были достаточно новаторскими для того времени. Автором основе анализа значительного массива прежде всего архивных документов и материалов сделаны вполне обоснованные выводы о том, что равноправное положение, которое установилось между мужчинами и женщинами в сфере материального производства, открыло чувашских женщин, создало возможность активного участия их в управлении социалистическим государством. Многогранная деятельность Чувашской областной партийной организации в годы первых пятилеток по внедрению женского труда в промышленность дала положительные результаты. При всех имеющихся недостатках в работе в ликвидации фактического неравенства чувашских женщин были сделаны решительные шаги. Рост техники, механизация производственных процессов, значительное облегчение в связи с этим условий труда позволили чувашской женщине освоить чисто «мужские» профессии и с успехом заменить мужчин на самых ответственных участках.

Список литературы

1. Историки Чувашии – доктора наук / Авт.-сост. Т.С. Сергеев. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. пед. университета им. И.Я. Яковлева, 2002. – 172 с.
2. Никитин Н.П. Из истории руководства Нижегородской краевой партийной организации развитием промышленности Чувашской АССР в годы первой пятилетки (1929–1932 гг.) // Вопросы истории Чувашии: Учен. зап. ЧНИИ. – Чебоксары, 1965. – Вып. 29. – С. 95–104.
3. Никитин Н. Сила великой дружбы: (О дружбе чувашей с другими народами). – Чебоксары: Чувашиздат, 1966. – 64 с.
4. Никитин Н.П. Помощь русской нации отсталым народам в ликвидации социальных болезней в 1929–1936 гг. (По материалам Горьковской области и Чувашской АССР) // Труды Целиноградского гос. мед. ин-та. Целиноград, 1967. – Т. 1. – С. 9–11.
5. Никитин Н.П. Коммунистическая партия в борьбе за ликвидацию фактического неравенства народов в 1929–1936 гг.: По материалам Горьковской области и Чувашской АССР // Материалы 1-й зональной межвузовской научной конференции. – Целиноград, 1967.
6. Никитин Н.П. Борьба Коммунистической партии за ликвидацию фактического неравенства народов // Труды Целиноградского гос. мед. ин-та. – Целиноград, 1967. – Т. 1.
7. Никитин Н.П. Деятельность партии по подготовке национальных партийно-советских кадров / Н.П. Никитин, И.С. Сергеев // Труды Целиноградского сельхозинститута. – Целиноград, 1967. – Т. 4, вып. 6. – С. 4–19.

8. Никитин Н.П. Классики марксизма-ленинизма о разрешении национального вопроса // Труды Целиноградского гос. мед. ин-та. – Целиноград, 1968. – Т. 2.

9. Никитин Н.П. Борьба партийных организаций Чувашии за активизацию женщин-чувашек и вовлечение их в социалистическое строительство (1928–1932 гг.) // Торжество ленинской национальной политики (научная сессия): Тезисы докладов и сообщений первой секции «Марксистско-ленинская теория по национальному вопросу. Национально-государственное строительство в СССР». – Чебоксары: НИИ при Совете министров Чувашской АССР, 1970. – С. 33–35.

10. Никитин Н.П. КПСС – организатор борьбы за ликвидацию фактического неравенства народов // Материалы научной конференции НТО Коми АССР и РСФСР. – Ухта, 1974.

11. Никитин Н.П. Деятельность Чувашской областной партийной организации по вовлечению женщин в промышленность в 1928–1937 гг. // История и культура Чувашской АССР. – Чебоксары, 1975. – Вып. 4. – С. 245–256.

12. Никитин Н.П. Борьба КПСС за ликвидацию фактического неравенства народов СССР: На примере автономных республик Поволжья и Приуралья (1917–1937). – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. – 184 с.

Чибис Александр Алексеевич

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

НАУЧНЫЕ КОНЦЕПЦИИ С.М. КАШТАНОВА И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ СЕРЕДИНЫ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА

***Аннотация:** в статье рассматриваются основные исторические концепции доктора исторических наук С.М. Каштанова и их применение в трудах по истории Среднего Поволжья.*

***Ключевые слова:** профессор С.М. Каштанов, источниковедение, исторические источники, история Среднего Поволжья.*

Доктор исторических наук, профессор и член-корреспондент РАН Сергей Михайлович Каштанов является одним из наиболее видных специалистов в области источниковедения и истории России средневековья и раннего нового времени.

Еще будучи студентом Московского историко-архивного института (1949–1956 гг.), С.М. Каштанов проявил интерес к изучению таких сложных и многоаспектных источников как жалованные княжеские грамоты XV – XVI вв. Результатом этого изучения стали: 1) выпускная дипломная работа «Очерки по истории феодального иммунитета в России в XVI веке», оцененная как кандидатская диссертация; 2) сама кандидатская диссертация «Жалованные и указные грамоты как источник по истории феодального иммунитета на Руси в первой половине XVI века», успешно защищенная в 1958 г. [2, с. 148].

Многие грамоты, использованные в названных трудах С.М. Каштанова, ранее были опубликованы вместе с источниками других видов в серийных изданиях: «Акты феодального землевладения и хозяйства» (М., 1951–1961. Ч. I–III), «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси» (М., 1952–1964. Т. I–III). Термин «акты» в российской и европейской историографии использовались достаточно давно, но без общепринятых дефиниций. Под актами разные ученые пони-

мали различные документы, не было выработано общепринятой методики всестороннего изучения актов.

В 1968 г. С.М. Каштанов защитил докторскую диссертацию «Очерки русской дипломатики», которая затем была издана отдельной книгой. Скрупулезно проанализировав труды предшествующих дипломатистов, как отечественных, так и зарубежных, С.М. Каштанов обосновал точку зрения о том, что под «актами» в источниковедении феодальной истории должны подразумеваться правовые документы, определяющие условия сделки между различными частными и публичными субъектами. Ученый разработал всестороннюю методику изучения актов, прежде всего, публично-правовых. Это изучение должно преследовать две цели: 1) определение происхождения акта, 2) детальный анализ содержания акта с целью извлечения информации о том историческом событии или процессе, в связи с которыми он был создан. Для решения первой задачи было предложено совокупное приращение историко-политического, историко-юридического, историко-экономического и историко-географического анализов. Для решения второй задачи была предложена методика тщательного текстуального анализа актов: деление текста каждого из них на внутренние смысловые статьи, сравнительное сопоставление статей группы актов одной разновидности, относящихся к одному и тому же событию и объекту, извлечение, таким образом, необходимой информации [11, с. 1–52]. На страницах названных «Очерков...» С.М. Каштанов привел подробные примеры изучения тарханых грамот первой половины XVI в. с помощью разработанного им сравнительно-сопоставительного анализа [11, с. 52–217].

Сделанные ученым выводы об объекте и предмете дипломатики, назначении актов как исторических источников и методике их изучения получили признание среди специалистов. Таким образом, С.М. Каштанов является одним из основоположников современного актового источниковедения.

В течение своей научной деятельности С.М. Каштанов активно работает в различных архивах, рукописных собраниях библиотек и музеев с целью выявления ранее не опубликованных актов и других документов. Он занимается публикацией таких источников в составе как фундаментальных сборников [1], так и отдельных подборок [7, с. 127–237; 11, с. 342–484]. С.М. Каштанов выступает сторонником максимально полного представления в публикации текста старинного памятника, с указанием в текстуальных примечаниях, легендах всех внешних его особенностей: правок слов и предложений, повреждений листов, типов и размеров филиграней, печатей и т. п. Предлагаемую методику издания актов С.М. Каштанов подробно охарактеризовал в отдельной монографии [4].

С.М. Каштанов успешно использовал разработанные им исследовательские методы и выявленные источники в трудах по истории как России в целом, так и отдельных ее областей, в том числе и Среднего Поволжья.

В 1970 г. ученый выступил со статьей о земельно-иммунитетной политике русского правительства в Среднем Поволжье в 1550-х гг. Он подверг тщательному анализу географию выдачи московской властью земельных актов в разных областях указанного региона в первые годы после его вхождения в состав Русского государства. С.М. Каштанов доказал, что в этот период правительство наделяло русские духовные корпорации (Троице-Сергиев и Казанский Спасо-Преображенский монастыри, Казанскую епархию и др.) землями в тех присоединенных районах, из которых могла

возникнуть угроза вооруженного выступления против русской Казани. Внедряя на эти территории русских землевладельцев, Москва рассчитывала предотвратить эти выступления. Ученый особо отмечал, что в этот же период правительство Ивана IV активно поддерживало своих служилых вассалов в пограничных с Казанским краем Вятской земле и Мордовии, с расчетом на их поддержку в борьбе с антимосковскими восстаниями на территории бывшего Казанского ханства [6].

В 2002 г. С.М. Каштанов опубликовал еще одну статью, в которой на основании скрупулезного сравнительно-сопоставительного анализа русских летописей, разрядных книг и других источников дал подробный обзор военных действий между Москвой и Казанью в 1545–1551 г. и событий мирного вхождения Горной стороны Казанского ханства с преобладающим чувашским населением в состав Русского государства. Ученый подчеркнул, что главную роль в этом вхождении сыграло добровольное волеизъявление жителей Горной стороны [10].

Кроме исследовательских статей, С.М. Каштанов сделал несколько публикаций документов по истории Среднего Поволжья в XVI в. В 1973 г. он опубликовал подборку из 20-ти документов о начальном этапе формирования русского землевладения в Казанском и Свияжском уездах [5]. В нее вошли, в том числе, источники, использованные в первой из названных статей.

В 1978 г. эта публикация была дополнена изданием двух жалованных иммунитетных грамот 1572 и 1575 гг. архимандритам Троице-Сергиева монастыря Феодосию и Памве с братией на монастырскую вотчину в Свияжском уезде. Характеризуя происхождение названных источников, С.М. Каштанов указывал на то, что главной причиной их выдачи было стремление Ивана IV заручиться поддержкой самого влиятельной монашеской обители в период кризисных для него событий первой половины 1570-х гг.: краха опричнины, возникновение удела Симеона Бекбулатовича [9].

В 1997 г. были изданы две (указная с прочетом и жалованная) грамоты 1578 г. выданные, соответственно, властям Суздальского Спасо-Ефимьева и Троице-Сергиева монастырей с освобождением от налогов и пошлин их речных судов, обслуживавших монастырскую транзитную торговлю. В грамотах расписаны товары, которые монастырские купцы приобретали в поволжских городах, в том числе и Чебоксарах, или провозили через них [8]. Отметим, что опубликованные в 1978 и 1997 гг. публично-правовые акты были оформлены в издании в полном соответствии с археографической методикой, разработанной С.М. Каштановым.

Все охарактеризованные публикации С.М. Каштанова по истории Среднего Поволжья неоднократно использовались в трудах В.Д. Дмитриева [2, с. 149; 3, с. 68] и других ученых. По степени и глубине своей подготовки они могут служить образцом для других научных трудов и археографических изданий.

Список литературы

1. Акты Русского государства 1505–1526 гг. – М.: Наука, 1975. – 434 с.
2. Дмитриев В.Д. Каштанов С.М. – внереспубликанский действительный член НАНИ Чувашской Республики / В.Д. Дмитриев // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. Сер. Гуманитар. науки. – 2003. – №4. – С. 148–132.
3. Дмитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.) / В.Д. Дмитриев. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. – 456 с.
4. Каштанов С.М. Актовая археография / С.М. Каштанов. – М.: Наука., 1998. – 318 с.

5. Каштанов С.М. Возникновение русского землевладения в Казанском крае / С.М. Каштанов // Из истории Татарии. – Казань, 1973. – Вып. 116. – С. 3–35.
6. Каштанов С.М. Земельно-иммунитетная политика русского правительства в Казанском крае в 50-х годах XVI в. (по актовому материалу) / С.М. Каштанов // Из истории Татарии. – Казань, 1973. – Вып. 80. – С. 164–203.
7. Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника (Акты X–XVI вв.) / С.М. Каштанов. – М.: Наука, 1996. – 265 с.
8. Каштанов С.М. К истории Волжского торгового судоходства во второй половине XVI века / С.М. Каштанов // Вопросы истории народов Поволжья и Приуралья. – Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т, 1997. – С. 44–58.
9. Каштанов С.М. К истории феодального землевладения в Свияжском уезде в 70-х годах XVI века (Жалованные грамоты 1572 и 1575 гг.) / С.М. Каштанов // Историография и источниковедение: вопросы методики исследования. – Казань, 1978. – Вып. 116. – С. 132–143.
10. Каштанов С.М. Отношения между Москвой и Казанью в 1545–1551 гг. и мирное вхождение Горной стороны в состав Российского государства / С.М. Каштанов // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. Сер. Гуманитар. науки. – 2002. – №4. – С. 3–19.
11. Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. – М.: Наука, 1970. – 502 с.

Шилкина Юлия Алексеевна

студентка

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
г. Москва

ИСТОРИОГРАФИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СССР И КНДР

Аннотация: статья посвящена обзору советско-российской литературы по проблеме научно-технического сотрудничества между СССР и КНДР. Автором проанализированы научные работы, относящиеся к теме экономического развития Северной Кореи, для чего были применены историко-генетический и историко-сравнительный методы. Выявлено, что советские и российские ученые рассматривали проблему с отличающихся друг от друга позиций, что обусловлено цензурой и засекреченностью информации. Исследователь пришел к выводу, что на данный момент тема недостаточно освещена и требует более глубокого изучения.

Ключевые слова: историография, КНДР, СССР, сотрудничество.

Северная Корея всего за 25 лет из отсталой аграрной страны, в которой после многолетнего колониального периода и войны была полностью разрушена инфраструктура, экономика, а большая часть населения являлась неграмотной, превратилась в «социалистическое индустриальное государство» с «системой всенародной государственной обороны» [12, с. 256]. Немаловажным фактором в успешном развитии народного хозяйства КНДР стало сотрудничество с СССР в политическом, экономическом, научно-техническом, военном аспектах. При помощи Советского Союза в кратчайшие сроки были восстановлены наиболее крупные предприятия Северной Кореи, запущено производство, позволявшее обеспечивать нужды страны, обучены научные и технические сотрудники, требовавшиеся для эффективной работы заводов. Ким Ир Сен заявил: «Первым на помощь корейскому народу в послевоенном восстановлении пришел наш освободитель – великий Советский Союз, правительство которого безвозмездно выделило с этой целью один миллиард рублей...» [2, с. 53].

В свете быстрого и успешного развития народного хозяйства КНДР вплоть до того, что на данный момент она является де-факто (но не де-юре) одной из 9 стран – обладательниц ядерного оружия, подробный анализ научно-технического сотрудничества с Советским Союзом и историографии по теме является важным и актуальным.

На основе анализа научной литературы, периодических изданий, а также ряда опубликованных документов и данных можно проследить то, как развивалось изучение этой темы. Можно условно выделить два периода в советско-российской историографии по проблеме развития КНДР: первый – советский (до 1991 г.), второй – современный (после 1991 г.).

Первый период характеризуется общей идеологической направленностью советских исследований, это обусловлено историческими условиями послевоенного времени – политико-идеологическим противостоянием СССР и США. Также немаловажно отметить, что большинство документов и материалов о взаимоотношениях между странами было засекречено, что значительно осложняло анализ ситуации.

Первой крупной работой, посвященной проблеме развития КНДР, является изданный в 1955 году сборник под названием «Восстановление и развитие народного хозяйства Коре́йской Народно-Демократической Республики». В нем опубликованы работы Ким Ир Сена, сообщения и законы, связанные с тем, как восстанавливалось хозяйство КНДР в послевоенный период. В нем приводится цитата Ким Ир Сена о поставках из СССР в КНДР: «советское правительство согласилось предоставить нам необходимые сельскохозяйственные машины, строительные материалы, удобрения, рыболовные суда, автомобили, предметы народного потребления, а также оборудование для школ, больниц и т. д.» [2, с. 10].

К той же проблеме обратился Л.Н. Каршинов в монографии «Коре́йская Народно-Демократическая Республика. Экономика и внешняя торговля», опубликованной в 1958 году. Он отмечает, что между СССР и КНДР велось тесное сотрудничество. Советский Союз занимал ведущее место во внешней торговле КНДР – его доля во внешнеторговом обороте составляла около 90%. Также развивались и другие формы экономических связей между странами: СССР оказывал «огромную техническую помощь» [6, с. 77] в восстановлении и развитии народного хозяйства КНДР. В работе содержатся подробные данные об объемах поставок от СССР, КНР и других стран социалистического лагеря. По оценке автора на тот момент, в будущем экономическое сотрудничество с СССР продолжит играть ведущую роль в развитии экономики КНДР.

Проблему сотрудничества СССР и КНДР поднимает М.Е. Глебова в монографии под названием «Развитие экономики Коре́йской Народно-Демократической Республики», которая была издана в 1959 году. Автор отмечает, что «помощь Советского союза в восстановительный период дала возможность КНДР успешно решить финансовые, технические и другие народнохозяйственные проблемы, что позволило в кратчайший срок восстановить всю промышленность и осуществить дальнейшее ее развитие» [3, с. 15]. Также в книге подчеркивается, что в КНДР в 1950-е годы «машиностроение еще во многом не удовлетворяло внутренние нужды народного хозяйства, поэтому большая часть станков и оборудования импортировалась из Советского Союза» [3, с. 16].

В 1960–1980-е годы активной разработкой темы индустриализации в КНДР занимался научный сотрудник Института востоковедения АН СССР

Г.В. Грязнов. Этой проблеме посвящена его монография «Социалистическая индустриализация в КНДР (1945–1960)», которая вышла в свет в 1966 году. В ней описываются масштаб и значимость помощи от государств социалистического строя в процессе становления северокорейской промышленности. В качестве доказательства приводится цитата из речи Ким Ир Сена на митинге дружбы между народами СССР и КНДР: «Многочисленные заводы и фабрики, восстановленные, расширенные и построенные с помощью Советского Союза, выполняют большую роль в осуществлении социалистической индустриализации нашей страны и в быстром повышении жизненного уровня населения» [4, с. 98]. В труде также содержатся точные данные об объемах поставок и помощи, оказанной Советским Союзом для восстановления народного хозяйства Северной Кореи.

Тема научного сотрудничества СССР и Северной Кореи поднята в изданной в 1975 году работе С.Г. Нам «Образование и наука КНДР в условиях научно-технической революции» под редакцией Г.В. Грязнова. Автор пишет, что СССР принимал участие в подготовке и обмене научными кадрами с Северной Кореей, и приводит в пример работу корейских специалистов по атомной энергетике в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне [8, с. 54].

Проблема участия стран социалистического лагеря в развитии Северной Кореи освещается в еще одной работе Г.В. Грязнова под названием «Строительство материально-технической базы социализма в КНДР», вышедшей в 1979 году. Ученый называет экономическое сотрудничество и взаимопомощь социалистических стран «решающим фактором успешного строительства материально-технической базы социализма в КНДР». Автор посвятил одну из глав книги освещению хода и результатов сотрудничества КНДР с другими странами социалистического лагеря, в особенности СССР.

Итоги советско-корейских отношений обобщены в труде «СССР и Корея», вышедшем в 1988 году. Несколько глав книги посвящены сотрудничеству между СССР и КНДР: военной помощи в отражении империалистической агрессии, участию Советского Союза в послевоенном восстановлении КНДР и другим сферам. В книге подчеркивается, что возрождение народного хозяйства было возможно только при условии «максимальной мобилизации внутренних сил и ресурсов страны», а также при «большой материально-технической помощи Советского союза» [12, с. 248].

Различные аспекты экономического сотрудничества между СССР и КНДР рассмотрены в опубликованной в 1989 году книге С.А. Севергина «На путях взаимодействия СССР – КНДР: экономическому сотрудничеству – 40 лет». По мнению автора, основная цель сотрудничества – «активное содействие повышению реального уровня жизни трудящихся в обеих странах, более полное удовлетворение их потребностей на основе роста экономического потенциала СССР и КНДР» [9, с. 26].

Второй период в изучении данной проблемы наступил с распадом СССР. Это можно связать с несколькими факторами. Во-первых, расширилась открытость и гласность, ослабли идеологические строгости, начал проявляться плюрализм мнений. Во-вторых, появилось больше возможностей для изучения вопроса: шире стал доступ к зарубежным источникам и научной литературе, появилась возможность обмена знаниями с коллегами из других стран. Также началось постепенное открытие засекреченных архивов КПСС и государственных органов.

В 1993 году вышла книга Бажановой Н.Е. «Внешнеэкономические связи КНДР. В поисках выхода из тупика». Автор выделяет 1945–1960 годы как один из основных этапов внешнеэкономической политики КНДР, характеризовавшийся «односторонней ориентацией КНДР на Советский Союз и другие страны, возглавлявшиеся коммунистическими партиями» [1, с. 3]. В отличие от коллег, работавших в период существования СССР, она признает, что помощь не была идеальной и имела как позитивные, так и негативные последствия. Вторые заключались в том, что «изъяны административно-командной, сверхцентрализованной системы управления хозяйственным механизмом, характерной для СССР, переносились на корейскую почву. Акцент делался на форсированное развитие тяжелой промышленности, а нужды населения, социальная сфера, оставались зачастую вне поля зрения» [1, с. 4].

Теме сотрудничества в области кадров посвящена статья Д.В. Мена «Советские корейцы в политике Советского Союза в Северной Корее», вышедшая в начале 2000-х годов. В ней рассказывается о советских корейцах, которые были отправлены в КНДР для помощи по ликвидации экономической и социальной отсталости. Таким образом, автор рассматривает сотрудничество между странами не только с материальной стороны, но и с кадровой, что также оказало значительное влияние на ускорение развития КНДР.

Кроме того, тема развития Кореи освещается на различных конференциях, как российских, так и международных. По результатам конференции «Ситуация и будущие вопросы сотрудничества Северо-восточных стран (оценка экономического и политического влияния Северо-восточных стран на Северную Корею)» был опубликован сборник докладов. В докладе С.С. Суслиной под названием «Оценка экономического влияния России на Северную Корею» подчеркивается, что «Советский Союз являлся основным поставщиком технологии и ноу-хау в Северную Корею и центром подготовки для нее квалифицированных научных и других кадров» [11, с. 58].

Участию советских корейцев в социально-экономическом развитии Кореической Народно-Демократической Республики посвящена статья Ж.Г. Сон «Советские корейцы в Северной Корее в 1946–1948 годах», опубликованная в 2015 году. В ней автор подчеркивает, что хотя в последние годы все больше документов рассекречивается, налаживается сотрудничество с зарубежными учеными и становится все больше возможностей для подробного изучения отношений между КНДР и СССР, остается довольно много не освещенных в полной мере тем, таких как область экономики и культуры [10, с. 153].

Таким образом, можно сделать вывод, что развитие КНДР – популярная тема в работах советско-российских ученых. Тем не менее, изучению конкретного аспекта развития КНДР, а именно научно-техническому сотрудничеству с СССР и его роли в становлении КНДР, уделено мало внимания: работ, полностью посвященных этой теме нет, а в общих трудах на тему развития Северной Кореи она раскрыта недостаточно подробно.

Это можно объяснить тем, что по этой проблеме недостаточно информации, так как часть материалов все еще находится под грифом «совершенно секретно», а в советское время документов по теме, находившихся в открытом доступе, практически не было. К примеру, даже сейчас протокол заседания Межправительственной комиссии РФ и КНДР по экономическому и техническому сотрудничеству является документом внутренне-

го потребления для причастных к работе комиссии ведомств и, соответственно, недоступен для научных работников и журналистов. Еще одна причина заключается в том, что закрытость северокорейского общества хотя и уменьшается, но незначительно, и в КНДР сохраняется монополия государства на политическую, экономическую, статистическую информацию, что приводит к отсутствию источников информации с ее стороны. Также важно отметить, что в различные периоды эта проблема рассматривалась учеными с разных позиций, и в большинстве случаев ее рассмотрение было политизированным и не лишенным пропаганды.

Необходимо продолжать изучение данной темы, так как постепенно архивы рассекречиваются, и появляется доступ к новым данным. Кроме того, из-за идеологии чучхе («опоры на собственные силы») КНДР перестала признавать важность Советского Союза в процессе восстановления своего народного хозяйства. Во многих современных северокорейских учебниках по истории сказано, что Корея развивалась без сторонней поддержки, а о советской помощи напоминает лишь монумент «Освобождение», находящийся в Пхеньяне.

Разумеется, некоторые сдвиги имеют место быть. Например, 15 марта 2019 г. в Посольстве КНДР в Российской Федерации был торжественный прием в честь 70-летия подписания первого в истории Кореи равноправного договора об экономическом и техническом сотрудничестве, которое произошло 17 марта 1949 г. Важно, чтобы значимость советско-корейского сотрудничества не была забыта.

Список литературы

1. Бажанова Н.Е. Внешнеэкономические связи КНДР. В поисках выхода из тупика. – М.: Наука, 1993. – 215 с.
2. Восстановление и развитие народного хозяйства Корейской Народно-Демократической Республики / пер. с кор. под ред. В.А. Масленникова. – М.: Иностранная литература, 1955. – 186 с.
3. Глебова М.Е. Развитие экономики Корейской Народно-Демократической Республики: Краткий экономический обзор. – М.: Наука, 1959. – 89 с.
4. Грязнов Г.В. Социалистическая индустриализация в КНДР (1945–1960). – М.: ИВЛ, 1966. – 216 с.
5. Грязнов Г.В. Строительство материально-технической базы социализма в КНДР. – М.: Наука, 1979. – 239 с.
6. Каршинов Л.Н. Корейская Народно-Демократическая Республика. Экономика и внешняя торговля. – М.: Наука, 1958. – 93 с.
7. Мен Д.В. Советские корейцы в политике Советского Союза в Северной Корее // Корея: 70 лет после освобождения: коллективная монография. – М.: ИДВ РАН, 2015. – С. 144–153.
8. Нам С.Г. Образование и Наука КНДР в условиях научно-технической революции. – М.: Наука, 1975. – 53 с.
9. Севергин С.А. На путях взаимодействия СССР-КНДР: экономическому сотрудничеству – 40 лет. – М.: Общество «Знание» РСФСР, 1989. – 35 с.
10. Сон Ж.Г. Советские корейцы в Северной Корее в 1946–1948 годах // Корея: 70 лет после освобождения: коллективная монография. – М.: ИДВ РАН, 2015. – С. 153–159.
11. Суслина С.С. Оценка экономического влияния России на Северную Корею // Ситуация и будущие вопросы экономического сотрудничества Северо-восточных стран. – М.: ИДВ РАН, 2005. – С. 53–59.
12. СССР и Страны Востока / СССР и Корея. – М.: ГРВЛ Наука, 1988. – 343 с.
13. Экономическое сотрудничество и взаимопомощь социалистических стран. – М.: АН СССР, 1962. – 215 с.

Шумилова Ольга Владимировна

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

Шумилов Андрей Владимирович

канд. полит. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
педагогический университет им. И.Я. Яковлева»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

РАЗРАБОТКА И ВНЕДРЕНИЕ УЧЕБНЫХ ПРОГРАММ ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В 1920-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

***Аннотация:** в статье освещается вопрос разработки программного обеспечения учебного процесса в начальной школе. На основе архивных документов проанализированы вопросы опыта внедрения новых учебных программ и разработки содержания начального образования в школах Чувашской Республики, развития системы начальных школ в регионе.*

***Ключевые слова:** просвещение, образование, начальная школа, учебная программа, Чувашская Республика.*

Просвещение населения и развитие школьного образования в Советском государстве в 1920–1930-е годы для обеспечения динамичного развития страны было важной государственной задачей. Изучение развития системы образования остается актуальной научной проблемой в исторической науке [15, с. 68]. Одним из приоритетных направлений была разработка вопросов содержания образования.

В 1921 г. Народным комиссариатом просвещения РСФСР были созданы новые программы для начальной школы, в которых уделялось серьезное внимание усвоению учащимися теоретических знаний по арифметике и русскому языку. II областной съезд деятелей просвещения принял в качестве учебных планов школ Чувашской области программы, изданные Московским отделом народного образования [10, с. 89]. На практике работа в школе I ступени сводилась к обучению грамоте, чтению, письму, счету. Только в городских школах преподавались естествознание, краеведение и начатки обществознания. Из искусств велось только пение, отсутствовала лепка, рисование, физическое воспитание, обучение ремеслам. Из-за отсутствия литературы и недостатка квалификации учителей методы работы в школах оставались старыми, даже в городских школах редко встречалось применение новых методов и форм обучения [5, л. 16; 6, л. 35]. В частности, обследование учебно-воспитательного процесса Чебоксарской школы I ступени №3 показало, что на 1-м отделении учащиеся занимались чистописанием, упражнениями в грамматике и изложении мыслей. Учебная работа 2-го отделения включала занятия чтением, письмом, счетом, рисованием и пением. На 3-м отделении учащиеся продолжали осваивать письмо, арифметику и пение, но отсутствовали природоведение, рисование и обществоведение. Работа 4-го отделения была более насыщенной. Кроме чтения, письма, грамматики, арифметики и пения,

учащиеся занимались изучением истории, политграмоты, природоведения, при этом в школе отсутствовали учебные пособия по истории и географии [3, л. 74]. В условиях национальной области органы народного образования уделяли большое внимание вопросам реализации родного языка. По школам была распространена литература на чувашском языке [3, л. 61].

С 1923 г. начинается разработка и введение комплексных программ, содержащих в себе установку на активность учебного процесса. По оценке Н. К. Крупской, комплексные программы в условиях новой школы представляли собой попытку отобрать то, что нужно подрастающему поколению для преобразования жизни на новых началах. За комплексное построение программ высказывались и многие психологи [1, с. 38–40]. На основании обследования школ г. Чебоксары бюро Областного комитета РКП(б) 16 ноября 1923 г. приняло решение обратить серьезное внимание на учебную работу и внутренний распорядок школ [2, л. 38]. Но к 1923/24 учебному году лишь 40% школ Чувашской Республики были обеспечены этими программами [14, с. 70]. Хотя к этому времени появилась возможность использовать новую учебную литературу. Чувашиздат выпустил учебники по родному языку, математике, естествознанию, географии, истории, обществознанию, краеведению [4, л. 25–25 об.].

К 1924 г. научно-педагогическая секция Государственного ученого совета (ГУС) подготовила новые программы для начальной школы. С 1924/25 учебного года эти программы стали обязательными для 1 и 2, а с 1925/26 учебного года – для 3 и 4 классов. В основу программ ГУСа было положено изучение трудовой деятельности людей. Весь учебный материал в них распределялся по трем колонкам (природа – труд – общество) и строился концентрическими кругами по принципу «от ребенка – к миру» [11, с. 92–99]. Содержание основных предметов расчленялось применительно к комплексной теме. Предлагались, к примеру, такие темы – «Домашние животные», «Наш город», «Наша деревня», «Праздник 1 Мая». Комплексные программы исключали самостоятельные учебные предметы, игнорировали их качественное своеобразие и внутреннюю логику. На практике многие учителя начальной школы предпочитали преподавать русский язык и математику как самостоятельные предметы. Изучение материала по приему в техникумы и школы II ступени показало, что школы-пятилетки и семилетки (нерусские шестилетки и восьмилетки) давали учащимся недостаточную подготовку: «Контрольные занятия выявили, что поступающие ученики слабо подготовлены по арифметике – недостаточно усвоены пропорции, проценты, дроби; по естествознанию имеют очень слабое представление о человеке и только. По обществознанию не имеют понятия о структуре советской власти, вообще по обществознанию слабы. По русскому языку слабо усвоены навыки письма и недостаточно навыки чтения. Можно считать, что учащиеся более или менее подготовлены за четыре группы школы I ступени» [7, л. 93]. Неумение применять комплексные программы связано также с уровнем подготовленности педагогов. К середине 1920-х гг. лишь 4,8% учителей имели высшее образование, преобладали учителя, окончившие гимназии, реальные училища, учительские школы и семинарии (34,9%) [9, с. 253]. Учитывая тенденцию развития школьной практики и критику программ ГУСа, прозвучавшую на I Всесоюзном съезде учителей, были опубликованы в 1926 г. варианты комплексных программ для 1–5-го классов, частично

допускающие предметное преподавание русского языка и арифметики. Определяя задачи школы на 1926/27 учебный год, Наркомпрос РСФСР подчеркнул необходимость улучшения учебной работы: «Должна идти работа по улучшению качества работы школы, в частности по поднятию грамотности учащихся. Здесь в первую очередь необходимо точно установить по каждой группе, по каждому типу школ определенный объем знаний и навыков, который должен быть усвоен учащимися» [12, с. 129]. Но уже в 1927 г. Наркомпрос РСФСР издал новые программы для всех основных типов школы. Это были первые обязательные для всех школ государственные программы. Они определяли твердый минимум общеобразовательных знаний и навыков, которые должен был получить ученик, и за усвоение которых руководители школ и учителя несли ответственность. Преодолев отрицательные черты прежних программ, программы 1927 г. обеспечивали определенный подъем уровня и качества общеобразовательной подготовки учащихся [13, с. 72].

Таким образом, на протяжении 1920-х годов в разных типах начальных школ программы были разные. Наиболее распространенным типом учебного заведения была школа I ступени с четырехлетним курсом обучения. В сельской местности были распространены школы-шестилетки, дававшие законченный круг знаний с целью подготовки учащихся, не продолжающих обучения в школах II ступени, к требованиям жизни [8, л. 359]. 1920-е годы стали периодом поиска к подходам и определению содержания образовательного процесса в советской школе.

Список литературы

1. Блонский П.П. О так называемом комплексном методе // Народный учитель. – 1924. – №2. – С. 38–40.
2. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. 1. Оп. 3. Д. 133.
3. ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 4. Д. 27.
4. ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 6. Д. 42.
5. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 390.
6. ГИА ЧР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 420.
7. ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 135.
8. ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 446.
9. Ефимов Л.А. Школы чувашского края в XIX–XX вв. – М.: РИЦ «Альфа» МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2003. – 536 с.
10. Из резолюции II Чувашского областного съезда деятелей просвещения по докладу управления социального воспитания // Культурное строительство в Чувашской АССР: сб. док / Сост. В.В. Катагощин, В.Л. Кузьмин, А.М. Мурышкина, В.И. Шевнина. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. – Кн. 1. 1917–1937. – 419 с.
11. Вендровская Р.Б. Отечественная школа 20-х годов. – М.: Из-во РОУ, 1996. – 102 с.
12. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1917–1941 гг.) / отв. ред. Н. П. Кузин [и др.]. – М.: Педагогика, 1980. – 456 с.
13. Современные проблемы истории образования и педагогической науки. – М.: Ин-т теорет. педагогики и междунар. исследований в образовании РАО, 1994. – Т. 2. – 140 с.
14. Степанов Н.С. Очерк истории чувашской советской школы. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959. – 323 с.
15. Kaluzna J. Educational policy institute of national remembrance, as an expression of the historical policy of the state in formationing the attitudes of school children // PolitBook. – 2014. – №2. – С. 68–74.

Юстус Татьяна Владимировна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОРГАНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ЧУВАШИИ В 1970–1985 гг.

Аннотация: в статье раскрывается содержание основных направлений культурно-воспитательной деятельности на заводах, фабриках, в общежитиях, по месту жительства рабочей молодежи в период активного развития промышленного комплекса Чувашской АССР в 70–85-е гг. XX в. Показаны формы и методы культурно-нравственного воспитания, подъема культурно-творческого уровня и организации свободного времени трудящихся. Представлены положительные результаты и недоработки в сфере практической организации комиссии профкома по культурно-массовой работе, культорганизаторов, правлений и общественных советов культпросветучреждений.

Ключевые слова: трудящаяся молодежь, культурно-воспитательная работа, учреждения культуры, духовное развитие, свободное время.

В современной России особое внимание общества и государства сосредоточено на совершенствовании и развитии промышленного потенциала страны. В этих условиях особая роль отводится трудящемуся населению. Рост общеобразовательного, культурного, профессионального уровня, трудовой, общественно-политической активности повышает ее роль в жизни государства. Тем не менее, даже в современных условиях, трудовой коллектив, как особая «социальная среда» требует к себе особого внимания в плане социальной адаптации молодежи в новых условиях, непосредственно на коллективной основе. В советское время вопросами социализации, адаптации, воспитания, качественно и всесторонне занимались структуры государственных и общественных институтов страны и поэтому некоторый опыт по совершенствованию данной работы можно использовать и в современной практике. Научно-практическая база исследования в изучаемый период достаточно обширна и представлена на союзном и региональном уровне. На современном этапе некоторые аспекты данной проблемы анализируются в трудах С.Ю. Михайловой [4], Т.В. Юстус [6], А.Л. Смирновой [5] и др. авторов.

Важную роль в системе организации воспитательной работы имеет принцип дифференцированного подхода, который требует учета специфических особенностей каждой группы молодежи. В процессе организации воспитательной деятельности среди молодежи, учитывались социально-демографические и психологические особенности, интересы и потребности, ориентации различных категорий и групп, для того чтобы наиболее полно удовлетворить духовные запросы каждой из них.

Трудящаяся молодежь Чувашской АССР в советское время, которая является объектом нашего исследования, требует к себе особо пристального внимания потому, что большинство ее, по социологическим данным, проводимым в 1984 г. на 10 промышленных предприятиях г. Чебоксары

(78,6%) – мигранты из села и проживающая в общежитиях. Из бывших селян 42% приехали в город сразу после школы, 19% – демобилизованные военнотруженики, 17,8% – выпускники ПТУ, 10,5% некоторое время работали в колхозе (совхозе), примерно каждый десятый закончил вуз или техникум [2, с. 47]. Перемена места жительства и окружающей обстановки неизбежно требует от мигранта определенных морально-психологических усилий для адаптации к новым условиям. Молодежь влечет в города не только поиски в сфере труда (мотивы переезда в город, связанные с трудовой деятельностью, в общей структуре мотивов являются доминирующими), но и возможность и повышения уровня образования и культурного развития. Поэтому в реализации жизненных планов молодежи, ускорении процессов адаптации большое значение имеют факторы, связанные с организацией досуга. Причем от рационального использования свободного времени зависит не только удовлетворение культурных потребностей молодежи, но и многие аспекты ее производственной деятельности. В этих условиях организация воспитательного процесса проводилась не в идиллических формах, а в конкретных ситуациях, которые для мигрантов из села являются проблемными, ибо им приходится осваивать новые нормы жизни. Тем самым и увеличивался период адаптации молодежи в новой для них социальной среде.

В 1970–1985-е гг., в период интенсивных темпов развития региональной экономики, повышения уровня сознательности и духовных потребностей советских людей, объективно возникала необходимость дальнейшего углубления содержания, совершенствования и разработки новых форм и методов культурно-воспитательной работы. В воспитательной работе едва ли есть формы и методы, которые являются всеобщими. А.С. Макаренко писал: «Никакое средство педагогическое, даже общепринятое, каким обычно у нас считается и внушение, и объяснение, и беседа, и общественное воздействие, не может быть признано всегда достаточно полезным. Самое хорошее средство в некоторых случаях обязательно будет самым плохим... Никакое средство нельзя рассматривать с точки зрения полезности и вредности, взятое уединенно от всей системы средств. И, наконец, никакая система не может быть рекомендована как постоянная» [3, с. 113].

Культурно-воспитательная работа в исследуемое время являлась основой досуга трудящейся молодежи. Постоянно возникала необходимость в разработке новых форм воспитательного воздействия на личность молодого работника. Одними из новых форм являлись любительские объединения (клубы по интересам) по месту жительства. В формировании социально активной личности таким клубам уделялось особое место. Основанные на потребности человека в общении, они являлись надежными помощниками у организаторов досуга в постановке воспитательного процесса. Подобные объединения позволяли также дифференцированно вести воспитательную работу, находить пути воздействия на людей различных возрастов, профессий, интересов и вкусов, полнее удовлетворять запросы. Причем создавать любительские объединения по месту жительства было легче, чем в условиях производственного коллектива. По социологическим данным 73,5% опрошенных (они могли называть несколько занятий) в свободное время занимались физкультурой и спортом, 27,0% – играли на музыкальных инструментах, писали стихи или рисовали, 24,5% – увлекались фотографией, 9,6% – коллекционировали марки, значки и т. п., 34,1% юношей занимались конструированием

и рационализаторством, 91,1% девушек занимались рукоделием (шитьем и вязанием). В то же время, у многих молодых людей была необходимость в реализации своих потребностей и возможностей, 34,5% желали научиться любительским киносъемкам, 20,2% – техническому конструированию, 50,6% – играть в настольный теннис, 46,5%) – и волейбол, 55,5% – шашки и шахматы, 7% – танцевать. Вот что пишет молодой рабочий Л. Жуков в редакцию газеты «Молодой коммунист»: «сейчас большинство, в особенности из числа молодых, не умеют танцевать даже вальса, не говоря уже о таких танцах как «яблочко», «барыня», «танго» и др. У нас в городе очень много ансамблей. Они могли бы играть на танцах. И большая армия культработников – проводить эти танцы-вечера и учить правильно танцевать» [2, с. 50].

Органы государства и власти постоянно были заинтересованы в усовершенствовании деятельности культурно-массовой работе культпросветучреждений. Например, на начало 1978 г. в системе Министерства культуры ЧАССР функционировало 3750 кружков художественной самодеятельности, в 1980 г. – 4325, а в 1982 г. – 5649. По количеству участников самыми популярными кружками были хоровые – 24 665, 16 346, 17 322 чел. соответственно, хореографические посещали примерно в два раза меньше, однако ближе к 1982 г. ситуация стала выравниваться [1, с. 26]. Увеличение числа вовлеченных в художественные мероприятия, говорит о нарастающей заинтересованности со стороны государства в культурном развитии молодежи. Исходя из представленных данных, можно сделать вывод, о том, как молодежь тратила свое свободное время, т.е. если количество кружков возрастало, то это следствие их необходимости.

В этой связи некоторые промышленные предприятия и городские организации пересматривали некоторые архитектурные решения жилых домов и молодежных общежитий, в которых практически не планировались помещения под самодеятельность и клубы. Любительские объединения (клубы по интересам) создавались не только по месту жительства, но и при домах и Дворцах культуры, парках культуры и отдыха, библиотеках, музеях, картинных галереях, спортивных сооружениях и т. п. К примеру, при республиканской библиотеке им. М. Горького действовало объединение любителей природы «Родная земля», в рамках которого занимались (слушали лекции и практические занятия) садоводы, огородники, цветоводы и озеленители, в т. ч. и молодые труженики. Участие в клубе осуществлялось в свободное от работы время и представляло собой, одну из активных форм общественной деятельности. Сущность клубных форм деятельности для молодых людей – было в большей степени организацией досугового общения. Результаты исследований показывают, что среди членов любительских объединений на общение в коллективе ориентированы 68,0%, т. е. общение является главным группирующим фактором. Безусловно, в клубах по интересам, наряду с организацией духовного общения, осуществлялось и духовное производство, в процессе которого создавались, например, различные коллекции картин, собрания книг, подавались рационализаторские предложения, представляющие художественную или техническую ценность.

В то же время, воспитательные мероприятия не полностью реализовывали культурно-просветительский запросы молодых людей. В постановлении ЦК КПСС «О мерах по улучшению использования клубных учреждений и спортивных сооружений» говорится: «В работе клубных

учреждении и спортивных сооружения слабо учитываются возросшие духовные запросы различных категорий населения. В них не создаются необходимые условия для разнообразных занятий людей в свободное время, их общения, культурных развлечений. Учреждения культуры и спорта медленно развивают самостоятельные начала, как правило, ориентируются лишь на проведение зрелищных мероприятий» [2, с. 51].

Успех же во многом определялся согласованностью и координированностью деятельности субъектов воспитания. Экспертами, в качестве которых выступали партийные, профсоюзные, комсомольские работники и наставники молодежи, им была предоставлена возможность оценить роль учреждений культуры и искусства г. Чебоксар в деле воспитания трудящейся молодежи.

По результатам исследования каждое промышленное предприятие г. Чебоксары имело свой клуб, Дом или Дворец культуры. Однако вследствие низкого уровня проводимых в них мероприятий, а отчасти и неинформированности коллектива, низкой была посещаемость этих учреждений культуры. Некоторые руководители культурно-воспитательных секторов при промышленных предприятиях перенимали опыт воспитательной работы с трудящейся молодежью у крупных центров промышленного развития страны. Например, вниманием пользовалась практика Магнитогорского металлургического комбината им. В.И. Ленина, где молодые рабочие в начале каждого месяца получали приглашение, в котором перечислены были все основные мероприятия, проводимые во Дворце культуры и спортивном комплексе. Во Дворце культуры Чебоксарского электроаппаратного завода практиковались интересные формы проведения семейного досуга. По выходным дням здесь бывало более 200–300 заводчан. Популярностью у электроаппаратчиков пользовались танцевальные вечера и конкурсы, соревнования «Папа, мама, я – спортивная семья» и другие формы активного досуга. Во Дворце культуры работало 13 клубов по интересам, которые объединяли людей самых различных возрастов. По своим направлениям клубы самые разные: любителей книги «Кругозор», филателистов, шахматистов, знатоков и эрудитов «Что? Где? Когда?», самостоятельной песни и др. [2, с. 52].

Проводимые ежегодные, контрольные рейды по изучению состояния воспитательного (коммунистического, духовно-нравственного и др.) процесса среди молодежных коллективов разных отраслей народного хозяйства страны, эксперты отмечали, что недостаточно участвуют в воспитании трудящейся молодежи такие центры культуры и искусства, как музеи, театры, библиотеки и филармония. Часто культурно-воспитательная работа ограничивалась стенами Дворца культуры, клуба, библиотеки. Многие мероприятия можно было бы проводить в красных уголках домоуправлений, общежитий, летних агитплощадках. А красные уголки рабочих общежитий совместными усилиями воспитателей и культработников могли бы стать подлинными филиалами клубных учреждений, настоящими центрами культурно-массовой работы. Не использовались в работе современные методики привлечения рабочей молодежи к активной творческой деятельности. Например, актуальными могли бы стать выступления работников культуры и искусства перед молодежной аудиторией, организация кинолекториев, народных университетов по пропаганде советского и прогрессивного зарубежного искусства.

Эффективность культурно-воспитательной работы, безусловно, в огромной мере зависело от состава организаторов воспитательного процесса, уровня их теоретической и методической подготовки. Важно было для этого дела привлекать специалистов-энтузиастов, а таких педагогов, артистов, ученых и спортсменов и т. д. Объединив вокруг себя книголюбов, коллекционеров, любителей музыки, спорта, техники и т. п., они могли быть руководителями или консультантами соответствующих любительских объединений. Данная работа проводилась по разным направлениям и разного количества, но этого было недостаточно, так как интересы общества в духовном развитии постоянно увеличивались.

Список литературы

1. Кошкин В.Н. Особенности воспитания рабочей молодежи, проживающей в общежитиях // Управление трудовым коллективом: сб. ст. НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. – Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1982. – 138 с.
2. Краснов П.С. Культурно-воспитательная работа как фактор организации содержательного досуга трудящейся молодежи // Вопросы совершенствования подготовки кадров в народном хозяйстве в Чувашской АССР: сб. ст. НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. – Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1986. – 120 с.
3. Макаренко А.С. Соч. / А.С. Макаренко. – М., 1951. – Т. 5. – С. 113.
4. Михайлова С.Ю. Стимулирование и мотивация учебы в школах рабочей молодежи на промышленных предприятиях Чувашии во второй половине 1950–1960-х гг. // Формирование единого пространства образования и науки в России: прошлое, настоящее, будущее: сб. ст. научн. конфер., посвященной 55-летию со дня рождения профессора А.В. Арсентьевой (II Арсентьевские чтения). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2010. – С. 238–243.
5. Смирнова А.Л. Роль образования в социальном развитии рабочей молодежи Чувашской АССР в 1970–1980-е гг. // Формирование единого пространства образования и науки в России: прошлое, настоящее, будущее: сб. ст. научн. конфер., посвященной 55-летию со дня рождения профессора А.В. Арсентьевой (II Арсентьевские чтения). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2010. – С. 308–314.
6. Юстус Т.В. Образование – основа образа жизни советской рабочей молодежи // Формирование единого пространства образования и науки в России: прошлое, настоящее, будущее: Сб. ст. научн. конфер., посвященной 55-летию со дня рождения профессора А.В. Арсентьевой (II Арсентьевские чтения). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2010. – С. 373–381.

Ялтаев Дмитрий Анатольевич

канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

КОЛИЧЕСТВО ПРАЗДНИЧНЫХ ДНЕЙ НА РОССИЙСКИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ В КОНЦЕ 80-х гг. XIX ВЕКА

Аннотация: в статье отражены результаты исследований по подсчету количества выходных дней, связанных с церковными праздниками, которые соблюдались на российских предприятиях в период реформ рабочего законодательства Александра III.

Ключевые слова: праздники, выходные дни, труд, рабочее законодательство.

В 1882–1886 гг. правительство Александра III, регулировавшие условия руда и рабочее время. При этом выходные дни, приходившиеся на праздники, регулировались пока традицией, а не нормами права. Следу-

ет отметить, что каждый праздничный день обходится стране во столько рабочих дней, сколько работников его празднуют. Например, при 50 млн работников 20 праздничных дней составляют для страны лишение в миллиард рабочих дней.

По подсчетам А.И. Васильчикова (начало 80-х гг. XIX в.) в протестантских странах праздничных дней с воскресеньями было 65, в католических – 90. При этом следует учитывать, что в Англии по субботам работали только полдня. В некоторых округах Баварии, где религиозный фанатизм был развит особенно сильно, насчитывалось до 204 праздников в год [1]. При этом в сельских областях России отмечали повсеместно около 100 воскресных и праздничных дней, причисляя к ним храмовые и приходские праздники, разные заветы с крестными ходами и молебнами. При этом за счет прогулов, неминуемо следующих за праздничным гулянием, можно увеличить приведенную цифру до 120 дней в году.

Исходя еще из земледельческих традиций выделялись следующие группы праздничных дней:

- 1) праздники, установленные церковью;
- 2) несколько дней, следующих за храмовыми праздниками;
- 3) местные и казенные праздники;
- 4) царские высокаторжественные дни;
- 5) праздники, соблюдаемые какой-нибудь одной частью населения (женщинами, девушками, парнями), носящие более бытовой, чем религиозный характер;
- 6) случайные и мирские праздники.

Московское губернское земство в 1887 г. провело статистическое исследование, на основе которого были обозначены основные праздничные выходные дни, предусматривавшиеся российской промышленностью в областях с христианским вероисповеданием.

Таблица 1

Общие для всех предприятий праздники

Январь	1. Обрезание Господне. 6. Богоявление.
Февраль	2. Сретение Господне.
Март	25. Благовещение Пр. Богородицы.
Май	9. Перенес. мощ. Николая Чудотворца.
Июнь	29. Ап. Петра и Павла.
Июль	8. Пресв. Богородицы Казанской. 20. Пророка Илии.
Август	1. Происхожд. древ Креста Господня. 6. Преображение Господне.
Август	15. Успение Пресв. Богородицы. 29. Усекновение главы Иоанна Крестителя.
Сентябрь	8. Рождество Пресв. Богородицы. 14. Воздвижение Креста Господня.
Октябрь	1. Покров Пресв. Богородицы. 22. Казанской ик. Божией Матери.
Ноябрь	21. Введение во храм Пресв. Богородицы.

Декабрь	6. Св. Чудотворца Николая. 25. Рождество Христово. 26. Собор. Пресв. Богородицы.
---------	--

Всего – 20 дней.

Помимо этого существовали праздники, по-разному чтимые предприятиями:

на большинстве фабрик:

7 января. Собор Иоанна Предтечи.

16 августа. Перенесение Нерукотворного Образа;

на некоторых фабриках:

8 ноября. Собор. Архистратига Михаила.

24 июня. Рождество Иоанна Предтечи.

8 мая. Ап. и Евангелиста Иоанна Богослова.

15 сентября. Муч. Никиты.

27 декабря. Один из дней Рождественских святок.

26 сентября. Престол Иоанна Богослова.

24 декабря. Сочельник.

24 февраля. 1-ое и 2-ое обретение главы Иоанна Предтечи.

25 мая. 3-е обретение главы Иоанна Предтечи.

1 июля. Мм. Космы и Дамиана.

Кроме перечисленных праздников, на некоторых фабриках не работали 1 или 2 будних дня, следующих за местными престольными праздниками:

– по случаю престольных праздников 9 мая и 6 декабря, 10 и 11 мая, 7 и 8 декабря;

– по случаю престольного праздника 1 октября не работали 2 и 3 октября;

– по случаю престольных праздников 24 июня и 6 декабря не работали 25 июня и 7 декабря.

Иногда работа заканчивалась под Рождество 23 декабря и возобновлялась через 2 недели 8 января.

Имелись переходные праздники, общие для всех фабрик:

Суббота Масляной недели

Пятница и суббота Страстной недели.

Понедельник – суббота Светлой недели.

Вознесение.

Сошествие Св. Духа.

Воскресные дни (52, реже 53).

Также были и другие переходные праздники, по-разному объявлявшиеся выходными на разных предприятиях.

В среднем выходными в течение года объявлялось от 23 до 37 праздничных церковных дней (в среднем – около 28) [2, с. 85–87].

В Московской губернии, число выходных дней (учитывая воскресенья) колебалось от 82 до 120 в год. При этом в целом по России средние цифры составляли 85–102 дней в году. Значительно меньше праздников и больше рабочих дней отмечалось в Варшавском округе. Число последних там колебалось на большинстве фабрик от 292 до 298 в году. При этом большинство сахарных, газовых и крупных пивоваренных заводов приостанавливали работу лишь на два дня в году (первые дни Рождества и Пасхи).

В Московском округе замечалось значительное различие между промышленными заведениями с машинным и ручным производством. На фабриках рабочих дней в году было больше, чем на мануфактурах. Причем предприятия с механизированным производством стремились к однообразию справляемых праздников. На предприятиях с ручным производством сильнее было заметно разнообразие чествуемых дней в зависимости от местных обычаев [3, с. 307–309].

Таблица 2

Соотношение рабочего времени

	Годовое число рабочих часов	Процентов от годового числа рабочих часов российских фабрик (%)
Российские фабрики	3.588	100.0
Российские мануфактуры	3.484	97.1
Американские фабрики	3.070	85.5
Английские фабрики	2.810	78.3

Примечание: для исследования брались фабрики в штате Массачусетс.

Таким образом, в конце XIX в. рабочий год на русских фабриках, не смотря на большее число праздников, был все же больше, чем рабочий год на американских и английских фабриках. Если взять за единицу сравнения российские предприятия с машинным производством, то окажется, что на мануфактурах количество затрачиваемого в год труда лишь на 3% меньше, в то время как в Массачусетсе почти на 15%, а в Англии – на одну пятую. Таким образом, большое количество праздников в России к концу XIX в. только частично сокращало чрезмерность большой длины рабочего дня.

Список литературы

1. Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах: в 2 т. / А.И. Васильчиков. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1881. – Т. 2. – 394 с.
2. Дементьев, Е.М. Санитарное исследование фабрик и заводов Серпуховского уезда. Ч. 1: с прил. плана г. Серпухова и 15 планов фабрик / Е.М. Дементьев // Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарный. – М.: Издание Московского губернского земства, 1888. – Т. 3. – Вып. 15. – 552 с.
3. Карышев Н.А. Труд, его роль и условия приложения в производстве / Н.А. Карышев. – СПб.: Типография О.Н. Попова, 1897. – 600 с.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ

Блиняев Семен Николаевич

аспирант

Широков Олег Николаевич

д-р ист. наук, профессор, декан

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-32329

ГРАЖДАНСКИЕ ПЛЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ КАЗАНСКОЙ И СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

Аннотация: в статье на основе неопубликованных архивных источников и опубликованной печатной литературы исследованы вопросы, связанные с прибытием и размещением гражданских пленных на территории Чувашии в годы Первой мировой войны. Рассмотрена политика местных властей по использованию военнообязанных на различных работах. Освещены вопросы контроля над ними специально уполномоченными полицейскими чинами. Уделено внимание деятельности жандармского управления по принятию мер противодействия шпионажу иностранных граждан. Изучен такой немаловажный аспект проблемы, как материально-бытовое положение гражданских пленных.

Ключевые слова: военнообязанные, гражданские пленные, симбирский губернатор, шпионаж, полицейские надзиратели, наблюдение за военнообязанными иностранными подданными, воюющие с Россией державы, иностранные подданные, арест.

Считаем принципиально важным оговорить тот факт, что в пределах внимания нашего исследования находится такая категория гражданских пленных, как военнообязанные. К данной категории относились не только подданные государств, воюющих с Россией, с началом войны мгновенно оказавшихся на вражеской территории и заподозренных (зачастую – необоснованно) в сочувствии к неприятелю и шпионаже, но и представители собственного населения (в основном – еврейского и польского), которым было предъявлено обвинение в сотрудничестве с врагом. По данным М.В. Оськина количество российских гражданских пленных в Центральных державах составляло цифру в 1 300 000 млн человек, в России – 330 000 тыс. чел.: 250 000 тыс. подданных Германии и 80 000 тыс. – Австро-Венгрии [8, с. 177]. Таким образом, понятие плена в начале Первой мировой войны было чрезвычайно расширено и распространено на мирное население оккупированных областей. В шифрованной телеграмме из Санкт-Петербурга на имя Симбирского губернатора А. Ключарева от 26 июля 1914 г. говорилось по этому поводу, что все германские и австро-венгерские подданные, числящиеся на действительной военной службе, считаются военнопленными и подлежат немедленному аресту. Далее в

телеграмме указывалось место высылки военнообязанных: «Запасные чины, признающиеся военнопленными, высылаются из местностей Европейской России и Кавказа в Вятскую и Оренбургскую губернии, а из Сибири в Якутскую область. Арестованные с уликами в шпионстве предаются суду ... Арестованные по подозрению в шпионстве, но без определенных улик, немедленно высылаются в упомянутые губернии». Семьи арестованных могли следовать вместе с ними. Отдельно отмечалось, что арестовываются все подданные вражеских государств в возрасте от 18 до 45 лет, за исключением заведомо больных, неспособных к военной службе и «тех лиц, за благонадежность и лояльность коих Начальники полиции ручаются» [1, Д. 1107. Л. 7; 2, Д. 1941. Л. 10]. Далее уточнялось, что данные «мирно занимающиеся» подданные находятся «вне всякого подозрения и могут оставаться в своем месте и пользоваться покровительством наших законов или выехать за границу» [2, Д. 1941. Л. 7]. Согласно телеграмме Министра внутренних дел В.Д. Маклакова №01551-0 от 27 июля 1914 г. на имя Симбирского губернатора благонадежные и лояльные иностранные подданные могли оставаться на свободе в месте своего постоянного жительства под наблюдением полиции. Правда, воинскому начальнику с них необходимо было взять подписку о невыезде. 27 августа 1914 г. А. Ключарев получил от него же распоряжение, которое разрешало выезд всем германским и австрийским подданным, проживающим на территории Симбирской губернии, за исключением офицеров, находящихся на действительной военной службе и в отставке, а также всех мужчин от 18 до 45 лет, подозреваемых в шпионаже [2, Д. 1941. Л. 9]. Судя по шифрованной телеграмме из Санкт-Петербурга на имя Симбирского губернатора от 4 августа 1914 г. список мест высылки военнообязанных был уточнен и дополнен. Местами «водворения», наряду с вышеперечисленными, назначались: в Европейской России – Вологодская губерния, заволжская часть Казанской губернии, за исключением местностей, прилегающих к Волге и Каме, Костромская губерния, кроме приволжских уездов, восточные уезды Олонецкой губернии, Шенкурский и Пинежский уезды Архангельской губернии; вместо Оренбургской – Уральская область; для Омского военного округа – северные уезды Тобольской губернии; для Туркестана – Семиреченская область [2, Д. 1941. Л. 15–16, 27]. Впоследствии, как видно из отношения Симбирского губернатора А. Ключарева №6972 от 2 августа 1914 г. на имя полицейских исправников и начальника Симбирского губернского жандармского управления, к категории лояльных и благонадежных подданных были причислены, уроженцы Эльзаса и Лотарингии. Это было сделано исходя из просьбы Французского Посольства. Руководящее указание МВД в отношении указанных национальностей звучало следующим образом: «Подлежат изъятию от действия правил, установленных относительно германских подданных». 4 и 5 августа того же года аналогичные распоряжения правительством Российской империи были сделаны в отношении австрийских подданных «из чехов и галичан, ... итальянцев, ... славян, возбуждающих ходатайство о принятии их в наше подданство», и если «они не подозреваются в шпионстве и за них ручаются чешские и русские благотворительные общества» [1, Д. 1107. Л. 11, 16–17; 2, Д. 1941. Л. 13–14]. Также благожелательное и покровительственное отношение к сербам и русинам австрийского подданства прослеживается в шифрованной телеграмме товарища МВД Джунковского на имя Симбирского губернатора от 14 августа 1914 г. В ней говорилось, что сербы и ру-

сины, давшие подписку не покидать России, должны передавать ее властям все сведения, полученные с их родины. Поэтому им разрешалось жить в избранных ими местностях, даже вблизи театра военных действий [2, Д. 1941. Л. 23]. Иное, политически более взвешенное, осторожное и недоверчивое отношение сложилось по поводу китайских подданных, которые также проживали в небольшом количестве на территории Казанского военного округа. Так, например, в циркуляре Симбирского губернатора №1894 от 25 августа 1914 г, изданном для исполнения полицейскими исправниками, говорилось, что в целях поддержания «наилучших добрососедских отношений с дружественной нам страной ... и во избежание нареканий со стороны Китайского правительства ... задержанные китайцы, не подозреваемые в шпионстве, немедленно освобождаются из мест заключения и направляются по проходным свидетельствам на родину». В то же время за ними устанавливалось самое тщательное наблюдение на предмет выяснения истинных их занятий и целей пребывания в Империи. Такие меры были не лишними, т.к. по сообщениям МВД «некоторые из китайцев уже были уличены в занятиях шпионажем в пользу Германии». Поэтому Симбирский губернатор А. Ключарев дал уездным исправникам распоряжение задерживать китайцев, заподозренных в причастности к военному шпионажу и «безотлагательно доносить» ему об этом [2, Д. 1941. Л. 28–28 об]. Военнообязанные с началом военных действий были перемещены вглубь страны, в том числе в чувашские и русскоязычные уезды Казанской и Симбирской губерний. Следовали они в места водворения под стражей этапным порядком за свой счет по железным дорогам, в вагонах 3-го класса или на пароходах 2-го класса [2, Д. 1941. Л. 21]. Симбирский губернатор А. Ключарев дал распоряжение начальнику Симбирского губернского жандармского управления перед высылкой пленных предварительно обыскивать, отбирать у них оружие, «подозрительные документы, составлять о сем акты» [2, Д. 1941. Л. 12]. До начала боевых действий на территории Симбирской губернии находилось 63 подданных вражеских государств. Из них непосредственно в Чувашии проживало 13 германских и австро-венгерских подданных: на ст. Ибреси Буинского уезда – 3: Вера Бобек, 30 лет, Мария Михалик (урожденная Рейлих), 38 лет и Адольф Михалик, 56 лет; в г. Алатыре – 2 германских подданных: Фридрих Класен и Вильгельм Брейтфус, 40 лет; в с. Алгаши Курмышского уезда – австрийский подданный Феликс Вессель (позже выслан в с. Птиченское Оренбургской губернии), до этого состоявший на службе по лесной торговле при ст. Ибреси (а кроме того в Курмышском уезде работало еще 6 австрийских подданных: Франц Худолин и Антон Михелич, 29 лет, Александр Целецкий, состоявшие винокурами и приказчиками на лесном складе пристани «Бобер» Языковской волости Курмышского уезда, Карл Поспишел, работавший на Пандиковской пристани, Франц Миклич, Иван Келбакич, 34 лет, работавший на земляных работах строящейся линии Арамас – Шихраны Московско-Казанской железной дороги в Курмышском уезде) и Ирме Гюбнер, 21 года [1, Д. 1107. Л. 52–61, 124 об, 141 об., 172 об., 175 об]. С 28 по 30 июля 1914 г. в г. Симбирск прибыли первые, высланные согласно закону германские подданные: их насчитывалось 39 человек, 17 из которых были с пароходными свидетельствами. А всего в Симбирск до 11 августа 1914 г. через Москву прибыло 787 австрийских и германских подданных [1, Д. 1107. Л. 63–65, 71–72, 183].

25 июля 1914 г. из г. Борисоглебска Тамбовской губернии в село Астрадомка Алатырского уезда прибыл германский подданный, «содержатель кондитерской» Герман Вилькен, 52-х лет с женой и 5-ю детьми. Несмотря на то, что Вилькен прожил в Российской империи, в разных ее городах – Сызрани, Кузнецке 26 лет, Симбирская канцелярия дала ему следующую характеристику: «Является подозрительной личностью». Правда более объективную информацию о Вилькене приводит в своем рапорте Алатырский уездный исправник: «Им возбуждено ходатайство о принятии его в русское подданство. За деятельностью его семейства установлено наблюдение. Живет скромно и, даже, бедно, ... шпионажем не занимается» [1, Д. 1107. Л. 151–152]. В октябре 1914 г. в Симбирск прибыло 205 человек (87 семей) из Россиенского и Шавельского уездов Ковенской губернии, 46 – из Курляндской губернии, 5 – из г. Риги [1, Д. 1107. Л. 302, 311–311 об, 377]. В 1915 г. по приказу Главнокомандующего войсками Петроградского военного округа в г. Буинск был выслан житель Галиции, бывший нотариус Игнатий Дембицкий [3, Д. 409. Л. 344]. 15 мая 1915 г. в г. Буинск в распоряжение Буинского уездного исправника были отправлены 6 австрийских подданных: Г.Д. Оренштейн, 42-х лет, Ф.М. Циглер, 53-х лет, М.З. Ляден, 25 лет, Ю.Ф. Фоль, 39 лет, русины Д.М. Стахур и Т.И. Беленький, 59 лет. В секретной выписке из отношения Львовского градоначальника от 19 апреля 1915 г. за №1937 на имя этапного Коменданта района Львов – Подзамче в отношении данных лиц было сказано следующее: «Военный Генерал-Губернатор Галиции приказал: задержанных военными властями, по подозрению в занятии военным шпионажем в пользу Австрии и явном недоброжелательстве к России, австрийских подданных ... выслать из пределов Галиции на время военных действий, в Симбирскую губернию под надзор полиции» [1, Д. 1107. Л. 446–447]. В рапорте Симбирского полицеймейстера, адресованном Симбирскому губернатору, содержится сведения о прибывших в г. Симбирск иностранных подданных. В документе говорилось, что 7 августа 1914 г. из Минска по пароходному свидетельству в г. Симбирск прибыла «прусская подданная» Йозефа Вебер для проживания в городе в качестве домашней учительницы у директора Чувашской учительской школы Ивана Яковлевича Яковлева. Ей была дана следующая характеристика: «Ранее проживала в г. Симбирске около 2-х лет. Ни в чем подозрительном не замечалась и проживание ее в городе допустимо». По поводу другой прусской подданной – Виктории Вебер, было сказано, что она «девица римско-католического вероисповедания», «личность благонадежная» и состоит в качестве воспитательницы в семье полковника В.А. Кравца, дежурного штаб-офицера управления начальника Казанской местной бригады [1, Д. 1107. Л. 144–145]. В некоторых случаях высланных подданных славянской национальности привлекали к работам. Так, в декабре 1914 г. по ходатайству городского головы Л.И. Афанасьева в Симбирский городской госпиталь были приняты для ухода за ранеными солдатами 1 массажист и 1 санитар из гражданских пленных [1, Д. 1107. Л. 385–387]. Необходимо отметить, что именно Леониду Афанасьеву, занимавшему кресло градоначальника в 1909–1917 годы, удалось вывести провинциальный Симбирск в число самых успешно развивающихся городов России. Обустройство улиц и дорог, строительство электростанции, восстановление водопровода и эффективная реформа системы городского управления – заслуги Леонида Ивановича [6]. В результате целенаправленной политики российских властей по

высылке германских подданных из Петроградской губернии в Симбирск прибыла к своей матери И. Бальцун ее дочь А. Виншер, 23 лет [1, Д. 1107. Л. 268]. Необходимо упомянуть, что частично потребность аграрного сектора Чувашии в рабочих руках покрывалась за счет военнообязанных – интернированных иностранных граждан, первые партии которых стали прибывать в регион в августе 1914 г. Центральной властью местами водворения иностранных гражданских пленных в Казанской губернии были назначены Мамадышский, Цивильский, Царевококшайский и Ядринский уезды, где они, как и военнопленные были использованы на различных земских и общественных работах, особенно при рубке и вывозе дровяного леса. Иностранные граждане привлекались к работам при строительстве железнодорожного участка Арзамас – Шихраны Московско-Казанской железной дороги, ремонтировали сельскохозяйственный инвентарь в качестве механиков и слесарей [5, Д. 357. Л. 3; Д. 402. Л. 10–11, 349–351, 485]. Всего к началу 1915 г. в Ядринском и Цивильском уездах Казанской губернии было размещено 438 иностранных граждан. Правда труд военнопленных и военнообязанных в экономах не отличался особой производительностью. Последние иногда даже выражали нежелание выходить на работу [10].

Контроль над ними осуществляли специально уполномоченные полицейские силы (полицейские надзиратели по наблюдению за военнообязанными иностранными подданными воюющих с Россией держав). Так, например, в г. Цивильске таким полицейским надзирателем по наблюдению за военнообязанными иностранцами был чиновник Ядринцев [9, с. 39]. По прибытии в места высылки с проходными свидетельствами они поступали также в распоряжение уездных исправников и полицеймейстеров. Жили они за свой счет, давая подписку о невыезде, и пользовались в смысле жизненных удобств лишь самым необходимым, ибо, как было сказано в одном из документов, «всякий комфорт ныне представляется совершенно неуместным». Преступления (в первую очередь шпионаж) и проступки военнообязанных в силу чрезвычайных полномочий, данных губернаторам, изымались из общей подсудности и передавались на рассмотрение военных судов. С прибытием иностранных подданных в места водворения Симбирский и Казанский губернаторы должны были отправить в Департамент полиции именной список с указанием их общественного положения [2, Д. 1941. Л. 21 об]. Предвзятое отношение царских властей к высланным иностранным подданным сделало их материальное положение очень тяжелым уже в самом начале войны. Это хорошо видно из прошения Генриха Садова и А.В. Грейса от 22 августа 1914 г. на имя Симбирского губернатора. В нем они апеллировали к его милосердию «сделать распоряжение, дозволить заниматься нашими профессиями, а черно-рабочим быть полезными помещикам и крестьянам при уборке хлеба и других продуктов». Далее они констатировали, что не получая ни кормовых, ни квартирных денег, им грозит голодная смерть и «многие дети уже померли, а женщины страдают простудными болезнями» [1, Д. 1107. Л. 168]. Наряду с прибытием военнообязанных в Казанскую и Симбирскую губернии происходил и обратный процесс высылки из них иностранных подданных, скомпрометировавших себя теми или иными проступками перед местными властями. Так, из Симбирской губернии были высланы в г. Оренбург австрийские подданные Франц Вробец, 47 лет и

Юзеф Новак, 55 лет [1, Д. 1107. Л. 178]. С первых дней войны в отношении подданных иностранных государств, подозреваемых в шпионской деятельности, Прокуратурой Казанского окружного суда заводились дела, выписывались ордера на арест и обыск их жилищ работниками Губернского жандармского управления и полицией. Так, согласно рапорту Казанского полицеймейстера на имя Казанского губернатора от 26 июля 1914 г. такой обыск был произведен приставом 2-й части г. Казани, в присутствии товарища прокурора Казанского окружного суда Говорухина и подполковника Губернского жандармского управления. Обыск производился 25 июля в 11 часов вечера на ул. Лобачевской, д. №22–24 в квартире австрийского подданного Франца Иосифа Баума. При обыске были обнаружены: книги и переписка на немецком языке, 2 револьвера систем «Браунинг» и «Смит – и Вессон», 10 коробок патронов разного калибра. По законам военного времени Баум был арестован, а его дело передано военному прокурору Казанского военно-окружного суда за нарушение «Обязательных правил о пользовании оружием», изданных Казанским губернатором 4 сентября 1913 г. Вскоре был произведен обыск «в доме Тихомировой по Георгиевской улице» в квартире австрийского подданного Антона Антоновича Кинаст, у которого были обнаружены и изъяты следствием негативы, 4 иностранные книги, 27 географических карт, фотографические карточки, альбом со снимками иностранных войск. Сам Кинаст был заключен в Казанскую губернскую тюрьму [7, Д. 5735. Л. 188–188 об, 408–408 об]. Аналогичная ситуация со шпиономанией была в городе Симбирске. Так, начальнику Симбирского губернского жандармского полицейского управления генерал – майору В.А. Бабушкину из управления Симбирского губернатора было «препровождено» анонимное письмо, в котором обвинялись в шпионаже проживавшие в Симбирске германский подданный В.Н. Коб и австрийский – Гирш. Коб проживал в собственном доме в Симбирске по ул. Театральной и содержал в городе аптекарский магазин на «Гончаровской улице». Военнообязанный Гирш, высланный из Варшавы, проживал в доме Горшенина на Старом Венце [4, Д. 822. Л. 29, 147]. К началу 1915 г. приток гражданских пленных на территорию Казанской и Симбирской губерний почти что прекратился. Тем не менее, несмотря на предвзятое отношение властей, и некоторой части населения к подданным иностранных государств, жизненные обстоятельства и личные чувства людей брали верх над предрассудками и бюрократическими проволочками. В начале 1916 г. гражданская женщина, вдова Д.А. Козлова вышла замуж за военнообязанного, австрийского подданного Е.Д. Лошнева, состоявшего в г. Цивильске под гласным надзором полиции и высланного сюда из г. Одессы по подозрению в шпионаже. Кроме него в доме Козловой квартировали еще 3 офицера австрийской армии, которые после ее замужества «были тотчас переселены на другую квартиру» [9, с. 202].

Таким образом, с началом Первой мировой войны на территорию Казанской и Симбирской губерний были высланы сотни гражданских пленных, военнообязанных иностранных государств и русских подданных, заподозренных в сочувствии и шпионаже в пользу врага. Некоторые из них были арестованы и преданы суду. Исключение было сделано в отношении иностранных граждан враждебных государств, прежде всего славянских национальностей, итальянцев и эльзас-лотарингцев, лояльных к России. Контроль над военнообязанными осуществляли специально уполномоченные полицейские чины. Гражданские пленные привлекались к

различным работам, в т.ч. и в аграрном секторе, но труд их не отличался особой производительностью. Предвзятое и недоверчивое отношение властей к ним на протяжении войны сохранялось, как и к китайским подданным, также проживавшим на территории Казанского военного округа. Все это делало их материально-бытовое положение очень тяжелым.

Список литературы

1. Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 1107.
2. ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 1941.
3. ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 409.
4. ГАУО. Ф. 76. Оп. 6. Д. 822.
5. Государственный исторический архив Чувашской Республики (Далее ГИА ЧР). Ф. 122. Оп. 4. Д. 357, Д. 402.
6. Громова Т.А. Городской голова Леонид Иванович Афанасьев / Т.А. Громова. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2014. – 228 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://25.mukcbs.org>
7. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 5735.
8. Оськин М.В. Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы / М.В. Оськин. – М.: Вече, 2011. – 432.
9. Первая мировая война: австро-венгерские и германские военнопленные в Чувашии (документы и материалы Государственного исторического архива Чувашской Республики) / сост. Ф.Н. Козлов. – Чебоксары: Новое Время, 2014. – 520 с.
10. Симбирянин. – 1916. – 12 августа.

Булдыгин Сергей Сергеевич

аспирант

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»

г. Кемерово, Кемеровская область

DOI 10.31483/r-32310

ВОЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ФАКТОР ЕВРОПЕЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ XVI–XVIII ВЕКОВ (НА ПРИМЕРЕ ТЕОРИЙ У. МАК-НИЛА, Ч. ТИЛЛИ, М. МАННА)

Аннотация: в статье приводится анализ основных идей известных историков и социологов Уильяма Мак-Нила, Чарльза Тилли, Майкла Манна относительно роста политической и военной мощи европейских государств в раннее Новое время. Исследователи отмечали значительный рост коммуникационного и инфраструктурного потенциала национальных государств. «Военная революция» являлась одной из причин социально-экономической трансформации на Западе.

Ключевые слова: Уильям Мак-Нил, Чарльз Тилли, Майкл Манн, государство, власть, военная революция.

Значение государственных институтов в жизни общества остается одним из актуальных вопросов социальных наук. Для истории нашей страны вопрос роли государства занимает особое место. Достаточно вспомнить петровские и сталинские попытки реформировать русское общество, которые останутся предметом дискуссий историков, социологов, экономистов ещё долгое время. При этом неизбежно обращение к политическому, экономическому, научно-техническому опыту Запада или, наоборот, в некоторых случаях, резкое неприятие западных идей.

Проблема западного лидерства в Новое время остается одной из центральных в исторической макросоциологии – междисциплинарной области исследований на стыке истории, социологии, экономики, культурологии и др. наук. В ней с помощью методов социальных наук изучаются закономерности и механизмы долговременных исторических процессов трансформации, взаимодействия, гибели обществ, государств, мировых систем и цивилизаций [6, с. 151].

Период исследований, начавшийся с 1960-х годов и продолжающийся в настоящем, известный социолог Р. Коллинз назвал «Золотым веком исторической макросоциологии». Работы У. Мак-Нила, Ч. Тилли, М. Манна исследователь поставил в один ряд с творчеством таких известных ученых, как И. Валлерстайн, Т. Скочпол, Б. Мур, Дж. Арриги, А. Г. Франк [3, с. 23–50].

Глобальные теории американских исторических макросоциологов У. Мак-Нила, Ч. Тилли, М. Манна значительно расширили представления о роли государства в модернизационных процессах Нового времени. Формирование же этого государства они во многом связывали с «военной революцией» – радикальными изменениями в вооружении, стратегии и тактике европейских армий в раннее Новое время. Успех в военном деле определенным образом зависел от способности верховной власти стабильно поддерживать воспроизводство экономических благ и договариваться с усложняющимся обществом [2, с. 74].

По мнению Уильяма Мак-Нила, государства практически с самого своего появления выходили за границы по различным причинам. Это могли быть военные операции против варваров, либо получение стратегических ресурсов и товаров роскоши. Исторически налаживание связей между цивилизациями означало рост торговли, городов, появление инноваций. Разрыв коммуникаций приводил к застою в культуре и экономике [4, с. 22].

К XVI веку материально-технические возможности модернизации помимо Европы имелись и в Китае. Купцы империи Мин торговали на дальние расстояния по суше и морю. Китайские товары пользовались спросом на афро-евразийском пространстве. Поднебесная империя была источником таких важных инноваций, как порох, компас, арбалет и бумага. Однако, китайцы в отличие от европейцев не добились доминирования в мире после 1500 г. Китайская промышленники и торговцы, по мнению У. Мак-Нила, не пользовались такой свободой, как на Западе, обслуживая интересы государства и бюрократии [5, с. 70].

В Западной Европе национальное государство Нового времени умело объединяло интересы аристократии и предпринимателей. Правительства, в отличие от Китая, не препятствовали развитию торговли и предприятий, а наоборот покровительствовали им. Эпоха Возрождения, Реформация и научная революция многократно углубили дифференциацию европейского общества.

С XIV века в Европе фактически начинается гонка вооружений. Коммерциализация военного дела и усиление конкуренции между странами берут свое начало с итальянских городов-государств. Борьба друг с другом и с иностранными захватчиками привели к появлению слаженно функционирующих государственных аппаратов и профессиональных армий. Административный опыт итальянских городов-государств XI–XV веков был воспринят территориальными государствами к северу от Альп. Европейские

армии XVI–XVIII веков постоянно совершенствовали свое вооружение и тактику. Содержание регулярных армий требовало колоссальной концентрации ресурсов и более рационального их распределения. Государства совершенствовали налоговую систему и бюрократическую структуру.

Испытав демографическое давление в конце XVIII столетия, Западная Европа была ввергнута в войны 1789–1815 гг. Промышленная революция произошла не только благодаря удобным залежам угля в Англии, но и благодаря длительному двадцатипятилетнему общеевропейскому конфликту. Наполеоновские войны создали огромный рынок сбыта для английских производителей [5, с. 236–237].

В труде «Источники социальной власти» Майкл Манн показал рост военных издержек европейских государств в Новое время. Исследователь последовательно доказывает, что масштабное увеличение военных расходов требовало проникновения государства в гражданское общество. Такая потребность возникала по двум причинам: возросшие требования к надежности финансирования аппарата управления; мобилизация хозяйственных и людских ресурсов [8].

Майкл Манн расширил классические эксплуататорские представления о власти как простым контроле одного индивида над другим. Этот аспект должен быть дополнен коллективным характером власти, в соответствии с которым сотрудничество людей может увеличить их власть над третьей стороной или природой. В условиях дистрибутивной, эксплуататорской власти господствующий субъект не может увеличить свои возможности только за счет потери свободы подчиненного. В случае с коллективной (функциональной) власти это не так. В реальной же истории эти два типа переплетались [1, с. 8].

Государственную власть Манн разделяет на деспотическую и инфраструктурную. В первом случае элиты выполняют произвольные решения правителя, не консультируясь с гражданским обществом. Во втором случае государство способно к реальному проникновению в общество, осуществляя согласованные политические решения. При этом признаки инфраструктурной власти могут быть характерны как для деспотий, так и для демократий. Возникновение современного государства связано с усилением инфраструктурной власти, сопровождающейся, как правило, ослаблением деспотической компоненты [8, р. 170].

Создание структуры современного государства обходилось сравнительно дешево по сравнению с «военной революцией», которая потребовала значительные экономические и людские ресурсы на длительный срок, что подразумевало сотрудничество с общественными группами. Реформация способствовала сглаживанию диалектов и формированию национальных языков. Национальное государство провозгласило своей экономической политикой меркантилизм. Внешняя торговля и экспансия подпитывали динамизм западных государств, который после 1815 года начал распространяться по всему миру [8, р. 500].

Военно-налоговая теория государства Чарльза Тилли предполагает, что именно процессы изъятия ресурсов и борьбы по поводу средств ведения войн сформировали основные структуры государственности в Новое время. Сильнейшее влияние на правителей оказывала задача организации общественных классов и их отношения с государством. Эти отно-

шения принимали формы борьбы, разного рода организаций, учреждаемых для эффективного изъятия ресурсов. Разрастание войн привело к усилению тех государств, которые могли выставить регулярную армию. В национальных государствах Нового времени наблюдалась тенденция создания государственных структур под влиянием войны.

В своей теоретической модели Тилли выделяет целый спектр стратегий построения современного государства от полностью капиталистических (коммерческие города-государства) до полностью принудительных (военно-административные империи). Жесткая конкуренция среди европейских государств заставляла правителей выбирать между этими стратегиями, либо их смешивать. Если государство формировалось в густонаселенном регионе с богатыми городами и высокой плотностью ресурсов, то приходилось вступать в диалог. Результатом такого диалога выступало организованное изъятие ресурсов в виде денежных налогов. Парламентаризм и либеральная политика в таких государствах выступили компромиссом между предпринимателями и бюрократией. Те же страны, в пределах которых преобладало преимущественно бедное сельское население, прибегали к методу принуждения. В них формировалась иерархичная вертикаль власти, а государство занимало главенствующее место главного предпринимателя и реформатора [7, с. 43–47].

Рассмотренные теории показали, что государство Нового времени в значительной степени развивалось как ответвление его военной организации. У. Мак-Нил доказал это на сравнительном анализе евразийских империй. В его теории европейцы заимствовали у Китая передовые технологии, в полной мере реализовав их потенциал после 1500 года. В работе М. Манна показано многократное увеличение расходов на армию. Это потребовало от европейских правителей укрепления организационной составляющей. Проникновение государства в гражданское общество привело к полномасштабной социально-экономической трансформации. Военно-налоговая теория Ч. Тилли показала различия в путях военной революции. Чем богаче были поданные, тем выше вероятность того, что верховная власть достигнет своих целей благодаря денежным налогам и договоренности с предпринимателями. Чем население беднее, тем выше доля внеэкономического принуждения в государственной политике. При помощи жесткой политики правители стран, населенных преимущественно крестьянами добивались успехов в модернизации. Таким образом, в результате борьбы из большого количества малых средневековых государств в Европе к окончанию Нового времени сформировался немногочисленный ряд демократических и автократических стран.

Список литературы

1. Карасев Д.Ю. Историческая социология власти Майкла Манна // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2016. – Т. XIX. – №4 (87). – С. 5–23.
2. Ким О.В. Война и социальная трансформация в Европе Раннего Нового времени // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – Т. 3. – №2 (54). – С. 70–75.
3. Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. – М.: УРСС: Ленанд, 2015. – 504 с.
4. Мак-Нил У. Восхождение Запада: История человеческого сообщества. – М., 2004. – 1064 с.
5. Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. – М., 2008. – 456 с.

6. Розов Н.С. Историческая макросоциология: становление, основные направления исследований и типы моделей // Общественные науки и современность. – 2009. – №2. – С. 151–161.

7. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 1990–1992 гг. – М.: Территория будущего, 2009. – 328 с.

8. Mann M. The Sources of Social Power, Volume I: A History from the Beginning to 1760 AD. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

Василенко Оксана Витальевна

канд. филос. наук, доцент

Житова Екатерина Николаевна

старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

РЕГИОНАЛЬНЫЕ МОЛОДЕЖНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ЧУВАШИИ И ИХ СОЦИАЛИЗИРУЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ

***Аннотация:** политическая социализация молодежи является одной из приоритетных задач современного общества. В статье говорится о роли и задачах региональных молодежных общественных организаций Чувашии в современное время. Обзор представлен на основе классификации У. фон Алемана.*

***Ключевые слова:** молодежные движения, молодежная политика, регион, региональные организации, Чувашия, гражданское общество, программа, политическая социализация, социальная активность.*

Государство как политический институт через политическую культуру транслирует собственные формы взаимодействия с властью. Этот политико-культурный процесс называется политической социализацией [3, с. 451]. Государственные и негосударственные институты создают условия для формирования социально-активной личности.

Государственная молодежная политика, разрабатываемая в рамках государственной программы Чувашской Республики «Развитие образования» одной из своих целей ставит «создание условий для активного включения молодых граждан в процесс социально-экономического, общественно-политического и культурного развития Чувашской Республики» [4].

Исходя из этой многоаспектной задачи, в республике действуют региональные молодежные организации, обзор которых будет приведен в данной статье.

Под общественными организациями понимается «основанное на членстве общественное объединение, созданное на основе совместной деятельности для защиты общих интересов и достижения уставных целей объединившихся граждан» [5].

На территории Чувашской Республики общественные организации молодежи представлены как молодежные и детские объединения. Они делятся по следующим направлениям:

1. Археология и геология.

2. Гражданское и патриотическое воспитание.
3. Журналистика.
4. Международное сотрудничество.
5. Научное творчество.
6. Социальная направленность.
7. Спорт.
8. Творчество.
9. Туризм.
10. Экология.
11. Экономическое образование [2].

Авторами предложен обзор региональных молодежных общественных организаций Чувашии по классификации немецкого ученого У. фон Алемана, который исходил из существования пяти основных сфер социально-политической активности. 1. Организованные интересы в экономике и в мире труда. 2. Группы интересов в социальной сфере. 3. Групповые интересы в области досуга. 4. Организованные интересы в сферах религии, науки и культуры. 5. Группы интересов по общественно-политической деятельности [3, с. 282–283].

Вопросами социализации, в том числе и политической, молодых граждан занимается ряд молодежных объединений Чувашии.

Воспитание толерантного отношения в обществе занимается Чувашская республиканская общественная организация «Молодежная эсперанто-ассоциация Чувашской Республики». Целью данной организации является создание межкультурной коммуникации, лишенной условностей и стереотипов. Организаторы обращают внимание молодежи на многообразие языкового мира. В настоящее время в условиях глобализации человеку необходимо знание 2–3 языков.

Профессиональной социализации посвящена деятельность Чувашского регионального отделения Молодежного общероссийского общественного движения «Российские студенческие отряды». Целью является формирование профессиональных навыков совместно с всесторонним развитием личности, а именно поддержание здорового образа жизни, гражданско-патриотическое воспитание молодежи, поддержка и развитие традиций студенческих отрядов в добровольческой, культурной и социально-значимой работе среди населения.

Для социализации лиц с ограниченными возможностями в республике действуют объединения Чебоксарская городская общественная организация «Молодежный Центр инвалидов «Доброта и Мир» и Чувашская республиканская молодежная общественная организация «Молодежное добровольческое объединение Чувашии».

Гражданственности и патриотизму соответствуют цели следующих общественных молодежных организаций: Чувашская республиканская молодежная общественная организация «Чувашия молодая», Чувашская республиканская молодежная общественная организация «Студенческий Совет», Чувашское региональное отделение Всероссийской общественной организации «Молодая Гвардия Единой России», Молодежная общественная организация «Военно-патриотический клуб «Родина» села Моргауши Моргаушского района Чувашской Республики, Региональная молодежная общественная организация Военно-исторический клуб «Русский

егерь» в Чувашской Республике, Чувашская региональная молодежная общественная организация Военно-патриотический клуб «Берет», Чувашская региональная общественная организация «Молодые таланты».

В целях вовлечения молодежи в активную социальную жизнь на территории республики были созданы волонтерские объединения. На сегодняшний день в республике зарегистрировано 4 волонтерских организации [1]. Одной из основных является Чебоксарская городская молодежная общественная организация «Волонтерский центр города Чебоксары», основной деятельностью которой являются вовлечение молодежи в спортивные мероприятия и патриотические акции. Целью другого волонтерского объединения – Чувашская республиканская молодежная общественная организация «Республиканский волонтерский центр «Действуй» – популяризация волонтерской (добровольческой) деятельности среди жителей г. Чебоксары и Чувашской республики.

Оказанием помощи в научных исследованиях, эколого-просветительской деятельности, инспектировании территории на предмет нарушений режима охраны, а также в хозяйственных работах занимается экологическая общественная организация Межвузовская природоохранная общественная организация «Молодежная экологическая дружина Чувашской Республики».

Деятельность по развитию творческих качеств молодежи посвящены следующие организации – это Чувашская республиканская молодежная общественная организация «Клуб веселых и находчивых» и Чебоксарская городская молодежная общественная организация «Молодежное культурное сообщество».

Проблема политической социализации молодежи выходит за рамки простого обзора существующих общественных организаций, так как политическое сознание формируется и трансформируется на протяжении всей жизни человека. В настоящее время необходимо продолжать целенаправленную работу по вовлечению молодежи в многообразные группы интересов и гражданских инициатив.

Таким образом, в республике активно работают и реализуют задачи государственной молодежной политики молодежные общественные организации, делая возможным создание условий для формирования социально-активной личности молодого человека.

Список литературы

1. Добровольческие (волонтерские) общественные организации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://obrazov.cap.ru/action/activity/molodezhnaya-politika/razvitiye-dobrovoljcheskogo-\(volonterskogo\)-dvizhen/dobrovoljcheskie-\(volonterskie\)-obschestvennie-org](http://obrazov.cap.ru/action/activity/molodezhnaya-politika/razvitiye-dobrovoljcheskogo-(volonterskogo)-dvizhen/dobrovoljcheskie-(volonterskie)-obschestvennie-org) (дата обращения: 16.03.2019).
2. Перечень зарегистрированных детских и молодежных объединений (организаций), действующих на территории Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:SndTkJTF9gYJ:21zmi.ru/docs/2018/moo2018.docx+&cd=4&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 16.03.2019).
3. Политология: учеб. / А.Ю. Мельвиль [и др.]. – М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, ТК Велби, Проспект, 2008. – 618 с.
4. Постановление кабинет Министров Чувашской Республики от 16 декабря 2011 года №589 «О государственной программе Чувашской Республики «Развитие образования» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/473610747> (дата обращения: 16.03.2019).

5. Федеральный закон от 19.05.1995 №82-ФЗ (ред. от 20.12.2017) «Об общественных объединениях» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=6693-0&rnd=0D29AB6543EB4BC7722CB493D407989B&req=doc&base=LAW&n=285678&REFDOC=6693&REFBASE=LAW#1gz6j8bmypnhttp://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=66930&rnd=0D29AB6543EB4BC7722CB493D407989B&req=doc&base=LAW&n=285678&REFDOC=6693&REFBASE=LAW#1gz6j8bmypn> (дата обращения: 16.03.2019).

Васильева Ольга Николаевна
соискатель, руководитель центра профориентации
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ФОРМИРОВАНИЕ АППАРАТА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЧУВАШСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920 ГОДА

Аннотация: в статье рассматривается процесс образования в 1920 году органов государственного управления в новообразованной Чувашской автономной области. Показывается роль Революционного комитета и Первого областного съезда Советов в становлении чувашской государственности. Выявляются принципы, на основании которых происходило формирование государственного аппарата Чувашской автономной области.

Ключевые слова: Чувашская автономная область, органы государственной власти, Революционный комитет, Чувашский облисполком.

В 2020 году в Чувашской Республике будет отмечаться 100-летний юбилей национальной государственности чувашского народа. Ее становление проходило в трудных условиях продолжавшейся гражданской войны и вскоре наступившего ужасного голода. Крайне тяжело шло и конструирование государственного аппарата. Несмотря на всю значимость и актуальность темы для истории чувашского народа, целый ряд аспектов темы, связанных со структурой и кадровым составом новых органов власти пока еще не нашел освещения в научной литературе. Как правило, в отечественной историографии приводились отрывочные сведения о времени возникновения тех или иных органов государственного управления новообразованной автономии [1]. Более менее полно данный вопрос освещен лишь в статье А.В. Изоркина [9] и недавно увидевшей свет монографии В.Н. Клементьева [10], фрагментарно вопрос рассматривается в ряде работ других исследователей [11]. В настоящей статье ставится цель осветить процесс формирования новых органов власти в Чувашской автономии во второй половине 1920 года.

Одновременно с принятием 24 июня 1920 г. Декрета Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета народных комиссаров РСФСР «Об Автономной Чувашской области» Оргбюро ЦК РКП(б) учредило для руководства новой административной единицы временный чрезвычайный орган власти – Революционный комитет (Ревком) [8, с. 14]. Его возглавил заведующий Чувашским отделом Народного комиссариата по делам национальностей Д.С. Эльмень, также в состав вошли В.А. Алексеев

(от Чувашского отдела Наркомнаца), Л.М. Лукин (политработник Красной армии, бывший ответственный сотрудник Чувашского отдела Наркомнаца), И.А. Крынецкий (председатель Чебоксарского уездного исполкома Советов) и Я.П. Соснин (секретарь Чебоксарского уездного комитета РКП(б)), причем вокруг этого состава Ревкома в дальнейшем разгорелся конфликт с жалобами в центральные органы власти и партийные учреждения [10, с. 43; 44]. Образование Ревкома и его состав были подтверждены постановлением ВЦИК от 1 июля 1920 г [7, с. 189].

К своим обязанностям Ревком приступил с 6 июля, когда состоялось первое заседание нового органа власти. К числу наиболее главных задач, стоявших перед Революционным комитетом, относилось формирование постоянных органов власти в лице Областного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его отделов, а также подготовка и созыв I съезда Советов Чувашской автономной области. Постановлением VII Всероссийского съезда Советов от 12 декабря 1919 г. «О советском строительстве» предусматривалось создание при губернских исполнительных комитетах следующих отделов: 1) управления, 2) военный, 3) юстиции, 4) труда и социального обеспечения, 5) народного образования, 6) почт и телеграфов, 7) финансов, 8) земледелия, 9) продовольствия, 10) государственного контроля, 11) Совет народного хозяйства, 12) здравоохранения, 13) статистики, 14) Чрезвычайной Комиссии, 15) коммунальный. Во главе каждого отдела ставился заведующий отделом, который мог и не быть членом исполкома; при заведующем образовывалась коллегия (в определенных случаях могла и не создаваться) [12].

Ревком действовал очень оперативно. На первом же заседании им, на основании упомянутого постановления VII Всероссийского съезда Советов, в качестве системы управления автономии была намечена следующая структура областных органов власти: отделы управления, труда, юстиции, рабоче-крестьянской инспекции, социального обеспечения, народного образования, здравоохранения, народной связи, финансовый и коммунальный отделы, Совет народного хозяйства, продовольственный комитет, областной военный комиссариат, областная чрезвычайная комиссия, Революционный трибунал [2, с. 1–1 об.].

Уже на следующий день, 7 июля 1920 г., Ревкомом были назначены временные заведующие областными органами власти, подавляющее большинство которых до этого трудились на соответствующих ответственных должностях в Чебоксарском уездном исполкоме Советов: во главе отделов управления и труда встал член Ревкома В.А. Алексеев; отдел земледелия возглавил Н.С. Железков, коммунальный отдел – С.Л. Коршуев, отдел юстиции – М.А. Бочаров, отдел рабоче-крестьянской инспекции – Г.Н. Рафаилов, отдел народного образования – И.И. Вальдман, отдел здравоохранения – И.Д. Дмитриев, отдел социального обеспечения – Рыбаков, отдел народной связи – Сивов, ветеринарный отдел – А.А. Танкеевский; председателем продовольственного комитета был назначен Н.В. Раменский, областного совета народного хозяйства – К.А. Григорьев, Ревтрибунала – Н. Алексеев; Я.П. Соснин стал областным военным комиссаром [10, с. 46].

Примечание: Здесь и далее инициалы ответственных работников выявить не удалось.

Такая политика объяснялась тем, что согласно Декрету Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета народных комиссаров РСФСР «Об Автономной Чувашской области» от 24 июня 1920 г. Ревкому предписывалось вплоть до созыва 1-го Съезда Советов Чувашской области опираться при управлении областью на аппарат Чебоксарского исполнительного комитета [7, с. 159–160]. Однако довольно быстро выяснилось, что состава Чебоксарского уездного исполкома Советов будет явно недостаточно для организации полноценной работы областных органов власти. После этого Ревком начал энергичную переписку с различными центральными и губернскими (например, Симбирской губернии, Татарской АССР) учреждениями и партийными органами о необходимости направления во вновь образованную автономию специалистов, прежде всего владеющих чувашским языком и знакомых с традициями и культурой местного населения.

Так, 20 июля Ревком утвердил помощника инспектора милиции Татарской АССР Т.И. Волков начальником областной милиции [6, с. 1], которая находилась в ведении отдела управления и в то же время подчинялась Главному управлению милиции НКВД РСФСР. 24 июля в должности председателя Чрезвычайной комиссии Чувашской автономной области был утвержден Г.И. Гайдученко-Гордон, рекомендованный на эту должность Всероссийской чрезвычайной комиссией. Еще через три дня в должности комиссара областного продовольственного комитета был утвержден В.В. Базанов, работавший до этого новгородским губернским продовольственным комиссаром и направленный в Чувашию Наркоматом продовольствия РСФСР. Тогда же, 27 июля 1920 г., начальник Симбирского территориального полкового округа И.Е. Ефимов был назначен областным военным комиссаром. С 3 сентября известный чувашский поэт М.К. Кузьмин (Сеспель), прежде работавший следователем Тетюшской уездной судебно-следственной комиссии и заведующим уездным отделением Российского телеграфного агентства (РОСТА), возглавил Ревтрибунал, а позже – и отдел юстиции.

Привлекались к руководящей службе и кадры из титульного населения, работавшие в уездах новообразованной автономии и в Чувашском отделе Наркомнаца. 27 июля 1920 г. работник Ядринского уездного исполкома Советов Я.П. Ятманов был утвержден заведующим отделом земледелия, работник Чувашского отдела при Народном комиссариате национальностей А.Д. Краснов – заведующим отделом здравоохранения. В августе 1920 г. во главе областного отдела труда был поставлен бывший политкомиссар отдельного железнодорожного батальона А.Т. Ласточкин, во главе областного отдела социального обеспечения – чебоксарский рабочий И.С. Милютин. 1 сентября Ревкомом было организовано статистическое бюро, заведующим которого стал бывший сотрудник Чувашского отдела при Наркомнаце Г.И. Иванов. Заведующим областным отделом народного образования в октябре 1920 г. был назначен директор Красночетайской учительской семинарии И.Н. Яштайкин [10, с. 49].

Как видно, к началу ноября 1920 г., к созыву Первого областного Съезда Советов, Ревком в целом завершил формирование областных отделов. Лишь по отделу народной связи он так и не успел назначить заведующего (это произойдет 17 ноября). На руководящую работу в ка-

честве заведующих отделами были выдвинуты три сотрудника Чувашского отдела при Наркомнаце, три работника Чебоксарского уездного исполкома Советов, еще три руководящих работника были присланы центральными учреждениями, пять человек подыскано в уездах и армии из числа титульного населения области. Чуть больше половины заведующих областными отделами – 8 человек – являлись по национальности чувашами [9, с. 25–30].

Именно от заведующих отделами во многом зависело становление новых органов власти, формировавшихся с нуля, не располагавших в достаточном количестве квалифицированными кадрами и помещениями для эффективной работы. Одновременно на протяжении всего второго полугодия 1920 г. шло непрерывное совершенствование структуры областных органов власти. По мере роста числа специалистов в распоряжении Ревкома появлялись новые подотделы и комиссии. Однако фактически реальная работа новых отделов во многих случаях разворачивалась позже, чем они были созданы «де-юре» [4, с. 156].

Важнейшим шагом в институализации органов управления Чувашской автономной области стал Первый областной Съезд Советов, прошедший в Чебоксарах с 7 по 11 ноября 1920 г. В последний день работы съезда в качестве центрального органа управления областью и в соответствии с вышеупомянутым декретом ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 24 июня 1920 г. был избран состав Областного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Чувашской автономной области (далее – облисполком). Предложенный коммунистической фракцией съезда список из 25 человек и 6 кандидатов в члены облисполкома делегаты приняли единогласно [3, с. 107 об.]. Облисполком являлся высшим законодательным и исполнительным органом государственной власти в автономии в период между съездами Советов. Подчиняясь ВЦИК и СНК РСФСР, облисполком осуществлял руководство политическим, народно-хозяйственным, социально-культурным и национальным строительством, руководил работой исполкомов местных Советов, областных учреждений, статистикой, планированием, транспортом, связью, сельским, лесным, коммунальным хозяйством, народным образованием, охраной порядка.

13 ноября состоялся пленум облисполкома, на котором присутствовали 22 человека; трое отсутствовали по причине болезни или командировки. В ходе пленума единогласно было поддержано предложение президиума Чувашского обкома РКП(б) избрать председателем облисполкома Д.С. Эльменя, а членами президиума облисполкома – С.А. Коричева, Л.М. Лукина, В.А. Алексеева и В.В. Базанова. В ходе заседания президиума, состоявшегося в тот же день, секретарем президиума был избран член облисполкома П.А. Михайлов. Тогда же было установлено устраивать очередные заседания президиума каждую неделю по средам и субботам, в час дня [5, с. 1–1 об.].

17 ноября С.А. Коричев был назначен товарищем председателя облисполкома [5, с. 5 об.], а 28 ноября 1920 г. второй пленум облисполкома утвердил распределение среди членов облисполкома должностей заведующих отделами: отдел управления возглавил В.А. Алексеев, отдел труда – А.Т. Ласточкин, финансовый отдел – И.А. Крынецкий, отдел земледелия –

Я.П. Ятманов, коммунальный отдел – С.Л. Корушев, отдел юстиции – М.К. Кузьмин (Сеспель), отдел рабоче-крестьянской инспекции – Г.Г. Герасимов, отдел здравоохранения – А.Д. Краснов, отдел народного образования – И.Н. Яштайкин, продовольственный комитет – В.В. Базанов, Совет народного хозяйства – К.А. Григорьев, Ревтрибунал – А.П. Лбов, областной военный комиссариат – И.Е. Ефимов, Статбюро – Г.И. Иванов, государственное издательство – А. Иванов. Отдел социального обеспечения возглавил Воробьев, кандидат в члены облисполкома. В качестве заведующего отделом народной связи еще с 17 ноября по распоряжению Народного комиссариата почт и телеграфов РСФСР был утвержден И.В. Колобов, направленный в Чебоксары из Нижегородского губернского отдела связи [5, с. 5 об.]. Еще три члена облисполкома вошли в состав коллегии отдела управления (М.В. Шевле и С.Л. Шумилов), а трое остались в прежних должностях: Е.Я. Орлова заведовала женским отделом при обкоме партии, П.З. Львов руководил подотделом при Чувашском отделе Наркомнаца, Владимиров работал инструктором партийно-советской передвижной школы [4, с. 11 об.–12]. Лишь 3 марта 1921 г. президиум облисполкома утвердил Т.И. Волкова в занимаемой должности начальника областной советской милиции [5, с. 69].

Впрочем, для всей последующей истории облисполкома будет характерна частая ротация кадров на руководящих постах. В первые же полгода после назначения сменялись по разным причинам заведующие отделами юстиции и социального обеспечения, а также председатели продовольственного комитета и областной чрезвычайной комиссии [5, с. 94, 143, 200 об.]. Продолжатся, вплоть до преобразования области в республику в 1925 г., и непрерывные изменения в структуре областных отделов, нацеленные на борьбу с бюрократизмом, налаживание и совершенствование государственного аппарата. Однако нельзя не отметить, что в Чувашии в течение очень короткого периода времени (полгода) удалось организовать областные органы власти, способные решать актуальные вопросы жизни автономии.

Список литературы

1. Васильева О.Н. Формирование и деятельность областных органов государственной власти Чувашской автономной области (1920–1925 гг.): историография проблемы / О.Н. Васильева, Е.М. Михайлова // Вестник Чувашского университета. – 2018. – №4. – С. 37–45.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 27.
3. ГИА ЧР. Ф. Р-125. Оп. 1 Д. 2.
4. ГИА ЧР. Ф. Р-125. Оп. 1 Д. 3.
5. ГИА ЧР. Ф. Р-125. Оп. 1 Д. 4.
6. ГИА ЧР. Ф. Р-599. Оп. 1. Д. 10.
7. Декреты Советской власти. Т. IX. Июнь – июль 1920 г. – М.: Политиздат, 1978. – 460 с.
8. Законы и постановления о Советах Чувашской АССР (1920–1987). Документы и материалы / сост. В.А. Нестеров. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. – 461 с.
9. Изоркин А.В. Из истории Советов Чувашии первых лет диктатуры пролетариата / А.В. Изоркин // Вопросы истории советского строительства в Чувашской АССР. – Чебоксары: ЧНИИ, 1984. – С. 3–39.
10. Клементьев В.Н. История национальной государственности чувашского народа: в 2 кн. Кн. 2: Создание чувашской государственности, 1920–1925 / В.Н. Клементьев. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. – 382 с.

11. Минеева Е.К. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской автономий в 20–30-е годы XX века / Е.К. Минеева: автореф. дис.: ... д-ра ист. наук. – Чебоксары: Изд-во Чув. ун-та, 2008.

12. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). – 1919. – №64. – Ст. 578.

Веретенников Александр Викторович

аспирант

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный
педагогический университет им. И.Н. Ульянова»
г. Ульяновск, Ульяновская область

DOI 10.31483/r-32437

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИЦИЯ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ОБЗОР СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

***Аннотация:** в данной работе проведен обзор современной историографии функционирования исполнительной полиции Симбирской губернии в конце XIX – начале XX века. Автором изучены и проанализированы диссертационные исследования, монографии, статьи и научно-справочные труды по проблеме за последние десятилетия, раскрыты основные положения научных сочинений.*

***Ключевые слова:** диссертация, исполнительная полиция, монография, научная статья, полицейское управление, Симбирская губерния.*

В Российской империи органы исполнительной полиции являлись важным элементом в структуре государственного механизма в конце XIX – начале XX в. Сотрудники правоохранительного института занимались не только обеспечением общественного порядка и борьбой с уголовной преступностью, но и выполняли некоторые административные функции. Правовое регулирование организации и деятельности института обеспечивалось законодательными актами, обладающими высшей юридической силой, подзаконными актами (циркулярами) ведомств МВД и постановлениями губернаторов, которые зачастую дублировали правовые нормы циркулярных положений Министерства внутренних дел.

После событий, связанных с распадом Советского государства и становлением Российской Федерации, в исторической науке произошел отход от формационного подхода, и расширилась проблематика исследований. Увеличился интерес в научных кругах и к вопросам функционирования исполнительной полиции Российской империи, как на общероссийском уровне, так и на региональном. Первой работой, посвященной истории полицейских подразделений Симбирской губернии, стала научная статья В.Н. Кузнецова, в которой автор рассмотрел отдельные аспекты конно-полицейской стражи [2].

В 2001 г. вышло в свет коллективное издание по истории становления и развития учреждений МВД Симбирской губернии (Ульяновской области). Но необходимо отметить, что данное исследование, основанное на достаточно широком круге источников, носит научно-справочный

характер и анализ представленных в работе сведений представляется нам не полным и поверхностным [1].

В следующем 2002 г. в издательстве Ульяновского государственного университета выходит монография В.В. Романова и Г.В. Романовой, в которой авторы отследили процесс становления и развития полицейских учреждений в Сызранском уезде с 1802 г. по 1917 г. в рамках историко-правового исследования [7].

Первой работой, которая отражала комплексный подход к изучению подразделений МВД, стала диссертация Ю.Б. Сысуев [10]. В ней Юрий Борисович проанализировал вопросы нормативно-правового регулирования деятельности и организации полиции, основные направления служебной практики, проблемы финансирования и материального обеспечения, виды поощрения полицейских сотрудников и их должностные преступления. Результаты и положения, отраженные в диссертационном исследовании, составили основу монографии «История формирования полиции Симбирской губернии во второй половине XIX века» (2010 г.) [11].

В дальнейшем проблемы функционирования уездной полиции второй половины XIX – начала XX века на территории Мордовии были изучены в диссертационном исследовании В.В. Шабаева (2007 г.). Территориальные рамки, определенные автором, охватили Ардатовский уезд Симбирской губернии. В своей работе Виктор Викторович, как и большинство специалистов по истории общей полиции, изучил правовые механизмы организации, структуру и функции правоохранительного института. Особое место в научном сочинении занимает проблема взаимодействия уездной полиции с отдельными конфессиями и диаспорами [12]. В последующих годах В.В. Шабаева заинтересовала история создания в г. Симбирске школы урядников, специфика содержания учебного процесса и уровень повышения профессиональной подготовки чинов уездной полиции в губернии [13].

В 2010-х годах ульяновскими историками и специалистами соседних регионов издаются работы, которые касались различных аспектов исполнительной полиции Симбирской губернии. В частности, О.В. Лазарева исследовала процесс борьбы органов внутренних дел с незаконным оборотом спиртных напитков [3], Е.А. Соловьева рассмотрела итоги ревизий уездных полицейских управлений и их должностных лиц губернским правлением [8], а также уделила внимание проблемам качества работы данных институтов [9]. А.А. Никитин исследовал функциональные обязанности сотрудников уездных полицейских органов в ходе противодействия преступности и обеспечения общественного порядка, раскрыл применяемые меры по предупреждению противоправных деяний. Автором также были изучены вопросы оперативных мероприятий, используемых при розыске и поимке преступников [4]. Применение методов внутреннего и наружного наблюдения при предупреждении, пресечении и расследовании преступных проявлений исполнительной полицией отразились в отдельном параграфе диссертации Александра Александровича «Борьба правоохранительных органов с уголовной преступностью в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в.» (2015 г.) [5].

В 2017 г. А.В. Романова завершила подготовку диссертации на тему: «Городская и уездная полиция Симбирской губернии во второй поло-

вине XIX – начале XX в.: эволюция института и деятельность». На основе использования широкого круга опубликованных и неопубликованных источников она рассмотрела организационно-правовые основы деятельности городской и уездной полиции, вопросы формирования полицейских структур на территории губернии, формирования кадрового состава полицейских управлений, проанализировала административные функции института, и мероприятия по противодействию преступности. Важное место в работе занимает проблема правонарушений, совершенных служащими полиции и вопросы привлечения сотрудников к ответственности. Одновременно, исследователь обратил внимание на развитую систему поощрений, использующуюся в отношении сотрудников городских и уездных управлений [6].

Таким образом, проводя обзор научной литературы по истории исполнительской полиции Симбирской губернии в конце XIX – начале XX века, мы можем утверждать, что данная проблема достаточно плодотворно разрабатывается на современном этапе развития исторической науки. Исследователей в большей степени интересуют вопросы правового регулирования института, формирования структурных подразделений, материально-технического обеспечения и основные направления деятельности. В тоже время некоторые аспекты, такие как сыскная деятельность, применение оружия, использование технических средств, остаются малоизученными или вовсе выпадают из поля зрения историков.

Список литературы

1. Краткий исторический очерк подразделений МВД Симбирской губернии – Ульяновской области. – Ульяновск, 2001. – 199 с.
2. Кузнецов В.Н. Конно-полицейская стража в симбирской деревне (1905–1907) // Погибавшее прошлое и настоящее: межвуз. сб. науч. ст. – Саратов, 1994. – Вып. 3. – С. 53–56.
3. Лазарева О.В. Борьба губернской полиции с незаконной продажей вина в России XIX века (на примере Пензенской и Симбирской губерний) // VI Державинские чтения в республике Мордовия: материалы всерос. науч.-практ. конф. (28–29 апр. 2010 г., г. Саранск). – Саранск: [б. и.], 2010. – С. 39–43.
4. Никитин А.А. Деятельность уездной полиции по борьбе с уголовной преступностью и обеспечению общественного порядка в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Поволжский педагогический поиск. – 2012. – №1 (1). – С. 45–48.
5. Никитин А.А. Борьба правоохранительных органов с уголовной преступностью в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. – Ульяновск, 2015. – 242 с.
6. Романова А.В. Городская и уездная полиция Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: эволюция института и деятельность: дис. ... канд. ист. наук. – Ульяновск, 2017. – 298 с.
7. Романова В.В. Становление и развитие Сызранской полиции в 1802–1917 гг.: историко-правовое исследование / В.В. Романова, Г.В. Романова. – Ульяновск: Изд-во УлГУ, 2002. – 132 с.
8. Соловьева Е.А. Анализ контрольно-ревизионной деятельности Губернского правления Симбирской губернии во второй половине XIX в. (на примере уездных полицейских управлений) // Власть. – 2012. – №11. – С. 184–186.
9. Соловьева Е.А. Симбирское губернское правление и проблема качества работы уездных и городских полицейских управлений // Власть. – 2014. – №3. – С. 139–141.
10. Сысуев Ю.Б. Полиция Симбирской губернии во второй половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2002. – 278 с.

11. Сысуев Ю.Б. История формирования полиции Симбирской губернии во второй половине XIX века. – Пермь: Изд-во Пермского филиала ФГОУ ВПО «Нижегородская академии МВД России», 2010. – 255 с.

12. Шабаев В.В. Уездная полиция Российского государства второй половины XIX – начала XX века: на территории Мордовии. – Саранск, 2007. – 266 с.

13. Шабаев В.В. Симбирская школа урядников в системе профессиональной подготовки чинов уездной полицейской стражи // Мир науки и образования. – 2017. – №1 (9). – С. 10.

Горбунова Наталья Вадимовна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»

г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ И ДВОРЯНСКОЕ ОБЩЕСТВО ВОЙСКА ДОНСКОГО В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

***Аннотация:** в статье рассматриваются особенности политики Российской империи по отношению к сословным правам донского казачества в первой четверти XIX века. На примере деятельности Комитета по составлению Положения об управлении Донским войском показано противоречивое отношение центральной власти к вопросу о распространении прав и привилегий дворянства на офицеров Войска Донского.*

***Ключевые слова:** Войско Донское, дворянство, казачество, Российская империя, войсковое управление.*

С первых лет царствования Александра I, правительство предпринимало шаги по реорганизации Войска Донского, направленные на уничтожение остатков его автономии. Поскольку в системе местного управления Российской империи большую роль играли дворянские сословные организации, определение статуса войскового дворянства для реформирования управления Войска имело важное значение. Однако в правительственных кругах не было единого мнения о том, распространяются ли в полной мере права дворянства на офицеров Войска Донского, получивших армейские чины. Наиболее остро противоречия по этому вопросу проявились в 20-е гг. XIX века в период деятельности Комитета по составлению «Положения об управлении Донским Войском» (Донского комитета).

Инициатором создания Комитета стал войсковой атаман А.К. Денисов. 21 сентября 1818 г. он представил Александру I доклад, с просьбой разрешить создать комиссию под его председательством в составе четырех донских генералов и штаб-офицеров для составления положения для управления Войском [8, с. 275]. Император одобрил намерение «собрать воедино все узаконения относительно Войска, в различные времена изданные, сообразить их с настоящим порядком вещей и представить новое положение» [9, с. 159]. В состав Комитета были включены столичные чиновники – генерал-адъютант А.И. Чернышев и действительный статский советник В.И. Болгарский. Назначение Чернышева, близкого к императорскому двору человека, означало, что правительство придавало

большое значение составлению «Положения» и видело в этом возможность для проведения дальнейших преобразований в Войске.

Очевидно, верховная власть имела и скрытые мотивы при учреждении Комитета и назначении А.И. Чернышева на Дон. Сложная военно-политическая обстановка, связанная с усилением влияния Российской империи на Кавказе, ставила правительство перед необходимостью обеспечения безопасности южных границ. Облегчало решение этой задачи нахождение вблизи Кавказской линии Донского Войска, на содержание и снаряжение которого не требовалось значительных государственных расходов. Однако существовала опасность снижения боеспособности казаков в связи с тем, что на Дону быстрыми темпами шел захват станичных земель дворянами. Вследствие этого, император поручил А.И. Чернышеву «обратить внимание на появившееся между Донскими казаками дворянство и вникнуть в предмет сей подробно на месте» [5, с. 432].

Комитет по составлению Положения о Войске Донском начал свою деятельность 1 мая 1819 г. Помимо атамана из представителей Войска в него вошли также войсковой дворянский депутат генерал-лейтенант А.А. Карпов, генерал-майор И.А. Андрианов, генерал-майор Е.И. Черевков, полковник Шамшев. С самого начала в Комитете возникли разногласия между донскими генералами – с одной стороны и А.И. Чернышевым – с другой. Об этом стало известно в Петербурге из многочисленных писем А.И. Чернышева, направляемых военному министру и другим высокопоставленным лицам. Так в письме А.А. Аракчееву от 3 мая 1819 г. он в довольно мрачных тонах описывал положение дел: «чем далее я старался вникать в правила и свойства лиц, предназначенных к устройению блага Донской земли, и в настоящее положение вещей, тем более удостоверился, что не одно состояние соотчичей, но собственные виды движут поступками главнейших здешних чиновников, которые, обособляясь мало-помалу в чувствах народной нравственности, вообще стремятся к стеснению простых казаков». К наиболее серьезным нарушениям относился самовольный захват войсковых земель донскими дворянами [2, с. 111].

22 июля 1819 г. А.И. Чернышев составил докладную записку императору, в которой изложил свое видение вопроса о дворянских правах донских офицеров. По его мнению, важнейшим событием, которое «породило дворянство, в стране сей дотоле неизвестное», стало издание в конце XVIII в. указов, уравнивавших казацкие чины с армейскими. «Право военного дворянства получили все служащие в Войске офицеры. Многие здешние семейства успели даже исходатайствовать грамоты и гербы на дворянство потомственное». А.И. Чернышев отмечал, что многочисленные войны усугубили ситуацию: «производство в обер-офицеры из урядников и повышение в чины генеральские и штаб-офицерские, частое производство в мирное время за отличия по представлениям и произволу одного атамана послужило поводом к пристрастию и источником к размножению сего сильнейшего класса в Войске» [6, с. 461, 462]. По его мнению, количественный рост такого дворянства грозил Войску ослаблением и даже уничтожением, поскольку был несоразмерен численности самого Войска. «Зло из положения сего истекавшее было столь ощутимо, что неминуемо требовало со стороны правительства решительных мер».

Конечно, А.И. Чернышев прекрасно понимал, что отобрать у донских чиновников дворянские права невозможно, поэтому он считал необходимым «ограничиться употреблением таких только способов, кои бы на будущее время могли останавливать прилив нового и ослаблять прежнее дворянство»: прекратить выдачу из Герольдии грамот и гербов на потомственное дворянство всем обер-офицерам Войска Донского, признавая за ними право только на дворянство личное. А потомственное дворянство предоставлять только генералам и штаб-офицерам.

Весьма категорично А.И. Чернышев высказывался по поводу земельно-владельческих прав донских чиновников: «ни самодержавная власть, ни правительство никогда не помышляли вводить на Дону частную поземельную собственность, а напротив сего, обращали непрерывное внимание на то единственно, чтобы земли были сохранены в неприкосновенности» [5, с. 395]. Вследствие этого усилия представителей верховной власти при Донском комитете были направлены на ограничение владений донских чиновников, наносивших ущерб Войску. В частности, предлагалось крепостных, записанных по 5-й ревизии 1795 года оставить только за войсковыми чиновниками, утвержденными в дворянских правах. Остальные офицеры Войска должны были в течение полугода продать состоящих за ними крестьян [7, с. 64].

Очевидно, что обсуждение в Комитете данных предложений встречало сопротивление со стороны войскового атамана Денисова. Для осуществления политики, намеченной Александром I, необходимо было ослабить влияние атамана. Чернышев искусно лавировал между различными группами дворян. Тем более что среди войсковых чиновников формировалась оппозиция А.К. Денисову. Как отмечал известный дореволюционный историк С.Г. Сватиков, «чины войска, т.е. дворяне, вовсе не желали учреждения Комитета, и весть о его создании потрясла их» [8, с. 277, 278]. Донская аристократия опасалась того, что может потерять присвоенные войсковые земли, а «Комитет вовсе не обещал принести дворянству обеспечения его благосостояния, наоборот, от него ожидали самого худшего». Поскольку работа комиссии по составлению «Положения» велась тайно, это породило множество слухов. Говорили о превращении Войска в обычную губернию, об изъятии у дворянства земель, о превращении казаков в крестьян. Вследствие этого на войскового атамана, как инициатора создания Комитета, начались нападки со стороны донских генералов и офицеров, считавших его виновником будущих бед дворянства и всего казачества.

Осенью 1819 года А.И. Чернышев уехал в Санкт-Петербург с тем, чтобы ознакомить Александра I с ходом работ в Комитете и своими предложениями по устройству Войска. 10 декабря 1819 года войсковой атаман получил Высочайший рескрипт, в котором император сообщал следующее: «возвращая на Дон моего генерал-адъютанта Чернышева, я желаю, чтобы при нем совершено было с ним же начатое положение». Александром I уведомил о своем неременном желании, чтобы составленные А.И. Чернышевым предложения, уже Высочайше одобренные, были «внимательно рассмотрены и соображены со всеми местными обстоятельствами», для включения их в новое «Положение» [9, с. 162]. По сути, А.И. Чернышев вез уже готовое «Положение», в котором Комитет не мог ничего изменить.

Сложившуюся на Дону ситуацию обострили народные волнения: «крестьяне пяти слобод, принадлежащих покойному графу Платову, генералышам Орловой и Иловойской, генерал-майору Мартынову и полковнице Несмеяновой, приносили Его Императорскому Величеству Всеподданнейшие жалобы на притеснение их непомерными налогами и господскими работами» [4, с. 76]. В 1819–1820 гг. крестьянское движение приобрело массовый характер и охватило свыше 60 тыс. человек.

В следствие этих событий в апреле 1820 г. на имя войскового атамана последовал Высочайший рескрипт, в котором император объявлял, что «приведение помещичьих крестьян Земли Войска Донского в должное повиновение своим помещикам» возлагается на генерал-адъютанта А.И. Чернышева, которому войсковой атаман должен содействовать «немедленным удовлетворением тех его требований, кои он признает за нужное сообщить» [8, с. 282]. Выражая недовольство неспешной работой Комитета, Александр I произвел перестановки в его составе. На место сторонников атамана Денисова назначались лояльно относившиеся к А.И. Чернышеву генерал-майоры А.В. Иловайский и Д.Е. Кутейников.

В очередном письме императору от 26 июня 1820 г. А.И. Чернышев поставил в вину А.К. Денисову возникновение и быстрое распространение крестьянского бунта. Следствием этого стал указ об увольнении от службы войскового атамана А.К. Денисова и назначении на должность наказного атамана генерал-лейтенанта А.В. Иловайского. Тогда же император утвердил А.И. Чернышева главой Донского комитета, заседания которого переносились из Новочеркасска в Петербург [3, с. 29].

Новый атаман А.В. Иловайский, так же, как и его предшественники, атаманы М.И. Платов и А.К. Денисов, проводил политику, направленную на укрепление положения местного дворянства. Одним из важнейших мероприятий в отношении представителей высшего сословия на Дону в период его атаманства стало «приведение в известность дворянских родов Войска Донского». С 1825 г. Войсковая канцелярия начала проверять документы, подтверждавшие дворянское происхождение войсковых чиновников [1, с. 273]. Активная деятельность войсковых властей по рассмотрению и утверждению законных прав на дворянство донских офицеров не могла остаться незамеченной в столице. В 1822–1824 гг. на заседаниях Донского комитета в Петербурге обсуждался проект нового положения о Войске, в частности вопрос об условиях предоставления донским чиновникам прав на владение землей и крестьянами. В 1824 г. генерал-адъютант А.И. Чернышев направил императору докладную записку. В ней он вновь обратил внимание императора на то, «сколь ощутителен вред, причиняемый новым классом людей и сколь опасно для целости Войска дальнейшее их размножение». Войско Донское не должно иметь в своем составе людей иного состояния кроме казаков, а войсковые чиновники «суть ничто иное, как потомки казаков и не могут принадлежать ни к какому другому классу людей империи, кроме того, от которого происходят». Донские чиновники никогда не имели перед казаками никаких особых преимуществ, «кроме одного личного к чинам их уважения, так как они сами и дети их, безусловно, принадлежат к казачьему сословию». Следовательно, по мнению А.И. Чернышев, было «неправомерно распространять на них все те привилегии, которые присвоены армейским офицерам. Допущение дворянских прав в отношении чиновников Войска Дон-

ского может разрушить коренные основания самого Войска, «ибо, наполняясь дворянами, оно оскудевало бы в казаках». Более того «донским офицерам, в отношении к службе, дворянства потомственного никогда не присвоилось, и притязания их к оному были неосновательные» [5, с. 432–436].

Однако, несмотря на такое отношение к правам донских чиновников, А.И. Чернышев все же понимал, что отменить или запретить дворянство на Дону нельзя. Поэтому, чтобы прекратить увеличение численности представителей высшего сословия в Войске, он предлагал следующие меры: 1) запретить выдачу от Герольдии дипломов на дворянство донским чиновникам и прекратить все дела по рассмотрению свидетельств об их благородном происхождении. 2) В проекте нового «Положения» вообще не упоминать о правах чиновников Войска на дворянство. 3) Никаких преимуществ по службе для детей донских офицеров не предоставлять, кроме личного освобождения от станичных повинностей. 4) Не допускать производства в чины сверх вакансий, а из детей чиновников в мирное время производить в хорунжие только тех, кто выслужил в звании урядника полный срок, то есть 3 года. «Средства сии, не открывая прямой цели правительства и не оскорбляя гласным уничтожением мнимого права их на дворянство, послужат тому, что число чиновников по войску навсегда сохранится одинаковое и не будет превышать положенного комплекта» [5, с. 437].

Это мнение А.И. Чернышева разделяли в правительстве, поскольку уже с середины 20-х гг. XIX века там рассматривался вопрос об ограничении роста численности высшего сословия Российской империи и отмене приобретения дворянства военным или гражданским чином.

Такая позиция А.И. Чернышева расходилась с интересами донских чиновников, которые надеялись, что с принятием «Положения» за ними в полной мере будут закреплены привилегии российского дворянства, в том числе права на землю и крестьян. В среде высших чинов Войска и крупных землевладельцев возникла идея направить избранных депутатов для участия в рассмотрении проекта. Вопрос о необходимости приглашения депутатов от донских чиновников поднимался и в Донском комитете при обсуждении части проекта «Положения» о земельных дольствиях в Войске. На заседании 9 января 1824 г. генерал-адъютант И.В. Васильчиков высказал мнение о том, что приглашение представителей сословия помещиков Дона «не может иметь последствий, кроме самых благоприятнейших для правительства» [5, с. 402]. Такая настойчивость донского дворянства и его заступников в столице оказала влияние на Александра I, которому 23 апреля 1825 г. был представлен окончательный вариант проекта «Положения об управлении Войском Донским». Тогда же император отдал распоряжение вызвать в Петербург донских депутатов для решения, удовлетворяет ли потребностям Войска выработанное Комитетом новое «Положение». Но из-за смерти императора это повеление исполнено не было.

Таким образом, противоречия по вопросу о правах донских чиновников на дворянство, которые проявились в 20-е гг. XIX века в период деятельности Донского комитета, показывали, что правительство не имело однозначного мнения на этот счет. Только с принятием «Положения об управлении Войском Донским» в 1835 г. донские чиновники получили

возможность пользоваться всеми правами и преимуществами высшего сословия Российской империи.

Список литературы

1. Государственный архив Ростовской области. Ф. 341. Оп. 1. Д. 1196.
2. Краснов Н.И. Исторические очерки Дона // Русская речь. – 1881. – Июль.
3. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 331. Оп. 1. Д. 202.
4. Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 45.
5. Сборник императорского русского исторического общества. – СПб., 1906. – Т. 121.
6. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Его Императорского Величества канцелярии. – СПб., 1896. – Вып. 8.
7. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Его Императорского Величества канцелярии. – СПб., 1897. – Вып. 9.
8. Сватиков С.Г. Россия и Дон. 1549–1917. Исследования по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. – Белград, 1924.
9. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главное управление казачьих войск. – СПб., 1902. – Т. XI, Ч. I.

Евдокимова Анжелика Николаевна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

РОЛЬ СОЮЗА ВОИНСТВУЮЩИХ БЕЗБОЖНИКОВ В БОРЬБЕ С ПРАВОСЛАВНЫМИ ПРАЗДНИКАМИ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 20-30-е ГОДЫ

Аннотация: в статье рассматриваются формы и методы просветительской деятельности Союза воинствующих безбожников в Чувашской автономии, направленные на трансформацию христианских и народных чувашских традиций в коммунистические, осуществление антирелигиозного просвещения среди чувашского народа, раскрываются особенности организации досуга сельских жителей в период празднования важнейших дат.

Ключевые слова: атеизм, просветительство, союз воинствующих безбожников, антирелигиозное просвещение.

Проводя политику по внедрению атеизма, большевики большое внимание уделяли борьбе с религиозными праздниками. В пропагандистской работе того времени особое значение придавалось замещению церковных ритуалов, обрядов и праздников советскими. Из всех церковных праздников важнейшими являлись Рождество и Пасха. С ними стали бороться с первых лет советской власти и эта борьба носила бескомпромиссный характер. Так, вместо Рождества предлагалось отмечать «комсомольские святки», которые сопровождались костюмированными шествиями, сатирически изображающими последователей разных религий.

Исчезла рождественская открытка. Новогодние и рождественские песни заменились революционными. В школах разыгрывались пьесы антирождественского содержания, организовывался кукольный антирелигиозный театр, выпускались стенгазеты, устраивались антирелигиозные игры, распространялись листовки, проводились антипасхальные

утренники. Внешний вид школы в период празднования Пасхи должен был привлекать «внимание масс своим активным безбожием». Для этого предлагалось «украсить» школу изнутри и снаружи, антирелигиозными плакатами и лозунгами, созданными силами учащихся. Чтобы отвлечь детей от праздничных событий, предлагалось назначать занятия в школе на праздничные дни и тщательно следить за явкой учащихся, проводить предварительную подготовку с детьми в форме бесед и лекций, устраивать антирелигиозные вечера, заботиться об организации детского досуга (кино, игры, развлечения, соревнования и т. д.). В библиотеках организовывались выставки и книжные киоски с антипасхальной литературой [5, с. 21].

В Чувашии «антипасхальная» и «антирождественская» форма антирелигиозной агитации стала внедряться примерно с 1923 года. Так, в отчетном докладе Чувашского обкома РКСМ отмечалось, что «комсомольское рождество» 1923 г. было проведено во всех уездных и волостных центрах: например, в Чебоксарах был организован цикл молодежных вечеров, антирелигиозных спектаклей и лекций на такие темы как: «Значение комсомольского рождества», «Возникновение праздника рождества Христова», «Как рождаются Боги» и др. [2, с. 382]. В Ядрине прошел маскарад, где псевдопоп отслужил молебен, составленный из куплетов антирелигиозного содержания, в Алатыре – шествие-карнавал [3, с. 98].

«В Рождественские дни – все на работу! Дадим государству новые миллионы на скорейшую индустриализацию страны, на выполнение пятилетки в 4 года. Ни на новое, ни на старое Рождество не должно быть ни одного прогульщика!» – с таким призывом обратились к жителям Чувашии атеисты из с. Красные Четаи в 1929 году [4]. Сами они считались передовиками производства и призывали других рабочих в дни рождественских праздников активно трудиться на благо индустриализации страны.

Подобные мероприятия проходили и весной, когда на запрещенных советской властью церковных календарях приближался еще один не менее значимый для православных христиан праздник Пасхи.

В 1923 г., наряду с «комсомольским рождеством», во всех крупных населенных пунктах автономии была организована и «комсомольская пасха», причем в Чебоксарах и уездных центрах на ее проведение была отведена целая неделя, а в селениях – по 2–3 дня. Так, в Мариинском Посаде, за неделю до Пасхи на всех видных местах были вывешены листовки, воззвания и плакаты, направленные против религии. С наступлением темноты на зданиях учреждений, на столбах вспыхивали освещенные электричеством лозунги «Изгоните богов с небес, капитал с земли», «Религия – дурман народа» и т. д. Но особенно привлекали внимание вывешенные по дорогам, ведущим в церковь транспаранты «Стой, куда? В церковь? Стоить ли дурманить себя? Иди с народом» [2, с. 383].

На всех общественных собраниях, на предприятиях, в общежитиях, в деревнях и селах простым гражданам, беспартийной молодежи и сельским жителям на кануне и в день Пасхи читали специальные антирелигиозные доклады и лекции [1. Ф. 10. Оп. 1. Д. 452. Л. 18].

К этому проведению так называемых пасхальных дней готовились долго и тщательно. Как правило, для проведения «комсомольской пас-

хи» во всех райвоенкоматах и чрезвычайных управлениях создавались специальные комиссии, члены которых отвечали не только за подготовку к данному мероприятию, но и должны были объяснить гражданам значение 1-го мая в СССР как праздника борьбы за полную реконструкцию хозяйства, развертывание социалистического соревнования и выполнения пятилетнего плана [1. Ф. 1. Оп. 8. Д. 198. Л. 82]. Итак, праздник весны и труда в СССР имел свою специфику и иное значение, чем раньше.

В плане проведения антипасхальной кампании в ЧАССР за 1928 гг. особое внимание уделялось усилению массовой воспитательной работы в республике в дни этих празднеств, организации бесед в дни поста; уголков безбожников, проведению театральных представлений и кино показов на антипасхальные темы с таким учетом, чтобы начало и конец постановок соответствовал началу и концу церковного богослужения, кампании по закрытию учреждений, торгующих спиртными напитками и открытию вместо них культурных чайных, усилению вербовки новых членов и созданию новых ячеек СВБ. Антипасхальная кампания в деревне, согласно данному документу, должна была сосредоточить внимание крестьянства на поднятии урожайности и переустройстве сельского хозяйства, а во всех школах в преддверии и в ночь на пасху необходимо было провести антирелигиозные художественные вечера и экскурсии [1. Ф. 1. Оп. 9. Д. 175. Л. 21].

Празднование Пасхи и Первого мая в Чебоксарах в 1928 г. планировалось провести по следующему порядку:

29 апреля: с 5 ч. вечера двухчасовая демонстрация городской организации ВЛКСМ с участием трудовой молодежи, далее предлагалось прослушать доклады на тему: «Международное и внутреннее положение СССР».

1 мая: с 11 ч. демонстрация трудящихся города и окрестных деревень по следующему маршруту: сбор по организациям на площади к 10.30, после митинга посещение братских могил, открытие нового предприятия «Водосвет». С 18.00 на площади в центре города, на предприятиях и учебных заведениях заслушивание доклада на тему «1-е мая – праздник братской солидарности трудового мира».

2–3 мая: с 12.00 кино-утренники для детей в городском клубе, в 18.00 торжественное заседание городского совета в театре, далее платное кино и вечер молодежи под руководством городского комитета ВЛКСМ.

4 мая: с 11.30 три доклада, спектакль и концерт в музыкальной школе. Подобный распорядок действовал на протяжении долгих лет, вплоть до начала 40-х гг., менялись лишь темы лекций, докладов, художественные фильмы и спектакли.

Вся работа по проведению антипасхальной кампании в конце концов сводилась к тому, чтобы создать общественное мнение о пасхе как о празднике, не нужном для трудящихся, как о празднике пьянства, не имеющего ничего общего с задачами социалистического строительства [1. Ф. 1. Оп. 8. Д. 198. Л. 77–79].

Говоря о главных христианских праздниках, нельзя не сказать о мероприятиях советской власти и массовых добровольных организаций в том числе и СВБ по борьбе с алкоголизмом и пьянством. Ведь, как правило, именно в праздничные дни досуг человека украшали спиртные напитки.

Неслучайно, безбожники, хоть и под политическими лозунгами, провозглашали намерение «воспитать себя как трезвое, совершенно враждебное потреблению спиртных напитков поколение». Не без поддержки Союза в практику вошли детские и молодежные антиалкогольные демонстрации, издавались специальные брошюры о вреде этой пагубной привычки, сочинялись агитационные плакаты со следующим содержанием: «Отец, не пей! Купи книги детям, одень их! Пьянство губит тебя и детей!» [6, с. 180].

В дни Рождества, Пасхи и 1-го мая в городе Чебоксары запрещалось торговать вином в пределах города и его окрестностях. Для оказания помощи милиции в борьбе с шинкарством на время закрытия торговли вином райкомом выделялись десятки комсомольцев, с которыми проводили инструктаж по данному вопросу. Подобные меры проводились также и на селе, каждая шеф ячейка должна была выделять не менее 2-х человек для постоянной работы в деревне на все время антиалкогольной кампании для соблюдения порядка и трудовой дисциплины [1. Ф. 1. Оп. 8. Д. 198. Л. 77].

Наряду со всеми вышеперечисленными действиями в Чувашии проводились и так называемые двухнедельники борьбы с алкоголизмом. Известно, что данное мероприятие проходило в ЧАССР с 1 по 15 января 1930 г. с участием всех общественных организаций и через постоянную комиссию наркомздрава по борьбе с алкоголизмом. В районах и городах также выделялись специальные комиссии из которых выбирали особых членов, которые, в свою очередь, проводили следующие мероприятия: совместно с медперсоналом на массовых собраниях рабочих, служащих и крестьян проводили доклады, лекции, диспуты, спектакли, инсценировки и собеседования на антиалкогольные темы; договаривались с руководством школ и курсов о выделении часов на антиалкогольные темы; организовывали митинги-карнавалы, шествия с противоалкогольными макетами «Зеленый змей», «Похороны водки», и другими лозунгами, и плакатами; в общественных местах, рынках, базарных площадях вывешивали лозунги, плакаты, устраивали уголки и выставки; при предприятиях, в деревнях, учебных заведениях организовывали ячейки по борьбе с алкоголизмом; распространяли газету нижегородского общества борьбы с алкоголизмом «Под удар» и брошюру-приложение наркомздрава на чувашском языке «Ерех сайке» и занимались продажей лотерейных билетов; выписывали кинокартины по антиалкогольным вопросам и организовывали массовые показы [1. Ф. 1. Оп. 8. Д. 198. Л. 100].

Таким образом, СВБ активно занимался социальными проблемами граждан, был верным помощником новой власти в осуществлении новой политики. Кроме того, его члены участвовали и в организации субботников, воскресников и других хозяйственных мероприятий. Например, 7 января 1930 г., в праздник рождества, во многих селениях Барыревского, Канашского, Порецкого, Чебоксарского и других районов крестьяне устроили массовый субботник на лесозаготовках. Все это делалось для того, чтобы заполнить досуг человека чем-то другим, не оставить для него свободного времени, где он мог бы предаться вере или взяться за стакан и в конце концов вытеснить старые формы празднования, сопровождающиеся пьяными гулянками и увеселениями культурными формами развлечений. В 20-х гг. широкий размах получил «праздник урожая»,

который отмечали в связи с окончанием земляных работ [2, с. 392]. Во время этого праздника члены партии, СВБ и других общественных организаций объясняли крестьянам необходимость перехода от деревянной сохи, к усовершенствованным сельскохозяйственным орудиям и технике, призывали отказаться от церкви. В результате чего, в обиход вошел обряд под названием «похороны сохи». В целом, этот праздник пробуждал чувства солидарности городских рабочих и сельского крестьянства, призывал к тесной связи рабочих с деревней.

Еще одним не менее важным народно-религиозным праздником, посвященным завершению весенних полевых работ, среди чувашей был «Акатуй». В 20-е гг. он превратился в «Красный акатуй» или «Колхозный акатуй». От старого, традиционного в нем были сохранены спортивные игры и состязания, вручение подарков победителям. Новым явлением стало подведение итогов весеннего сева, оглашение результатов социалистического преобразования быта и культуры чувашских крестьян. Таким образом, как сообщается в документах, этот национальный праздник стал всенародным культурным праздником чувашского народа [1. Ф. 1. Оп. 17. Д. 195. Л. 3, 33].

Не только христианские праздники испытывали давление со стороны нового руководства. Как известно, религиозные обряды являлись составной частью народной культуры и сопровождали человека всю его жизнь. Поэтому власть самыми решительными действиями стала бороться и с главными церковными обрядами. Нередко они, в прямом смысле этого слова, коверкались, высмеивались. Появился праздник октябрин, который стал заменять для комсомольцев обряд крещения [6, с. 181]. Существуют множество документов, подтверждающих распространение данного обряда на территории Чувашии. Речь также идет и о высокой степени заинтересованности жителей республики к данному виду крещения детей.

Например, в отчете Народного комиссариата внутренних дел Чувашской АССР с октября 1925 гг. по октябрь 1926 гг. отмечалось, что октябрины в городах происходили довольно часто. Практиковался обряд и в сельской местности. Так, в сентябре 1926 гг. имянаречение новорожденного было проведено в с. Большие Торханы Чувашско-Сорминской волости Ядринского уезда [3, с. 103].

Таким образом, нельзя не отметить, что все эти акции и кампании приносили свои в целом положительные результаты. Как сообщает ЦС СВБ ЧАССР в отчете о своей деятельности за 1934 гг., в современной советской Чувашии большинство населения, осознав вред религии, отошло от церкви и духовенства, многие здания закрыты и переделаны в культпросвет учреждения. В пределах Чувашии активно распространяются Красные свадьбы, октябрины, гражданские похороны. Резко сократилось количество верующих на селе, как и храмов [1. Ф. 1. Оп. 17. Д. 195. Л. 33]. Гораздо меньше стало поводов для посещения церкви, поскольку важнейшие события в жизни человека фиксировались в органах ЗАГС. Все это достигалось с помощью совместной и слаженной работы как коммунистической партии, так и добровольных общественных организаций, среди которых главным переделком был, несомненно, Союз воинствующих безбожников.

Список литературы

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР).
2. Денисов П.В. Религия и атеизм чувашского народа / П.В. Денисов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. – 477 с.
3. Козлов Ф.Н. Комсомол и его роль в становлении и развитии антирелигиозного движения в первое десятилетие советской власти (на материалах Мордовии, Марий Эл и Чувашии) / Н.Ф. Козлов // Youth. World. Politics. – 2013. – №1. – С. 96–105.
4. Красная Чувашия. – 1929. – 15 декабря. – №50.
5. Сипейкин А.В. Союз воинствующих безбожников как инструмент реализации антирелигиозной и антицерковной политики / А.В. Сипейкин // Вестник Тверского государственного университета. – 2009. – №43 (История). – С. 17–32.
6. Слезин А.А. Политический контроль среди молодежи 1920-х гг.: победы на «фронте повседневноности» / А.А. Слезин // Грамота. – 2011. – №3. – С. 180.

Касимов Евгений Витальевич

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
педагогический университет им. И.Я. Яковлева»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШИИ В ХОДЕ ПЕРВОЙ КАМПАНИИ ПО ЛИКВИДАЦИИ БЕЗГРАМОТНОСТИ (1920 г.)

***Аннотация:** статья посвящена проведению первой на территории Чувашии кампании по ликвидации безграмотности среди взрослого населения, развернувшейся весной 1920 г. В работе прослежено неоднородное отношение крестьянства к данной кампании, выявлены причины слабого посещения взрослого населения учебных занятий, дана оценка эффективности мероприятий советской власти по распространению грамотности. Делается вывод, что политика ликвидации безграмотности проводилась принудительно и вызвала отторжение у местного населения.*

***Ключевые слова:** ликвидация безграмотности, Чувашия, советская власть, школьные работники.*

Политика ликвидации неграмотности населения занимает видное место в истории Советской России. Ее идеологическая основа как составной части и необходимого условия культурной революции была разработана В.И. Лениным, в частности говорившим: «Пока у нас есть в стране такое явление как безграмотность, о политическом просвещении слишком трудно говорить... Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика» [10, с. 174]. О значении, придававшемся властью политике ликвидации безграмотности, свидетельствует тот факт, что работникам просвещения и культуры, проводившим в 1920 г. советскую политику на местах, прямо говорилось, что «истинной целью ликвидации безграмотности является распростране-

ние и закрепление идей коммунизма и вовлечения широких масс в общественную жизнь» [6, с. 6].

Столь важный аспект деятельности Коммунистической партии не мог остаться вне сферы внимания и советских, и современных исследователей. Однако в региональной историографии отправной точкой изысканий бралось образование Чувашской автономной области летом 1920 г. и постановление Чувашского облисполкома от 20 ноября 1920 г. о ликвидации неграмотности и об организации чрезвычайной комиссии при областном отделе народного образования. Таким образом, первая кампания по ликвидации безграмотности среди взрослого населения, развернувшаяся весной 1920 г., осталась «белым пятном» в исследованиях по данной теме. Настоящая статья призвана в определенной степени ликвидировать этот пробел и расширить наши представления о взаимоотношениях власти и населения в период социальных бурь и потрясений.

26 декабря 1919 г. Совет народных комиссаров принял декрет «О ликвидации безграмотности в РСФСР». На законодательном уровне провозглашалось, что «все население Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязано обучаться грамоте на родном или русском языке, по желанию» [11]. Народному комиссариату просвещения предоставлялось право привлекать всех грамотных лиц к обучению неграмотных на основе трудовой повинности.

На территории Чувашии реализация декрета началась уже со второй половины января 1920 г., хотя следует подчеркнуть, что в разных уездах мероприятия по ликвидации безграмотности протекали не одновременно. В основном в течение февраля был проведен учет количества грамотного и неграмотного населения, организованы курсы по подготовке ликвидаторов безграмотности, а в марте начались занятия, продолжавшиеся вплоть до первых чисел мая.

Реакция населения Чувашской автономной области на инициативу советского правительства была неоднозначной. В ряде селений крестьянство сочувственно отнеслось к ликвидации безграмотности и оказало посильную помощь в организации работы школ взрослых. Однако в целом большая часть неграмотного населения отрицательно и с недоверием отнеслась к мероприятиям по ликвидации безграмотности, проводившимся в принудительном порядке. Во-первых, многие совершенно искренне опасались, что обучение взрослых проводится неспроста и их будут записывать в коммунисты или в коммуны (в то время в деревне слабо представляли разницу между коммунистами и коммунарами). Также ходили слухи, что у обучающихся будут отрезать пальцы, руки [3, л. 6; 5, л. 22; 7, л. 142; 8, л. 4]. Поэтому еще на стадии подготовительных работ десятки селений отказались предоставить сведения о количестве грамотных и неграмотных граждан. Например, Акулевская волостная чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности (Чебоксарский уезд), заслушав 17 марта 1920 г. на совместном с внешкольной секцией заседании доклады своих уполномоченных, вынуждена была принять следующее решение: «Так как во многих селениях не все граждане дают сведения, постановили: если отказавшихся будет меньше 10 – вызвать в волчрезвычайком главу семейства, а если больше 10 – президиум сель-

ских Советов, которые вводят дезорганизацию по регистрации грамотных и неграмотных...» [3, л. 6 об.].

Во-вторых, население жаловалось на тяжесть выполняемых обязательных повинностей и несвоевременность обучения, на то, что посещение школы отрывает их от спешных домашних работ. Дело в том, что на март и апрель приходилась основная работа по изготовлению холста, а подавляющее большинство учащихся составляли женщины, поскольку мужчины были мобилизованы на фронт или на выполнение трудгужевой повинности.

Именно различным отношением населения к объявленной кампании по ликвидации безграмотности в значительной степени объясняется большой разрыв по времени начала занятий в разных селениях (хотя нередко задержка с открытием школ вызывалась также нехваткой школьных работников, трудностями с подысканием помещений под временные школы, отсутствием дров, учебников и письменных принадлежностей). К примеру, в д. Елюй Воскресенской волости Чебоксарского уезда занятия начались лишь 22 апреля 1920 г. Да и то к учебе здесь удалось привлечь всего 16 человек в возрасте от 14 до 20 лет, а обучение более старших возрастов было перенесено на осень [2, л. 23]. В ряде случаев сопротивление населения местным властям так и не удалось преодолеть. Например, от жителей с. Урмаево Кошелевской волости Цивильского уезда ко времени окончания кампании не удалось добиться представления хотя бы списка неграмотных [7, л. 143]. В мусульманских населенных пунктах Новоковалинской волости Цивильского уезда к обучению первоначально планировалось привлечь все неграмотное население в возрасте от 13 до 38 лет, но из-за противодействия населения возрастные рамки пришлось изменить: в д. Акзегитово возраст привлеченных к обучению граждан составил 8–38 лет, в д. Бакарчи и д. Айдарово – 8–17 лет, в д. Кугушево и д. Сунчалеево – 8–25 лет; в д. Тугаево школа взрослых так и не начала работу [7, л. 144].

В конечном счете, в силу различных объективных и субъективных факторов, в образовательный процесс удалось вовлечь небольшую часть неграмотных, по сравнению с их общим количеством. Например, инструктор по ликвидации безграмотности в Карамышевской волости Чебоксарского уезда, подводя в мае 1920 г. итоги кампании, отметил следующее: «При проведении в жизнь нашего плана по ликв[идации] встретилось еще следующее явление. Ежедневно стали осаждать чрезв[ычайную] ком[иссию] с бесчисленными заявлениями с просьбой освободить их до осени. Доводы представлялись разнообразными, как например: невозможно оставить малолетних детей дома без призора, болезни, экстренные отлучки из дома по своим делам, гужевая повинность и т. д., и т. д. Очень большой процент просителей ходатайствовал об освобождении их от занятий по чрезвыч[айной] слабости зрения и т. п. Вследствие таковых заявлений колич[ество] призванных, естественно, сократилось до минимума и пришлось выключить из списка призванных также и возраст выше 40 лет, т.к. главным работником в хозяйстве является этот возр[аст]». В итоге кампания по ликвидации безграмотности дала в волости следующие результаты: «До конца более или менее аккуратно посещавших школы в волости насчитывается 290 чел., уклоняющихся –

66 чел., освобожденных – 363, успешно кончило – 54 чел., неуспешно кончивш[их] – 236, на осень остается – 1119 чел.» [1, л. 10–11 об.].

Подчиняясь уговорам, а где-то угрозам, десятки тысяч крестьян все же были весной 1920 г. вовлечены в процесс обучения. Однако низкая посещаемость занятий стала одной из наиболее главных проблем проведения кампании по ликвидации безграмотности. Так, по докладом с мест по состоянию на 17 марта, в Ядринской волости Ядринского уезда школы посещали: в с. Чебаково – 18 человек из 201, в д. Верхние Мочары – 45 человек из 200, в д. Кудаша – 27 человек из 180, в д. Вурманкасы – 15 человек из 110 и т. д. [9, л. 8]

Естественно, нередко пропуски занятий вызывались уважительными причинами: неотложными работами по дому; различными болезнями и недомоганиями, тем более что в отдельных районах наблюдались эпидемии тифа; материальной необеспеченностью населения, принуждавшей к поиску средств для существования. Кроме того, одной из важнейших объективных причин низкой посещаемости следует назвать необходимость выполнения других обязательных повинностей, более важных с точки зрения военного времени, и в первую очередь – гужевой и трудовой. Например, в с. Полянки Ленинской волости Ядринского уезда из 176 неграмотных к середине марта посещали школу 57 человек, остальные были освобождены специальной комиссией, созданной из представителей волостной чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности и разных сельских учреждений [9, л. 8]. С середины апреля 1920 г., как отмечалось на съезде волостных инструкторов Цивильского уезда по ликвидации безграмотности, крестьяне стали категорически отказываться посещать школы, «ввиду огородных и полевых работ» [7, л. 141 об.].

Но очевидно и то, что среди важнейших причин низкой посещаемости, было целенаправленное уклонение учащихся от посещения занятий. О широком распространении данного явления в крестьянской среде свидетельствует множество фактов. К примеру, в д. Кукшумы Балдаевской волости Ядринского уезда из 448 неграмотных в первый день занятия посетили 30 человек, во второй – 15, а к 18 марта ни одного обучающегося не осталось. В д. Стрелецкая Слобода Ленинской волости того же уезда всего было учтено неграмотных 101 человек, а посещали занятия в середине марта только 9 человек. Сельсовет не раз созывал и общие собрания граждан, и особые собрания неграмотных, разъяснял о мерах наказания, но безрезультатно [9, л. 8].

Помимо отмеченных выше причин, пропускать занятия «побуждал» учащихся и острый недостаток средств обучения. Как подчеркивали сами инструкторы по проведению ликвидации безграмотности, учащиеся «справедливо указывали на то, что их принуждают учиться, между тем как ни книг, ни перьев не дают, что от посещения школ мало толку и что это пустая трата дорогого времени» [5, л. 23 об.]. Из-за отсутствия письменных принадлежностей бывало, что учащиеся во время отдельных занятий так и не получали возможность попрактиковаться в письме. Точно так же, бесцельно сидели на занятиях, скучая, и ученики, не имевшие букварей [5, л. 23 об.]. Поскольку дома практиковаться в чтении и письме учащиеся не могли, то, как отмечали инструкторы по ликвидации безграмотности, «многие, особенно женщины, просиженное за

день в школе к другому дню забывали» [2, л. 24]. Все это не способствовало поддержания интереса к обучению.

В итоге посещение неграмотными крестьянами школ взрослых пришлось обеспечивать принудительным путем. В основном к уклоняющимся от учебы применялись такие меры воздействия, как денежный штраф до 5000 руб., лишение права на получение фабрично-заводских и продовольственных товаров, назначение вне очереди на принудительные работы по устройству мостов, дорог и т. п. [3, л. 2 об.; 4, 15–15 об.]. Но эти меры далеко не всегда оказывались эффективными, наталкивались на противодействие местных органов власти или часто уклоняющихся наказывали «на бумаге», а в жизнь санкции не проводились ввиду занятости членов волостных чрезвычайных комиссий по ликвидации безграмотности, которые единственные имели реальные административные права [1, л. 11; 2, 26 об.].

Оценивая весеннюю кампанию 1920 года по ликвидации безграмотности на территории Чувашского края, можно сказать, что она была проведена в спешке, наскоком, без продуманной предварительной подготовки и достаточного материального обеспечения. В итоге политика принудительной ликвидации безграмотности вызвала отторжение у значительной части населения. Накопленный опыт не был в полной мере учтен при проведении осенней сессии ликвидации безграмотности, и поэтому не случайно в ходе крестьянского восстания, вспыхнувшего в Чувашской автономной области в январе 1921 г., школьные работники стали одним из главных объектов нападения, наряду с коммунистами, комсомольцами и работниками советских учреждений. В то же время нельзя не отметить, что в 1920 г. на территории Чувашии был сделан, несомненно, гигантский шаг на ниве народного просвещения, и десятки тысяч людей, несмотря ни на что, все же приобщились к грамоте. Этот путь оказался сложным и растянулся на несколько десятилетий напряженной работы.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-6. Оп. 4. Д. 122.
2. ГИА ЧР. Ф. Р-6. Оп. 4. Д. 126.
3. ГИА ЧР. Ф. Р-6. Оп. 4. Д. 128.
4. ГИА ЧР. Ф. Р-6. Оп. 4. Д. 130.
5. ГИА ЧР. Ф. Р-6. Оп. 4. Д. 131.
6. ГИА ЧР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 53.
7. ГИА ЧР. Ф. Р-151. Оп. 1. Д. 189.
8. ГИА ЧР. Ф. Р-675. Оп. 1. Д. 230.
9. ГИА ЧР. Ф. Р-675. Оп. 1. Д. 408.
10. Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов: Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. / В.И. Ленин // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970. – Т. 44. – С. 155–175.
11. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). – 1919. – №67. – Ст. 592.

Кириллова Алена Михайловна

старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ЧУВАШИИ НА ПОСЕЛЕНЧЕСКОМ УРОВНЕ В XVIII–XIX вв.

Аннотация: в данной статье поднимаются вопросы укрепления самостоятельности поселенческого уровня местного самоуправления. Как отмечает автор, в истории местного управления в Чувашии отразились основные события и явления развития абсолютизма в XVIII – первой половине XIX вв.

Ключевые слова: сельское самоуправление, самостоятельный уровень власти, исторические особенности определения территорий поселения, сельский уровень местного самоуправления, проблемы укрепления самостоятельности.

Вопросы, посвященные реформированию сельского самоуправления, всегда были сложными и дискуссионными. Механизм реализации государственной политики и взаимодействия власти и общества во «внутренних окраинах» России практически не учитывал стремление крестьянина изменить свою жизнь к лучшему. Власть, пытаясь сохранить свое преимущественное положение в деревне, больше руководствовалась собственными интересами стремясь сохранить и укрепить свои политические позиции. Административные реформы местных органов управления на территории Чувашии в XVIII–XIX вв. не учитывали этнические и конфессиональные особенности территорий, игнорировали национально-культурные интересы народа, в том числе и на территории современной Чувашии – составной части Среднего Поволжья. Это все отразилось в специфике управления «окраинами».

Такие особенности Чувашии XVIII–XIX вв. как: высокая плотность населения, преобладание чувашского населения, национальный, языковой и культурный барьер между русскоязычными чиновниками и чувашским крестьянством, приверженность чувашского народа традиционной культуре и языческой религии отражались в практике деятельности местных органов власти. Определенную сложность для местного самоуправления создавали и условия национального аграрного региона, который стал питательной средой для развития мздоимства и взяточничества среди чиновничества. Его масштабы и элементы организации признавались огромными даже высокопоставленными чиновниками страны. Деятельность органов общего и ведомственного надзора была призвана бороться с нарушениями законности в системе местного управления, однако эта борьба была направлена не на причины явления, а его последствия, поэтому искоренить злоупотребления не помогла. Деятельность местных органов управления была направлена на реализацию широкого круга их функциональных обязанностей (административных, полицейских, судебных, фискальных, финансовых и др.), позволяла реализовывать внутреннюю политику государства и обслуживать запросы и потребности населения. Составляя

незначительную часть населения, чиновничество осуществляло управление краем, оказывая влияние на разные сферы его жизни. В XVIII в. показатели его состава практически не отличались от общероссийских. Табель о рангах вводил принцип личной выслуги, последовательного продвижения по служебной лестнице [2]. В конце XVIII – первой половине XIX вв. основную массу табельных чиновников на территории Чувашии составляли чиновники третьего разряда, занимавшие высшие канцелярские и низшие исполнительные должности. Чиновничество являлось наиболее образованной категорией населения, многие его представители занимались профессиональным, художественным и научным творчеством, внесли вклад в развитие культуры Чувашии и чувашского народа. Чиновники российских и европейских научных и литературных сообществ были среди чиновников Чувашии, в том числе и представители титулованного дворянства. Местные власти опосредованно решали задачу внедрения в сознание населения государственной идеологии. Активно она выполнялась в ходе массовой насильственной христианизации нерусских народов Среднего Поволжья в XVIII в. сопровождавшейся наступлением на традиционную культуру нерусских народов и усилением налогового гнета.

Низовым звеном местного управления являлась система крестьянского самоуправления, в функционировании которой на территории Чувашии существовали свои особенности. Это был период, когда попытку корректировки реформы предпринимали сами крестьяне, а не правительство, что неоднократно наблюдалось впоследствии. Решение главного земельного вопроса, крестьянство пыталось отстоять помощью веками складывавшихся общинных традиций. В начале XIX в. при поддержке местных властей получила распространение практика замещения мирских должностей бедными крестьянами из расчета на их покорность. Должностные лица крестьянского самоуправления в практике своей деятельности зачастую руководствовались не только служебными инструкциями, но и их религиозными взглядами. В годы массовой христианизации с подачи центральных властей создавались дублирующие органы крестьянского самоуправления, подотчетные чиновникам Новокрещенской канцелярии, что порождало конфликты между местными властями и новокрещенскими чиновниками за влияние на крестьян-новокрещенцев [1].

По причине того, что члены волостных правлений в силу неграмотности и плохого владения русским языком не могли контролировать волостных писарей, последние, располагая властью на волостном уровне, хотя являлись лишь техническими работниками.

Наряду с легитимными органами крестьянского самоуправления существовали незаконные, которые взаимодействовали с первыми. Например, в 1822 г. Казанской духовной консисторией был ликвидирован институт церковных десятников, контролировавших соблюдение новокрещенцами православных обрядов [1].

Посредническую роль во взаимоотношениях между чувашскими общинами и государственными учреждениями играли так называемые коштаньы, оказывавшие большое влияние на решения мирских сходов. Феномен коштанства наблюдается на всем протяжении XVIII в. Усиление феодального гнета и чиновничий произвол порождали социальный протест. Его формами являлись подача коллективных жалоб и челобитных, бегство на вольные земли, отказ от выполнения государственных повинностей и др. Роль лидеров в борьбе крестьян за свои права (в том числе при вооруженных восста-

ниях) нередко играли мирские должностные лица и коштаны. В рассматриваемый период население Чувашии приняло участие в Крестьянском восстании 1773–1775 гг. и Акрамовском крестьянском восстании 1842 г. В результате первого восстания ощутилось большее закрепощение крестьян, так как они практически полностью лишились свободы и некоего подобия гражданских прав. Восстания охватили Кокшайский, Чебоксарский, Цивильский, Козьмодемьянский уезды Казанской губернии, Ядринский и Курмышский уезды Нижегородской губернии, населенные в основном чувашами. Крестьянское восстание 1773–1775 гг. выявило слабость местной власти. Акрамовское восстание 1842 г. началось в мае в селе Акрамово (Козьмодемьянский уезд) как ответная реакция на введенную повинность «общественные запашки». Это восстание показало – управленческие просчеты и недоверие со стороны чувашского крестьянства.

Примечание: Коштан, в современной орфографии куштан, в старой чувашской деревне – лицо, часто выступавшее как посредник и защитник интересов общины.

Изучение российского крестьянства в целом, его поведенческих стереотипов в период того или иного хронологического отрезка невозможно без проведения анализа повседневной жизни крестьян, их быта, нравственных основ, религиозной культуры и стереотипов мышления. В целом, в истории местного управления в Чувашии отразились основные события и явления развития абсолютизма в XVIII – первой половине XIX вв.

Список литературы

1. Малов Е.А. О Новокрещенской конторе / Е.А. Малов. – Казань: Тип. Императорского университета, 1878. – 208 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – 1972. – Т. 6. – №3 (890). – 24 января. – С. 486–493.

Козырева Кристина Игоревна

аспирант

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»
г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

DOI 10.31483/r-22255

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В МАРИЙСКОЙ АССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.): ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация: в статье рассматривается степень изученности деятельности правоохранительных органов в Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны. Авторами определяется вклад преподавателей Марийского государственного университета в изучение родного края. Освещена активная публикационная деятельность Государственного архива Республики Марий Эл. Издания рассчитаны на широкий круг читателей.

Ключевые слова: милиция, прокуратура Марийской АССР, Верховный суд Марийской АССР, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Государственный архив Республики Марий Эл.

В годы Великой Отечественной войны нависла смертельная угроза над советским социалистическим государством. Условия военного времени,

внесли изменения в функционировании правоохранительных органов государственной власти. 22 июня 1941 года вводится в действие указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении», и основным программным документом государственных органов Марийской АССР стали от 29 июня 1941 г. «Директивы СНК СССР и ЦК ВКП (б) партийным и советским организациям прифронтовых областей».

В региональной историографии тема деятельности правоохранительных органов государственной власти в Марийской АССР в период Великой Отечественной войны не изучены в полной мере. В статье становится задача провести комплексный историографический обзор литературы по данной теме.

Указом Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» изменения коснулись в судебной системе. Военные трибуналы создавались в армии, фронте, флоте и в тылу. Трибуналам подсудными становились военные и гражданские дела, касающиеся хищения государственной собственности, уклонение от воинской обязанности, убийства и т. д.

В период военных действий органы прокуратуры, выполнявшие функции кроме надзора за соблюдением закона, контролировали надзор за исполнением постановлений ГКО, партийных и правительственных директив.

20 июля 1941 года объединяются НКВД СССР и Наркомат государственной безопасности СССР. Милиция осуществляла охрану общественного порядка в мирное время, а в военное время дополнительной функцией стало привлечение населения к работам оборонного комплекса, борьба с дезертизмом, мародерством, предотвращение распространения ложных слухов, привлечение к военной службе.

О деятельности правоохранительных органов в Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны в региональной историографии не отражены в полном объеме [6]. Сведения о судебной системе, милиции и органе прокуратуры информация очень скудна.

С 2000-х годов Государственный Архив Республики Марий Эл выпускает ряд публикаций отражающих деятельность органов государственной власти в РМЭ. «Органы государственной власти и управления Республики Марий Эл [7]» и «Исполнительная власть Республики Марий Эл [5]».

Первое издание, выпущенное в 2002 году «Органы государственной власти и управления Республики Марий Эл» предназначен для историков, студентов и специалистов, занимающихся юриспруденцией и управлением. Издание включает в себя три раздела: органы государственной власти, органы управления и органы правосудия, осуществляющие свою деятельность с 1921 по 1991 года.

С 2007 года Государственный архив Республики Марий Эл выпускает четыре тома посвященных исполнительной власти Республики Марий Эл с 1921 по 2008 года. Второй том охватывает период от 1938 по 1961 года, где имеется информация в виде иллюстрации и кратких биографических сведений о некоторых руководителей Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны.

Первая публикация о деятельности Верховного суда Республики Марий Эл [1] была выпущена под общей редакцией В.С. Глушкова и Ф.В. Габдрахманова в 2008 году. «Право и суд в контексте истории и современности», раскрывает историю развития Верховного суда в Марийском крае: проблема строительства судебных зданий в районах (где отсут-

ствовало), обустройство зала судебного заседания. Сборник включает краткое изложение, иллюстрации судей, тех, кто работал и работает в Верховном суде Республики Марий Эл до 2008 года. Публикация не в полном объеме раскрывает деятельность суда во время Великой Отечественной войны. Интерес читателя производит сравнение положения суда во время Великой Отечественной войны и современности. Издание предназначено для студентов и аспирантов, память для самих ветеранов и работников судебной системы разных уровней в Республике Марий Эл.

В 2005 году выпускается, первое комплексное исследование деятельности органов милиции [2] в Марийском крае. Данная монография охватывает временные рамки от 1917 по 1941 гг. в Марийской АССР. Монография состоит из трех глав, рассматривающие вопросы развития Рабоче-Крестьянской милиции, изучение нормативно-правовой базы и организационно-структурных изменений в данный период, дана характеристика функционирования советской милиции и особенности деятельности в Марийской АССР. Автор использовал для данной монографии огромный объем архивного материала Государственного архива и архива МВД Республики Марий Эл.

В изданиях Марийского государственного университета: «Вестник Марийского государственного университета». Серия «Исторические науки. Юридические науки» [4] и «Марийский юридический вестник» [3] посвящены несколько статей о деятельности милиции в годы Великой Отечественной войны. Втором статьей является В.А. Иванов – доктор юридических наук, профессор МарГУ, раскрывающий организационно-кадровые аспекты деятельности милиции в годы Великой Отечественной войны, изучение структуры, совершенствование качественного состава. Автор в своей работе использовал огромный массив историко-правового материала по данной теме.

О деятельности правоохранительных органов Республики Марий Эл изучены по определенным периодам. Полной информации о каждой из них отсутствует. Издания по их деятельности, милиции и Верховного Суда Республики Марий Эл, рассмотрены до войны 1941–1945 гг. или скудные сведения об их работе. Публикаций статей или иных сведения про Прокуратуру в Марийской АССР в период Великой Отечественной войны нет. Для изучения судебной системы, деятельности органов прокуратуры и милиции остается огромный массив неизученных архивных документов хранящихся как в Государственном архиве Республики Марий Эл, так и в самих учреждениях Верховного суда Республики Марий Эл, Прокуратуры Республики Марий Эл и МВД Республики Марий Эл.

Список литературы

1. Глушков В.С. Право и суд в контексте истории и современности / В.С. Глушков, Ф.В. Габдрахманов. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 720.
2. Иванов В.А. Милиция в Марийском крае в 1917–1941 гг.: проблемы организации и деятельности. – Йошкар-Ола, 2005. – С. 640.
3. Иванов В.А. Милицеские парторганизации Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны // Марийский юридический вестник. – 2016. – №18. – С. 12–16.
4. Иванов В.А. Организационно-кадровые аспекты деятельности милиции в годы Великой Отечественной войны // Вестник Марийского государственного университета. Сер. Исторические науки. Юридические науки. – 2015. – №2. – С. 55–59.
5. Исполнительная власть Республики Марий Эл 1921–2008 гг.: сборник документов. – Йошкар-Ола, 2007. – Т. 1. – С. 416.

6. Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны: сборник документов и материалов / под ред. В.И. Дьяконова. – Йошкар-Ола, 1967. – С. 453.

7. Органы государственной власти и управления Республики Марий Эл. 1921–1991 гг. – Йошкар-Ола, 2002. – С. 307.

Колупаев Дмитрий Владимирович

д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный
технический университет им. И.И. Ползунова»
г. Барнаул, Алтайский край

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ В УПРАВЛЕНИИ СИБИРЬЮ В XIX ВЕКЕ И III ОТДЕЛЕНИЕ СОБСТВЕННОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИИ

***Аннотация:** в статье представлены материалы, отражающие процесс наблюдения за соблюдением законности в Сибирском регионе в середине XIX века со стороны различных структур управления императорской России. Впервые исследуется вопрос об участии в этом процессе одной из первых спецслужб императорской России – III отделения Собственной его Императорского Величества Канцелярии. В данной работе использованы историко-сравнительный метод исследования, представлены архивные материалы ГАРФ.*

***Ключевые слова:** законность в Сибири в XIX веке, Сибирский регион, Сибирский комитет, III отделение Собственной его Императорского Величества Канцелярии.*

Развитие управления территориями, входящими в состав того или иного государства, являются главной задачей любой государственной системы. Для России, главной особенностью которой является большая протяжённость её территории эффективность управления – основная проблема государственного регулирования социумом. Такой регион российского государства, как Сибирь начиная со своего вхождения в состав России, представлял собой проблему в способах управления, с соблюдением всех форм законности, поскольку удалённость региона от центра страны, давала возможность к тем или иным формам злоупотреблений властью со стороны местного чиновничества. В XIX веке имперское правительство России начала искать новые формы для наиболее эффективного руководства таким регионом как Сибирь.

Сложности, с которыми сталкивалась имперская бюрократия в создании эффективных способах руководством таким регионом как Сибирь, имело ряд объективных причин. Как отмечают современные исследователи сибирской истории «...(сибирский регион) весьма разнороден в природном и экономическом отношении, не обладал административным единством, не имел сколько-нибудь ясно очерченной границы в степной зоне на юге... В Сибири существует длительная традиция «региональной истории», и на её примере особенно ясно видна общая тенденция, кото-

рая заключается в рассмотрении региона как самодостаточного целого при сведении к минимуму его взаимодействия с центром» [1, с. 15–16].

В своей повседневной административной практике структуры имперской России к началу XIX века выработали определённый стиль руководства отдалёнными регионами на расстоянии. Современные российские историки характеризуют этот стиль следующим образом: «Реальное административное поведение империи на окраине представляло собой совокупность (зачастую не систему и даже не комплекс) правительственных мероприятий, направленных на сохранение государственной целостности, хозяйственное освоение регионов, ответы на этнические, конфессиональные и социокультурные вызовы, а также учёт управленческих и правовых традиций... Управленческое взаимодействие центра и региона включало в себя диалог двух сторон (центральных и местных государственных деятелей), позиции которых зачастую не совпадали» [2, с. 169].

В период имперской России (XVIII–XIX вв.) в административном плане просторы Сибири управлялись с меньшей долей централизации, чем европейские губернии империи. Только генерал-губернаторы Сибирских губерний назначались из Петербурга. Чиновники меньшего ранга в массе своей представляли собой местный контингент населения. Мало кто из столиц империи хотел ехать делать карьеру в Сибири, не смотря на льготную выслугу по чинам и большую оплату своей должности. Рекрутируемые в административные органы управления в Сибири представители местных элит в своей управленческой деятельности претендовали на определённую самостоятельность в рассмотрении сибирских проблем, имели некоторые возможности проводить достаточно самостоятельную политику в управлении, например, сибирскими уездами, которая, до известной степени расходилась с требованиями имперского центра.

Официальный Петербург был извещён об этих своеобразных формах регионализма сибирских чиновников мелкого и, в немалой степени, среднего уровня. Информацию петербургские чиновники получали при помощи широко практикуемой практики тайных ревизий сибирских регионов. На полученную информацию министры императорского правительства реагировали практикой частой смены сибирских генерал-губернаторов. Однако эта политика не всегда имела эффект в решении управленческих проблем. Причина административного топтания на месте заключалась в том, что «...Смена персоналий на генерал-губернаторском посту имела нередко определяющий характер на направление ... правительственных мероприятий. Парадокс развития генерал-губернаторской власти в Сибири заключался в том, что при видимом расширении полномочий главы местной администрации он продолжал действовать без чёткой юридической регламентации» [2, с. 170]. Отсутствие чётких форм законодательства приводило к тому, что как сами генерал-губернаторы, так и их местные чиновники нередко злоупотребляли своим служебным положением. Сибирское население реагировало на это уходом в более глухие места регионов, а то и бегством в другие страны. Последний способ был характерен для киргизских и казахских кочевых родов. Неясность сочетаний российского законодательства и местного обычного права приводили к трудностям в управлении южными регионами Сибири. Путаница в определении административной

принадлежности различных родов киргизских и казахских кочевий приводило к отсутствию чётких параметров в определении функционирования управления, суда, налоговой системы в южных регионах Западно-Сибирской губернии. Нередко результаты этой административной неурядицы приводили к волнениям в среде кочевых народов. Именно на эти проблемы было обращено внимание в совместной записке Военного министерства, МИД и МВД представленной императору Александру II 19 декабря 1863 года. В отношении административной неразберихи управления южными сибирскими регионами в этой записке говорилось следующее: «Несообразность раздробления главного управления киргизами представляет собой значительные неудобства и невольно порождает в обыкновенное время, но в случае неурядиц или волнений между ордынцами, такой порядок вещей может иметь самые пагубные последствия; тем более, что киргизы одной из областей смотрят на своих соплеменников, подчинённых другому ведомству, как на подданных другого владетеля; существовало в правительственных кругах предание, что бухарский эмир якобы предлагал западносибирскому генерал-губернатору союз против оренбургского генерал-губернатора» [2, с. 173].

Все эти особенности в управлении такого обширного и удалённого региона как Сибирь вынудили правительство императорской России в начале XIX века начать цикл реформ по системе управления сибирским регионом и обеспечения в нём норм законодательства. «Реформа сибирского управления осложнена была необходимостью вести борьбу с злоупотреблением управления, борьбу с личным началом, нечуждым самым коренным областям русского государства и в сильной степени господствовавшими в Сибири. Надлежало разрешить вопрос подчинения управления закону, контроля над управлением» [9, с. 99–100].

С целью осуществления реформ управления в Сибири при правительстве России был создан Сибирский комитет. По окончании войн с Наполеоном в 1812–1815 гг., в Сибирь был направлен губернатором известный реформатор М.М. Сперанский.

По прибытии в 1819 году на место службы М.М. Сперанский начал быстро вникать в проблемы местного управления с провозгласив политику так называемой «гласности». Главной её особенностью стал тот факт, что обращение с жалобой местного населения к самому высокому начальству перестало «составлять преступление» для методов руководства в Сибири. В своём отчёте в сибирский комитет о своих административных мероприятиях по укреплению законности в управлении Сибирью М.М. Сперанский писал: «Общим предметом было лихоимство в разных его видах, как-то; лихоимство при хлебных заготовлениях и запасах, при устройении дорог и отправлении земских повинностей, при торговле с ясачными, при поселениях, при назначении волостных издержек и разных между инородцами дел, – лихоимство, сопряжённое с насилием и вольными наказаниями» [9, с. 101].

В ходе проведения следственных мероприятий по искоренению злоупотреблений в системе управления сибирскими уездами были отстранены от своих должностей бывший сибирский генерал-губернатор И.Б. Пестель (кстати отец будущего декабриста), а также губернаторы Томска и Иркутска. Под следствием оказались 48 чиновников разного ранга, впо-

следствии представших перед судом; 681 чиновник были обвинены в противозаконных действиях; среди них было 256 «инородческих начальников» [8, с. 34–40]. Количество следственных мероприятий против злоупотреблений сибирских чиновников составило 75 дел, а сумма судебных взысканий составила 2800 000 рублей [9, с. 101].

По поводу результатов своего пребывания в Сибири сам М.М. Сперанский писал: «Где недостаёт законов, там всем управляет личная власть. Отсюда укоренилась в Сибири столетняя привычка ничего не ожидать от закона, и всего надеяться или бояться от первого лица, и следовательно привычка в каждом деле прибегать к деньгам» [9, с. 101].

Среди законодательных реформ, проведённых в Сибири лично М.М. Сперанским следует отметить следующие меры: издание в ноябре 1819 г. «Подтвердительных правил о свободе внутренней торговли» в Сибири, согласно которым были ликвидированы все виды ограничений на торговые сделки, а также различные формы монополий. Введение свободной торговли, по мысли Сперанского, способствовало бы развитию более высоких урожаев зерна и производству хлеба, в которых Сибирь испытывала острый недостаток даже в те периоды, когда урожаи были высокими. Для обеспечения нужд сибирского местного законодательства М.М. Сперанский издал два проекта законов, которые впоследствии были утверждены императорскими законодательными органами. Это были «Учреждения для управления Сибирских губерний» и «Устав об управлении инородцев».

Тем не менее, проблемы с соблюдением законности в управлении сибирским регионом продолжали иметь место в административной практике. Периодически центральная власть в императорской России продолжала посылать ревизии в Сибирь. Так, ревизия Сибирского управления в 1851 году генералом Н.Н. Анненковым вскрыла многие беспорядки в деятельности различных органов Сибирского управления и отступление от законов. В Санкт-Петербурге задумались об изменениях и усилениях в осуществлении соблюдения норм законности в управлении Сибирским регионом. Решено было привлечь к работе об усилении законности в Сибири III-е отделение Собственной его Императорского Величества Канцелярии.

Ещё в самом начале деятельности III-его отделения А.Х. Бенкендорф требовал отправки в конце 1826 г. в Сибирь для наблюдения за законностью «...надёжного и благоразумного штаб-офицера жандармского корпуса» [6, л. 1 об.]. После поездки означенного офицера в архивах первой спецслужбы государства российского стали накапливаться материалы о нарушениях законности в управлении Сибирью. С целью их выявления в Сибирь был отправлен чиновник III-его отделения полковник А.И. Маслов. Он должен был объехать Тобольскую и Томскую губернии. В ходе своей ревизии представитель III-его отделения обнаружил нарушения в делах следующего содержания: в распределении арестантских денег, в торговле с инородцами и вообще в формах социального общения российских чиновников и купцов с инородческим населением Сибири; в случаях осуществления попыток при дознаниях, имевших место в Томской губернии и избении арестантов кнутом [3, Л. Л. 83.85, 87]. Впоследствии уже в 1833 году шефу III-его отделения А.Х. Бенкендорфу поступали сведения о злоупотреблениях в Земской комиссии Западной Сибири [4, Л. Л. 8, 89]. В дальнейшем в секретных ра-

портах в штаб первой российской спецслужбы поступали постоянные сведения и рапорты жандармских начальников о слабостях местной администрации в Сибири. Так, В 1834 году в донесении шефу III-его отделения от помощника XI жандармского округа М. Гедена из Томска о положении Сибирского края говорилось следующее – «...возможным бедствием корень – слабое управление Сибирью» [5, Л. 3 об.].

Постоянное наблюдение за степенью эффективности в управлении Сибирью выработала в недрах III-его отделения особый стиль работы с сибирским регионом. Для жандармского корпуса создавались особые инструкции для работы с местными органами власти в Сибири. Так, в 1867 году III-е отделение выработала временную инструкцию для работы в Сибири нижним чином наблюдательного состава жандармского корпуса. В ней, в частности, говорилось: «Нижним чином не вмешиваться в распоряжения местных властей, но о всяком противозаконном распоряжении или действии, кого бы то ни было, о всяком происшествии немедленно доносить своему начальству» [7, л. 1].

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении материалы, позволяют констатировать, что первая в России спецслужба – III-е отделение Собственной его Императорского Величества Канцелярии занималась не только политическим сыском. Сложности управления территориями огромной Российской империи требовали не стандартных мер по обеспечению соблюдения законности при деятельности административных органов на местах. Постоянные ревизии системы управления Сибирью, которые осуществлялись различными министерствами из Санкт-Петербурга дополнялись тайными ревизиями сотрудников III-его отделения в сибирский регион. Подобная практика контроля за формами управления помогало правительству российской империи в XIX веке обеспечивать эффективность административной системы государства.

Список литературы

1. Миллер А.И. Новая история Российской империи: региональный или ситуационный подход // Азиатская Россия: люди и структуры Империи: сборник научных статей. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – С. 15–22.
2. Ремнёв А.В. Степное генерал-губернаторство в имперской географии власти // Азиатская Россия: люди и структуры Империи: сборник научных статей. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – С.163–221.
3. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 29 (2). Л.Л. 83 об. 85, 97.
4. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 8. Д. 89. Л. 8.
5. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 192 (1). Л. 36 об.
6. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 828. Д. 29. Л. 1 об.
7. ГАТО. И 239. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
8. Дамешек Л.М. Личность в истории Сибири XVIII–XX веков. – Новосибирск, 2007. – С. 34–40.
9. Прутченко С. Сибирские окраины: Историко-юридические очерки. – СПб., 1899.

Краснова Марина Николаевна

канд. филос. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО (НА ПРИМЕРЕ ЧГУ ИМ. И.Н. УЛЬЯНОВА)

Аннотация: как отмечает автор, патриотическое воспитание – важное направление воспитательной работы вуза. Основными традиционными механизмами являются: поисковое движение, музейная работа, научные исследования в этой области, встречи с ветеранами войны. В настоящее время используются и другие формы, как то: изучение студентами курса, участие в волонтерском движении.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, поисковое движение, грантовая поддержка, волонтерство, Чувашский госуниверситет.

Одно из направлений воспитательной работы вуза является патриотическое воспитание. Это важно для любого государства. Как писал английский мыслитель XIX века Дж. Милль «Достоинство государства зависит в конечном счете от достоинства образующих его личностей». Для этого необходимо воспитать в человеке патриота своей страны, именно патриот сможет принести пользу государству, он будет одержим желанием служить своему Отечеству. К проблеме патриотического воспитания обращался не один исследователь. Много трудов было опубликовано в советский период, в переходный период тема стала даже более актуальной, т.к. открытые границы привели к оттоку части населения СССР за рубеж, в обществе возникло ощущение, что не нужно быть патриотом, нужно искать лучшей жизни, а патриотизм лишь чья-то выдумка.

Но и были те, кто понимал, что разрушить государство, потерять гражданина легко в условиях социально-экономической и политической нестабильности. Для воспитания патриота необходимо постоянная работа с молодым поколением. ЧГУ им. И.Н. Ульянова никогда не прекращал работу в этом направлении.

Одно из направлений патриотической работы было поисковое движение. В 1990 г. в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова был организован студенческий поисковый отряд. Инициатором создания отряда был преподаватель кафедры археологии, этнографии и региональной истории, кандидат исторических наук Борис Васильевич Каховский. Ввиду того, что Б.В. Каховский был профессиональным археологом, с методикой работ по эксгумации был знаком, что являлось большим преимуществом созданного поискового отряда. Для проведения полевых работ способствовало и наличие у отряда материально-технической базы. В частности, отряд имел автомобиль «КамАЗ», переданный на прокат Камским автомобильным заводом. Три года подряд были организованы

выезды поискового отряда. В связи с невозможностью материального обеспечения поискового отряда его деятельность была прекращена.

Второе направление – создание и работа музея боевой и трудовой славы. Члены поискового отряда проводили сбор предметов, которые в дальнейшемполнили собрание данного музея. Он базировался на территории военной кафедры Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова [3, с. 244].

Третье направление – научно-исследовательская работа преподавателей вуза, диссертационные исследования по заявленной тематике [1; 6].

Четвертое направление – организация встреч ветеранов со студентами на факультетах.

Эти традиции и в настоящее время поддерживаются в ЧГУ им. И.Н. Ульянова. 1 января 2013 г. при ЧГУ им. И.Н. Ульянова создается поисковый клуб «Георгиевская лента». Сегодня в их работе принимают участие не только студенты историки, но и географы, юристы, школьники [3, с. 244].

Поисковый отряд «Георгиевская лента» участвует в учебно-тренировочных сборах и слетах, ежегодно выезжает в «поля». В 2013–2016 гг. это Бельский район Тверской области [5], 2016–2018 года – Крым, в район сражений за Севастопольскую землю.

В ноябре 2013 года на историко-географическом факультете Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова был открыт музей истории Великой Отечественной войны, ставший учебно-методической лабораторией поискового движения в университете [4, с. 322]. На сегодняшний день музей насчитывает более 500 предметов музейного значения, среди которых можно встретить и редкие вещи. Поисковое движение, участие в нем, по мнению самих членов поисковых формирований, помогает ребятам на конкретных примерах ощутить себя в истории связующим звеном между прошлым и будущим. Это создает благоприятные условия для гражданского и патриотического воспитания молодых россиян, и в первую очередь тех, кто непосредственно участвует в деятельности поисковых объединений.

Продолжается научно-исследовательская работа. Проводятся международные и всероссийские, региональные конференции [5; 6; 9], в рамках ежегодных студенческих конференций организуются секции, посвященные ходу и итогам Великой отечественной войны. На историко-географическом факультете совместно с фондом «Дети Отчизны – достойная смена» проходят открытые конкурсы научно-исследовательских и творческих работ для студентов и школьников преимущественно историко-патриотической направленности [8, с. 100]. Патриотизм является предметом социсследований. Как показывают результаты, большая часть выражает свой патриотизм в любви к родине, готовности ее защищать [2, с. 24]. Среди традиционных форм остаются встречи с ветеранами войн, известными представителями культуры и общественной деятельности.

Новаторством в системе патриотического воспитания является введение в учебный процесс дисциплины «Граждановедение и патриотическое воспитание» на всех факультетах вуза [8, с. 98]. Не остаются в стороне и сами студенты, их активность проявляется по формированию патриотизма среди молодежи участием в программе «Волонтер Победы». Среди основных направлений «Моя история», «Наши Победы», «Медиапобеды», «Великая

Победа». Студенты ко Дню Победы проводят «Уроки Победы» в школах, раздают георгиевские ленточки и т. д. Студенческие общественные организации участвуют в конкурсе грантов на получение государственной поддержки для реализации проектов патриотического воспитания молодежи.

Таким образом, В ЧГУ им. И.Н. Ульянова патриотическое воспитание сочетает традиционные и современные формы. В вузе налажена деятельность поискового отряда, работа музеев патриотической направленности, организуются научные и просветительские мероприятия. Студенты не являются сторонними наблюдателями, а принимают самое активное участие в формировании личности патриота своей Родины.

Список литературы

1. Арсентьева А.В. Проблемы воспитания патриота в современных условиях / А.В. Арсентьев, А.П. Петрянкина // *Семья в России*. – 2002. – №1. – С. 83–90.
2. Василенко О.В. Историческая память и представления студентов о патриотизме (опыт исследования читательских интересов) / О.В. Василенко, О.В. Карпова, М.Ю. Харитонов // *Вестник Чувашского университета*. – 2018. – №4. – С. 21–36.
3. Вязова О.Г. Полвека на ниве образования: к 50-летию ЧГУ имени И.Н. Ульянова / О.Г. Вязова, О.Н. Галошева, А.П. Данилов, Т.Н. Иванова, Р.А. Идрисов, М.Н. Краснова. – Чебоксары, 2017.
4. Краснова М.Н. Основные направления деятельности музея истории великой отечественной войны ЧГУ им. И.Н. Ульянова / М.Н. Краснова, Т.А. Суворова // *Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова)*. VII Арсентьевские чтения. – Чебоксары, 2017. – С. 320–323.
5. Краснова М.Н. Поисковое движение Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова как память о Великой Отечественной войне / М.Н. Краснова, Т.А. Суворова // *Россия и Китай в борьбе с мировым фашизмом материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы во Второй мировой войне*. – Чебоксары, 2016. – С. 101–107.
6. Петрянкина А.П. Воспитание патриотически ориентированной личности старшеклассника в процессе изучения истории в современных условиях (на материале Чувашской Республики): дис. ... канд. пед. наук. – Казань, 2002.
7. Проблемы воспитания патриотизма и гражданственности в полиэтническом регионе: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2011.
8. Широков О.Н. Опыт организации патриотического воспитания в классическом университете / О.Н. Широков, Т.Н. Иванова, Р.А. Идрисов, Д.А. Ялтаев, С.Н. Кодыбайкин // *Высшее образование в России*. – 2014. – №11. – С. 97–104.
9. XX век в истории России. Гражданственность и патриотизм народа в годы великих потрясений и мирного строительства. – Чебоксары, 2016.

Левин Владимир Ильич

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Петербургский государственный
университет путей сообщения
Императора Александра I»
г. Санкт-Петербург

DOI 10.31483/r-32274

ПРЕДСТАВИТЕЛИ МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 1905–1917 гг.

***Аннотация:** тема статьи относится к одному из аспектов взаимоотношений власти и общества, который показан через призму деятельности депутатов-железнодорожников в представительном органе государственной власти – Государственной Думе. В работе показана деятельность депутатов-железнодорожников по защите интересов работников железнодорожного транспорта, а также и интересов всех работников наемного труда. В ходе исследования выявлена немаловажная роль железнодорожной секции социал-демократической фракции в деятельности Государственной Думы.*

***Ключевые слова:** Государственная Дума, самодержавие, железнодорожная секция, социал-демократическая фракция, представительные органы власти, курия, Всероссийский железнодорожный союз, социальное страхование.*

Депутаты, избранные в представительные органы власти, есть представители народа и тех социальных групп народонаселения, которые на выборах отдали свои голоса за тех или иных кандидатов в депутаты. «Представительство должно рассматриваться не как представительство какой-либо вещи, которая не есть сам народ, а как самопредставительство народа, как такая государственная деятельность, которая не будучи единственной, исключительной государственной деятельностью народа, отличается от прочих проявлений его государственной жизни только всеобщностью своего содержания» [1, с. 236].

В отличие от многих европейских стран, где парламентские традиции складывались веками, в России первое представительское учреждение в новейшем понимании этого термина, как сочетание трех главных функций современного парламента – представительство, законодательство и контрольная функция – было создано лишь в 1906 году, в ходе Первой русской революции, получив название Государственной Думы. До образования первого российского парламента Россия представляла собой абсолютную монархию в виде самодержавия. С образованием Государственной Думы самодержавие стало эволюционировать к буржуазной монархии. Дважды Думу разгоняло правительство. Тем не менее она просуществовала около 12 лет, вплоть до падения самодержавия.

В разгар Московского вооруженного восстания 11 декабря 1905 года появился закон о выборах в Государственную Думу. Выборы были многоступенчатые и проводились по сословно-куриальному принципу. Всего создавалось четыре курии: земледельческая, городская, крестьянская и

220 Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее

рабочая. Один выборщик приходился на 90 тыс. рабочих, 30 тыс. крестьян, 4 тыс. горожан и 2 тыс. землевладельцев. Подобный выборный принцип давал очевидное преимущество состоятельным слоям населения, но, с другой стороны, гарантировал присутствие в Государственной Думе действительных рабочих и крестьян. Общая численность Государственной думы определялась в 524 депутата. «В состав I Государственной Думы избрано три инженера путей сообщения, работающих в системе МПС и три низших железнодорожника» [2, с. 21–422]. По отношению к общему числу депутатов это чуть более 1%, а представителей низшего звена железнодорожников – 0,5%. Для первого раза это было неплохо. Первая Государственная Дума просуществовала с 27 апреля по 8 июля 1906 года. Двух недель хватило, чтобы между правительством и Думой произошел разрыв, ввиду невыполнимых требований, выдвинутых Думой. 9 июля дума была распущена. Это был первый опыт участия железнодорожников в представительных органах власти, который оказался очень полезен в дальнейшем. «Предвыборная кампания во II Государственную Думу прошла не без вмешательства и давления на избирателей со стороны властей, однако II Дума оказалась еще более радикальной, чем Первая. В нее вошли более 100 депутатов социалистов (37 эсеров, 66 социал-демократов, из них 2/3 меньшевиков), около 100 трудовиков, 100 кадетов и 80 депутатов от национальных меньшинств трудно определяемой политической ориентации: октябристов было всего лишь 19, монархистов 33. «В итоге кандидаты от правительственных партий составляли в Думе весьма незначительную фракцию, в то время как подавляющее большинство оказалось в оппозиции» [3, с. 51]. По социальному составу II Государственная Дума в России была самым левым парламентом мира: она лидировала по количеству рабочих и крестьян, было обилие врачей и учителей. Деятельность II Думы протекала с 20 февраля по 2 июня 1907 года.

Во II Государственной Думе была создана железнодорожная секция социал-демократической фракции. «Работа по созданию секции началась сразу же после открытия II Думы. Целью ее создания было: 1) обследовать нужды и потребности всех категорий труда на железных дорогах, 2) подвергнуть критике ту часть бюджета министерства, которая непосредственно касается железных дорог и 3) путем запросов разоблачать царящий на дорогах произвол, хищения и т. п.» [4, с. 251], а также содействовать организации железнодорожников. Секция состояла из семи членов думской фракции социал-демократов, в большинстве бывшие железнодорожники, в избрании которых в Государственную Думу приняли участие рабочие и служащие железных дорог. «В начале 1907 года, когда репрессии еще более усилились, деятельность железнодорожной секции социал-демократической фракции II Государственной Думы приобрела особое значение. К сожалению, отсутствие архива социал-демократической фракции II Думы не дает возможности восстановить материалы о работе этой секции с достаточной полнотой. Известно, что секция была основана 31 марта 1907 года, что на ней было избрано бюро из трех человек и установлены дежурства по приему заявлений от железнодорожников» [5, с. 59–60].

Железнодорожная секция с первых дней работы установила общения с железнодорожниками различных районов. Она разослала по дорогам письма, предлагая незамедлительно сообщать о всех нарушениях прав

рабочих и служащих. Железнодорожники России писали и посылали так называемые «наказы» в железнодорожную секцию. В этих «наказах» фактически была представлена программа действий по улучшению жизни железнодорожников, да и не только их, но и работников наемного труда других профессий. В «наказах» говорилось и о том, что власть необходимо передать в руки народа. Уже в этой Государственной Думе очень небольшая группа депутатов-железнодорожников в представительном органе власти, отстаивала интересы большой профессиональной группы работников наемного труда – железнодорожников, а также всего контингента наемных рабочих. Из всех «наказов» железнодорожной секции, наиболее разработанным и цельным из сохранившихся, является «наказ» рабочих и служащих Петербургского узла, подписанный 873-мя железнодорожниками. Подобные «наказы», а также материалы о преследованиях железнодорожников за стачки 1905 года, поступившие в железнодорожную секцию, побудили ее составить общий запрос правительству с думской трибуны. Собирая данные для запроса, секция принимала все зависящие от нее меры, чтобы облегчить действительную помощь железнодорожникам. в работе железнодорожной секции большое значение имело создание журнала «Локомотив», который отражал жизнь железнодорожников в этот период. Одной из мер живой поддержки со стороны рабочих секция считала созыв съезда железнодорожников, который закрепил бы организацию профсоюза и наметил бы ближайшие задачи его работы, так как Всероссийский железнодорожный союз стоял в стороне от стачек, от борьбы железнодорожников за свои права и терял популярность.

Наряду с железнодорожной секцией социал-демократической фракции, во II Государственной Думе было организовано бюро Всероссийского железнодорожного союза, возглавляемое эсером В.М. Стрелковым, что являлось отражением борьбы политических партий за умы железнодорожных служащих и рабочих, бюро также выступало от имени определенной части железнодорожников, отражая их интересы и больше в экономическом плане, чем в политическом. Такова была эта своеобразная форма борьбы железнодорожников, весьма специфическая, отражавшая особенности развития движения железнодорожников в «думский» период революции 1905–1907 годов.

Вторая Государственная Дума не нашла общего языка с правительством. Николай II 3 июня 1907 года сам объявил о роспуске Думы и назначил созыв очередной Думы на 1 ноября 1907 года. В манифесте, провозгласившем роспуск Думы, было также объявлено о коренных изменениях в Законе о выборах 1906 года. «Избирательный закон в Государственную Думу, установленный 3 июня 1907 года, механически обеспечивал большинство за дворянско-помещичьими депутатами, и лишь несколько десятков мест предоставлял буржуазии, сведя почти на нет правительство рабочих. В 3-й Думе рабочих и ремесленников было 11 человек или 2%» [6, с. 6, 7]. Из 446 депутатов 3й Думы железнодорожников представляло 3 человека, два инженера и Председатель Правления Юго-Восточных железных дорог. Что составляло 0,6% от общего числа депутатов. В состав 3й Думы не входили железнодорожные служащие и рабочие низшего звена. Однако, революционные события 1905–1907 годов не позволили умереть только что родившимся традициям участия в представительных органах власти и защиты

интересов большой армии железнодорожных служащих и рабочих, а также работников наемного труда других профессий.

В отличие от первых двух Дум, где в основном обсуждались аграрные вопросы, для деятельности 3-й Думы характерно то, что она обратила внимание на вопросы рабочего законодательства. Важнейший закон, разработанный 3-й Думой, это закон о страховании от несчастных случаев и по болезни, утвержденный 23 июня 1912 года. В этом была заслуга железнодорожников, принявших активное участие в событиях 1905–1907 годов и для которых социальное страхование введено законом от 30 мая 1888 года и явившийся предвестником закона 23 июня 1912 года. В интересах железнодорожников 3-я Государственная Дума приняла редакцию законопроекта о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев служащих, мастеровых и рабочих на железных дорогах и членов их семейств. Проект был внесен Министром путей сообщения 11 апреля 1912 года и 28 июня того же года утвержден как закон. Рабочие, депутаты 3-й Государственной Думы получали много писем от железнодорожников о том, чтобы им помогли в их жизни. Таким образом, даже в Думе такого состава, традиции предыдущих двух Дум были сохранены.

4 Государственная Дума работала с 15 ноября 1912 года по 6 октября 1917 года и ее деятельность протекала в довоенный период и во время Первой Мировой войны. «Отвлекая депутатов от решения насущных, вопросов правительство «завалило» Думу «законодательной вермишелью», передавая на ее рассмотрение только за 1912–1914 годы свыше 2000 мелких законопроектов. С начала войны сессии созывались нерегулярно, основное законодательство осуществлялось правительством помимо думы» [7, с. 30].

Таким образом, в своей деятельности депутаты-железнодорожники отстаивали интересы не только работников железнодорожного транспорта, но и интересы всех работников наемного труда.

Список литературы

1. Маркс К. Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – 699 с.
2. Бойович М.М. Л Члены Государственной думы. (Портреты и биографии). Первый созыв 1906–1911 г. (Сессия продолжалась с 27 апр. по 9 и юля 1906 г.) / сост. М.М. Бойович. – М.: Т-во И.Д. Сыгина, 1906. – 512 с.
3. Верт Н. История советского государства, 1900–1991 / пер. с фр. – 2-е изд., испр. – М.: Прогресс-акад., 1995. – 543 с.
4. Пушкарёва И.М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях / АН СССР. Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1975. – 390 с.
5. Красная летопись №2. – М.; Л.: Госиздат, 1930. – 232 с.
6. Корбут М.К. Рабочее законодательство 3-й Государственной Думы. – Казань: Красный печатник, 1925. – 24 с.
7. Мир русской истории: энциклопедический справочник. – М.: Вече, 1998. – 608 с.

Лобок Дмитрий Владимирович

канд. ист. наук, доцент
НОУ ВО «Санкт-Петербургский Гуманитарный
университет профсоюзов»
г. Санкт-Петербург

DOI 10.31483/r-22251

«МЫ НЕ КИСЕЙНЫЕ БАРЫШНИ!» (КСЕНИИНСКИЙ ИНСТИТУТ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.)

Аннотация: в предлагаемой статье впервые исследуются малоизвестные события революции 1905–1907 годов, связанные с участием в забастовочном движении воспитанниц и группы преподавателей элитного дворянского учебного заведения Санкт-Петербурга – Ксениинского института. Находившееся под покровительством представителей императорской фамилии и предназначенное для обучения полусирот из дворянских семей, данное учебное заведение долгое время считалось оплотом самодержавия. Опираясь на неизвестные ранее архивные документы, автор описывает причины выступления и развитие событий, произошедших в стенах Ксениинского института осенью – зимой 1905 года, показывает их взаимосвязь с революционными событиями в России.

Ключевые слова: Ксениинский институт, ведомство императрицы Марии, профессиональные курсы, женская эмансипация, женские институты, революция, профессиональные союзы, забастовка.

Долгое время считалось, что в стенах Ксениинского института, как и в других учебных заведениях ведомства императрицы Марии, отсутствовал даже намек на какую-либо политическую жизнь, а уж тем более на оппозицию самодержавию.

В книге П.А. Канна «Площадь Труда», автор без тени сомнения заявлял, что «в журналах правления Ксениинского института за 1905 год нет ни малейшего отголоска на происходивший в стране первый натиск революционной бури...». По мнению исследователя, революция не могла повлиять на столь привилегированное учебное заведение: «В то время, когда революция нарастала, в тихом мирке Ксениинского института все оставалось по-старому. И служащие института, раболепно благодаря «Собственной ее императорского величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии», принимали пожалованные им ордена и орденские знаки» [3, с. 59].

Действительно, Ксениинский институт был сословным учебным учреждением. Его воспитанницами могли стать только дочери дворян. Все образование строилось на формировании у девушек патриотизма, основанного на преданности монарху и христианской вере. Покровительство институту со стороны представителей династии Романовых давало ощущение стабильности и незыблемости существующих в нем порядков.

Официальная государственная идеология пронизывала все направления деятельности Ксениинского института. Практически каждый преподаватель при поступлении на должность проверялся на политическую благонадежность. Ведомство императрицы Марии периодически рассы-

лало списки неугодных преподавателей, тех, кого рекомендовалось не брать на работу в учебные заведения, входящие в его состав.

Преданность преподавателей монархии была отмечена множеством орденов и орденских знаков. Решения о награждении преподавателей и служащих принимались ежегодно. Естественно, это способствовало формированию у награжденных верноподданных чувств к монархии.

Однако за внешним благополучием и спокойствием уже вызревали протестные настроения.

Вступление воспитанниц института во взрослую жизнь опрокинуло многие наивные мечты и планы девушек. Уже первый выпуск воспитанниц профессиональных курсов Ксениинского института столкнулся проблемами в трудоустройстве.

В апреле 1904 года руководство института обратилось с письмами в женские институты и гимназии, земские управы, коммерческие банки и железнодорожные кампании с просьбой о трудоустройстве выпускниц профессиональных курсов.

Помимо уже привычных должностей преподавателей и классных надзирательниц, выпускницы института претендовали на должности служащих в земских управах, банках и железной дороге.

Однако, появление квалифицированных женских кадров на рынке труда не вызвало восторга у потенциальных работодателей. Институты и гимназии сообщали об отсутствии у них вакансий, а большинство банков объясняли почетному опекуну Ксениинского института Александру Николаевичу Трубникову о невозможности использовать женский персонал.

Например, 28 июня 1904 года правление Санкт-Петербургского Учетного и Ссудного банка уведомило почетного опекуна А.Н. Трубникова, о том, что «банк этот, в виду устройства его помещения и организации службы в нем, не может воспользоваться службою женского персонала, почему, крайнему сожалению, банк лишен возможности представлять у себя занятия и воспитанницам Ксениинского института» [3, д. 1965. л. 37].

Похожую точку зрения на использование женского труда в финансовой сфере высказало и руководство Российского общества страхования капиталов и доходов. 30 июня 1904 года, сообщая об отсутствии вакансий для выпускниц Ксениинского института, правление общества присовокупляло, что «согласно состоявшемуся распоряжению Правления, в число служащих не принимаются лица женского пола, не достигшие тридцатилетнего возраста...» [4, д. 1965. л. 43].

Не лучше обстояло дело с трудоустройством на железнодорожном транспорте, для которого, прежде всего, и предназначались выпускницы института. 1 июля 1904 года институт получил ответ от Правления общества Китайской Восточной железной дороги. Правление сообщало, что «по крайнему сожалению оно, в настоящее время, совершенно лишено возможности прийти в сем отношении в помощь воспитанницам, так как по случаю военных действий, коммерческая деятельность КВЖД... настолько сократилась, что положительно исключает возможность назначения в означенные отделы новых служащих» [4, д. 1965. л. 47].

Такая же ситуация сложилась и на других железных дорогах. Сложности с получением работы для своих выпускниц побуждали правление Ксениинского института к поиску новых возможностей для их трудоустройства. 27 августа в правление института поступил запрос от ведомства учреждений императрицы Марии с предложением направлять вы-

пускниц профессиональных курсов Ксенинского института на зубо-врачебные(!) курсы [4, д. 1965. л. 60].

Все эти обстоятельства сыграли свою роковую роль в событиях, произошедших в Ксенинском институте осенью 1905 года.

Справедливости ради, необходимо заметить, что первый выпуск в Ксенинском институте состоялся в разгар русско-японской войны, которая происходила в условиях экономического кризиса в России. Все это изменило рынок труда, породив рост безработицы, а значит снижение уровня жизни населения. Поиск работы для выпускниц института усугублялся отсутствием опыта трудоустройства, и непониманием специфики российского рынка труда, где женщина воспринималась только как дешевая рабочая сила, а не квалифицированный высокооплачиваемый работник. Потенциальные работодатели не были готовы брать выпускниц-девушек, не доверяя их уровню знаний, препятствуя эмансипации женщин.

Начавшаяся после событий «кровавого воскресенья» 9 января 1905 года Первая российская революция, казалось, мало затронула привычную жизнь Ксенинского института, считавшегося одним из оплотов самодержавия.

К осени 1905 года революционная стихия охватила всю страну. В революционное движение вовлекались все новые и новые слои населения.

В октябре 1905 года разразилась грандиозная всеобщая политическая стачка, которая очень быстро превратилась в общероссийскую. Помимо рабочих в стачке приняла участие значительная часть интеллигенции. В городах замерло все: от заводов и фабрик до парикмахерских.

Все эти события не могли не отразиться на жизни института. Прежде всего это коснулось роста цен на обеспечение питания воспитанниц. 15 октября 1905 года, поставщик мяса купец Д.Я. Макаров сообщал в правление института о повышении цен на мясо 1-го сорта с 5 р. 80 к. до 8 рублей, а 2-го сорта с 4 р. 75 к. до 7 рублей за пуд. Причиной вздорожания признавались условия, порожденные стачкой и приведшие к прекращению подвоза мяса в Петербург [4, д. 1905. л. 181].

Особенно неуправляемой стала ситуация после Царского манифеста 17 октября 1905 года, принятого под влиянием Всероссийской октябрьской политической стачки. В манифесте народу были обещаны неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов. Эйфория охватила все слои населения. В последующие месяцы о необходимости реализовать свое право на свободу заявляли даже самые «верноподданнические» группы населения.

На этом фоне 16 ноября 1905 года в газете «Биржевые ведомости» появилась небольшая заметка. Она была озаглавлена «Требования институток». В заметке сообщалось: «Ученицы Ксенинского института» подали в соединенное бюро союза родителей и педагогов следующее заявление: «В переживаемое нами время, когда общество, ища свободы и правды, разбирает всевозможные вопросы, освещает все темные уголки, следует обратить особенное внимание на женские институты с их исключительным режимом, который убивает малейшее проявление самостоятельности, мысли и индивидуальности. Мы больше не кисейные барышни, мы сознаем, что учиться и развиваться в таких условиях немислимо и всеми силами души протестуем против существующего институтского режима, против отживших традиций и рамок, которые нас душат. На основании всего сказанного, мы требуем наравне с нашими товарищами по другим учебным заведениям, автономии, дающей возможность учащимся нормально

развиваться, и надеемся, что союзы учителей и родителей поддержат нас в этом справедливом требовании» [1, с. 2].

В журнале правления Ксениинского института сохранилась стенограмма, заседания правления от 17 ноября 1905 года, посвященного обсуждению выступления воспитанниц. На правлении прозвучало выступление начальницы института княгини Евгении Александровны Голицыной, которая подробно описала сцены «восстания» воспитанниц против существующих в ее учебном заведении порядков. По ее словам, происходящие во всех учебных заведениях события, повлияли на настроения воспитанниц профессиональных курсов института. Возникшие среди девушек волнения, выразились в требовании изменить существующие правила и порядки институтской жизни. Воспитанницы требовали изменений в программе учебных занятий, созыва специальной конференции и разрешения дополнительных отпусков, не установленных Положением о Ксениинском институте.

Выступление воспитанниц было настолько неожиданным, что начальница института княгиня Е.А. Голицына была вынуждена пойти на некоторые уступки, которые могла принять без согласования с правлением и родителями девушек. Ситуация принимала трагикомический характер. С одной стороны девушки требовали изменений в учебном процессе и правилах внутреннего распорядка, с другой стороны, при поступлении и они и их родители знали о том, что это закрытое учебное заведение с особыми известными им правилами и они находились там на полном попечении.

Появление письменного заявления воспитанниц в «Биржевых ведомостях», не только возмутило руководство института, но и поставило перед ними вопрос: как это заявление воспитанниц попало в газету? По мнению Е.А. Голицыной, требования были выражены в форме «несомненного заимствования извне» и составлены при участии и влиянием посторонних лиц, мало знакомых с условиями правил Ксениинского института [4, д. 1905. л. 191].

Дальнейшие события были изложены Е.А. Голицыной, следующим образом: «к изложенным требованиям присоединились все три профессиональных курса, но когда воспитанницы среднего и младшего курсов и одна из воспитанниц старшего курса К. Бойно-Родзевич, начали выражать свое недовольство непристойным поведением и настоятельно стали требовать от меня немедленного удовлетворения их желаний, старший курс, за исключением упомянутой воспитанницы Бойно-Родзевич, отделился от младшего и средних классов и подвергся нападкам со стороны воспитанниц этих курсов – выразившим им свое негодование в различного рода унижающих их достоинство словах, так, что у некоторых воспитанниц старшего курса, по удостоверению врача института, появились заболевания от нервного волнения» [4, д. 1905. л. 192].

Упорство воспитанниц младшего и среднего курсов в своих требованиях, сопровождалось их полным неповиновением существующим в институте порядкам. Не имея возможностей разрешить сложившуюся ситуацию Е.А. Голицына, обратилась к Главному управляющему с просьбой указать способы успокоить воспитанниц. При этом сама Е.А. Голицына была склонна к проведению своеобразного локаута по отношению к воспитанницам. По ее мнению, их следовало немедленно распустить по домам к родителям, родственникам и опекунам, по ходатайству которых они были определены в институт, с тем, чтобы в последствии путем

письменного опроса родственников, выяснить возможность и желательность с их стороны дальнейшего продолжения занятий по тем правилам, которые были установлены в институте [4, д. 1905. л. 192].

Однако главноуправляющий, сославшись на отпуск Почетного опекуна, отказался от принятия решения, посоветовав переложить его на правление института. Революция была на подъеме и чиновники ведомства учреждений императрицы Марии, стремились не вмешиваться, предпочитая перекладывать решение острых вопросов на плечи руководителей учреждений.

О неразберихе, царящей в ведомстве учреждений императрицы Марии, говорит сообщение, опубликованное в тех же «Биржевых ведомостях» от 17 ноября 1905 года. В нем говорилось, что «при главноуправляющем собственной Его Величества канцелярией по учреждениям Императрицы Марии образована особая комиссия из представителей педагогического персонала ведомства, которой поручено разработать проект изменения уставов как женских институтов, так и гимназий ведомства. Комиссия в данное время занята вопросом о предоставлении педагогическим советам ведомства некоторых автономных начал, и, главным образом, по учебной части. Существующие почетные опекуны по учебной части институтов предложены к упразднению и взамен их учреждаются инспектор по учебной части, в виде ректоров, состоящих при главном управлении. Хозяйственную часть институтов предполагается также изъять из ведения почетных опекунов и передать ее в распоряжение особых хозяйственных комитетов при каждом институте. Форма правления и заведывания гимназиями ведомства также будет изменена» [2, с. 2]. Однако, в дальнейшем, этот вопрос более не поднимался. Революционная волна, докатившись до самых преданных империи учреждений пошла на спад.

Правление Ксениинского института, в свою очередь, приняло решение о созыве конференции в составе всего преподавательского и воспитательного персонала профессиональных курсов и общих классов [4, д. 1905. л. 192].

В субботу 19 ноября 1905 года в 8 часов вечера в Ксениинском институте прошло заседание конференции, в которой приняло участие 59 человек. Впервые за всю историю существования института преподаватели и воспитатели вынуждены были рассматривать требования воспитанниц профессиональных курсов. Необходимо отметить, что руководство института, ощутив изменение политической обстановки в пользу власти, основательно подготовилось к заседанию, что и позволило перевести тему разговора с обсуждения требований воспитанниц на поиск путей подавления выступления воспитанниц.

Первым было предоставлено слово врачу института, доктору медицины Вильгельму Эдуардовичу Нешелю. В своем выступлении доктор сообщил, что в первой половине ноября нервная система воспитанниц профессиональных курсов была неуравновешенна. По его словам, в медицинский кабинет поступало много обращений от девушек, желающих либо попасть в лазарет, либо получить успокоительные капли. Всего в лазарете находилось до 15 воспитанниц, при этом одна из девушек старшего профессионального курса, поступившая в лазарет 18 ноября, вследствие волнения лишилась способности говорить [4, д. 1905. л. 193].

Таким образом, руководство института стремилось объяснить восстание воспитанниц нервным напряжением и подростковой неуравновешенностью.

Основываясь на «диагнозе» врача института, княгиня Е.А. Голицына предложила распустить воспитанниц по домам до 20 января 1906 года. «Лечение» восставших предлагалось переложить на плечи их родственников, многие из которых приложили все усилия для определения своих детей или опекаемых в Ксениинский институт. В решении конференции говорилось: «основываясь на заключении врача института о неуравновешенности в высокой степени нервного состояния среди воспитанниц профессиональных курсов... распоряжение начальницы института относительно... отпуска воспитанниц среднего и младшего профессиональных курсов коммерческого, рисовального и рукодельного отделений... до 20 января 1906 года принять к сведению и... в течение этого времени путем письменного опроса, озаботиться выяснением условий о возможности и желательности с их стороны дальнейшего продолжения воспитания по обучению в институте их детей... по тем правилам, которые установлены для Ксениинского института, а также снестись с теми правительственными учреждениями, которыми вносится плата за воспитание их пансионеров» [4, д. 1905. л. 194].

Расчет правления института был верен. Опасение потерять с таким трудом полученное место для своих дочерей или опекаемых, стимулировало их родителей или опекунов на соответствующие воспитательные меры. Можно только представить какие сцены разыгрывались в некоторых семьях, получивших письменные запросы от правления Ксениинского института...

Однако если выступление воспитанниц института можно было «списать» на их подростковую неуравновешенность, то политические выступления преподавателей, имевшие место в Ксениинском институте, объяснить нервным срывом было невозможно.

Одним из первых, кто прекратил преподавание в Ксениинском институте по политическим мотивам был известный русский экономист, профессор Владимир Владимирович Святловский. Судьба этого человека была связана со становлением российского профсоюзного движения. С 1890 года он принимал участие в рабочем движении, читая в рабочих кружках лекции по естественным наукам.

В 1891 Владимир Владимирович принял участие в первой маёвке в Екатерингофском парке, в 1892 – во второй маёвке на Крестовском острове. Скрываясь от преследований полиции, уехал из России и поселился в Германии.

В 1897 В.В. Святловский закончил экономический факультет Мюнхенского университета. Защитил докторскую диссертацию «Хозяйственная история древней Руси», получив степень доктора государственного хозяйства. В 1898 он вернулся в Петербург, где участвовал в социал-демократическом движении, примыкая к «экономистам». В 1901 сдал экзамен на звание магистра политической экономии в Петербургском университете и был зачислен приват-доцентом, читая лекции по истории политической экономии. Служил в статистическом отделении министерства земледелия, с 1903 – заведующим статистическим делопроизводстве при министерстве финансов.

С 1905 активно участвовал в создании «Союза союзов» и был избран членом бюро и его казначеем. Принял участие в создании первых легальных рабочих профсоюзов в России.

Известно, что 5 сентября 1905 года, в период своей активной политической и профсоюзной деятельности, В.В. Святловский отказался от проведения в институте занятий по политической экономии и коммерческой географии [4, д. 1905. л. 155].

Однако в бумагах правления сохранились документы об участии группы преподавателей Ксениинского института в организации профессиональных союзов и политических забастовок в декабре 1905 года.

7 декабря в Москве началась всеобщая стачка, которая с 9 декабря переросла в вооруженное восстание. Эти события нашли поддержку среди группы преподавателей Ксениинского института.

10 декабря 1905 года в Правление института поступило три официальных заявления от преподавателя русского языка и словесности Петра Лазаревича Маштакова, преподавателя общего счетоводства, Паисия Ивановича Шелкова и преподавательницы рисования на профсоюзных курсах А.П. Трясовой. Все три преподавателя доводили до сведения руководства института, что в силу решения общего собрания «Союза учащихся в кредитных учебных заведениях» они с 10 декабря примыкают ко всеобщей политической забастовке и прекращают свои занятия в Ксениинском институте [4, д. 1905. л. 205].

Правление института, уже 12 декабря приняло решение не признавать причину пропуска занятий бастующими преподавателями и уволило их со своих должностей [4, д. 1905. л. 206].

История с забастовкой преподавателей Ксениинского института получила свое завершение 28 декабря 1905 года, когда правление института рассмотрело заявление преподавателя коммерческой географии Антония Иосифовича Буковецкого. А.И. Буковецкий заявил о своем отсутствии 10 декабря из «полной солидарности» со своими ранее уволенными товарищами [4, д. 1905. л. 217].

В решении не только указывалась причина увольнения преподавателя, но и давалась политическая оценка произошедшим событиям. Правление заявляло: «не признавая причину пропуска уроков... уважительную, а равно принимая во внимание, что при условиях преподавания, при которых возможно повторение таких пропусков, непрерывность и правильность учебных занятий не могут считаться обеспеченными, что вредно в интересах нормального воспитания и образования вообще, но особенно вредно отражается на строе закрытого учебного заведения, и вследствие сего считая себя обязанными серьезно относиться к этому вопросу в виду большой ответственности лежащей на Правлении института в задачах правильного воспитания и образования девиц, вверенных его полному попечению, – просить Его превосходительство господина Почетного Опекунa, Управляющего Ксениинским институтом, об устранении преподавателя коммерческой географии г. Буковецкого с занимаемой им должности» [4, д. 1905. л. 217].

Это увольнение стало последним показательным актом в борьбе руководства Ксениинского института с революционными выступлениями среди преподавателей. Интересно, что в советский период практически все участники забастовки преподавателей в Ксениинском институте стали известными учеными. П.Л. Маштаков станет известным учёным-филологом, П.И. Шелков – основателем Московского промышленно-экономического техникума (МПЭТ), А.И. Буковецкий – крупнейшим специалистом в области государственных финансов.

Что же касается воспитанниц профессиональных курсов, принявших участие в ноябрьских событиях, то следует обратиться к одному любопытному сообщению, сделанному по итогам переходных экзаменов, проходивших в ноябре 1906 года. 2 ноября 1906 года, правление Ксенинского института получило письмо с просьбой приостановить прием девушек в 7 класс, так как 30% воспитанниц, по итогам экзаменов, было оставлено на второй год [4, д. 2095. л. 126].

Список литературы

1. Биржевые ведомости. – 1905. – №9110 (16 ноября).
2. Биржевые ведомости. – 1905. – №9112 (17 ноября).
3. Канн П.Я. Площадь Труда. – Л.: Лениздат, 1981. – 120 с.
4. Центральный Государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 9. Оп. 1.

Матюшин Петр Николаевич

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

МАТЕРИАЛЫ И.Д. КУЗНЕЦОВА В ОСВЕЩЕНИИ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ 1930-х гг.

Аннотация: в статье рассмотрены тенденции развития хода политических репрессий 1930-х годов на основе делопроизводственного анализа следственного дела доктора исторических наук, профессора И.Д. Кузнецова.

Ключевые слова: политический террор, следственное делопроизводство, дело «Ученые», И.Д. Кузнецов.

Изучение истории политических репрессий 1930-х гг. очень долгое время основывалась лишь на официальных, рассекреченных документах партийных фондов и фондов органов внутренних дел. Использовались источники самого различного происхождения, вплоть до вымышленных справок о числе репрессированных. Поэтому появление в историографии репрессивной политики такого источника как воспоминания и мемуарная литература дало мощный толчок в изучении данной проблематики. Большинство воспоминаний было издано в конце 1980-х – начале 1990-х гг. и носили они, в основном, публицистический характер. Ярким примером стали материалы ученого, доктора исторических наук, профессора И.Д. Кузнецова, репрессированного в 1937 г., но сумевшего выжить в тяжелейших условиях лагерей, прошедшего в 1954–1956 гг. правовую и политическую реабилитацию и вернувшегося к профессиональной деятельности, где добился больших успехов и был удостоен правительственных наград.

Следственные дела по так называемой «право-троцкистской буржуазно-националистической организации», существовавшей в Чувашии в 1929–1937 гг., выделенные в особое делопроизводство, в разное время носили разные названия: дело «Ученые» (когда в круг подозреваемых попали члены бывшего «Общества по изучению местного края»), затем – «дело право-троцкистского блока» (когда была установлена связь с право-троцкистским блоком в Москве; позже к нему был добавлен ярлык «буржуазно-

националистического» и, наконец, «дело правых капитулянтов» (когда стало актуальным искать не только нити внутригосударственного заговора, но и шпионаж в пользу агрессивных стран (Германии, Японии и т. д.).

Ключевым моментом в рассматриваемых судебно-следственных делах становится обвинение в местном, буржуазном национализме. «Это составляло определенную специфику: карательные органы фабриковали на местах несуществующие «буржуазно-националистические организации» [2, с. 8].

Все 60 томов уголовно-следственных дел объединены по личностному признаку: первые тома содержат обвинительные материалы на «руководителей» контрреволюционной организации: С.П. Петрова, В.И. Токсина и А.Я. Андреева. Особо стоит отметить, что сразу после непосредственных, как считало следствие, «руководителей буржуазно-националистической организации», шли тома материалов, связанных с И.Д. Кузнецовым.

Дело «Ученые» 1937 г., по которому проходил И.Д. Кузнецов, содержит выводы и заключения экспертных комиссий, изучавших непосредственно под углом политической конъюнктуры тех лет книги, материалы выступлений, статьи и брошюры. В частности, в справке о мотивах ареста от 22 мая 1937 г., было записано: «УГБ НКВД по Чувашской АССР располагает данными, что И.Д. Кузнецов являясь убежденным националистом и состоя членом подпольной контрреволюционной националистической организации Чувашии, ведет широкую контрреволюционную деятельность... На основании изложенного И.Д. Кузнецов подлежит аресту и привлечению к ответственности по признакам ст. 58 ч. 10, ст. 58 ч. 11 УК РСФСР» [1, д. 3815, л. 1].

Если рассматривать значимость материалов в каждом из уголовных дел, то наиболее интересная информация была собрана и сформирована в последних томах дела. Именно в них собирались обзорные справки руководителей органов НКВД Чувашской АССР на природу происхождения «националистической организации» в ЧАССР, ее корни, участники, а также вся письменная документация (заявления, разъяснения, прошения) местных органов следствия, обращенная к центральным органами власти (письма на имя Н. И. Ежова, Л. П. Берии) о получении дальнейших указаний при «достигнутых результатах» [1, д. 3842, л. 57–60].

Представляет интерес и имеющаяся в уголовном деле «Краткая история возникновения контрреволюционной националистической подпольной организации в ЧАССР», которая имела характер обзорной справки по уголовному делу. «Все националистические организации Союза похожи друг на друга: создание самобытного самостоятельного государства на основе проведения в жизнь буржуазной автономии со свободой слова, совести, собраний и союзов. Задача перед ними: создание великого болгарского государства, в объеме территории не меньше Камско-волжских берегов X века, присоединив к теперешней республике Чувашии чувашские районы Татарии, Башкирии, Куйбышевской области. Конечная цель организации свержение Советской власти с заменой буржуазно националистическими формами государства при помощи международной буржуазии» [1, д. 3838, л. 8–9].

Следствие интересовало не только националистическое прошлое Кузнецова. Протоколы допросов обвиняемого были посвящены не только его «измышлениям и ошибкам» при проведении генеральной линии партии, но и требованиям указать на похожие ошибки других членов «организации». Следствие требовало от Кузнецова выявить контррево-

люционные группы в среде писателей, художников, работников образовательной сферы, издательского дела (Чувашиздат), то есть стремилось всеми способами расширить контингент репрессированных, а для этого удобны были все методы.

Протоколы допросов в деле И.Д. Кузнецова служат не только документами для выявления основных пунктов обвинения ученого. В них представлена и весьма ценная информация о методах работы с подсудимыми. В частности, имеет важное значение время начала и окончания допроса. В материалах Кузнецова часто встречаются протоколы допросов, длившиеся несколько часов, а количество заданных вопросов не превышает 5–6. Это свидетельствует о применении органами следствия принудительных методов для получения нужных показаний.

Даже дата допроса имеет важное значение в понимании следственного процесса. Так, первый допрос, который имеется в деле И.Д. Кузнецова, датируется 9 декабря 1937 г. [1, д. 3815, л. 16] (то есть спустя 2 месяца после ареста), а пик был достигнут в августе–сентябре 1938 г., когда между допросами разница была в 2–3 часа [1, д. 3804, л. 71–215]. Это можно объяснить несколькими моментами: во-первых, следствие было заинтересовано в быстром окончании данного дела и вынесении окончательных приговоров всем обвиняемым; во-вторых, нажим на И.Д. Кузнецова начал осуществляться сразу же после того, как «руководители буржуазно-националистической организации» С.П. Петров и В.И. Токсин дали показания о личной вербовке Кузнецова в ряды этой организации, то есть тогда, когда на руках следователей имелись неопровержимые доказательства причастности и личного участия ученого в контрреволюционной деятельности.

Ответы И.Д. Кузнецова на поставленные следствием вопросы поражают своей лаконичностью, взвешенностью и достоверностью. Историк знал работу не только своего сектора (а это весь культурный фронт республики), но и практически всего аппарата Обкома ВКП (б) в различных его сферах: сельское хозяйство, образование, здравоохранение, налоговая сфера и т. д. Поэтому дела Кузнецова ценны и с точки зрения установления действительного положения дел в Чувашской АССР.

Психологическая картина состояния И.Д. Кузнецова во время ведения следствия также весьма противоречива. Уверенность в собственной непричастности к насаждению троцкизма и национализма среди молодых учителей и писателей сменяется недоумением по поводу признательных показаний его товарищей «по оружию», людей, с которыми он боролся за генеральную линию партии. Вслед за этим приходит и неизбежное понимание обреченности и безвыходности, подавлению воли к борьбе за свое честное имя.

Материалы архивно-следственных дел о «контрреволюционной деятельности» И.Д. Кузнецова освещают основные причины проведения политических репрессий на территории Чувашской АССР, выявляя общие черты в процесс поиска «врагов народа» в целом по стране. Рассекреченный материал уголовных дел и воспоминания ученого о событиях того периода дополняют картину судебного произвола, творившегося в Советском Союзе в 1937–1938 гг. и агонии общественного сознания на происходившие события.

Следственные дела носят комплексный характер и отличаются видовым разнообразием источников. Они насыщены разнородной, важной, а

зачастую и уникальной информацией. Данное уголовное дело, как и тысячи других, даже при наличии законных ограничений на его использование, дает богатую пищу для анализа механизмов организации репрессий, в деталях раскрывает прежде закрытый для науки «тюремный» период жизни пострадавших.

Таким образом, анализ делопроизводства данной архивно-следственной группы дел открывает перед нами одну из полных картин причин, этапов и направлений репрессий 1937–1938 гг. Само делопроизводство по группе «правых капитулянтов» охватывает достаточно значимый промежуток времени – с 1936 по 1941 гг. Причем в ходе предварительного следствия менялся и состав обвиняемых. В 1939 г., после первого судебного заседания, дело было расформировано на отдельные дела по областям вредительства осужденных.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 2669. Оп. 2.
2. Сануков К.Н. Из истории Марий Эл: Трагедия 30-х годов / К.Н. Сануков. – Йошкар-Ола, 2005. – 86 с.

Муравьева Ирина Владимировна

канд. ист. наук, доцент

Плотникова Елена Владимировна

соискатель, старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ВЗГЛЯДЫ А.С. АРТЕМЬЕВА НА ИСТОРИОГРАФИЮ СОВЕТОВ СОЛДАТСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ В ЧУВАШИИ

Аннотация: в статье представлен критический анализ историографии Советов солдатских и крестьянских депутатов в Чувашии, проведенный А.С. Артемьевым в ходе изучения проблемы роли Советов в формировании новой политической системы Чувашского края, который позволил выявить и опровергнуть ряд необоснованных и искажающих действительность положений в трудах региональных исследователей.

Ключевые слова: Совет, партия, депутат, критика, комитет, Чувашия, Чебоксарский Совет, Октябрьская революция, чуваш, автономная область.

Система Советов, утвердившаяся в 1917 г., на десятилетия стала основой государственной власти страны. Споры о природе этих органов и их роли в истории нашего государства остаются актуальными и в настоящее время. Историография этого вопроса обширна и отражает различные взгляды на проблему, одним из исследователей внесших весомый вклад в историографию Советов крестьянских и рабочих депутатов в Чувашии был профессор, доктор исторических наук Артемьев Сергей Артемьевич.

Сложный путь он прошел прежде, чем стать авторитетным ученым, партийным и общественным деятелем. Артемьев Сергей Артемьевич, уроженец с. Яншихово-Норваши Янтиковского района Чувашии родился в 1915 г. в семье крестьян-середняков. Закончив Канашский педагогиче-

ский техникум оказался в гуще общественной комсомольской работы по реализации политики массовой коллективизации, всесоюзного культпохода, ликвидации безграмотности, введения обязательного начального обучения для детей.

Окончив историческое отделение Чебоксарского учительского института, входившего в структуру Чувашского пединститута, в 1938 г. А.С. Артемьев поступил на исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Со студенческой скамьи он отправился на войну, участвовал в боях на Западном, Брянском, 3 Белорусском фронтах в составе 30 гвардейского артиллерийского полка и дослужился до звания гвардии капитана, был награжден орденами Отечественной войны II степени и «Красная звезда», медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией» [7, с. 8]. После завершения обучения А.С. Артемьев стал аспирантом кафедры марксизма-ленинизма МГУ, затем преподавателем кафедры марксизма-ленинизма Московского института механизации и электрификации сельского хозяйства, в 1960 г. вошедшего в структуру Всесоюзной сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева.

Результатом скрупулезной работы с архивными источниками, научной литературой стала защита кандидатской диссертации на тему «Борьба большевиков за Советы в 1917 г. в период двоевластия (по материалам городского и районных Советов Петрограда)» в 1951 г. А.С. Артемьева активно поддерживали по партийной линии, он избирался членом, а затем и секретарем парткома института, членом бюро Тимирязевского райкома КПСС г. Москва.

Перейдя на кафедру истории КПСС МГУ в 1961 г., А.С. Артемьев стал лектором общества «Знание», членом Ученого совета Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. Но главным для него делом была научно-исследовательская деятельность. В 1965 г. вышла его работа «Советы рабочих и крестьянских депутатов в Чувашии в 1917–1918 гг.». Это первый труд обобщающего характера по истории Советов Чувашии, в котором освещается история возникновения и деятельности Советов, основываясь на архивных документах. Продолжая изучать данную проблему, А.С. Артемьев подготовил и защитил докторскую диссертацию, материалы которой вошли в работу «Великий Октябрь в Чувашии», изданную в 1972 г.

Исследуя проблему роли Советов Чувашского края в свершении Октябрьской революции, А.С. Артемьев изучал труды предшественников, посвященные истории Чувашии накануне и в период становления власти Советов. Он подходил к каждой работе с исследовательской точки зрения, не опираясь на выводы предшествующих исследователей без критического анализа каждого утверждения автора, искал фактическое подтверждение каждого выдвинутого положения.

Среди множества трудов, составлявших историографию Советов солдатских и крестьянских депутатов, несколько было подвергнуто историком серьезной критике. К таким относилась статья редактора газеты «Канаш» Д.С. Эльмена «В течение двух лет», опубликованная в 1922 г., которая была посвящена революционным событиям 1917–1918 гг., связанным с борьбой за установление Советской власти в Чувашском крае.

А.С. Артемьев отмечал, что автор правильно подчеркивает решающую роль Октябрьской революции в создании Чувашской автономной области, активную роль трудящихся чуваш в революционных событиях начала XX в., но роль Коммунистической партии как руководящей и направляющей силы в социалистической революции не нашла отражения применительно к Чувашскому краю. А.С. Артемьев обращал внимание на то, что Д.С. Эльмень на передний план в качестве руководящей организации в борьбе чувашского народа за власть выдвигает Чувашский левый социалистический комитет, состоявший в основном из левых эсеров, к которым автор сам ранее относился, и социалистов-националистов. А.С. Артемьев отмечал, что создание Чувашского комиссариата при Казанском губернском Совете, которое автор приписывает Чувашскому левому социалистическому комитету, является результатом решения губернского Совета, что Д.С. Эльмень ни разу не упомянул о негативном отношении Чувашского левого социалистического комитета к мероприятиям партии большевиков, направленным на укрепление Советской власти [1, с. 15].

Критические замечания вызвал у А.С. Артемьева коллективный труд «Десять лет Чувашской АССР. 1920–1930», а именно раздел «Возникновение Советов среди чуваш и работа их до образования области», в который была включено утверждение, что «начало местным Советам среди чуваш положили возникшие в поволжских гарнизонах чувашские военные организации». А.С. Артемьев отмечал, что автором этой точки зрения был бывший эсер Д.П. Петров, который всячески пытался принизить революционную инициативу народных масс и приукрасить роль своей организации, что не соответствовало действительности, поскольку руководство чувашских военных организаций в Казани и Симбирске, состоявшее в основном из эсеров, скорее мешало трудящимся в организации Советов в чувашских уездах [3, с. 17].

Далее, анализируя работу «Десять лет Чувашской АССР. 1920–1930», А.С. Артемьев подверг критике положение о том, что «с весны ... 1917 г. Советы крестьянских депутатов ... в уездах фактически свели власть общественных исполкомов (комитетов общественной безопасности) к нулю» [3, с. 17]. Он утверждал, что хотя Советы пользовались большой поддержкой народа, но не имели еще реальной власти, за исключением Чебоксарского Совета рабочих и солдатских депутатов, кроме того, вплоть до Октябрьской революции во всех уездах власть находилась в руках уездных комиссаров и комитетов общественной безопасности [2, с. 6].

Серьезные неточности и необоснованные утверждения были выявлены А.С. Артемьевым в работе Я.К. Павлова «Октябрьская социалистическая революция и разрешение национального вопроса в Чувашии», первом обобщающем труде о реализации национальной политики в результате победы Октябрьской революции на примере Чувашского края. Он отмечал, что автор, не изучив все документы и материалы, не разобравшись в том, в каких уездах существовали и что из себя представляли Советы крестьянских депутатов, рассуждал об их роли и месте в Чувашии накануне Октябрьской революции. А.С. Артемьев писал, что Я.К. Павлов утверждал, что «Советы крестьянских депутатов плелись в хвосте у Временного правительства», в то время как большинство из них противопоставляли

себя Временному правительству, о чем свидетельствуют решения съездов крестьянских депутатов о земле [6, с. 49].

А.С. Артемьев считал некорректными и непонятными утверждения некоторых авторов о Чебоксарском Совете в послеиюльский период, точнее, о разгоне его исполкома и всего Совета. Он отмечал, что В.Н. Любимов и В.Л. Кузьмин в своей статье писали, что «в начале июля решением Чебоксарского контрреволюционного комитета общественной безопасности был разогнан исполком Чебоксарского Совета солдатских и рабочих депутатов...» [5, с. 13]. А.С. Артемьев обратил внимание на подобное утверждение и в работе И.Д. Кузнецова, который писал, что «... Чебоксарский комитет общественной безопасности во главе с комиссаром М. Алексеевым распустил Чебоксарский Совет», а в труде Я.К. Павлова утверждается, что «Совет был разгромлен. Члены были арестованы» [4, с. 62; 6, с. 41]. А.С. Артемьев считал недопустимым такое искажение действительности, поскольку, согласно архивным данным, «ни комитет, общественной безопасности, ни уездный комиссар не выносили решения о разгоне Чебоксарского Совета», в послеиюльский период Советы были ослаблены, но продолжали действовать легально [2, с. 10]. Что касается арестов, то А.С. Артемьев обращал внимание, что им подверглись несколько членов исполкома во главе с председателем, в то время как, выше приведенные утверждения наталкивают на вывод об аресте всех членов Чебоксарского Совета и полном прекращении его деятельности.

Таким образом, историографический анализ истории и деятельности Советов в Чувашии в период установления советской власти, проведенный С.А. Артемьевым на основе принципов достоверности и историзма, позволил выявить искажения и несоответствия в освещении истории Советов солдатских и крестьянских депутатов в Чувашии, что облегчило работу последующих исследователей данной проблемы.

Столь критический поход к изучению историографии Советов рабочих и крестьянских депутатов был вызван стремлением исключить возможность искажения истории данного института политической жизни, роли Коммунистической партии, представления о роли рабочих и крестьян в установлении новой власти, о взаимоотношениях трудящихся разных национальностей, о значении установления советской автономии для чувашей.

Список литературы

1. Артемьев С.А. Великий Октябрь в Чувашии / С.А. Артемьев. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. – 328 с.
2. Артемьев С.А. Советы рабочих и крестьянских депутатов в Чувашии в 1917–1918 гг. / С.А. Артемьев. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. – 195 с.
3. Десять лет Чувашской АССР. 1920–1930 / ред. В.И. Токсин. – Чебоксары: ЦИК ЧАССР, 1930. – 324 с.
4. Кузнецов И.Д. Очерки по истории и историографии Чувашии / И.Д. Кузнецов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1960. – 380 с.
5. Любимов В.Н. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Чувашии / В.Н. Любимов, В.Л. Кузьмин. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1958.
6. Павлов Я.К. Октябрьская социалистическая революция и разрешение национального вопроса в Чувашии / Я.К. Павлов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1957.
7. Сергеев Т.С. Историки Чувашии – доктора наук / Т.С. Сергеев. – Чебоксары: Чувашгоспединверситет им. И.Я. Яковлева, 2002. – 172 с.

Никитин Александр Александрович

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный
педагогический университет им. И.Н. Ульянова»
г. Ульяновск, Ульяновская область

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ПЕРЛЮСТРАЦИИ СИМБИРСКИМ ГУБЕРНСКИМ ЖАНДАРМСКИМ УПРАВЛЕНИЕМ

***Аннотация:** на основе анализа научной литературы и документов Государственного архива Ульяновской области автором предпринята попытка доказательства использования метода перлюстрации в сыскной деятельности служащими Симбирского губернского жандармского управления в период первых революционных потрясений (1905–1907 гг.).*

***Ключевые слова:** губернское жандармское управление, законодательство, перлюстрация, полномочия, прокламация.*

Термин «перлюстрация» происходит из латинского языка: *perlustrare* – просматривать [7, с. 383]. При этом понятие означает сокрытое вскрытие личной пересылаемой корреспонденции и её просмотр, копирование письма в полном виде или его части с целью получения необходимых сведений [6, с. 205]. Впервые перлюстрация стала использоваться в странах Западной Европы. Затем её элементы постепенно заимствовались государственными деятелями Российской империи. Первые материалы о ней как о целостном методе упоминаются в 1744 г., именно в этот период императрица Елизавета Петровна предписывала властным органам применять элементы перлюстрации в практической деятельности [2, с. 122].

Метод перлюстрации получил достаточно широкое применение на территории Российской империи и представлял собой ещё одну меру, направленную на предотвращение и пресечение противоправных явлений. Основаниями для применения тайного досмотра частной корреспонденции служили два доклада подготовленные на имена императоров Александра III и Николая II (1882 г. и 1895 г.). В них обосновывался вопрос тайного сбора информации, использования метода для задержания пересылаемых по почте листовок антиправительственного содержания и получения сведений в целях предупреждения государственных преступлений [1, с. 127].

На протяжении 1880-х гг. в крупных городах страны создавались перлюстрационные пункты («черные кабинеты»), располагающиеся в большинстве случаев при почтамтах в отделах цензуры газет и журналов. Служащих данных «секретных отделений» подбирали с особой тщательностью, среди них могли быть сотрудники министерств, работники банковской сферы, преподаватели учебных заведений, а также непосредственно сами труженики почтовых отделений. Все они брали на себя обязательство о неразглашении тайны государственного характера. При этом в количественном отношении лиц, занимающихся перлюстрационной деятельностью, насчитывалось несколько десятков. В пункты досмотра корреспонденция поступала из почтовых округов [6, с. 276, 277]. Однако отметим что, подобная практика существовала только в крупных городах, где осуществлялось функционирование перлюстрационных пунктов. В остальных случаях подозрительные письма, отобран-

ные начальствующими чинами почтово-телеграфных округов, направлялись к губернаторам, которые в большинстве своем не были осведомлены, каким образом следует распоряжаться с данной корреспонденцией. В августе 1894 г. Министерство внутренних дел обратило внимание на данный факт и секретным циркулярным распоряжением предписало отправлять изъятые экземпляры писем в Департамент полиции [3, л. 10].

Исследователь З.И. Перегудова в своей научной работе приводит сведения о существовании негласного постановления, связанного с прекращением всех перлюстрационных действий и ликвидацией всего массива материалов в специализированных пунктах в случае возникновения народных волнений. В ходе революционных событий 1905 г., а затем и 1917 г. служащие пунктов воспользовались нормативным распоряжением и ликвидировали большинство документов [6, с. 286]. Именно поэтому на сегодняшний день историкам достаточно проблематично определить место и роль метода перлюстрации в деятельности жандармских органов.

Несмотря на то, что в г. Симбирске перлюстрационный пункт отсутствовал, в документах архивных фондов имеются материалы, подтверждающие факты использования элементов исследуемого нами метода губернскими жандармскими полицейскими. В частности, начальник Алатырского отделения Московского ЖПУ ж. д., проводя вербовку секретных агентов, в июне 1907 г. сообщал о том, что ему удалось достигнуть определенной договоренности с сотрудником почтового отделения. В соответствии с данным соглашением служащий почты брал на себя обязанность по предоставлению информации о прибытии посылок лицам, находящимся под наблюдением [4, л. 4 об.]. В документе нет сведений, которые бы прямо указывали на вскрытие корреспонденции, но косвенные материалы позволяют сделать вывод о том, что соответствующая мера была направлена на выявление запрещенных изданий, революционных листовок и прокламаций.

Ещё один факт, подтверждающий применение элементов перлюстрации, содержится в распоряжении начальника Симбирского губернского жандармского управления произведенного в конце 1905 г. В ходе розыска антигосударственных листовок и прокламаций сотрудником политической полиции было осуществлено вскрытие пакетов, находящихся в городской почтово-телеграфной конторе [5, л. 79 об.]. Однако следует отметить, что вскрытие было произведено в публичной обстановке, а не скрытно, как этого требовал метод перлюстрации. В таком случае соответствующее положение дел можно было бы квалифицировать как обыск, но на данное процессуальное действие отсутствовала санкция органа прокуратуры.

Приведенные выше материалы свидетельствуют о том, что для получения сведений оперативного характера жандармские сотрудники действовали несколько не профессионально, связано это было с отсутствием правовой регламентации использования перлюстрации жандармами в сыскной деятельности.

Касаемо исследуемого метода в отечественной историографии сложилось мнение о том, что информация, полученная соответствующим образом, широко применялась местными подразделениями жандармерии. Определенные косвенные факты, такие как, участие в деятельности специалистов высокого уровня, составление ежегодных обзоров, отчетов и их предоставление главе государства, свидетельствуют о степени важности метода в мероприятиях по предупреждению государственных преступлений.

Таким образом, в классическом варианте перлюстрация на территории Симбирской губернии не применялась, но элементы метода политического сыска использовались сотрудниками губернского жандармского управления в период революционных потрясений 1905–1907 гг. для эффективной борьбы с противозаконной деятельностью представителей политических партий, о чем свидетельствуют скудные сохранившиеся материалы в Государственном архиве Ульяновской области.

Список литературы

1. Аракелян М.А. Перлюстрация как метод политического сыска в конце XIX – начале XX веков // Вестник саратовского государственного социально-экономического университета. – 2007. – №5 (19). – С. 127–130.
2. Галвазин С.Н. Охранные структуры Российской империи: формирование аппарата, анализ оперативной практики. – М.: Совершенно секретно, 2001. – 191 с.
3. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 76. Оп. 7. Д. 40.
4. ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 760.
5. ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 703.
6. Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). – М.: Роспэн, 2000. – 432 с.
7. Словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1989. – 624 с.

Павлушков Александр Рудольфович

канд. ист. наук, доцент

ФКОУ ВО «Вологодский институт
права и экономики ФСИН»

г. Вологда, Вологодская область

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПОЯВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЦЕРКВИ В РОССИИ

Аннотация: *вопрос о признании государственной церкви в качестве самостоятельного учреждения во многом является дискуссионным. В статье предпринимается анализ социально-исторических факторов, которые принципиально изменили назначение Русской православной церкви, сделав ее частью государственного механизма. Новая церковь была заточена на выполнение государственных задач, связанных с надзором за населением. Раскрываются три направления влияния: секуляризация, идеология, законодательство. Делается вывод, что государственная церковь стала отражением нового полицейского государства.*

Ключевые слова: *государственная церковь, цезарепатизм, дисциплинарная власть, церковный надзор.*

Начало XVIII столетия знаменовалось кардинальными сдвигами в развитии государственно-церковных отношений, получивших название церковной реформы. Ее результатом стало постепенное освобождение от религиозного влияния общества, обмирщение культуры и создание «государственной церкви», которая была ориентирована на выполнение государственных задач [3, с. 188]. Ее особенностью стало новое содержание дисциплинарной власти церкви, отражавшей интересы абсолютизма. Смысл дисциплинарной власти сводился к повышению эффективности управления обществом за счет ужесточения контроля, расширения форм наказания, ведения косвенного наблюдения [7, с. 117]. Государство концентрировало внимание на тюрьмы, армию, общественные учреждения.

На церковь возлагались не только новые функции, но и значительно повышались требования по надзору за населением. В дисциплинарных практиках явно просматривался описанный М. Фуко религиозно-политический характер пастырской власти, в орбиту контроля которого входило управление вверенной территорией [4, с. 231–235].

Надзор за населением был частью функций Русской Православной церкви, которые она осуществляла традиционно. Церковь управляла христианским миром и контролировала поведение прихожан. В XVI–XVII столетиях сложился соответствующий правовой фундамент. В первой четверти XVIII в. в положении церкви произошли кардинальные изменения, связанные с возложением на нее новых государственных функций. Их размах был настолько велик, что можно говорить о появлении государственной церкви.

Чем же можно объяснить стремительное изменение статуса церкви?

В начале XVIII в. абсолютистскому государству потребовалась более управляемая церковь, которая могла осуществлять полноценный надзор за населением без оглядки на требования канонического права. Но решение этой задачи наталкивалось на сильное сопротивление духовенства, которое в проводимых реформах видело разрушение традиционного уклада и потерю сословных привилегий. Опасность церковной оппозиции заключалась в перерастание ее в более широкое политическое противостояние, в которое постепенно вовлекались представители высших кругов [9, с. 615]. Это наглядно показало следствие по делу царевича Алексея, материалы которого свидетельствовали о причастности духовенства к заговору [11, с. 40].

Несмотря на обострение государственно-церковных отношений Петру I удалось не только добиться подчинения церкви, но и включить ее в государственный механизм управления. Решение этой задачи укладывалось в три самостоятельных направления: создание новой идеологической основы, где обосновывалась подчиненная роль церкви; формирование нового законодательства, которое снимало все ограничения, связанные с христианской этикой; ослабление экономического могущества РПЦ.

Первый шаг, который предпринял император, заключался в ослаблении экономического могущества церкви. С этой целью был реанимирован монастырский приказ, которому переходил контроль за доходами архиерейских домов и монастырей. Только в начале XVIII столетия у церкви было изъято 6407 жилых дворов [8]. Подрыв экономического фундамента привел к ослаблению церковной власти, особенно монастырей, ранее имевших широкую автономию. Церковь становится экономически уязвимой, и как, следствие, более зависимой от государства. Введение новых штатов церкви повлекло за собой сокращение церковных должностей, что вызывало массовое недовольство духовенства. Обратной стороной этого процесса была нездоровая конкуренция в духовной среде за получение должностей. Большая часть представителей духовенства была готова выполнять новые государственные предписания в обмен на сохранение источников доходов, поступающих уже от казны. В разрезе целесообразности вопрос о восприятии новых функций церкви был для нее скорее вопросом формы, чем принципа. Экономическая ре-

форма церкви стала «переворотом» в развитии государственно-церковных отношений [13, с. 114].

Вторым шагом на пути создания государственной церкви стало идеологическое обоснование новой модели государственно-церковных отношений, основанных на безусловном подчинении церкви государству, отрицании первенства священства. Концептуальные принципы данной доктрины были изложены Феофаном Прокоповичем и получили название цезарепапизма – учения, в котором признавалась власть монарха над епископами. Новое учение было пронизано западноевропейским духом реформации [5]. Идейное сходство заключалось в ограничении самостоятельности церкви, верховенстве светской власти в церковных делах. Наиболее полно официальная идеология нашла отражение в Духовном регламенте. Каждый член Духовной коллегии давал клятву верности императору «быть верным добрым и послушным рабом и подданным» [6, с. 315]. Не менее важное место царской власти как новой исторической миссии власти отводилось в других произведениях Ф. Прокоповича [12]. Вместе с тем, сводить государственно-церковные отношения к цезарепапизму было бы ошибочно. Булгаков С. считал, что цезарепапизм на практике скорее означал злоупотребление властью, а потому не мог служить в качестве базовой оценки государственно-церковных отношений [1, с. 334]. По мнению С. Булгакова, действительные отношения между императором и церковью были гораздо сложнее. Они не укладывались в доктрину цезарепапизма как слишком упрощенного понимания роли церкви. В этой связи, было бы более логичным рассматривать новую идеологию как «просвященный деспотизм».

Еще одним шагом на пути огосударствления церкви стало законодательное оформление надзорно-картельных функций церкви. Надзорные полномочия у Русской православной церкви стали формироваться еще в период формирования централизованного государства, когда происходило разграничение церковной и светской юрисдикций. В XVIII веке сложились различные автономные судебные системы, которые регулировались как светским, так и церковным правом. В Соборном Уложении 1649 г. в качестве исконной традиции закреплялись святейший и сменой суды. Подчеркивалось, что мирян, проживавших на патриарших землях, судить полагалось на патриаршем дворе как «при прежних государях» [10, п. 1–2]. Одновременно появился монастырский приказ, который управлялся светскими чиновниками. Он выполнял административные, полицейские и судебные функции и даже планировал разработку церковной реформы [2, с. 4]. При Петре спектр государственных обязанностей церкви значительно возрос. Епископы следили за делами в епархии, проводили расследования по духовным делам, докладывали обо всех происшествиях в духовную коллегию, два раза в год присылали отчеты в Синод о состоянии дел в епархии, разыскивали раскольников, выявляли бунтовщиков и клеветников [6, №3718, с. 323–330, 346]. Кроме того, духовенству предписывалось увещевать народ [6, с. 317]. Церковь пристраивалась к задачам реформирования общества, где главным показателем была способность приносить пользу государству.

Таким образом, в секуляризации, в новой идеологии и законодательстве отразились черты зарождающегося полицейского государства. Госу-

дарство не только опекало церковь, но брало на себя ее собственные задачи. Ценилась не столько истина, сколько способность выполнять государственно значимые функции. Государство определяло не только объем и пределы допустимого вероучения, но и новые компетенции церкви. Духовенство постепенно превратилось в служилое сословие, а государственная церковь стала важным звеном в управлении и контроле за обществом.

Список литературы

1. Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения православной церкви. – 3-е изд. – Paris: YMCA-PRESS, 1989.
2. Горчаков М.И. Монастырский приказ (1649–1725 г.); Опыт историческо-юридического исследования. – СПб.: Тип. А. Траншеля, 1868.
3. Никольский М.Н. История Русской церкви. – М.: Политиздат, 1985.
4. Новиков А.А. Религиозно-политический субъект на границах дискурса М. Фуко // Научные ведомости. – 2014. – №9 (180). – Вып. 28. – С. 231–235.
5. Павлушков А.Р. Модернизация христианской идеи и развитие европейской государственности в Новое время (XVII – начало XX вв.) / Актуальные проблемы теории и истории государства и права / ред. Д.В. Ирошников. – Рязань: Концепция, 2014. – С. 59–62.
6. Полное собрание законов Российской империи (1649–1825). – Т. 6.
7. Русаков С.С. Трехуровневая концепция политической власти М.Фуко // Человек. Сообщество. Управление. – 2016. – Т. 17. – №1. – С. 114–126.
8. Русак В. Секуляризация церковных имуществ // История Российской Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://textarchive.ru/c-2210074.html> (дата обращения: 17.03.2019).
9. Сахаров А.Н. История России: в 2-х т. – М.: АСТ, 2006. – Т. 1.
10. Соборное Уложение от 29 января 1649. – Гл. XIII. П. 1–2.
11. Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича, найденных Г.В. Есиповым с приложением рассуждения М.П. Погодина. – М.: Ун. тип., 1861.
12. Феофан Прокопович. Слово о власти и чести царской // Сочинения / под ред. И.П. Еремина. – М.; Л.: АН СССР, 1961. – С. 76–94.
13. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. – М.: Инс. рус. цив., 2009.

Соколова Валентина Ивановна
д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ТОЛЕРАНТНЫХ ИДЕЙ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ НА ПРИМЕРЕ РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЧУВАШСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

***Аннотация:** в статье рассмотрены основные принципы и направления деятельности Коммунистической партии большевиков по реализации национальной политики в регионах страны, показаны успехи и неудачи в осуществлении коммунистической идеологии. Автором статьи указано, что руководство государства понимало, что успеха в строительстве нового мира можно достичь только благодаря подъему культуры представителей национальных меньшинств до уровня жителей русских регионов. Эти цели оно и преследовало, выстраивая политику в сфере национально-государственного строительства. Раскрываются вопросы совершенствования толерантных идей в межнациональных отношениях на примере развития молодежного движения в Чувашской автономной области в начале 1920-х гг. На основе анализа итоговых материалов IV комсомольской конференции Чебоксарского уезда показаны усилия партийного аппарата по пропаганде идей толерантности в молодежной среде. Доказана важность этого вопроса для государства, внимание к нему высших органов партии. Отмечено, что реальные действия по распространению дружбы, взаимопомощи, национального согласия в советской стране постепенно достигали намеченных целей.*

***Ключевые слова:** Чувашская автономная область, толерантные идеи, национальная политика, IV комсомольская конференция, съезд, Чебоксарский уезд, чуваша, русские, марийцы, этнические отношения, национально-государственное строительство, молодежное движение, комсомол, ВЦИК, СНК РСФСР, национальные меньшинства, этнографические группы, делегаты, язык общения, коммунистическое общество.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кабинета Министров Чувашской Республики в рамках научного проекта №17-46-210691 р. а.

Февральская революция, свергнувшая царизм, не смогла решить основные общенациональные задачи в России. Это стало причиной развития радикального революционного процесса, приведшего к краху Временного правительства и созданию новой государственной машины во главе с большевиками. Стремление построить новое социалистическое общество оказало огромное влияние на судьбу многих народов, в том числе и жителей Чувашии.

Основные направления национальной политики страны были определены «Декларацией прав народов России», принятой Совнаркомом РСФСР 2 ноября 1917 г. В документе провозглашались как незыблемые

следующие положения: равенство и суверенность народов России; право народов на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России [3, с. 119; 2, с. 6–8].

В.И. Ленин и его окружение хорошо понимали, что для построения социалистического (в перспективе коммунистического) общества советское государство должно совершить прорыв в экономическом, социально-политическом и культурном развитии. Большевики совершенно справедливо полагали, что необходимыми условиями процветания государства должны явиться реформы во всех сферах жизнедеятельности общества. Принимая законы, они стремились к тому, чтобы страна обрела высокий уровень развития культуры и стала экономически богатой и сильной. Анализ документов ВЦИК и СНК РСФСР первых лет Советской власти показывает, что руководство государства было уверено, что успеха в строительстве нового мира можно достичь только в том случае, если поднять отсталые национальные меньшинства и этнографические группы до уровня развития жителей русских регионов. Эти цели оно и преследовало, выстраивая внутреннюю (зачастую и внешнюю) политику в сфере национально-государственного строительства. 24 июня 1920 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР было принято решение об образовании ЧАО (Чувашской автономной области) в составе РСФСР со столицей в г. Чебоксары [6, с. 523].

Октябрьская революция 1917 г. подняла статус малых народов («инородцев») в политической жизни, дала представление о собственной политической роли, способствовала усилению общественно-политической активности. Наиболее готовой к происходящим изменениям оказалась молодежь. В Чувашии, как и в целом по стране, стали возникать коммунистические союзы молодежи. Процесс становления комсомольских организаций был сложным и противоречивым, как и все новое, что внедрялось в жизнь советского государства и общества в те годы. Не всегда вопросы решались легко, не всегда понимали комсомольцы друг друга. Возникали трения между представителями разных этносов. На повестку дня партийных органов выносились вопросы воспитания толерантных идей в молодежной среде.

К примеру, 25 сентября 1922 г. из-за разногласий русских и чувашских делегаций едва не была сорвана IV комсомольская конференция Чебоксарского уезда [1, л. 46–50; 137–141]. Говоря об этом, надо отметить, что названный уезд полностью вошел в состав Чувашской автономной области в июне 1920 г. В 1922 г. левобережные Помарская и Помьяльская волости, в 1925 г. левобережная часть Чебоксарской и Посадско-Сотниковской волостей были переданы в состав Марийской автономной области. Чебоксарский уезд ликвидирован в сентябре 1927 г. в связи с введением в Чувашской АССР районного деления [6, с. 468].

Продолжая освещение темы IV комсомольской конференции Чебоксарского уезда следует отметить, что еще во время прений по докладу секретаря уездного комитета РКСМ по неосторожности русских делегатов были задеты национальные чувства чувашских представителей. Из искры разгорелось пламя. Русские, собравшись во время перерыва, решили подать протест. К ним примкнул делегат мариец. На вечернем заседании, после принятия резолюции по докладу с мест, ведущий конфе-

ренции Савинов* (*– *здесь и далее ряд фамилий будут приведены без инициалов, автору не удалось их найти*) попросил разрешения на оглашение протеста. С разрешения делегатов съезда** (**– *первые 8 конференций назывались съездами*) ведущий Д. Кандасов огласил протест IV Чебоксарскому уездному съезду РКСМ от русской и марийской делегаций. Ниже приведем подтверждающие строки из текста, сохранив авторский стиль изложения почти без изменений с небольшой корректировкой написанного: «С самого начала конференции после выборов президиума съезда стали выявляться довольно-таки странные явления со стороны товарищей – делегатов чувашской нации. Перед началом приветственных речей из массы чувашской делегации, усевшейся в одну тесную группу, стали слышаться выкрики с требованием ведения съезда на чувашском языке. Русская делегация со своей стороны заявила, что она против ведения съезда на чувашском языке ничего не имеет, выдвинув предложение о переводе текстов выступлений на чувашский язык, что конференция после долгого сопротивления приняла и решила вести съезд на двух языках – русском и чувашском. Надо отметить, что кроме двух вышеназванных представителей этносов, на съезде присутствовал один делегат мариец [1, л. 46–50; 137–141].

При дальнейшем ведении съезда, а главным образом во время доклада секретаря укомла (уездного комитета комсомола) выявилось явное издевательство над национальным меньшинством (в данном случае – это русские в Чувашии), а именно: чувашаи, требовавшие ведения съезда на чувашском языке, оказывается, прекрасно понимали доклады на русском языке и для них не потребовалось перевода на чувашский язык. Отсюда видно, что в требованиях, вызванных группой товарищей чувашей, заметно какое-то странное, непонятное некоммунистическое отношение чувашей к русским, которое тормозит и парализует работу съезда, а потому призываем их к коммунистическому порядку, устранить обострение отношений и оправдать назначение (возможно избрание) юных коммунистов, а в случае обратного явления и повторения подобных вещей мы отвечаем уходом с настоящего съезда» [1, л. 46–50; 137–141].

В зале заседания воцарилась тишина. Все были растеряны и не знали, что делать. Первым выход из создавшегося положения нашел делегат Иванов*, который предложил направить заявленный протест в контрольную комиссию обкома РКП (б). После этого выступили другие участники съезда с оценкой происходящего. Многие из них не поддержали протест. Они считали, что русские поступили неправильно, в заявленном протесте все описанное ими казалось преувеличенным. Здесь надо иметь в виду, что на конференции с решающим голосом участвовали 33 представителя чувашского этноса, 12 делегатов русских и 1 делегат мариец [1, л. 46–50; 137–141].

Однако анализ материалов съезда показывает, что главным камнем преткновения в этом споре явились другие причины. Докладчиками повестки дня конференции, кроме докладчиков с мест, были только представители русского этноса. Заявление чувашей вести доклады на их родном языке вызвало со стороны членов уездного комитета комсомола (все члены были русскими по национальности), некоторое скрытое недовольство, так как обсуждение отчета УК РКСМ, выполненное ими, сопровождалось пристрастной, как им показалось, критикой со стороны чувашских делегатов. Русские обиделись и продемонстрировали явное

пренебрежение к мнению чувашей. Принимая же резолюцию по отчету, которому конференция признала работу уездного комитета РКСМ слабой, особенно обострились отношения между русскими и чувашами. Последнее послужило причиной возникновения отдельной секции русских под представительством членов укома РКСМ и укома РКП (б).

На следующий день, 26 сентября 1922 г., было внесено предложение выработать резолюцию по протесту русских. Делегаты заявили о том, что в резолюции не нуждаются, но в случае повторения такой ситуации пригрозили покинуть конференцию. Так была принята резолюция по протесту русских. В конференции участвовали член УК РКП (б) и представитель ОК РКП (б), которые вместе с членами конференции заявили, что никаких действий, выходящих за рамки проводимой партией национальной политики, на съезде совершено не было. Требования, содержащиеся в протесте, они посчитали необоснованными. Таким образом, конференция вторично подтвердила первое постановление о ведении форума на чувашском языке. Ввиду отсутствия консенсуса между отдельными группами делегатов было решено срочно вызвать комиссию членов ОК РКСМ и ОК РКП (б) для установления истины дела на месте для того, чтобы рассеять групповое отделение, руководствуясь постановлением ЦК РКП (б), пресекающего такие действия. Помимо этого, участники конференции текст протеста с данной резолюцией решили довести через Ревкомиссию обкома до Контрольной комиссии ОК РКП (б). Они заявили, что между делегатами съезда разделение на группы по национальному признаку быть не может и приняли решение считать инцидент ликвидированным [1, л. 46–50; 137–141].

После таких бурных дебатов работа форума вошла в нормальное русло и продолжилась в обычном порядке. Были рассмотрены вопросы повестки дня: 1) Очередные задачи РКСМ; 2) Коммунистическое воспитание молодежи; 3) Организационный вопрос. Благодаря предшествовавшей боевой обстановке конференции обсуждение вопросов ничего существенного не выявило. Намеченная работа выразилась в расплывчатых туманных фразах.

На следующий день, 27 сентября прошли выборы в УК РКСМ. Были составлены четыре списка кандидатов на руководящие органы комсомола уезда, которые решили соединить в один и голосовать персонально. В результате избранными оказались комсомольцы Гориз*, Шаликов*, Д. Кандасов, Акозин*, Борисов*, С. Мочалов, М. Красильников. Кандидатами оказались избраны Евграфов* и Григорьев*. В ревизионную комиссию вошли Яковлев*, Щербаков*, Савинов*. На областной съезд было решено командировать 20 человек – представителей каждой волости и 6 человек из Марпосада. Первый организационный пленум избрал бюро укома в составе Д. Кандасова, Шаликова и Борисова. Секретарем укома был избран Д. Кандасов. Так необычно прошла и закончилась благополучно комсомольская конференция Чебоксарского уезда [1, л. 46–50; 137–141].

Анализ материалов форума показывает, как нелегко было проводить в жизнь национальную политику власти в деле сплочения народов для построения процветающего государства. Это было время слома старого и становления нового: масштаб перемен был невиданным для населения края – ничего подобного исторические традиции, регулирующие жизнь, доселе не знали. Имевшие место недоразумения требовали внесения определенных корректив в деятельность по организации молодежного движения. Постепенно идеи толерантности, взаимопомощи и дружбы

становились нормой в отношениях между людьми. Особенно ярко это проявилось в самые трудные годы в истории страны – в годы Великой Отечественной войны [4, с. 56; 5, с. 276–277].

Список литературы

1. ГАСИ ЧР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 168. Л. 46–50, 137–141.
2. Декларация прав народов России // Политика советской власти по национальным делам за три года. 1917 – XI – 1920. – М.: Госиздат, 1920. – С. 6–8.
3. Минеева Е.К. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальных автономий (1920–1930-годы). – Чебоксары: Чуваш. изд-во Чуваш. ун-та, 2009. – 594 с.
4. Соколова В.И. Молодежь Чувашии в 1917–1941 годы: исторический опыт социально-политической организации. – Чебоксары: Чуваш. изд-во Чуваш. ун-та, 2005. – 295 с.
5. Соколова В.И. Молодежь Чувашии в годы Великой Отечественной войны, восстановления и развития народного хозяйства (1941–1953 гг.). – Чебоксары: Чуваш. изд-во Чуваш. ун-та, 2008. – 304 с.
6. Чувашская энциклопедия: В 4 т. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. – Т. 4: Се–Я. – 798 с.

Харитонов Михаил Юрьевич

канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой

Харитоновна Светлана Брониславовна

канд. ист. наук, доцент, начальник
отдела подготовки и повышения квалификации
научно-педагогических кадров

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИСТОРИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ В ЧУВАШИИ В 1920–1930-х гг. В ТРУДАХ Г.Г. МОЖАРОВА

Аннотация: статья посвящена анализу научного наследия Г.Г. Можарова и его вклада в изучение различных аспектов истории органов государственного и партийного контроля в 1920–30-е гг. в Чувашии. Авторами анализируются основные публикации исследователя, выявляется круг ключевых вопросов и тезисов его работ, ряд основных выводов и положений по изучаемой проблеме. Введен в научный оборот значительный массив архивных материалов, хранящихся в региональных архивных учреждениях. В своих публикациях Г.Г. Можаров исследует деятельность органов рабоче-крестьянской инспекции в Чувашской автономии, формы и методы работы местных органов контроля, привлечение широких масс трудящихся к данной деятельности на примере создания «отрядов легкой кавалерии», контрольных комиссий по чистке партийных рядов, в области судебной-следственной деятельности.

Ключевые слова: государственный контроль, партийный контроль, рабоче-крестьянская инспекция, история Чувашии, Г.Г. Можаров.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-09-00467.

С середины 1960-х гг. в исследованиях истории государственного и партийного контроля расширяется круг публикаций, в которых изучается процесс становления и деятельность органов государственного и партий-

ного контроля в национальных республиках Союза СССР и регионах страны, особенно наглядно это отразилось на стремительном росте диссертационных исследований по региональным материалам. Хотя историография советского периода истории органов государственно-партийного контроля Чувашии 1920–1930-х гг. уже становилась предметом рассмотрения авторов данной статьи [6], отдельно следует остановиться на научном наследии кандидата исторических наук, доцента Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова Геннадия Григорьевича Можарова и его вклада в изучение различных аспектов истории органов государственного и партийного контроля в 1920–1930-е гг. в Чувашии.

В 1967 и 1968 гг. в общественно-политическом ежегоднике «Чувашский календарь» были опубликованы две небольшие по объему публикации Г.Г. Можарова, где в популярной форме на чувашском языке повествовалось об основных этапах истории возникновения органов контроля в Чувашии начиная с событий октября 1917 г. до создания народного контроля в 1965 г., о VIII съезде партии (1919 г.), на котором были рассмотрены задачи партии и правительства в переходный период в области политической ситуации, судебной, экономической, национальных отношений, народного просвещения, религиозных отношений и т. д., рассмотрена программа, принятая VIII съездом, которая стала руководящим документом партии вплоть до двадцать второго съезда КПСС (1961 г.) [1; 2].

В 1968 г. вышло в свет более обстоятельное исследование Г.Г. Можарова «Деятельность Чувашского ОК и ОКК ВКП(б) по улучшению социального состава партийной организации республики в годы первой пятилетки» [3]. Статья написана на основе значительного массива архивных материалов Партийного архива Чувашии (ныне Государственный архив социальной истории Чувашской Республики). Автор статьи признает, что в условиях Чувашской АССР работа по улучшению социального состава партийных организаций имела особо важное значение, состав партийной организации обеспечивался в первую очередь за счет приема батраков и бедняков, а рабочих в организации было всего 18% [3, с. 267]. Поэтому партийные и контрольные органы самое серьезное внимание уделяли улучшению социального состава организации. С этой целью принимались меры по ликвидации неграмотности, организовались курсы по изучению программных документов партии для батрачества, специальных политшкол в рабочих районах. С развертыванием массового социалистического соревнования на промышленных предприятиях республики лучшие рабочие-ударники принимались в партию, таким образом, «в годы первой пятилетки Чувашская областная организация ВКП(б) пополнилась лучшими представителями рабочего класса. Это улучшило социальный состав организации, повысило ее организованность и боевитость» [3, с. 268–269].

В 1969 г. в Казанском государственном университете им. В.И. Ульянова-Ленина Г.Г. Можаров защитил кандидатскую диссертацию на тему «Деятельность ОКК-РКИ Чувашии в 1920–1934 гг.» по специальности «История КПСС». Диссертация на долгие годы стала основным обобщающим научным трудом на тему государственного и партийного контроля в Чувашии [4].

В 1976 г. Г.Г. Можаров снова обращается к избранной теме. Он публикует статью «Роль органов контроля в совершенствовании государственного аппарата в годы первой пятилетки (на материалах деятельности Чувашской ОКК-РКИ)» [5]. В работе была предпринята попытка

раскрыть некоторые аспекты деятельности партийно-государственного контроля по совершенствованию государственного аппарата на материалах Чувашской республики.

Г.Г. Можаров считает, что вопросы работы органов государственного управления особо большое значение приобрели в годы первой пятилетки и от правильной работы аппарата зависело успешное претворение в жизнь решений партии и правительства. По мнению автора, важным условием нормальной деятельности учреждения является правильное построение его аппарата, а такие негативные явления, как параллелизм, бюрократизм, бесхозяйственность являются в большинстве случаев следствием громоздкой структуры и отсутствия научной организации труда [5, с. 59]. Вот почему нормализация штатов, выработка схемы управления были важными направлениями в работе органов ЦКК-РКИ по улучшению государственного аппарата. Г.Г. Можаров отмечает, что в решении этой задачи участвовали и местные КК-РКИ.

Г.Г. Можаров подчеркивает важность участия партийно-государственного контроля в проведении административной реформы Чувашской АССР 1927 г., когда по постановлению ВЦИК «О районировании Автономной Чувашской АССР» были ликвидированы уезды и волости и вместо них были созданы 17 районов. Районирование позволило значительно удешевить государственный аппарат республики, он был сокращен на 41%, что сэкономило 800 тыс. руб. Кроме того, реформа упростила и руководство подчиненными организациями, повысив их оперативность. Сократилась переписка вышестоящих звеньев аппарата с нижестоящими, в районы и сельсоветы было направлено значительное число работников более высокой квалификации. Еще одним результатом реформы стало укрупнение около трети сельских советов республики, введение сельских бюджетов, расширение прав местных советов. Г.Г. Можаров считает, что эти шаги способствовали хозяйственному и культурному строительству деревни, усилению местной инициативы, удовлетворению нужд трудящихся [5, с. 60].

Также автор обращается к вопросу рационализации государственного аппарата, уточнения круга обязанностей органов управления, улучшение и упрощение их структуры. Так, с целью рационализации аппарата в крупных учреждениях (в том числе в ЦИК и СНК ЧАССР, Наркомземе, Наркомюсте, Главсуде и т. д.) по предложению партгосконтроля были выделены штатные единицы рационализаторов, с помощью которых была выработана рациональная система построения различных частей аппарата, уточнены функции органов государства, улучшено управление предприятиями. Автор приводит примеры работы по совершенствованию и удешевлению госаппарата республики, так «число штатов по всем центральным и частично местным органам управления Чувашской АССР было сокращено с 585 до 388 или на 33,7%, аппарат хозорганов был сокращен на 18%, число отделов, подотделов и комиссий – на 50%» [5, с. 60]. В целом, Г.Г. Можаров проанализировав реализацию данных мероприятий в 1930–1933 гг. приходит к выводу, что с помощью органов контроля улучшилась работа Госплана, ЦСУ республики и ряда других учреждений, а в деятельности аппарата отмечает большую оперативность, деловитость, конкретность, более точную связь с местами.

Не менее важной задачей органов партийного и государственного контроля было улучшение делопроизводства и отчетности государ-

ственных органов. Важным шагом к решению данной задачи стало специальное правительственное постановление апреля 1927 г., сократившее число учреждений и лиц, имеющих право требовать отчетность, выработка же новых форм отчетности должна была согласовываться с контрольными учреждениями. Г.Г. Можаров высоко оценивает деятельность местных КК-РКИ по улучшению отчетности и приводит такие цифры: «общая экономия от улучшения и сокращения отчетности только в 1930–1931 гг. составила свыше 4 тыс. руб» [5, с. 61].

Достаточно большое внимание в статье автор уделяет вопросам чистки органов управления, рассматривает деятельность созданной в республике в 1929 г. Центральной комиссии по чистке, районных комиссий по чистке. Г.Г. Можаров признает, что чистки «позволили оздоровить госаппарат, улучшить стиль и методы его деятельности, укрепить дисциплину, проверить политические и деловые качества работников» [5, с. 64]. В течение 1929–1931 гг. органы контроля республики проверили работу 2167 сотрудников аппарата. Основными нарушителями государственной дисциплины Г.Г. Можаров называет «старых буржуазных специалистов, считавших себя незаменимыми, служащих, попавших под влияние классово чуждых элементов» [5, с. 64].

Отдельное внимание в статье автор уделяет такому явлению как выдвиженчество, резко усилившееся в процессе чистки аппарата в Чувашии, рассматривает деятельность курсов выдвиженцев, курсов подготовки кадров. Г.Г. Можаров приходит к выводу, что выдвиженцы в целом улучшали состав учреждений и подкрепляет данный вывод цифрами: «до чистки в аппарате Наркомфина Чувашской АССР рабочих было 2%, после нее стало 4,5%, коммунистов было 7%, после нее – 11%, до массовой проверки аппарата республиканские органы были коренизированы на 44%, районные на 62,5%, к сентябрю 1931 г. процент коренизации аппарата соответственно достигал 54 и 68,5» [5, с. 65].

Наконец, в статье Г.Г. Можаров анализирует такую новую для 1930-х гг. форму участия рабочих в управлении государством, как шефство фабрик и заводов над государственным аппаратом и делает вывод, что значение подобного шефства – в переходе от ведомственного метода проверки учреждений к организации подлинно народного контроля над аппаратом и что острое рабочего контроля должно быть направлено на проверку исполнения принятых решений и директив [5, с. 66–67]. Но шефство не было единственной формой совершенствования деятельности государственного аппарата, автор статьи приводит примеры социалистического совместительства, деятельности внештатных инспекторов при НК РКИ и районных КК-РКИ из числа передовых рабочих и крестьян, рассматривает работу бюро жалоб, в котором на добровольной основе без оплаты велась деятельность по борьбе с бюрократизмом [5, с. 68–69].

В заключении автор делает вывод о том, что Чувашская ОКК-РКИ в годы первой пятилетки проделала большую работу по совершенствованию государственного аппарата, улучшению его социального состава, изживанию бюрократизма, удешевлению всех его звеньев и укреплению законности.

Научные труды Г.Г. Можарова внесли существенный вклад в изучение истории контрольных органов Чувашской республики. Речь в данном случае идет о введении в научный оборот значительного количества архивных материалов, хранящихся в региональных архивных учреждениях. В

своих публикациях Г.Г. Можаров исследует деятельность органов РКИ в Чувашской автономии, формы и методы работы местных органов контроля, привлечение широких масс трудящихся к данной деятельности на примере создания «отрядов легкой кавалерии», контрольных комиссий по чистке партийных рядов, в области судебно-следственной деятельности.

Список литературы

1. Можаров Г.Г. Как возник социалистический контроль // Чувашский календарь. 1968. Общественно-политический ежегодник. – Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1967. – С. 17.
2. Можаров Г.Г. VIII съезд партии // Чувашский календарь. 1969. Общественно-политический ежегодник. – Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1968. – С. 36.
3. Можаров Г.Г. Деятельность Чувашского ОК и ОКК ВКП(б) по улучшению социального состава партийной организации республики в годы первой пятилетки // Ученые записки ЧНИИ. (История, этнография, социология). – Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1968. – Вып. 40. – С. 266–271.
4. Можаров Г.Г. Деятельность ОКК-РКИ Чувашии в 1920–1934 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1969. – 28 с.
5. Можаров Г.Г. Роль органов контроля в совершенствовании государственного аппарата в годы первой пятилетки (на материалах деятельности Чувашской ОКК-РКИ) // Партийные организации Чувашии в борьбе за повышение политической и трудовой активности трудящихся (вопросы истории Чувашской областной организации КПСС): сборник статей. – Чебоксары, 1976. – С. 57–73.
6. Харитонов М.Ю. Историография истории органов государственно-партийного контроля Чувашии 1920–1930-х годов (советский период) / М.Ю. Харитонов, С.Б. Харитонova // Вестник Чувашского университета. – 2018. – №4. – С. 172–193.

Шумакова Александра Викторовна

д-р пед. наук, доцент, заведующая кафедрой

Яшуткин Вячеслав Анатольевич

канд. пед. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный
педагогический институт»

г. Ставрополь, Ставропольский край

ВЛАСТЬ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТИ ЯВЛЕНИЯ

***Аннотация:** в статье рассматриваются проблемы научной трактовки и определения феноменологической и понятийной сущности категории власти. Анализ источников по властной проблематике позволил установить сложность и неоднозначность понимания власти в мировой и отечественной науке. Руководствуясь фактом отсутствия единого универсального определения категории власти в науке, исследователи приводят ее авторское определение, не претендуя при этом на окончательное решение проблемы научного понимания такого сложного и многогранного явления, как власть.*

***Ключевые слова:** власть, власть-авторитет, власть-могущество, определение власти, аспекты власти.*

Власть представляет собой одно из наиболее масштабных, сложных, неоднозначных, всепроникающих и, несомненно, значимых социальных явлений. Исходя из этого, актуальность научного изучения проблем власти не требует особой доказательности.

Исследовательское обращение к категории власти позволяет констатировать следующий факт: в современной науке не существует единого определения этого явления. Так, М.В. Ильин и А.Ю. Мельвиль отмечают: и в политическом, и в научном, и в обыденном понимании слово власть не обладает каким-то одним устоявшимся значением. Показательно, что большинство мыслителей прошлого, говоря о власти, не дают ее четких определений. И, только в современной науке, появились разнообразные трактовки этого явления [2].

В целом, трудности в определении понятия власти обусловлены следующим:

- семантика слова «власть» является крайне неоднозначной, поэтому этот термин используется для обозначения разноплановых явлений. Так, французский термин *«pouvoir»* обозначает не только власть как таковую, но и является синонимом центрального правительства. По-английски *«power»* представляет собой собственно власть, а также державу, государство со всем его могуществом. По-немецки *«gewalt»* обозначает собственно власть, а также мощь и насилие. В чешском языке словом *«vlast»* называют Родину, Отечество, а собственно политическая власть обозначается термином *«moc»* [6];

- в изучении явления власти существует проблема ее (власти) природной невидимости. Таким образом, реальность не может непосредственно подсказать исследователям о правильности той или иной теоретической концепции власти;

- источники разногласий в трактовке феномена власти связаны с мировоззренческой позицией личности исследователей, которые используют в процессе научного поиска различные методологические подходы, теоретические предпочтения, идеологические принципы и т. д.;

- в силу сложности и многогранности явления власти, ее междисциплинарности, проблемное поле власти как научной категории не может быть в полном объеме охвачено и разработано в отдельно взятом исследовании. В связи с этим, конкретный автор способен рассмотреть один или несколько аспектов власти, что и обуславливает наличие содержательной специфики в том или ином ее понятийном анализе и определении [5].

Обозначенные сложности наводят многих исследователей на мысль, что категорию «власть» необходимо вообще убрать из научного лексикона. Другие авторы справедливо полагают, что от категории власти в научном плане нельзя избавиться просто так, так как проблемы, связанные с властью и властными отношениями, все равно останутся и в любом случае пересекутся с другими научными понятиями, близкими по значению к понятию власти.

Решение обозначенной проблемы возможно в рамках следующих аксиоматических положений:

- любая точка зрения по проблемам властных отношений может быть теоретически обоснована и, поэтому, спор между представителями той или иной концепции власти не разрешен в принципе;

- исследователи, в силу масштабности явления власти, в своем научном поиске могут охватить только одну из ее сторон, изучить и обосновать только узко выбранные функциональные, структурные, содержательные и др. характеристики названного феномена, что и позволяет

сделать вывод о принципиальной невозможности появления в науке единого универсального определения власти. Поэтому, конкретные трактовки власти будут обуславливаться теми или иными концептуальными построениями, исходя из чего в каждом определении обозначенного явления, наряду с универсальными характеристиками, всегда будет иметь место предметно-понятийная специфика.

Исходя из этого, определение власти может быть сформулировано в рамках ее конкретного концептуального обоснования, которое, в свою очередь, невозможно вне четкого осмысления самого понятия власти, так как:

- понятия являются основным элементами любой научной теории, они необходимы для систематизации исследуемых явлений и являются инструментом научного анализа проблемы;

- понятия обеспечивают процессы научной коммуникации в конкретной области теоретического знания и социальной практики [2].

В определении научных понятий существует два традиционных методологических принципа – эссенциалистский (реалистский) и номиналистский (формалистский). Первый принцип обуславливает выработку понятий, характеризующих реальные вещи. Так как власть не является видимым явлением, при ее анализе и характеристике необходимо использовать номиналистский подход, позволяющий рассматривать данный феномен не только (и не столько) с реальной стороны, но и в контексте лингвистического смысла самого термина власти [5].

Слово власть (властвовать) происходит от старославянского и соответственно церковнославянского языка. Родовым для понятия власти является слово «волость», которым обозначались область, территория, государство и собственно власть. Старославянское «власть», в свою очередь, означало владение и собственность. Таким образом, в XI–XVIII веках значение слова «власть» кроме современной трактовки дополнительно обозначало страну, государство, область, владение.

Семантический анализ позволяет ограничить современное смысловое поле власти следующим образом:

- власть проявляется в способности оказать определенное влияние на что-то, способности что-то совершить;

- власть представляет собой право осуществлять распоряжения, повелевать, управлять кем-либо, чем-либо;

- власть предполагает наличие могущества, господства, силы;

- власть предполагает право управлять государством, власть предполагает наличие политического господства, прав и полномочий соответствующих государственных органов [5].

В настоящее время в отечественной науке актуализировано изучение двух базовых типов власти: власти-авторитета и власти-могущества.

«Власть-авторитет» является понятием достаточно широким: оно может иметь политическое значение, и в этом случае проявляется в способности подчинять людей, оказывать определенное влияние на социум. Это понятие используют для обозначения конкретных формальных властных структур и органов: на центральных, промежуточных, местных уровнях. Этим же понятием обозначают и другие властные авторитеты: семейную власть, власть партии, авторитет общественной организации.

«Власть-могущество» в понятийно-смысловом значении отражает идею высшего государственного управления. В этом плане власть-могущество характеризует именно высшую государственную власть в обществе [4, с. 12].

По мнению Д. Колы, «могущество представляет собой способность какого-либо субъекта (индивида, института) добиваться определенного результата. Этот результат чаще всего пропорционален прилагаемой силе, количеству затраченной энергии. Могущество возрастает до тех пор, пока не встречает на своем пути другого могущества, которое его останавливает или противостоит». Исследователь резюмирует сказанное следующим высказыванием Т. Гоббса: «Власть – это не что иное, как превосходство могущества одного человека над могуществом другого» [3, с. 78].

Обратимся к понятийной характеристике власти. Несмотря на все сложности, связанные с точным определением понятия власти, учеными выработаны ее общие формулировки, широко используемые в научной коммуникации.

Одной из таких общих формул власти является следующее утверждение: «А» имеет власть над «Б», если «А» изменяет поведение «Б». При этом «А» является субъектом власти, а «Б» – объектом властного воздействия. Адекватно данной формуле даются обобщенные определения власти: «власть, в общем значении, проявляется в способности и возможности осуществлять эффективное изменяющее воздействие на деятельность и поведение людей, используя такие средства, как воля, авторитет, право, насилие» [5, с. 114]. М.В. Ильин и А.Ю. Мельвиль в обязательном порядке вводят в определение власти нормативный аспект: «А» обладает властью над «Б» только в том случае, если право «А» приказывать и обязанность «Б» подчиняться закреплено нормами общества, к которому принадлежат «А» и «Б» [2].

Как было сказано выше, понятийная трактовка власти требует своего уточнения в контексте ее множественности проявления в обществе, специфичности отдельных ее видов, разграничения особенностей, форм и методов функционирования власти в различных социальных, экономических и политических системах.

Как полагает Е. Вятр, наиболее общее определение власти должно характеризоваться следующим:

- властные отношения должны осуществляться не менее двумя участниками, при этом ими могут быть как отдельные индивиды, так и социальные группы;
- приказ власть имущего, как выражение его воли по отношению к подвластному объекту, должен сопровождаться угрозой применения негативных санкций в случае неповиновения последнего;
- подчинение того, на кого направлена власть, тому, кто ее реализует, является обязательным;
- должны быть разработаны действующие социальные нормы, регламентирующие следующее: отдающий приказы (субъект – власть имущий) имеет на это право, а тот, на кого данные приказы направлены (подвластный – объект власти), обязан ему подчиняться [1].

Только при наличии этих перечисленных характеристик-требований можно говорить о власти и наблюдать отношения власти в самых разных сферах социальных отношений [4, с. 36].

В настоящее время, в целом, понятие власти может охватывать следующие аспекты социальной реальности:

- социальные отношения, в которых одни субъекты добиваются подчинения других;
- сферу социального контроля и управления институционального характера;
- сферу социальной стратификации (область проблемы неравенства и т. д.);
- проблему ответственности носителя власти с позиций моральной оценки человеческих действий и социальных событий;
- проблему анализа социальных изменений [5].

В современной литературе выделяют три аспекта понимания сущности власти: директивный, функциональный и коммуникативный.

Директивный аспект. В рамках этого аспекта власть следует понимать в качестве господства, обеспечивающего выполнение приказа, директивы. В данном контексте говорят о высшей для социальной группы или индивида властной инстанции, которая вправе отдавать обязательные для выполнения указания. Тракуемая таким образом власть представляет собой возможность осуществлять свою волю властью имущим путем введения в общественные и межличностные отношения различного рода средств и властных ресурсов. По весьма спорному мнению ряда исследователей, директивность власти является основной и крайне важной ее характеристикой: «директивный аспект, то есть власть в качестве принуждения исполнению воли властью имущего, чаще всего является основополагающим» [2, с. 58, 59].

Функциональный аспект предполагает понимание власти как способность и умение реализовывать на практике функцию общественного управления. Данный аспект обусловлен ролью власти, которую она имеет и выполняет в процессе структурирования и функционирования различных систем общественных и межличностных отношений.

Коммуникативный аспект власти характеризуется тем, что власть, в той или иной степени, осуществляется через общение, через определенный язык, понятный всем участникам отношений [2].

В целом, все сказанное в этой статье позволяет сформулировать наиболее общее определение власти следующим образом: власть представляет собой формальные и неформальные отношения между, как минимум, двумя общественными субъектами, в рамках которых один общественный субъект с помощью властных ресурсов и средств оказывает подчиняющее воздействие, изменяющее поведение и деятельность другого общественного субъекта, занимающего в момент властного воздействия подчиненную позицию.

Список литературы

1. Вятр Е. Социология политических отношений / Е. Вятр; пер. с польск. – М.: Прогресс, 1979. – 456 с.
2. Ильин М.В. Власть / М.В. Ильин, А.Ю. Мельвиль // Полис. – 1997. – №6. – С. 44–67.

3. Кола Д. Политическая социология / Д. Кола; пер. с фр.; предисл. А.Б. Гофмана. – М.: Весь мир, Инфра-М, 2001. – 406 с.
4. Конфисахор А.Г. Психология власти / А.Г. Конфисахор. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2004. – 233 с.
5. Ледаев В.Г. Власть: концептуальный анализ / В.Г. Ледаев. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. – 384 с.
6. Шейнов В.П. Психология лидерства, влияния, власти / В.П. Шейнов. – 2-е изд. – Минск: Харвест, 2008. – 992 с.

Юн Лариса Владимировна

старший преподаватель

УВО «Университет управления «ТИСБИ»

г. Казань, Республика Татарстан

ПРАВОПОНИМАНИЕ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА: ОБЩЕПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

***Аннотация:** понимание права в древневосточной цивилизации представлено в учении известного философа и мыслителя Конфуция. Анализируя содержание учения Конфуция о праве, автор приходит к выводу о том, что в нём общество и государство находились в тесной взаимосвязи друг с другом, совместно устанавливая правила поведения.*

***Ключевые слова:** правопонимание, Древний Восток, конфуцианство.*

В современном теоретическом правоведении под правопониманием принято считать совокупность признаваемых в данном обществе и обеспеченных официальной защитой нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных волей в их взаимоотношении друг с другом [4, с. 229].

Интерпретационная модель правопонимания включает в себя несколько видов понимания права: 1) позитивистское; 2) естественно-правовое; 3) философское (идеальное).

Позитивистское правопонимание (этатизм, легизм, нормативизм) отождествляет право и закон. Естественно-правовое понимание базируется на уважении и соблюдении конституционных прав и свобод человека и гражданина. Идеальное, как отмечает Р.Ф. Степаненко, представляет собой справедливую и разумную меру справедливости, равенства, свободы и, как правило, устанавливается формально в правовых принципах, идеях и целях, излагаемых законодателем [5].

Понимание права в древневосточной цивилизации представлено в учении известного философа и мыслителя Конфуция. В трудах Конфуция постулируется, что среди основных функций Неба как всеобъемлющей сущности были такие, как управление земным укладом жизни всего общества Древнего Китая, надзор за справедливостью и т. д. Данные основополагающие функции предполагали соблюдение именно того уклада земной жизни, который был необходим Небу: осмысление его исходных положений, уважение к нему и самовоспитание общества. В связи с этим возникал вопрос: с помощью чего возможно было прийти к осознанию воли Неба?

В общественном сознании Древнего Китая оставались неизменными утверждения о необыкновенной силе проявления воли Неба, легитимации первичности этой сущности при толковании природных явлений. Такое понимание впоследствии предопределило признание «небесных сил» как властвующего Абсолюта и обуславливало могущество правил земной жизни и законов, т.е. проявлялось во взаимосвязи социальных и политических событий.

Анализируя содержание учения Конфуция о праве, можно прийти к выводу о том, что в нём общество и государство находились в тесной взаимосвязи друг с другом, совместно устанавливая правила поведения. Философ считал государство необходимой упорядочивающей частью общественной жизни, а общество утверждалось базовым компонентом строительства политической системы и государства в целом – наряду с обычаями, моралью, нравственностью, общественным строем, иерархией. В учении Конфуция равное место в регулировании политических, экономических, социальных, культурных и иных вопросов жизнедеятельности Древнего Китая занимали такие компоненты как право и нравственность, духовность.

Для Конфуция характерно «широкое понимание права», так как право и нравственность понимались им единым целым. Так, по мнению китайского мыслителя, «право – это обширное по смыслу явление, комплексная сложносоставная система, охватывающая не только законы, обычное право, но и другие регуляторы социальной жизни» [2, с. 386].

Среди первостепенных источников права в Древнем Китае важное место занимали «Книги документов» («Шуцзин»), которые были изданы преимущественно в начале эпохи правления династии Чжоу (1045–221 гг. до н. э.). В «Шуцзине» описывалась жизнь различных племён Древнего Китая, таких, как шанцы, шан – ди, иньцы и др. Зародившиеся у них правила стали, в итоге, первой и одной из важных особенностей правовой культуры Древнего Китая. В частности, особенностью мировоззрения и воззрений на право шанского народа был принцип «я – тебе, ты – мне». Он предполагал регулирование общественных отношений непосредственно самими членами общества. В этом случае религия и духовное развитие народа Древнего Китая уходили на второй план. Согласно такой концепции, история всегда должна была подтверждать, что небесную санкцию на управление Китаем (Поднебесной империей) может получить только тот, кто обладает наивысшей благодатью и добродетелью – «дэ». Наличие «дэ», а потом и его утрата были своего рода основой развития всевозможных династий в Древнем Китае (Шан, Вэнь, Чжоу и др.). Одновременно всё, что происходило в государстве было обусловлено деятельностью самих людей. Династия Чжоу сформулировала принцип этического детерминанта «дэ». В понятии «дэ» (сакральная добродетель, харизма, благодать) на первое место выдвигалось его этическое содержание, хотя основой всё же оставались религиозно-ритуальные мистические взаимоотношения, связывавшие людей с предками и Небом [2, с. 385–389].

Анализируя историю развития Древнего Китая можно выделить две самые первые династии: Шан и Вэнь. Основываясь на мифологии династия Шан, с разрастанием клана, растеряла своё «дэ» т.е. свою честность, нравственность, уважение к мудрецам и т. д. Вэнь, наоборот, увеличивал

в себе силу «дэ», передав её своему сыну и тем самым «расположив к себе Небо». В свою очередь, существенным критерием оценки в обществе Древнего Китая, как отмечалось, оставалась нравственность.

Конфуций, рассуждая о китайской аристократии, ее основополагающим признаком считал «духовный аристократизм». Роль аристократии в обществе проявлялась, в большей степени, в традициях, почтении к старшим, а также в ритуалах, соблюдении правил этикета в поведении, одежде и т. д. [2, с. 386].

Одним из наиболее важных вопросов для китайской правящей элиты всегда был вопрос того, какие средства управления должен использовать государь – нормы конфуцианского «Ли», либо же наказания «Син». В Древнем Китае четко разделяли принципы «Ли» и «Фа». Если для «Ли» главенствующими были нравственность, благодетель и социальные нормы, то для «Фа» первичны законы. «Ли» же формально не считались законами, поскольку произошли из ритуальной практики и этикета при дворах правителей Китая. Тем не менее, как «Ли», так и «Фа» необходимо было беспрекословно соблюдать, чтобы не вступать в конфликт с обществом и государством. В китайском обществе социальное закрепление «Ли» выразилось в том, что книги о «Ли» были признаны обязательными для изучения и практического их применения. Среди китайских мыслителей были и те, кто считал, что высшие слои общества должны были руководствоваться в своих поступках «Ли», простым же народом необходимо управлять, используя законы и наказания [3, с. 685].

Несмотря на то, что Конфуций опирался в большинстве случаев на нормы неписанного права, которые в свою очередь основывались на нравственных принципах, он не отрицал и законы. По мнению Конфуция, законы должны быть правильно интерпретированы и впоследствии применяться, прежде всего, теми, кто обладает высокой степенью нравственности и духовности.

Конфуций отмечал, что в реальной жизни люди находятся на разных уровнях понимания и осознания морали, нравственности, справедливости и других важных категорий этического поведения в обществе. Как считал философ, заинтересованность народа в познании нравственности, соблюдении этического поведения позволяет сформировать единую нравственно-правовую систему регулирования общественных отношений.

Подводя итог вышесказанному, можно прийти к выводу о том, что правопонимание Древнего Востока соединяет в себе как религиозные нормы, обычаи, традиции, культуру так и законы, установленные государством, а также идеальные представления о праве – как воли Неба. В совокупности, такое плюралистическое правопонимание на территории Китая фундамент правовой культуры и правосознания, которые не подвергаются деформации и деградации (маргинализации) [6] уже на протяжении многих веков. Основы учения Конфуция о понимании права во всех трех его смыслах (позитивное, естественное, идеальное) развивают и сегодня правовую систему Китая и его государственность в позитивном направлении.

Список литературы

1. Конфуций и конфуцианство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.chinahighlights.ru/travelguide/religion/kongfuzi-index.htm> (дата обращения: 25.01.2019).
2. Ударцев С.Ф. История политических и правовых учений. Древний Восток: Академический курс. – СПб., 2007. – 664 с.
3. Духовная культура Китая: энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. – М.: Восточная литература, 2009. – Т. 4. Историческая мысль, политическая и правовая культура. – 935 с.
4. Лазарев В.В. Теория государства и права: Учебник / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2011. – 634 с.
5. Степаненко Р.Ф. Проблемы правопонимания в исследовательских практиках общеправовой теории маргинальности: опыт методологии междисциплинарности // Право и государство: теория и практика. – 2015. – №6 (126). – С. 25–33.
6. Степаненко Р.Ф. Проблемы российского правосознания в контексте общеправовой теории маргинальности // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 155. – №4. – С. 46–54.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Научное издание

**ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ.
IV СМИРНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ**

Сборник трудов
Всероссийской научной конференции
Чебоксары, 1 апреля 2019 г.

Ответственные редакторы *О.Н. Широков, М.Ю. Харитонов, Т.Н. Иванова*
Компьютерная верстка и правка *Н.К. Толкушкина*

Подписано в печать 22.04.2019 г.
Дата выхода издания в свет 29.04.2019 г.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 15,345. Заказ К-469. Тираж 500 экз.
Издательский дом «Среда»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75, офис 12
+7 (8352) 655-731
info@phsreda.com
<https://phsreda.com>

Отпечатано в Студии печати «Максимум»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75
+7 (8352) 655-047
info@maksimum21.ru
www.maksimum21.ru